

С.И.ДАНЧЕНКО

РАЗВИТИЕ СЕРБСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ И
РОССИЯ
1878—1903

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения и балканистики
Научный центр общеславянских исследований
(ЦЕСЛАВ)

С.И.ДАНЧЕНКО

**Развитие
сербской государственности и
Россия
1878 - 1903 гг.**

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И.В.ЧУРКИНА

Москва, 1996

В монографии исследуется процесс становления независимого Сербского государства в 1878-1903 гг.

Автор проанализировал главным образом на основании многочисленных документальных материалов комплекс таких вопросов, как конституционная ситуация и конституционная реформа в Сербии; возникновение и деятельность политических партий; влияние основных участников общественно-политической жизни (король, народ, скупщина, партии, армия) на ход событий и формирование независимой Сербии, а также взаимоотношения между ними. Наряду с этим в книге впервые детально реконструируются российско-сербские межгосударственные контакты; освещается роль России в развитии сербской государственности.

В монографии также впервые в отечественной литературе представлены портреты первых лиц, определявших политику Сербии того времени -- Милана и Александра Обреновичей, Ми-^ллутина Гарашанина, Йована Ристича, Владана Джорджевича.

Рецензенты:

доктор исторических наук, проф. В.Н.Виноградов
кандидат исторических наук Л.В.Кузьмичева

На обложке - Центр г. Белграда.
Фотография конца 1870-х гг.

ISBN 5-7576-0024-1

© Институт славяноведения и балканистики РАН, 1996

*Светлой памяти моего учителя
профессора Виктора Георгиевича Карасева
посвящаю.*
Автор

ВВЕДЕНИЕ

Берлинский конгресс 1878 г. закрепил итоги русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и освободительного движения балканских народов. После 500-летнего османского господства возродилось самостоятельное Болгарское государство, международным актом устанавливалась независимость Румынии, Сербии, Черногории.

Двадцатипятилетний период в истории независимого Сербского государства, хронологическими рамками которого являются 1878 год (Берлинский конгресс) и 1903 год (конец династии Обреновичей), был чрезвычайно важным, принимая во внимание динамизм общественно-политического развития, значимость имевших место событий и их последствия для страны. Эти десятилетия – переломная эпоха в исторической судьбе Сербии.

В рассматриваемые годы в ее экономике окончательно утверждаются товарно-денежные отношения. Обретенный суверенитет и ликвидация многочисленных ограничений, связанных с зависимостью княжества от Османской империи, его новые экономические и торговые отношения с соседними государствами вели к постепенному вовлечению Сербии в общеевропейский рынок. Строительство железных дорог способствовало расширению внутренних рыночных связей. В начале XX в. торговый капитал преобладал над промышленным.

Серьезную роль в концентрации финансового капитала играли банки, число которых постоянно росло.

Значительные процессы происходили и в политической сфере. Преодолевая немалые трудности, сербское общество все более уверенно продвигалось по пути от автократии к парламентаризму. Принятая в 1903 г. демократическая конституция и достигнутое соотношение политических сил означали реальные шаги к установлению в стране парламентской системы, важнейшими элементами которой стали принцип разделения властей, ответственность правительства перед народной скупщиной, широкое местное самоуправление, гарантии политических прав и свобод сербского народа.

В процессах, сопровождавших "строительство независимой Сербии", участвовали все составляющие ее общественно-политической жизни – король и его окружение; оформившиеся в начале 80-х годов политические партии, активно действовавшие в скупщине и вне ее; сербское крестьянство. Они имели собственные, порой весьма различные взгляды на стоящие перед страной задачи и предлагали значительно отличавшиеся друг от друга пути их решения.

Этими задачами были укрепление позиций Сербии на международной арене, установление нормальных отношений с другими странами, упрочение государственности, реорганизация армии, развитие экономики и др. Стремление разрешить их в возможно короткие сроки не могло не привести правителя страны, амбициозного Милана Обреновича к мысли о необходимости укрепления режима личной власти, опираясь на поддержку Габсбургской империи, сделавшей после Берлинского конгресса ставку на расширение своего влияния на Балканах. Однако замысел сербского монарха не соответствовал планам прогрессивных национальных общественных сил превратить Сербию в парламентское, экономически самостоятельное государство на основе демократической конституции. Вокруг конституционного вопроса в последние

два десятилетия XIX в. разгорелась ожесточенная борьба между представителями авторитарной власти и сторонниками установления демократических начал в жизни сербского общества.

Противостояние основных политических сил в Сербии было связано с резкой внешнеполитической переориентацией главы государства с Петербурга на Вену, что вызвало негативную реакцию общества, бóльшая часть которого рассматривала сближение с Австро-Венгрией, "противницей сербских национальных интересов", как предательство. В частности, в этом обстоятельстве – корни глубокого общественно-политического раскола в Сербии в 1878-1903 гг.

Имея в виду вышеизложенное, сформулируем задачи настоящего исследования.

Во-первых. Автор намерен проанализировать процесс становления политических и прежде всего государственных институтов независимой Сербии на протяжении рассматриваемого периода (1878-1903 гг.), детально реконструируя события сербской истории. При этом главное внимание предполагается уделить комплексу таких вопросов как конституционная ситуация и конституционная реформа в Сербии; возникновение и деятельность политических партий, влияние основных участников общественно-политической жизни (король, скупщина, партии, народ, армия) на ход событий и формирование Сербского государства, а также взаимоотношения между ними.

Во-вторых. По убеждению автора, при изучении проблем внутривнутриполитического развития независимой Сербии тех лет необходим и анализ внешнего фактора. Еще в 1930-е годы известный историк Слободан Йованович, которого современники называли "золотым пером сербской историографии", писал, что "Россия и Австрия были такими же факторами нашей политической жизни, как и <...> политические партии"¹.

Привлечение широкого круга материалов из отечественных архивов позволило в качестве второй основной задачи настоящей работы поставить изучение практически неисследованного вопроса – о роли так называемого "русского фактора" в формировании независимого Сербского государства в 1878-1903 гг.

В книге представлены концепционные установки МИД России и практическая деятельность дипломатов на различных этапах становления независимой Сербии; показаны отношение российского правительства к основным элементам сербской государственной системы и влияние России, которую после Берлинского конгресса западные державы "выдавливали" с Балкан, на общественно-политическую жизнь Сербии; рассмотрены взаимоотношения российских дипломатических представителей, и лидеров политических партий, сербских правителей, а также отдельных влиятельных деятелей.

Изучение обозначенных проблем невозможно без детальной реконструкции российско-сербских межгосударственных контактов.

Весьма важной представляется оценка российским общественным мнением сербских событий, процесса становления и развития независимого Сербского государства. Анализ материалов прессы – газет и журналов различных направлений – позволяет судить о нюансах в позиции отдельных слоев российского общества по сербской проблематике.

В наши дни заметно вырос интерес к биоисториографии, задачи которой, как отмечалось на XII Международном конгрессе исторических наук (1989 г.), "видятся прежде всего в гуманизации исследования, подразумевающей опору на общечеловеческие нравственные категории в отношении личности героя"².

В.О.Ключевский писал: "Исторические факты – не одни происшествия; идеи, взгляды, чувства, впечатления людей известного времени – те же факты и очень важные, точно так же требующие критического изучения"³.

Именно в этом плане в монографии представлены портреты первых лиц, определявших сербскую политику: Милана и Александра Обреновичей, Милутина Гарашанина, Йована Ристича, Николы Пашича, Владана Джорджевича и др., сведения о которых, содержащиеся в немногочисленных трудах, весьма отрывочны и явно недостаточны, в то время как оценки их взглядов и деятельности часто страдают односторонностью и не учитывают реалии того периода, все грани их характера и роль в общественно-политической жизни Сербии.

Особенно необъективно в трудах некоторых историков освещалась деятельность короля Милана и сербских напредняков ("прогрессистов"). Вот почему одну из своих задач автор видит в том, чтобы способствовать развенчанию исторических мифов, хотя бы в той степени, в какой это позволяют сделать документы отечественных архивов.

В работе также представлены портреты руководителей российской дипломатии последней четверти XIX – начала XX в. – императоров и министров, а также конкретных исполнителей их инструкций и предписаний. Среди них – дипломатические представители России в Белграде: А.И.Персиани, А.В.Неклюдов, Р.Р.Розен, В.В.Жадовский, А.П.Извольский, Н.В.Чарыков, от деятельности которых в немалой степени зависело состояние российско-сербских отношений.

Сербские ученые, занимавшиеся проблемами становления независимого Сербского государства, широко привлекали материалы отечественных, а также австрийских, английских, французских, германских архивов. Однако по ряду причин им были недоступны богатейшие фонды российских архивов, без изучения которых невозможно, по нашему убеждению, серьезно исследовать поставленные проблемы и многопланово рассмотреть влияние России на процесс развития сербской государственности.

Основные усилия автора настоящей монографии были направлены на поиск новых материалов в архивохранилищах Москвы (Архив внешней политики Российской империи, Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный Военно-исторический архив, Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Отдел письменных источников Государственного Исторического музея) и Санкт-Петербурга (Рукописный отдел Института русской литературы РАН, Российский государственный исторический архив, Отдел рукописей Российской национальной библиотеки).

Главным хранилищем материалов по рассматриваемой проблематике, бесспорно, считается Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).

Сербский историк, известный высоким уровнем профессионализма, Андрия Раденич, публикуя документы этого архива, отмечал, что они являются для исследователей "необходимым первоклассным историческим материалом"⁴.

При подготовке монографии были изучены сосредоточенные в АВПРИ многочисленные донесения и телеграммы российских дипломатических представителей в Сербии, отправлявшиеся ими в МИД, свидетельствующие об их хорошей информированности и глубокой посвященности в сербские внутренние дела; инструкции и циркуляры, которые дипломаты получали из Петербурга (фонды "Канцелярия", "Политический архив", "Генеральное консульство в Белграде", "Миссия в Белграде"), а также дипломатические материалы аналитического характера, рождавшиеся в недрах внешнеполитического ведомства (фонд "Отчеты", "Всепогоднейшие доклады"). Этот блок источников позволяет детально проследить все этапы политики России по отношению к Сербии в последней четверти XIX – начале XX в.

Эти документы содержат также сведения о политическом и экономическом развитии Сербии, основных направлениях ее внешней политики. Немало данных можно

почерпнуть из них и об отношениях Петербурга и Вены в связи с сербским вопросом.

Широко использованы в книге и материалы фонда "Славянский стол" АВПРИ, в которых есть ценная информация о ряде сербских деятелей – Милане и Александре Обреновичах, Саве Груиче, Йоване Ристиче, митрополите сербском Михаиле и др.

Документы Российского Государственного Военно-исторического архива (РГВИА) и Российского Государственного исторического архива (РГИА) проливают свет на некоторые малоизученные аспекты российско-сербских отношений.

Интересные свидетельства о сербских политических партиях начала 80-х годов и их лидерах, оценки российско-сербских отношений после Берлинского конгресса обнаружены автором в личном фонде Платона Андреевича Кулаковского, хранящемся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН. Известный славист, в 1878 – 1882 гг. он занимал кафедру русского языка и истории русской литературы Великой школы в Белграде и был непосредственным свидетелем всех бурных событий, сотрясавших Сербию в этот период, что позволяет оценивать его дневник, публицистические рукописи и обширную переписку как важный источник по данной теме.

Подчеркнем, что в целом материалы отечественных архивохранилищ конкретизируют распространенное утверждение о том, что межгосударственные отношения двух стран после 1878 г. ухудшились, а также уточняют многие важные детали.

Большая работа по поиску и публикации документальных материалов о политической истории Сербского государства последней четверти XIX – начала XX в. проделана сербскими историками⁵. Ряд интересных сборников документов появился в последние годы в связи со столетием событий, которым посвящена настоящая монография⁶.

Серьезной оценки заслуживают изыскания сербских коллег А.Раденича, М.Екмечича, В.Казимировича, М.Войводича и др. Их труды⁷ содержат большое число важнейших материалов по политической истории Сербии, российско-сербским и сербско-австрийским отношениям (в тексте и в приложениях) из архивохранилищ бывшей Югославии, Австрии, Великобритании, Франции, Германии, работа в которых российским современным исследователям, пока, к сожалению, недоступна. В связи с последним обстоятельством монографии этих ученых по праву могут рассматриваться не только в историографическом плане, но и как документальные публикации по теме.

Значительное место среди источников по рассматриваемой проблематике занимают свидетельства современников, сохранившиеся в их воспоминаниях, путевых заметках, дневниках.

Интерес к этому виду исторического документа в последние годы заметно вырос. Значение его трудно переоценить. Профессор славистики Университета штата Айова (США) Вадим Крейд прекрасно сказал о нем: "Мемуарная литература, не заменяя историко-литературных трудов, имеет перед ними свои преимущества. В рассказах очевидцев, участников и творцов эпохи отражается постижение не в терминах науки, а в живом свете личной памяти. Мемуары – окно в прошлое, и порой среди них встречаются такие, которые открывают форточку в этом окне, и мы словно вдыхаем озон отдаленных дней"⁸.

Дневники российского дипломата В.Н.Ламздорфа⁹, несмотря на краткость записей, позволяют представить позицию по сербскому вопросу руководителей внешней политики России. Они имеют первостепенное значение как источник информации об отношении официального Петербурга к сербским проблемам, о различных точках зрения в высших эшелонах власти по вопросу урегулирования отношений с Сербией.

Большой интерес представляет мемуарная литература сербского происхождения, в которой содержится немало сведений по истории Сербии, а также о политических и государственных деятелях последней четверти XIX – начала XX в. и российско-сербских отношениях.

Из опубликованных свидетельств современников особое внимание исследователей привлекают: публицистическая рукопись лидера радикалов Н.Пашича "Моя политическая исповедь"¹⁰; воспоминания деятелей радикального движения Р.Милошевича, П.Тодоровича и Ст. Протича¹¹; либералов В.Йовановича, А.Васильевича и Л.Кальевича¹², а также видного государственного деятеля Ст.Новаковича¹³.

Для восстановления атмосферы общественной жизни Сербии рассматриваемого периода в книге широко использовались материалы сборника эссе о людях и событиях второй половины прошлого столетия публициста М.Йовановича-Стоимировича¹⁴.

Интересна литература мемуарного характера о Й.Ристиче и Н.Пашиче¹⁵.

Немало ценного материала по политической и экономической истории Сербии, а также любопытных характеристик сербских политических и государственных деятелей содержит книга путевых заметок бельгийского экономиста и путешественника Эмиля де Лавелэ, побывавшего на Балканах в начале 80-х годов¹⁶.

Немаловажное значение для изучения проблематики настоящей монографии имеет периодическая печать 70-90-х годов. Это один из важнейших исторических источников, который не только содержит первоклассную фактографию, но и дает живую оценку событий, как в зеркале отражая состояние умов общества. Автор анализирует материалы как сербских изданий – органа напредняцкой партии "Видело" ("Свет"), газеты радикалов "Самоуправа" ("Самоуправление"), журнала "Гласник српског Ученог друштва" ("Вестник Сербского научного общества"), так и российской периодики: журналов

"Вестник Европы", "Русская мысль", "Русский вестник", "Славянское обозрение"; газет "Московские ведомости", "Русь" и др.

Представленный обзор источников позволяет утверждать, что имеется немалое количество как опубликованных, так и неопубликованных документов по истории Сербского государства и российско-сербских отношений в 1878-1903 гг. Многие из неопубликованных материалов обнаружены автором в отечественных архивохранилищах и впервые вводятся в научный оборот.

Совокупность использованных документов и материалов обеспечила всестороннее рассмотрение проблемы развития сербской государственности и роли "русского фактора" в этом процессе.

В отечественной и зарубежной историографии практически нет работ, специально посвященных развитию сербской государственности в последней четверти XIX – начале XX в. и роли России в этом процессе. Однако обе эти проблемы, являющиеся объектом настоящего исследования, в той или иной степени уже затрагивались в исторической литературе.

Историография политического развития Сербского государства в 1878-1903 гг. весьма обширна, прежде всего национальная. В многочисленных монографиях и статьях сербские историки проанализировали все главнейшие события этого периода, в том числе: образование и деятельность партий, развитие конституционного вопроса и подготовка конституций 1888 г. и 1901 г., взаимоотношения политических факторов и др.

Не ставя перед собой практически невыполнимую задачу – рассмотреть всю литературу вопроса, выделим главные блоки проблем и представим точки зрения различных ученых.

Настольной книгой для исследователей являются фундаментальные труды сербского историка Слободана Йовановича, опубликованные им в 1930-е годы: "Правление Милана Обреновича" и "Правление Александра

Обреновича"¹⁷. В них последовательно представлены основные события политической истории Сербии периода правления обоих монархов.

Главным вопросом общественно-политической жизни Сербского государства тех лет автор справедливо считал конституционную реформу, за которую особенно ратовали, по его мнению, политические противники князя (короля) Милана, стремясь ограничить его личный режим.

Все ведущие историки, изучавшие эти проблемы в последующие десятилетия (Др.Янкович, А.Раденич, Сл.Стоичич и др.), также признавали огромное значение конституционного вопроса для Сербии и ее государственности. Так, по утверждению Др.Янковича, в XIX-XX вв. он "часто выходил на первый план, а борьба за конституционность против абсолютизма монарха или за изменение действующей конституции была главным содержанием внутривнутриполитического развития"¹⁸.

80-е годы – это период формирования политических партий в Сербии – радикальной, напредняцкой и либеральной, которые сразу же включились в подготовку нового Основного закона страны. Этот процесс был довольно мучительным и сопровождался ожесточенной борьбой между представителями авторитарной власти и сторонниками установления демократических начал в общественно-политической жизни Сербии. Нельзя не согласиться со Сл.Йовановичем, который писал, что "борьба между королем Миланом и радикалами была борьбой между приверженцами двух типов государственного устройства. С одной стороны, личный режим, бюрократическая система, регулярная армия; с другой, парламентский режим, местное самоуправление, народное ополчение"¹⁹.

Результатом конституционного развития Сербского государства в 80-е годы стало принятие конституции 1888 г. взамен конституции 1869 г.

Данному вопросу посвящено немало страниц труда Сл.Йовановича "Правление Милана Обреновича", а вслед за ним и работ других сербских историков.

Сл.Йованович считал конституцию 1888 г "общим делом короля Милана и радикалов", подчеркивая, что "к ее выработке они приступили: он – после Сливницы (в этом сражении Сербия потерпела поражение в ходе сербо-болгарской войны 1885 г. – С.Д.), а они – после Тимокского восстания"²⁰. Эта позиция, на наш взгляд, нуждается в существенном уточнении в контексте развития государственности. Думается, автор упускает главное, а именно, что конституция являлась результатом не просто соглашения короля и радикалов, а компромиссом общенационального масштаба и фактически означала "бескровную революцию", ибо в результате ее произошло перераспределение роли факторов государственности в общественно-политической жизни страны.

Совершенно прав Сл.Йованович, когда подчеркивает, что победа прогрессивных сил и капитуляция режима Обреновичей в 1888 г. произошла на условиях короля, без согласия и активного участия которого она была бы невозможна. Однако, как представляется, Сл.Йованович несколько переоценил "политическую силу" сербского монарха в 1886-1888 гг., как и другой историк, видный либерал Живан Живанович, писавший, что "в 1880-1888 гг. король Милан был хозяином ситуации в стране"²¹.

Думается, эти ученые недостаточно учитывали то обстоятельство, что именно сложная политическая обстановка вынудила короля Милана сделать шаги по пути компромисса с радикалами. После 1885 г. в Сербии был налицо кризис королевской власти, однако эти характеристики отсутствуют в труде Сл.Йовановича.

Яша Проданович рассматривал конституционное развитие Сербии в XIX – начале XX в. как выражение "вековой неравной борьбы между правителями и сербским народом"²². Однако, очевидно, что эта верная,

на первый взгляд, точка зрения является односторонней и несколько упрощенной и нуждается в уточнении.

Милан и Александр не выступали против демократических сил сербского общества в одиночку. В своем стремлении укрепить личный режим они находили поддержку сторонников – приверженцев династии Обреновичей, существовавших во всех слоях сербского общества, и многих политических деятелей. Влияние последних было довольно велико, о чем свидетельствуют воспоминания участников событий 80-90-х годов. Так, один из основателей радикальной партии Пера Тодорович был в значительной мере прав, когда писал, что "мы (политики) – творцы не только эпохи Александра, но и самого Александра"²³ (подчеркивание автора документа. – С.Д.).

Кроме того, на пути к парламентаризму были различные этапы – и периоды противостояния, и периоды договора короля с политическими партиями.

Среди работ по данному вопросу следует назвать монографию Миливое Поповича²⁴, которая и поныне не утратила своего научного значения. Автор верно определил 80-е годы как период борьбы за новую, более прогрессивную конституцию. Наряду с детальным анализом содержания Основного закона Сербии М.Попович вполне обоснованно указал на существование различных подходов к решению стоявших перед страной задач. Король Милан являлся сторонником сильной монархической власти, которая должна была "распространить государственную идею" в сербском народе и создать современное государство. На этом поприще он неминуемо должен был столкнуться с радикальной партией, проповедовавшей "принцип народного суверенитета".

Материалы книги и выводы М.Поповича весьма убедительны в той части, которая относится к деятельности короля Милана в 1888 г. По его мнению, новая конституция – "значительное явление в конституционной истории Сербии не только по своему содержанию", но и по способу своего появления. "Она остается в нашей

политической истории,— подчеркивал М.Попович,— наиболее типичным примером вмешательства монарха в конституционный вопрос и межпартийные отношения"²⁵. Не переоценивая, в отличие от Сл.Йовановича, "политическую силу" Милана, М.Попович, считавший конституцию 1888 г. "победой радикальной партии", тем не менее был убежден, что общая ситуация в Сербии и отношения партий были таковы, что до конституционной реформы дело так бы и не дошло, если бы не "разрешение" короля и его активное участие в ней.

Монография М.Поповича заслуживает, бесспорно, самой высокой оценки. Вместе с тем следует подчеркнуть следующее. Сравнение сербского парламентаризма с английским и французским, разумеется, возможно, но вряд ли уместно, ибо при этом автор игнорирует моменты чисто сербские, которых не было ни в одной стране, и забывает о той основе "примитивного демократизма", на которой возникло и развивалось конституционное движение в Сербии.

Проблематика, связанная с борьбой за новую конституцию, стала все более привлекать внимание сербских ученых, начиная с 60-х годов. Немало трудов появилось и в 80-е годы, в связи со столетием событий. Среди них следует выделить работы Сл.Стоичич, Мир.Джорджевича, Др.Янковича и др. При этом нельзя не отметить стремление сербских историков по-новому рассмотреть те события, которые, казалось бы, уже достаточно были исследованы.

Перу Слободанки Стоичич принадлежит несколько работ, посвященных конституционной проблематике, в том числе монография "Конституционное развитие Сербии. 1869-1888"²⁶. Автор подробно рассмотрела изменение "конституционной ситуации" за двадцатилетний период и пришла к выводу, что принятие прогрессивной конституции стало возможным лишь в связи с новыми политическими реалиями, сложившимися в Сербии после подавления Тимокского восстания и в результате

достигнутого между партиями компромисса. При этом можно согласиться с ее мнением о значительной роли короля как носителя верховной власти в проведении реформы. Вместе с тем тезис автора о том, что "в 1888 г. Сербия полностью созрела для парламентаризма", представляется некоторым преувеличением, что подтвердилось последующими событиями в стране. Сербский парламент на протяжении всего рассматриваемого периода был весьма слаб и как представитель еще несформированных интересов зарождающегося гражданского общества, и как орган контроля над исполнительной властью. Кроме того, для нормального парламентского развития страны необходим общенациональный консенсус, который является надежным гарантом парламентаризма. А он будет достигнут лишь в 1903 г. после избрания на сербский престол Петра Карагеоргиевича и восстановления конституции 1888 г.

Период, наступивший в политической истории Сербии после отречения короля Милана от престола (1889 г.), изучен в сербской историографии, на наш взгляд, менее основательно, чем предыдущий. Работы сербских историков, начиная со Сл.Йовановича, переполнены фактическими данными; время от времени в оборот вводятся новые документы. Тем не менее значение этого этапа в развитии сербской государственности в целом не определено, хотя и высказан целый ряд верных оценок.

Сл.Йованович в своем труде "Правление Александра Обреновича" утверждал, что с конца 80-х годов становятся все более очевидны "знаки гибели старой бюрократической системы"²⁷. Исследователь справедливо связывал этот процесс с "радикальным режимом", фактически установившимся в Сербии в период правления кабинетов С.Груича и Н.Пашича. "Теперь нормальное течение государственной жизни, – писал он, – осуществляла не "всемогущая бюрократия", а самая сильная, самая влиятельная в стране партия"²⁸.

Однако, если Сл.Йованович именно деятельность радикальной партии и ее влияние в обществе считал решающим условием "нормального течения государственной жизни", то Ж.Живанович, не скрывавший своей приверженности либералам, во всем видел заслугу исключительно регентства во главе с Й.Ристичем, а годы его правления, по убеждению автора "Политической истории Сербии", являлись "большой государственной школой для буйного радикализма"²⁹.

Различаются точки зрения этих двух исследователей и на десятилетний период самостоятельного правления Александра Обреновича (1893-1903). Конечно, в эти годы обострилось стремление молодого сербского монарха установить личное правление, однако Ж.Живанович недостаточно, на наш взгляд, учитывает признаки кризиса королевской власти, весьма отчетливо проявившиеся тогда. И совершенно необоснованным представляется вывод исследователя о том, что в начале XX в. король Александр являлся "самым сильным и решающим политическим фактором в Сербии"³⁰. Сербский монарх, как свидетельствуют документы, страстно желал быть таковым, однако практически уже не контролировал ситуацию в стране накануне своей трагической гибели.

Оценка Сл.Йовановичем сложившейся в Сербии в конце XIX в. внутривнутриполитической обстановки как "тяжелой", когда король опирался лишь на часть офицерства и "последние остатки напредняцкого и либерального чиновничества", а радикальная партия продолжала сохранять свое влияние в сербском обществе, представляется более верной.

При этом Сл.Йованович высказал весьма интересное суждение. По его мнению, внутривнутриполитическая ситуация в Сербии в рассматриваемый период была совершенно "ненормальной", ибо самая многочисленная партия в стране не являлась "династической" и противостояла Милану и Александру. "Только при новой династии

(Карагеоргиевичей. – С.Д.) радикалы, наряду с доверием народа, – писал Йованович, – приобретут доверие короля и армии и объединят вокруг себя все политические факторы и общественные группы"³¹.

Все вышеназванные вопросы в той или иной степени нашли отражение в фундаментальной монографии Владимира Чоровича "История сербов", написанной в 1941 г., незадолго до его трагической гибели, а изданной спустя почти полвека³².

В этой книге внимание исследователей привлекает обобщающая характеристика общественно-политического развития Сербии после Берлинского конгресса. По мнению В.Чоровича, "период 1878-1903 гг. относится к наиболее тяжелым и мрачным в истории Сербии"³³. Автор убежден, что за 25 лет не было никаких достижений, наблюдались только негативные события – военное поражение в 1885 г., несколько внутренних кризисов, государственных переворотов, дворцовых скандалов и т.д. Разумеется, все это имело место. Однако, не анализируя достаточно глубоко все обстоятельства внутривосточной истории Сербии, имея в виду прежде всего развитие сербской государственности, В.Чорович не смог определить в полной мере значение этого 25-летия, когда в результате взаимодействия многих факторов рождалась новая Сербия. И именно в этом его огромное значение. Все события после переворота 1903 г. (его Чорович называет "счастливым", так как был ликвидирован "пагубный" для Сербии личный режим Обреновичей), были подготовлены предыдущим этапом развития.

Среди современных сербских историков, занимающихся проблематикой внутривосточного развития Сербского государства в последней четверти XIX – начале XX в., назовем Чедомира Попова и Димитрие Джорджевича, авторов соответствующих разделов в многотомной "Истории сербского народа"³⁴. Они оба широко использовали труды Сл.Йовановича, Я.Продановича, Ж.Живановича, Др.Янковича и др. Однако в их

наблюдениях и выводах есть существенные различия. Ч.Попов большую роль отводит партиям и прежде всего радикальной, которая определяется им как "значительный фактор политической истории Сербии". Обращает на себя внимание и тезис о роли армии. Д.Джорджевич справедливо отмечает, что в связи с тем, что "партийные страсти" разъедали государственный аппарат, последний в конце XIX в. уже перестал быть надежной опорой правящего режима. Эта роль постепенно переходит к регулярной армии, которая занимает свою "нишу" на "политическом небосклоне" Сербии и становится еще одним участником ее политической жизни.

Американский историк, профессор Вандербильдского и Стэндфордского университетов Алекс Драгнич в своей монографии "Развитие парламентаризма в Сербии в XIX веке"³⁵ среди событий сербской политической истории конца прошлого столетия выделяет принятие конституции 1888 г., называя ее "победой парламентаризма" и "одной из наиболее прогрессивных конституций Европы того времени". Имея в виду противостояние короля Милана и радикальной партии, появление в Сербии демократического Основного закона А.Драгнич считает победой радикалов, которая, впрочем, не была да и не могла быть, по его мнению, полной, так как от "деятельности" и "интриг" экс-короля Милана Обреновича страна смогла освободиться лишь после его смерти.

Американский исследователь совершенно справедливо, на наш взгляд, подчеркивает решающую роль короля Милана в общественно-политической жизни Сербии 80-х годов. Вместе с тем он обращает внимание на то, что в конце XIX в. ситуация существенно изменилась. "Политическое лидерство" в это время находится уже не только в руках монарха. Выдвигаются вожди политических партий и среди них глава радикалов Н.Пашич. Однако Милан и Александр Обреновичи, по мнению А.Драгнич, не учитывали этих новых реалий,

отказавшись от "договора" с политическими партиями, и именно это в значительной степени и привело к трагическому концу в 1903 г. их династии.

В советской и российской историографии проблематика нашей монографии практически не изучена. Изложение событий политической истории Сербского государства после 1878 г. содержит I том "Истории Югославии" (автор соответствующей главы – В.Г.Карасев), вышедшей из печати в начале 1960-х годов. Итоговый вывод о периоде 1880-1890-х годов таков: "Правление Милана и Александра Обреновичей явилось мрачной страницей новой истории Сербии"³⁶. В настоящей монографии мы постараемся показать, что рассматриваемый период был не только и не столько "мрачным", но и весьма важным и переломным в плане развития сербской государственности.

В рамках проблемы "Политические партии как фактор государственности" следует отметить недавно опубликованную монографию российского историка А.Л.Шемякина³⁷. Автор проследил развитие сербского социалистического движения в период после смерти Светозара Марковича (1875 г.) и до образования радикальной партии (1881 г.); проанализировал идеологическую доктрину ранних радикалов, стремясь обнаружить ее источники; рассмотрел практическую деятельность партии в первые годы ее истории, показав ее место и роль в острой политической борьбе, развернувшейся в Сербии в начале 80-х годов. Важным выводом автора, на наш взгляд, является убедительно обоснованное положение о причинах борьбы радикальной партии против австрофильского курса короля Милана и правительства напредняков.

Изучение внешнеполитического аспекта конституционного развития Сербии один из мэтров сербской исторической науки Др.Янкович считал важнейшей задачей³⁸. Среди держав, игравших значительную роль в этом процессе в последней четверти XIX – начале XX в.,

исследователи выделяют наряду с Австро-Венгрией и Россию. Однако до сих пор проблема ее влияния на развитие Сербского независимого государства специально не рассматривалась, хотя некоторые ее аспекты уже затрагивались учеными в рамках обобщающих трудов или в монографиях по политической истории Сербии.

Предваряя анализ имеющейся литературы, отметим, что в сербской историографии, начиная со Сл.Йовановича, имеется немало определений характера российско-сербских отношений, но они не всегда верны, полны и документально обоснованы. Правда, следует признать, что в последнее время в работах сербских коллег, обратившихся к изучению "белых пятен" в политической истории Сербии, появились более глубокие оценки.

Ценные наблюдения и заслуживающая внимания характеристика особенностей российской политики в Сербии, мимо которых не может пройти современный исследователь, содержатся в уже упоминавшихся многотомных трудах Сл.Йовановича. Следует отметить, что многие весьма спорные положения, высказанные в свое время автором без ссылки на источники (кстати, легко опровергаемые документами российских архивов), оказались весьма "живучими" и легли в основу ряда исторических мифов, продолжающих существовать в сербской историографии и поныне.

Подчеркнем, что сюжеты российской политики в Сербии не являлись главными в исследованиях Сл.Йовановича, он рассматривал их прежде всего в плане противопоставления политики Вены и Петербурга.

Йованович усматривал ошибку российской дипломатии в том, что она не заметила перемен в отношении Милана Обреновича к России и Австро-Венгрии после Берлинского конгресса и не сделала в этом плане поначалу никаких корректив. С этим утверждением трудно не согласиться. Действительно, оценка официальным Петербургом новых реалий в развитии Сербского государства

после 1878 г. формировалась довольно медленно. В то же время одно из основных положений труда "Правление Милана Обреновича" – об "активности" российской дипломатии в Сербии в первой половине 80-х годов – является явным преувеличением. Маститый ученый без ссылки на достоверные источники, по сути дела, повторяет те же обвинения, которые во времена короля Милана звучали в адрес России, – о "русских деньгах", якобы использованных радикалами в период Тимоцкого восстания; о подготовке Петербургом при помощи радикальной эмиграции нового восстания в Сербии в 1885-1887 гг., а также о постоянной поддержке претендента на сербский престол князя Петра Карагеоргиевича. Все эти измышления были голословными и опровергались даже западными дипломатами, аккредитованными в Сербии и хорошо знавшими расстановку политических сил в последние два десятилетия XIX в.

Вместе с тем заслуживает внимания верная оценка Сл.Йовановичем деятельности российских дипломатов в Сербии, прежде всего А.И.Персиани. Он совершенно справедливо признал значительную роль на определенных этапах развития Сербского государства российского министра-резидента, который, например, в начале 90-х годов, по словам ученого, являлся "посредником между регентами и радикалами, когда между ними случались столкновения", так как союз Ристича и радикалов признавался Петербургом "наилучшей политической комбинацией"³⁹.

Однако весьма спорным представляются некоторые оценки Сл.Йовановича, касающиеся политики России в Сербии в 90-е годы: например, о том, что "режим 11 октября 1897 г. (имеется в виду приход к власти кабинета Вл.Джорджевича - С.Д.) был объявлен в России режимом Милана, и она сразу же начала против него борьбу"; о том, что "Россия постоянно "копала" под династию Обреновичей"; и, наконец, о том, что в начале XX в. в силу

ряда причин "Петербург стал главной точкой внешней политики" короля Александра⁴⁰.

В своем многотомном исследовании Сл.Йованович немало размышлял об особенностях политики России и Австро-Венгрии в Сербии.

Он высоко оценивал изменение Миланом Обреновичем внешнеполитического курса после Берлинского конгресса. "И с политической, и с экономической точки зрения проавстрийская политика принесла нам значительную пользу"⁴¹, – писал он. Вместе с тем проавстрийский курс Милана, его "безоглядное австрофильство" Йованович не одобрял безусловно – по его мнению, оно постепенно становилось опасным для национальной независимости Сербии.

По убеждению сербского историка, Австро-Венгрия и Россия на территории Сербии боролись за превосходство на Балканах. При этом Габсбургская монархия опиралась на монарха и кабинет напредняков, а Россия – на сербский народ. И в то время как венские политики отрицали за сербами право иметь свое независимое государство, Петербург умело использовал две главные идеи общественно-политической жизни Сербии – конституционную и национальную ("освобождение и объединение всех сербских земель"). Следует признать, что в этих рассуждениях автора содержится значительная доля истины. "Австрийская политика, – писал Сл.Йованович, – выглядела реалистичной, а русская сентиментальной, но в конце концов у нас победила русская политика, а не австрийская"⁴².

Хотя в трудах Йовановича вопрос о роли "русского фактора" в развитии сербской государственности не исследуется глубоко, тем не менее прослеживается явно негативное отношение автора к "вмешательству" России в "сербские дела". Ни о каком положительном влиянии ее на этот процесс у него нет и речи. Ученый неоднократно говорит о панславистских организациях и российской тайной полиции, с помощью которых официальная

Россия якобы боролась против влияния Австро-Венгрии в Сербии, однако утверждения подобного рода не сопровождаются ссылками на документы.

Размышляя об особенностях развития Сербского государства, Сл.Йованович сделал интересное наблюдение: "В нашей истории XIX века "падение" правителей, как по некоей фатальной случайности, происходило в период ухудшения отношений с Россией. Милош был свергнут, когда попробовал с помощью Англии освободиться от русского протектората. Александр Карагеоргиевич – когда отошел от России и сблизился с Австрией. Князь Михаил не был свергнут, а убит, однако за несколько месяцев до своей гибели он поссорился с Россией, что, без сомнения, придало смелости его противникам. Милан Обренович отрекся от престола в разгар столкновения с Россией, и, наконец, его сын накануне своей гибели потерял ее поддержку..."⁴³

Сл.Йованович называет эту особенность сербской истории "фатальной". Но в настоящей монографии предпринята попытка показать глубинные причины этой "фатальности", по крайней мере в той ее части, которая касается рассматриваемого в книге периода.

Заслуживающее внимания наблюдение содержится в уже упоминавшейся монографии М.Поповича – "...страх перед Россией имел значительное влияние на позицию и решения короля Милана"⁴⁴. Этот тезис представляется весьма убедительным и подтверждается документами российских архивов.

Из современных сербских историков, изучающих проблемы российско-сербских отношений в последней четверти XIX – начале XX в.⁴⁵, следует отметить Михайло Войводича. Помимо многочисленных статей ему принадлежит фундаментальная монография "Сербия в международных отношениях в конце XIX – начале XX века", в которой немало места отведено рассуждениям об особенностях отношений двух стран и роли России в развитии независимой Сербии.

Начинающий свое исследование с середины 90-х годов М.Войводич совершенно справедливо отмечает, что в период правления кабинета Ст.Новаковича (1895-1896 гг.) впервые за многие годы происходит внешнеполитическая переориентация Сербии – она стала уповать на Россию. Все политические силы, включая и признанных австрофилов-напредняков, видели в сближении с Петербургом выход из тяжелой внутривнутриполитической ситуации и считали именно Россию способной оказать поддержку внешнеполитическим планам Сербии.

Примечательно, что этот "поворот" в сторону России М.Войводич считает "самым значительным результатом деятельности кабинета Новаковича, ибо в этот период русофильская политика наиболее отвечала национальным интересам Сербии"⁴⁶.

"Конец русофильской ориентации в политике Сербии" автор справедливо связывает с образованием кабинета Вл.Джорджевича. Впоследствии из-за неустойчивости личного режима Александра Обреновича происходят колебания то в сторону Вены, то в сторону Петербурга.

Книгу Войводича пронизывает мысль о различном отношении России и Австро-Венгрии к внутривнутриполитическим процессам в Сербии, что особенно ярко проявилось в связи с так называемым Иванданским атентатом (покушением на короля Милана в 1899 г.). Хотя Войводичу не были известны многие материалы Архива внешней политики Российской империи, касающиеся данного вопроса, его рассуждения и выводы об этом событии в целом представляются верными.

В последнее десятилетие интерес сербских историков к вышеозначенной проблематике заметно возрос. В трудах, посвященных политической истории Сербии, высказываются и суждения о роли России в развитии сербской государственности.

Весьма глубокое и верное, на наш взгляд, замечание о последствиях ослабления влияния России после Берлинского конгресса сделал в своем фундаментальном

труде "Создание Югославии" сербский историк, академик Милорад Екмечич. По мнению ученого, та ситуация, при которой российская дипломатия после 1878 г. не имела возможности активно действовать в сербском вопросе, являлось весьма благоприятным обстоятельством для Сербии, так как последняя в значительной степени была предоставлена самой себе, а сербские партии, не имея поддержки из Петербурга своей "тайной деятельностью", были вынуждены учитывать новые политические реалии и не уповать целиком на Россию⁴⁷.

Некоторые вопросы обозначенной проблематики нашли отражение в работах историков нашей страны. В 1928 г. был издан фундаментальный труд С.Д.Сказкина об австро-русско-германском союзе (2-е изд. опубликовано в 1974 г.), посвященный в том числе и политике России на Балканах после Берлинского конгресса. Особое внимание автор обратил на обострение российско-австрийских отношений. Наиболее подробно исследуется в книге позиция России в болгарском вопросе, а о ее сербской политике есть лишь несколько наблюдений, которые, впрочем, заслуживают пристального внимания исследователей. Прежде всего это тезис о нежелании России "отдать" Сербию целиком под влияние Австро-Венгрии, несмотря на существовавшие договоренности, и в связи с этим о стремлении российской дипломатии противостоять Вене в этом регионе всеми доступными средствами. Весьма интересно следующее положение труда С.Д.Сказкина: "...Чем сильнее был напор России в Болгарию, Австрии – в Сербию, тем прочнее росло их тяготение в противоположном направлении – обстоятельство, способствовавшее махинациям двух великих держав на Балканах, которые крайне обостряли их взаимоотношения"⁴⁸.

Отношения России и Сербии в конце XIX в. нашли отражение в работе В.Л.Глебова⁴⁹. Исследуя развитие капитализма в Сербии, автор отметил большое значение российско-сербских переговоров о торговом договоре в

конце 90-х годов. Перспектива его заключения, по мнению исследователя, заставила Габсбургскую империю смягчить свои первоначальные требования к Сербскому королевству на аналогичных переговорах в Вене. Это являлось важным подспорьем в борьбе за экономическую эмансипацию страны, которую вел кабинет Вл. Джорджевича. Работа В.Л.Глебова изобилует, на наш взгляд, рядом преувеличений относительно степени развития сербского капитализма и буржуазии. Кроме того, вряд ли правомерно называть личный режим Милана Обреновича "деспотией".

Серьезный интерес к разработке слабоизученных аспектов отношений России и Сербии в конце XIX – начале XX в. проявляют российские историки в последние годы. Все чаще вводятся в научный оборот новые материалы по проблематике российско-сербских отношений, а также документы, проливающие свет на различные недостаточно исследованные проблемы политической истории Сербии.

Ряд интересных архивных документов обнаруживаем в статьях В.В.Зайцева⁵⁰. Автор рассматривает события политической истории Сербии в 80-е – 90-е годы сквозь призму донесений российских дипломатических представителей. Проследив развитие российско-сербских официальных контактов, он пришел к выводу, что определяющим моментом российской политики в сербском вопросе в рассматриваемый период было невмешательство во внутренние дела Сербского государства. О значении такой позиции для Сербии автор не пишет.

В последние десятилетия XIX в., утверждает В.В.Зайцев, отношения России и Сербии продолжали развиваться скачкообразно: от сотрудничества и согласия к обострению, что являлось, по его мнению, следствием политической нестабильности внутренней жизни Сербского королевства и экономической зависимости от Австро-Венгрии. Думается, все было гораздо сложнее, ибо "нестабильность внутренней жизни" Сербии являлась

следствием более глубинных процессов в стране, связанных прежде всего с кризисом старой государственности. Кроме того, автор не принимает во внимание просчеты российской дипломатии, недостаточный учет ею особенностей внутривосточного развития Сербского государства.

Ход российско-сербских отношений в 1888-1903 гг. прослеживается в своей монографии украинский историк О.В.Павлюченко⁵¹. Данная проблематика исследуется автором по двум направлениям: официальные межгосударственные контакты и общественные связи, которые развивались одновременно, оказывая влияние друг на друга.

Имея возможность сказать о достоинствах книги О.В.Павлюченко лишь в сжатой форме, отметим верность многих оценок автора, подкрепленных ссылкой на архивные источники, например, в сюжетах о контактах представителей российских официальных кругов с сербскими радикалами в конце 80-х – начале 90-х годов; о деятельности "русских клубов" в Сербии и роли этих общественных организаций в укреплении дружественных отношений двух стран и некоторых др. Автор конкретными примерами подтверждает одно из положений отечественной историографии о том, что по своим последствиям и значению для сербского народа политика России в значительной мере отличалась от политики Австро-Венгрии. В рассматриваемый период последняя воздвигала различные препятствия на пути Сербии к укреплению государственности, развитию ее производительных сил. Россия же, наоборот, всеми доступными ей средствами пыталась ослабить в Сербии австрийское влияние, способствовала консолидации национальных сил сербского общества.

Вместе с тем в этой работе многие вопросы рассмотрены, видимо из-за ограниченности объема, весьма поверхностно, и в качестве специальной проблема

влияния "русского фактора" на развитие Сербского государства не ставится.

В уже упоминавшейся монографии А.Л.Шемякина "Радикальное движение в Сербии" значительное место занял вопрос о связях радикалов с Россией. Впервые в историографии автор показал две точки зрения в руководстве радикальной партии по отношению к официальному Петербургу, выразителем которых явились П.Тодорович и Н.Пашич. В то время как первый делал ставку на лавирование между великими державами, считая при этом царскую Россию лишь меньшим злом по сравнению с Австро-Венгрией, Пашич, как убедительно показал автор, в борьбе за сохранение самостоятельности Сербии рассчитывал на помощь Петербурга, отношения с которым впоследствии должны были стать важным и постоянным фактором внешнеполитической стратегии партии.

Позиция российской дипломатии в сербском вопросе после Берлинского конгресса затронута в недавно опубликованной монографии профессора МГУ Н.С.Киняпиной. Автор прав, отмечая, что программа действий России на Балканах в этот период сводилась к "невмешательству во внутренние дела балканских стран, к стремлению к стабилизации обстановки в регионе, к защите собственных государственных интересов, что проявлялось в противодействии экспансии Австро-Венгрии и Англии, в поддержке христианских народов Балканского полуострова"⁵².

В книге Н.С.Киняпиной затронут ряд сюжетов внутриполитического развития независимой Сербии, что отличает ее от работ других историков – специалистов в области внешней политики России XIX в.; приведен ряд интересных архивных документов о российско-сербских отношениях. Говоря о просчетах Петербурга в Сербии, автор справедливо указывает на одно следствие этого – слабое развитие экономических связей.

В контексте развития российско-сербских отношений верным, на наш взгляд, является замечание

Н.С.Киняпиной о том, что "Россия не всегда учитывала, что балканское общество после русско-турецкой войны вступило в новую эпоху своего развития: получив независимость, оно пыталось ее отстаить"⁵³.

Вместе с тем нельзя согласиться с выводом автора о том, что для первой половины 80-х годов, по сравнению с 90-ми годами, "характерна бóльшая активность России на Балканах". Применительно к Сербии это положение не подтверждается документами.

Ряд вопросов проблематики настоящего исследования привлек внимание западной историографии.

Среди ученых, освещавших эти сюжеты, в первую очередь назовем американских историков Чарльза и Барбару Елавичей, специалистов в области изучения политики великих держав в Юго-Восточной Европе.

Б.Елавич убеждена, что для России было характерно стремление к гегемонизму на Балканах и противостояние попыткам европейских стран согласованно решать балканские проблемы. Панслависты, по ее мнению, подводили идеологический базис под русскую национальную традицию, целью которой являлось создание могучей империи, наподобие Византийской. Поэтому, считает американская исследовательница, русские цари стремились к тому, чтобы балканские государства, в частности, Сербия, находились в орбите российской политики. По утверждению Б.Елавич, Россия постоянно вмешивалась во внутренние дела балканских стран, что приводило к негативным последствиям⁵⁴.

Б.Елавич считает, что в конце 70-х годов Сербия сблизилась с Австро-Венгрией, сопротивляясь нажиму России, и это нанесло удар по панславизму, "вследствие чего российская политика стала более агрессивной"⁵⁵.

Более детально влияние царской России на внутривнутриполитические процессы, происходившие в Сербии в 1879 – 1886 гг., изучено Ч.Елавичем⁵⁶. Базой для исследования послужили как документальные публикации, так и неопубликованные американские, английские, австро-

венгерские, германские, французские и другие материалы, а также обширная литература по данной теме.

Не отрицая профессионализма автора в освещении отдельных вопросов исследуемой проблематики и глубины их анализа, отметим в его книге как спорные места, так и существенные пробелы. В частности, трудно согласиться с утверждением Ч.Елавича, что именно позиция российской дипломатии на заключительном этапе Восточного кризиса 70-х годов привела к тому, что Сербия "должна была стать вассальным по отношению к Австро-Венгрии государством". В данном случае совершенно необоснованно игнорируется прозападная ориентация князя Милана, явившегося творцом и главным проводником нового внешнеполитического курса.

Нельзя согласиться, на наш взгляд, и с утверждением американского историка, что рассматриваемый семилетний период стал для Сербии "временем потерь". В контексте развития сербской государственности это был важнейший, весьма динамичный период, что будет показано в настоящей работе. Что же касается внешнеполитической ориентации Сербии на Австро-Венгрию, то в сложившихся после Берлинского конгресса условиях она являлась практически неизбежной и вследствие этого не следует излишне драматизировать ситуацию. В связи с этим представляется весьма упрощенной и оценка деятельности короля Милана, которого Ч.Елавич упрекает "в бессилии и неспособности отвергнуть опеку Австрии"⁵⁷. Сербский монарх до конца своих дней был убежден в необходимости опоры на Вену именно в интересах Сербского государства. Его трагедия в том и заключалась, что он проводил "выгодную" для Сербии, как он был убежден, и в экономическом, и в политическом плане политику, однако объективно противоречащую национальным интересам сербского народа. Нельзя также забывать, что Австро-Венгрию Милан всегда считал надежным гарантом династии Обреновичей.

Близкую к мнению Ч.Елавича точку зрения высказал в свое время австрийский историк А.Ф.Прибрам⁵⁸, утверждавший, что австро-сербский секретный договор 1881 г. (в литературе он более известен под названием "Тайная конвенция 1881 г."), поставивший Сербию в зависимость от Дунайской монархии, явился результатом того, что Россия на Берлинском конгрессе оставила Сербию на произвол судьбы. Выше уже говорилось об упрощенности такого подхода.

В целом круг исследований по данной проблематике позволяет говорить о большой работе, проделанной историками по воссозданию канвы развития независимой Сербии и российско-сербских отношений в 1878-1903 гг. Вместе с тем следует признать, что эти сюжеты еще не рассматривались в ракурсе развития сербской государственности. Практически не исследована и роль России в этом процессе. Российский пласт документов дает основание более фундаментально и в значительной степени по-новому подойти к обозначенной теме. Кроме того, в историографии создано немало мифов, которые оказались довольно живучими. В настоящее время появилась возможность прояснить многие вопросы из разряда "мифических".

Учитывая все это, а также отсутствие в отечественной и зарубежной историографии целостного труда, включающего круг вышеуказанных проблем, считаем появление настоящего исследования правомерным.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Јовановић Сл.* Влада Александра Обреновића. Београд, 1936. Књ. III. С. 388.

² См.: *Павлова Т.А.* Историческая биографистика в СССР // Новая и новейшая история. 1990. № 2. С. 48.

³ *Ключевский В.О.* Отзывы и ответы. Пг., 1918. Т. 3. С. 360.

⁴ *Раденић А.* Прогони политичких противника у режиму Александра Обреновића. 1893-1903. Београд, 1973. С. 724.

- ⁵ Писма Јована Ристића Филипу Христићу од 1870 до 1873 и од 1877 до 1880 г. Београд, 1931; *Живановић Ж.* Прилози за проучавање питања империјалистичког продирања Аустро-Угарске у Србију - од Берлинског конгреса (1878) до закључења трговинског уговора (1881) // Српска Академија наука. Грађа. Београд, 1956. Књ. 12; *Раденић А.* Полицијски извештаји о догађајима у Београду почетком осамдесетих година XIX века // Годишњак Музеја града Београда. Београд, 1957. Књ.4; Тимочка буна 1883. године. Грађа. Државна архива Н.Р.Србије. Београд, 1954-1989. Књ. 1-7; *Peruničić В.* Jvanjdanski atentat // *Arhivist.* 1963. № 1-2.
- ⁶ Србија 1878. Документи. Београд, 1978; *Павловић Љ.* Радикална странка у Србији пре Тимочке буне према архивској грађи из збирке архива у Смедереву. Смедерево, 1981; Устави Кнежевине и Краљевине Србије. 1835-1903. Београд, 1988; Програми и статуте српских политичких странака. Београд, 1991 (прир. В.Крстић и Р.Љушић).
- ⁷ См.: *Раденић А.* Радикална странка и Тимочка буна. Зајечар, 1988. Књ. 1-2; *Он же.* Прогони политичких противника у режиму Александра Обреновића. 1893-1903. Београд, 1973; *Војводић М.* Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1989; *Казимировић В.* Никола Пашић и његово доба. 1845-1926. Београд, 1990. Књ. прва.
- ⁸ Воспоминания о Серебряном веке. (Сост., автор пред. и ком. Вадим Крейд). М., 1993. С. 5.
- ⁹ *Ламздорф В.Н.* Дневник 1886-1890. М.-Л., 1926; *Он же.* Дневник 1891-1892. М.-Л., 1934; *Он же.* Дневник 1894-1896 гт. М., 1991.
- ¹⁰ Написанна в 1902 г., она била впервые опубликована в конце 80-х - см.: *Пашић Н.* Моја политичка исповест // Србија и коментари. (Изд. Задужбине М.Црњанског). Београд, 1989.
- ¹¹ Тимочка буна 1883. године. Успомене Раше Милошевића, члана Главног одбора Радикалне странке. Београд, 1923; *Тодоровић П.* Крвава година. Београд, 1991; *Тодоровић П.* Дневник. Београд, 1990; *Протић Ст.* Одломци из уставне и народне борбе у Србији. Београд, 1911. Књ. I.
- ¹² *Јовановић В.* Успомене. Београд, 1988; *Васиљевић А.* Моје успомене. Београд, 1990; *Каљевић Љ.* Моје успомене. Београд, 1908.
- ¹³ *Новаковић Ст.* Двадесет година уставне политике у Србији. 1883-1903. Београд, 1912.
- ¹⁴ *Јовановић-Стојимировић М.* Силуете старог Београда. Београд, 1971. Књ. 1-2.
- ¹⁵ Ристић Јован. Биографске и мемоарске белешке од Бранка Петровића. Београд, 1912; Пашић. Илустровани радикални алманах. Грађа за петдесетогодишњу историју Народне радикалне странке и политичку историју Србије. Београд, 1924-1927. Књ. 1-4; Споменица

Николе Пашића (1845-1925). Београд, 1926; Никола П. Пашић (10 децембар 1926 - 10 децембар 1936). Београд, 1937; *Сфорџа К.* Никола Пашић и уједињење Југословена. Ратне и дипломатске успомене. Београд, 1990.

¹⁶ *Лавелз де Э.* Балканский полуостров (Пер. с фр.). М., 1889. Ч. 1-2.

¹⁷ *Јовановић Сл.* Влада Милана Обреновића. Београд, 1934. Књ. II-III; *Он же.* Влада Александра Обреновића. Београд, 1934-1936. Књ. I-III.

¹⁸ См.: Устави Кнежевине и Краљевине Србије. 1835-1903. Београд, 1988. С. 11.

¹⁹ *Јовановић Сл.* Влада Милана... III. С. 477.

²⁰ Там же. С. 475.

²¹ *Живановић Ж.* Политичка историја Србији у другој половини деветнаестог века. Београд, 1924. Књ. 2. С. 403.

²² *Продановић Ј.* Уставни развитак и уставне борбе у Србији. Београд, 1936. С. 431-432.

²³ Цит по: *Јанковић Др.* Уставни развитак Србије // Два века савремене уставности. Београд, 1990. С. 557.

²⁴ *Поповић М.* Порекло и постанак Устава од 1888. године. Београд, 1939.

²⁵ Там же. С. 154.

²⁶ *Stojičić Sl.* Značaj političkog zakonodavstva iz 1881. godine za ustavni razvitak Srbije // Zb. pravnog f-ta u Nišu. XI sveska. Niš, 1972. *Она же.* Уставни развитак Србије. 1869-1888. Лесковац, 1980; *Она же.* Тимочка буна и уставна реформа у Србији 1888. године // Тимочка буна и њен друштвено-политички значај за Србију XIX века. Зборник радова. Београд, 1986 и др.

²⁷ *Јовановић Сл.* Влада Александра... I. Београд, 1934. С. 56.

²⁸ Там же. С. 56-57.

²⁹ *Живановић Ж.* Политичка историја... Књ. 3. С. 147.

³⁰ *Живановић Ж.* Политичка историја... Београд, 1925. Књ. 4. С. 285.

³¹ *Јовановић Сл.* Влада Александра... III. Београд, 1936. С. 403.

³² *Ђоровић В.* Историја Срба. Београд, 1989 (2-е издание появилось в 1993 г.).

³³ *Ђоровић В.* Историја Срба. Београд, 1993. 2-е изд. С. 685.

³⁴ Историја српског народа. Београд, 1983. Шеста књига. Први том.

³⁵ *Dragnich A.* The development of Parliamentary Government in Serbia. New York, 1978 (Књига била преведена на сербски јазик: Развој парламентаризма у Србији у XIX веку. Горњи Милановац, 1989.).

³⁶ Историја Југославије. М., 1963. Т. I. С. 493.

³⁷ *Шемякин А.Л.* Радикальное движение в Сербии. Зарождение, становление, первые шаги (1875-1883). М., 1993.

³⁸ *Јанковић Др.* Уставни развитак Србије... С. 553.

- 39 *Јовановић Сл. Влада Александра... I. C. 303.*
- 40 Там же. II. C. 353, 378; III. C.67.
- 41 *Јовановић Сл. Влада Милана... II. C. 419.*
- 42 *Јовановић Сл. Влада Александра... III. C. 396.*
- 43 Там же. C. 450.
- 44 *Поповић М. Указ соч. C. 83.*
- 45 *Војводић М. Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1989.*
- 46 Там же. C. 106.
- 47 *Екмечић М. Стварање Југославије. 1790-1918. Београд, 1989. Т. II. C. 386.*
- 48 *Сказкин С.Д. Конец австро-руско-германского союза. М., 1928. C. 354.*
- 49 *Глебов В.Л. Капиталистический путь развития слаборазвитых стран. Новосибирск, 1970.*
- 50 *Зайцев В.В. К вопросу о становлении межгосударственных русско-сербских отношений в конце 70-х – начале 80-х годов XIX в. // Вопросы новой и новейшей истории. Киев, 1984. Вып. 30; Он же. Русско-сербские отношения в 1887-1888 гг. // Вопросы истории СССР. Харьков, 1986; Он же. Русско-сербские отношения в конце 80-х годов XIX века // Сов. славяноведение. 1989. № 1.; Он же. Русија и Србија у време наместништва и радикалских влада 1889-1892 // Зборник за историју Матице српске. Нови Сад, 1986. Св. 33; Он же. Россия и Сербия в 90-е годы XIX в. // Etudes balkaniques. Sofia. 1987. № 4.*
- 51 *Павлюченко О.В. Россия и Сербия. 1888-1903 гг. Киев, 1987.*
- 52 *Киняпина Н.С. Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878-1898 гг.). М., 1994. C. 106.*
- 53 Там же. C. 203.
- 54 *Jelavich B. A Century of Russian foreign policy, 1814-1914. New York, 1964; Idem. The Habsburg Empire in european affairs 1814-1918. Chicago, 1969.*
- 55 *Jelavich B. St.Peterburg and Moscow: Tsarist and Soviet Foreign Policy. 1814-1974. Bloomington (Ind.), 1974.*
- 56 *Jelavich Ch. Tsarist Russia and Balkan nationalism. Russian influence in the internal affairs of Bulgaria and Serbia. 1879-1886. Westport, 1978.*
- 57 *Ibid. P. 277.*
- 58 *Pribram A.F. Milan IV von Serbien und die Geheimverträge Österreich-Ungarns mit Serbien, 1881-1889 // Historische Blätter. Wien, 1921-1922. Bd. 3.*

Сербия после Берлинского конгресса. Между Австро-Венгрией и Россией

По Берлинскому договору 1878 г. территория Сербского княжества была расширена присоединением четырех новых округов: Нишского, Пиротского, Враньского и Топлицкого; его площадь увеличилась на 10972 кв. км., а население – на 299 640 человек¹.

В Берлине была провозглашена независимость Сербии от Османской империи, что, бесспорно, явилось важной вехой в развитии ее государственности. Из полу-вассального княжества Сербия превратилась в самостоятельное государство.

Несмотря на явное разочарование результатами Берлинского конгресса, связанное с "проболгарской" позицией России на заключительном этапе Восточного кризиса, а также с недостаточными, по их убеждению, территориальными приобретениями, сербские правящие круги во главе с князем Миланом тем не менее отдавали себе отчет в безусловной важности самого факта провозглашения независимости. Выступая на закрытом заседании народной скупщины в Крагуеваце 13 (25) июля 1878 г.* глава правительства Йован Ристич заявил: "Не следует думать, что завоевание независимости - незначительный выигрыш. Не нужно это событие оценивать с точки зрения материальной и говорить себе: мы не будем больше платить ежегодно 40 000 дукатов в качестве дани и это все! Мы получили значительно больше! То, что означает свобода для каждого отдельного человека,

* Даты в книге в основном приведены по старому стилю, принятому в России и Сербии в XIX в. В ряде случаев применяется двойная датировка, как в трудах сербских историков, которые использованы автором.

означает она и для целого государства"².

Обращаясь к внутривластическому развитию Сербского государства, следует признать, что период после Берлинского конгресса был переломным в его политической истории. Исследователи едины в оценке, что после 1878 г. в Сербии все меняется. "Монарх, правительство, политические партии, а за ними весь народ... перестают быть факторами, которые действуют согласно в одном направлении", – писал в начале 1920-х гг. Ж.Живанович в своем фундаментальном труде "Политическая история Сербии второй половины XIX века"³.

Характеризуя особенности рассматриваемого этапа в развитии сербской государственности, современная исследовательница Сл.Стоичич подчеркивает, что "после сербо-турецких войн... начинается новый период политического и конституционного развития"⁴.

Что же представляла собой Сербия в конце 70-х – начале 80-х годов XIX в. и каковы были эти "новые реалии" ее общественно-политической и экономической жизни?

Система сербской государственности тех лет базировалась на конституции 1869 г., представлявшей собой кредо умеренных либералов. По этому Основному закону Сербское княжество являлось наследственной конституционной монархией во главе с династией Обреновичей. Законодательная власть по конституции делилась между князем и парламентом (скупщиной). Но фактически прерогативы князя были гораздо шире: он назначал всех чиновников, окончательно утверждал законы. В своих действиях он не был ответственен перед скупщиной. Роль последней в связи с этим была незначительной, хотя согласно конституции без одобрения парламентом нельзя было изменять или отменять существующие законы, а также издавать новые. На деле же это положение не соблюдалось. Министры были ответственны перед скупщиной только в случае совершения уголовных преступлений; политическая ответственность министров не

вводилась. Разделение властей отсутствовало. Избирательное право было ограниченным, четвертая часть всех депутатов не избиралась, а назначалась князем.

В конце 60-начале 70-х годов на основании конституции 1869 г. были приняты законы о выборах в народную скупщину, о печати, об ответственности министров, также носившие умеренный характер⁵.

Монарх играл в Сербии огромную роль. Поэтому совершенно прав был Сл.Йованович, когда именно к проблеме ограничения власти князя (впоследствии короля) сводил конституционный вопрос⁶.

Уже в начале 70-х годов было ясно, что принятая в 1869 г. конституция не отвечает социально-экономическим и общественно-политическим переменам в Сербии, будучи "детищем" своего времени. Она, конечно, являлась значительным шагом вперед по сравнению с Турецким уставом 1838 г., но в конце 70-начале 80-х годов страна уже "переросла" эту конституцию. Сам факт появления нового независимого государства требовал внутренней его перестройки и модернизации на основе новых норм и законов.

Говоря об особенностях послевоенного развития Сербии, необходимо учитывать ее крайне тяжелое экономическое и финансовое положение. В войнах с Турцией страна была разорена и экономически ослаблена. Вместе с военными расходами ее ущерб оценивался в 240 млн. золотых динаров, что составляло 12 годовых государственных бюджетов⁷. В то же время установление суверенитета и ликвидация различного рода ограничений, связанных с зависимостью княжества от Османской империи; расширение экономических и торговых связей с соседними странами на основе заключенных в конце 70-начале 80-х годов торговых договоров; строительство железных дорог и расширение национального рынка - все это вело к тому, что в экономике княжества окончательно утвердились товарно-денежные отношения. Под влиянием развития капитализма, расширения рынка и

железнодорожного строительства в Европе Сербия постепенно втягивалась, хотя очень медленно и однобоко, в европейское рыночное пространство, что приводило к нарушению традиционного натурального уклада. Росла и богатела торгово-купеческая прослойка, аккумулировавшая в своих руках значительные капиталы. Правда, как и прежде, вывозился главным образом крупный рогатый скот и свиньи⁸, а первым потребителем сербского экспорта оставалась Австро-Венгрия, что существенным образом привязывало Сербию к ее рынку. Например, в 1884 г. при общей стоимости внешней торговли Сербского княжества 90915891 дин. – 66260031 дин. (72,88%) приходилось на торговые операции с империей Габсбургов⁹. На это обстоятельство обращал внимание и секретарь российской дипломатической миссии в Белграде М.А.Поджио, составивший в 1884 г. отчет о внешне-торговых связях Сербии за 1871-1883 гг. "Вследствие... географического положения,- писал он,- почти вся внешняя торговля Сербии находится исключительно в руках Австрии..."¹⁰.

Такое положение сохранялось вплоть до конца XIX в. Так, в 1894 г. в Габсбургскую монархию экспортировалось 97% сербского скота, 87,5% продукции земледелия, 78% кожи¹¹. Некоторые изменения произошли лишь в начале XX века, когда в результате таможенной войны с Австро-Венгрией у Сербии появились новые торговые партнеры в Бельгии, Германии, Франции, Великобритании¹².

В упоминавшемся выше отчете Поджио отмечалось почти полное отсутствие торговых связей между Сербией и Россией в конце 70 - начале 80-х годов. Лишь в 1884 г. торговля между ними несколько оживилась. Из России в Сербию ввозились главным образом рыба, икра, а также напитки, керосин, железо и т.д.¹³.

Одной из главных особенностей развития независимого Сербского государства являлось усиление экономического и политического влияния монархии

Габсбургов в этом регионе и одновременное ослабление позиций России.

Следует отметить, что после Берлинского конгресса геополитическое положение Сербии ухудшилось, так как, несмотря на некоторые территориальные приобретения на юго-востоке, на ее западных и юго-западных границах появился новый "неприятель", гораздо более сильный и опасный, чем Турция. Австро-венгерские владения полукольцом охватили территорию Сербского княжества.

В 70-е годы XIX в. во внешней политике Австро-Венгрии произошли существенные изменения. Вытесненная из Германии и Италии, она устремилась на Балканы — единственно возможное и доступное направление экспансии. При этом речь шла об экспансии в широком смысле слова, а не в узкоограниченном понимании ее как стремления к прямому захвату и присоединению чужих территорий. Балканская политика империи Габсбургов включала самый широкий диапазон различных форм экспансионизма. После Берлинского конгресса правящие круги Австро-Венгрии, не отказываясь от новых завоеваний, стали более широко использовать в своей политике экономические и политические рычаги проникновения на Балканы — займы и финансовые операции, железнодорожное строительство и таможенные союзы, неравноправные договоры и т.д. Такой политикой, как отмечал сербский историк академик В.Чубрилович, Австро-Венгрия обеспечила себе преимущественные позиции в Сербии в 1878-1903 гг.¹⁴

Руководители внешней политики монархии Габсбургов прекрасно понимали, что осуществление ее интересов на Балканском полуострове невозможно без экономического и политического подчинения Сербии. Это и стало одной из основных задач австро-венгерской дипломатии после Берлинского конгресса. "Стержневой осью нашей политики на юго-востоке, - писал в этот период руководитель венского внешнеполитического

ведомства Г.Кальноки, - является Белград. Пока мы прочно не обосновались, неважно прямо или косвенно, на Дунае, Лиме и даже на Саве, мы будем в обороне. Если Сербия, все равно какими средствами, будет подчинена нашему влиянию, или еще лучше, если мы будем хозяевами в Сербии, тогда мы легко сможем обеспечить наши интересы в Боснии и Герцеговине... а также наши позиции на нижнем Дунае и в Румынии. Только тогда наше могущество на Балканах будет покоиться на прочной основе в соответствии с жизненными интересами монархии"¹⁵.

Судя по дипломатическим документам, руководители внешней политики России вполне осознавали особенности сложившейся после Берлинского конгресса ситуации. В Петербурге понимали, как непросто будет действовать российским дипломатическим представителям в Сербии, чтобы не столкнуться с интересами Австро-Венгрии, с которой еще накануне русско-турецкой войны было заключено соглашение о разделе сфер влияния на Балканах. Анализируя ситуацию, сложившуюся в 70-80-е годы в регионе, министр иностранных дел России А.Б.Лобанов-Ростовский писал в 1895 г. тогдашнему посланнику в Белграде барону Р.Р.Розену: "С точки зрения внешней политики балканских государств важнейшим обстоятельством является положение, занятое венским кабинетом с тех пор, как Австро-Венгрия утратила свои итальянские владения и была вытеснена из Германии. Взоры австрийских государственных людей стали все более и более обращаться на Балканский полуостров. Со времени же Берлинского конгресса это направление еще усилилось. Босния и Герцеговина были предоставлены Австро-Венгрии, и хотя занятие этих областей не может считаться окончательным, но вместе с тем не подлежит сомнению, что венские деятели исподволь готовят присоединение оных к остальной монархии. Прикрывая свои виды поощрением самостоятельности балканских государств, Австрия в сущности стремится к

тому, чтобы заменить своим влиянием наше и по возможности ослабить кровные и религиозные узы, соединяющие нас с балканским православным народонаселением. Нигде, быть может, эти стремления не проявляются так определенно, как в Сербии. Охватывая Сербское королевство с двух сторон, Австро-Венгрии стоит только запереть свою границу, чтобы сербские произведения не имели сбыта на Запад. Сознание своей материальной зависимости тяжким бременем ложится на сербский народ. Оно, несомненно, способствовало порабощению бывшего короля Милана австрийской политикой и возникновению так называемых напредняков, сторонников сближения Сербии с Австро-Венгрией"¹⁶.

Выполнение вышеуказанной задачи – усиление влияния в Сербии – облегчалось для Вены прозападной ориентацией князя (короля) Милана, связавшего судьбу страны и династии с Габсбургской монархией.

Следует отметить, что несмотря на объективные обстоятельства, толкнувшие сербского монарха в "объятия" Вены, его "новый курс" вызвал резко негативную реакцию в общественном мнении Сербии. Большая его часть рассматривала "альянс" с Австро-Венгрией как предательство национальных интересов. Именно здесь лежат корни того глубокого общественного раскола, который поразил Сербию в 80-90-е годы прошлого столетия"¹⁷.

Одновременно с усилением влияния Австро-Венгрии в конце 70-х годов на Балканах происходит процесс постепенного ослабления позиций России. Начало ему было положено еще в период подготовки русско-турецкой войны 1877-1878 гг., когда Россия за нейтралитет в ней империи Габсбургов и за право влияния в Болгарии была вынуждена заплатить согласием на оккупацию Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины.

Политика России в сербском вопросе после Берлинского конгресса в значительной степени определялась изменением международной обстановки, для которой

была характерна внешнеполитическая изоляция Российской империи. Внутри страны также наблюдались негативные для царизма явления: подъем революционного движения, усилившийся после разорительной войны финансовый кризис и ухудшение экономического положения. Академик С.Д.Сказкин охарактеризовал сложившуюся ситуацию следующими словами: "Не было ни армии, ни флота, ни денег"¹⁸. "Наша слабость по сравнению с нашими противниками, – писал замещавший А.М.Горчакова на посту министра иностранных дел Н.К.Гирс послу России в Великобритании П.А.Шувалову 5 января 1879 г., – заключается главным образом в том, что, как известно, наши финансы истощены. В связи с этим лучшее средство для того, чтобы вновь стать достаточно сильными и иметь возможность импонировать нашим противникам, заключается в восстановлении нашего финансового равновесия, а для этого прежде всего необходимо избегать бесполезных и неуместных осложнений"¹⁹. Эти факторы и определяли внешнюю политику российского правительства в последние годы правления Александра II и в царствование Александра III, прозванного "миротворцем". На миротворческую направленность внешней политики последнего обращал внимание и видный российский дипломат, впоследствии товарищ министра иностранных дел В.Н.Ламздорф. "Хорошей стороной прошлого царствования, – писал он в "Дневнике", – была, безусловно, внешняя политика, восстановившая мир в умах и путем весьма ловких и подходящих средств сумевшая препятствовать всему, что было бы способно этот мир нарушить"²⁰.

Основными внешнеполитическими задачами России в 80-е годы были поддержание статус-кво и обеспечение спокойствия в балканском регионе, урегулирование отношений с Германией и Англией и возобновление Союза трех императоров. Петербург стремился вместе с тем сохранить свое влияние на Балканах, опираясь прежде всего на Болгарию²¹. Позиции России в Сербии временно

ослабли, но она не собиралась полностью их сдавать в пользу Австро-Венгрии, стремясь различными "мирными" средствами поправить положение²².

Основополагающим для политики России в сербском вопросе в рассматриваемый период являлся тезис, содержащийся во вступительной части доклада Азиатского департамента МИД за 1881 г.: "...Мы не можем безразлично смотреть, как этот (сербский – С.Д.) народ, который нам обязан своим существованием и своей независимостью, становится сателлитом Австрии"²³.

С 1877 г. российским министром-резидентом в Белграде являлся Александр Иванович Персиани (1842-1896), прослуживший на этом посту около 17 лет. Прекрасно образованный, хорошо знавший Сербию, ее правителей и народ, особенности исторического развития Сербского государства, опытный дипломат, Персиани, следуя инструкциям из Петербурга, а иногда и несколько отклоняясь от их буквального выполнения, прилагал немало усилий к тому, чтобы в сложной обстановке способствовать расширению и укреплению российско-сербских связей, нормализации отношений между двумя странами, чем заслужил уважение в различных слоях сербского общества. Секретарь Й.Ристича в своих воспоминаниях о главе тогдашнего сербского правительства назвал Персиани "искренним другом Сербии и корректным русским дипломатом"²⁴.

Небезынтересно для исследователя и следующее высказывание о Персиани, принадлежавшее русскому ученому-слависту П.А.Кулаковскому, профессору Великой школы в Белграде. 31 мая 1879 г. он писал И.С.Аксакову в Москву: "Что касается наших дипломатов в Сербии, то они хороши. Персиани – горячий поклонник русского влияния на славян, поклонник славянской идеи, и всем, что касается Сербии, очень интересуется. Конечно, он все-таки чиновник петербургский, но благородство и прямота ставят, по моему мнению, его выше многих лиц подобного сорта. Всякая неудача политическая

России его страшно бесит. Все, что касается Сербии, что улучшает или путает отношения России к Сербии, его глубоко интересует. Он готов на всякую инициативу добрую"²⁵.

В целях восстановления утраченного влияния в Сербии российская дипломатия уже с конца 70-х годов пыталась использовать различные каналы и, в первую очередь, строительство железной дороги на территории княжества.

Это предприятие являлось для Сербии жизненно важной задачей, так как отсутствие транспортных путей тормозило развитие ее экономики. Не меньшее значение оно имело и для великих держав, в первую очередь для Австро-Венгрии, стремившихся к овладению балканским рынком.

За поддержку территориальных притязаний Сербии на долины рек Нишавы и Южной Моравы Австро-Венгрия потребовала от сербского правительства заключения железнодорожной конвенции. Переговоры по этому вопросу протекали в 1878-1879 гг. в крайне напряженной обстановке. Находившееся в это время у власти либеральное правительство Й.Ристича видело в столь полезном и необходимом для экономического развития независимого Сербского государства начинании и другой аспект, а именно: при отсутствии связи с турецкими железными дорогами через Скопле к Солуни (совр. – Салоники) сербская железная дорога, соединенная лишь с австрийской линией, способствовала бы подчинению страны Австро-Венгрии. Вот почему либералы-русофилы попытались заручиться поддержкой России, заинтересовав Петербург возможностью участия в строительстве сербской железной дороги. Это отвечало и интересам России – без явной конфронтации с Габсбургской монархией появлялась возможность противостоять ее влиянию в регионе.

Уже в октябре 1878 г. известному панслависту генералу Р.А.Фадееву было дано конфиденциальное

поручение вступить в переговоры с представителями некоторых железнодорожных компаний – Дервиза, Блюха и Губонина, которые могли бы взять на себя это предприятие²⁶. В Петербурге полагали, что строительство должно вестись "частным путем"²⁷. В ноябре 1878 г. в Россию прибыл сербский министр просвещения и церковных дел Алимпие Васильевич, которому было поручено ходатайствовать об учреждении товарищества для строительства сербской железной дороги²⁸. В своих мемуарах, лишь недавно опубликованных, Васильевич подробно описал аудиенцию у Александра II²⁹. Государь выразил пожелание, чтобы железную дорогу построили "русские люди", на что сербский министр воскликнул: "Это было бы новое освобождение Сербии!"³⁰. Присутствовавший на аудиенции военный министр Д.А.Милютин предложил, чтобы сербское правительство само взяло концессию на строительство дороги, а затем передало предприятие "указанному из России лицу или товариществу как своему подрядчику"³¹. Подобное решение вполне устраивало Петербург – в этом случае Россия получала концессию и избегала столкновений с Австро-Венгрией или хотя бы лишала последнюю видимых оснований для упреков в стремлении усилить, вопреки соглашению, свои позиции в Сербии.

Генерал Фадеев устроил Васильевичу встречу с Блюхом. Кроме того он подготовил еще одного кандидата из московских предпринимателей – С.И.Мамонтова. Обе фирмы послали в Сербию своих инженеров для изучения на месте трассы от Белграда до Ниша³². В 1880 г. у Мамонтова, представителем которого в Сербии был генерал Фадеев, появился конкурент – компания Баранова. Претенденты выдвинули два различных проекта строительства сербской железной дороги. Компания Мамонтова настаивала на гарантиях российского правительства. Предложения Баранова сводились к следующему: сербское правительство предоставляет ему концессию ("с исключительным правом на два месяца заключать

сербский национальный заем"); по окончании строительства железная дорога должна стать собственностью Сербского государства; ее эксплуатация впоследствии будет осуществляться "исключительно русскими и сербскими элементами"³³.

Царское правительство дало инструкции А.И.Персиани поддерживать компанию Баранова³⁴. Дипломат позднее имел ряд бесед с министром иностранных дел в новом правительстве Чедомилем Миятовичем. Однако во время одной из них последний заявил, что сербский кабинет не склонен принимать предложения российской фирмы. Когда же Персиани попросил его изложить условия компании Баранова в скупщине, Миятович ответил отказом³⁵. А в это время уже велись тайные переговоры с французской компанией "Юнион женераль" (La Société de l'Union générale). Таким образом, "железнодорожный опыт" России в Сербии оказался неудачным. Перед российской дипломатией стояла непростая задача – учитывая новые реалии, сложившиеся к началу 80-х годов XIX столетия в отныне независимом Сербском государстве, не осложняя отношений с Австро-Венгрией, выработать концепцию политики в сербском вопросе.

* * *

Важнейшей фигурой общественно-политической жизни страны в рассматриваемый период являлся князь (с 1882 г. король) Милан Обренович (1854-1901).

Не являясь прямым потомком князя Милоша, основателя династии (он был его внучатым племянником), Милан по воле судьбы оказался на сербском престоле в 1868 г. после трагедии в Топчидерском парке, когда заговорщиками был убит князь Михаил Обренович, не имевший наследников.

Весть о том, что он стал сербским князем застала Милана в столице Франции, где он воспитывался в одном из частных лицеев. Бельгийский путешественник Эмиль

де Лавелэ, побывавший в Сербии в начале 80-х годов, писал в своих путевых заметках: "Я часто видел его (Милана – С.Д.) прежде, когда он учился в Париже... Он был тогда красивый юноша с огненными глазами, и тогда уже весьма гордился своею страной. "Вот, – говорил он мне однажды, принеся газету, в которой была похвала Сербии, – прочтите это! Теперь уже не будут говорить, что мы варвары"³⁶.

Раннюю юность Милан Обренович провел в одиночестве, без родителей (его отец Милош умер от туберкулеза в 1860 г., мать Мария Катарджи пребывала в Румынии), в полупустом дворце, в то время, как в стране правили всемогущие регенты – Йован Ристич, Миливое Блазнавац и Йован Гаврилович. В 1872 г. с достижением совершеннолетия началось самостоятельное правление князя Милана.

В эти же годы первостепенное значение приобрел вопрос о будущей женитьбе сербского монарха. Честолюбивым мечтам Милана заключить брак с одной из русских великих княжон не суждено было сбыться. В конце концов в 1875 г. его избранницей стала юная красавица Наталья Кешко (1859-1941), дальняя родственница Милана по матери (дед Натальи был дядей Марии Катарджи). Отец невесты являлся одним из богатейших помещиков Бессарабии. 2 августа 1876 г. у молодой четы родился сын, будущий король Александр Обренович.

Семейная фотография конца 70-х годов представляет счастливых супругов, элегантных и изумительно красивых, гордых своим прелестным ребенком. И трудно поверить, что вскоре их брак принесет столько несчастий не только им самим, но и Сербии, а их "ужасные отношения" будут занимать не только сербов, но и европейскую дипломатию и прессу.

Первые годы правления Милана совпали с событиями Восточного кризиса 70-х годов, во время которого Сербия вела две войны против Турции. В этот период он стремится "освободиться" от влияния премьер-министра

Й. Ристича, своего бывшего первого регента, и принимать решения самостоятельно.

После Берлинского конгресса Милан стал князем независимого Сербского государства. Он был полон сил, энергии и стремлений реформировать и модернизировать сербское общество à la Европа, а также укрепить свою власть.

Противоречивость природы и деятельности Милана, по-видимому, является причиной того, что до сих пор не создано ни биографического, ни политического портрета сербского монарха, хотя его эпохе и этапам правления посвящено немало известных специалистам книг довольно известных авторов (в первую очередь, Сл.Йовановича).

Как бы ни оценивали деятельность сербского монарха исследователи, все они признают его одним из главных составляющих сербской государственности. Так, Сл.Йованович, Ж.Живанович и др. писали о его значении в положительном плане, а довоенный сербский историк В.Чорович и современный исследователь М.Екмечич, солидаризируясь с теми, кто еще при жизни сербского монарха называли его "демоном Сербии", прежде всего подчеркивали ярко выраженную, по их мнению, отрицательную роль Милана в развитии страны. По мнению В.Чоровича, Милан являлся "самым черным вороном нашего (сербского – С.Д.) государственного существования"³⁷, а М.Екмечич в своем фундаментальном труде "Создание Югославии" утверждает, что в списке сербских государственных деятелей и правителей, составленном с учетом их способностей и исторических заслуг, Милан и Александр Обреновичи заняли бы два последние места³⁸.

Интерес к личности Милана Обреновича в последние годы значительно возрос, прежде всего в Сербии. Одну из своих задач сербские коллеги, занимающиеся политической историей своей страны периода его правления, видят в глубоком и объективном исследовании

всех сюжетов, связанных с жизнью и деятельностью этого правителя "новой Сербии"³⁹. Причин повышенного внимания к фигуре Милана Обреновича, думается, несколько. Во-первых, отметим тот факт, что за весьма короткий срок – с 1878 г. до начала XX в. – в политическом развитии независимой Сербии произошли значительные изменения. Роль монарха, сделавшего немало для модернизации страны в политической сфере, а также для осуществления ряда важнейших общегосударственных задач (строительство железных дорог, создание благоприятных условий для развития торговли, банков, организации армии и т.д.), в этом процессе бесспорна.

Во-вторых, современное поколение историков в нынешней ситуации, когда достоянием науки становятся новые документальные материалы и растет интерес к роли исторической личности, имеет возможность по-новому и изучить, и оценить деятельность этого, бесспорно, незаурядного государственного деятеля. По мнению Р.Люшича, "в настоящее время, когда утихли династические страсти и исчезло влияние прежних радикалов, образ короля Милана кажется более позитивным, чем тот, что укоренился в сознании сербского народа"⁴⁰.

Кстати, то обстоятельство, что на протяжении почти 20 лет Милан вел непримиримую борьбу с радикальной партией, деятельность которой, в свою очередь, в настоящее время привлекает пристальное внимание сербских и российских историков, делает его все более притягательным в качестве объекта изучения этими учеными.

Еще в начале XX в. известный сербский деятель Любомир Кальевич писал в своих мемуарах, что король Милан был «таким необыкновенным явлением, что историки должны будут приложить немало усилий, прежде чем изучат и представят верный портрет этого "метеора на троне"»⁴¹.

Особенно интересным образ Милана становится после знакомства с многочисленными документальными

свидетельствами из российских архивов. Эти материалы в большинстве своем неизвестны сербским коллегам. Проведя многолетние архивные изыскания, дерзнем утверждать, что ни один исторический деятель Сербии после 1878 г. не занимал такого значительного места в размышлениях, дипломатической переписке, инструкциях и т.д. руководителей внешней политики России, как сербский король. Это было, безусловно, связано с признанием его решающей роли в становлении сербской государственности последней четверти XIX в., а также с резким изменением в эти годы внешнеполитического курса Сербии, ранее в основном традиционно ориентировавшейся на Россию.

Не имея возможности в настоящей монографии представить полное жизнеописание Милана Обреновича, тем не менее постараемся внести некоторые новые штрихи в его портрет.

* * *

Самым насущным вопросом общественно-политической жизни Сербии с начала 80-х годов прошлого столетия стала конституционная реформа. С ней был связан процесс образования сербских политических партий, игравших, наряду с королем, значительную роль в движении страны по пути преобразования государственного механизма.

В 1881 г. организационно оформились три политические партии – радикальная, напредняцкая (прогрессивная) и либеральная, что дало основание выдающемуся сербскому публицисту, одному из лидеров радикалов Пере Тодоровичу назвать этот год "годом партий"⁴².

Хотя влияние либералов после 1880 г. неуклонно падало, они все же продолжали оставаться значительным фактором общественно-политической жизни страны. Ведущее место в либеральной партии занимала торговая буржуазия (ее в скупщине представлял 21 депутат из 47 либералов).

Основные пункты программы партии, до 1882 г. носившей название "Дружина поддержки сербской литературы" (основана 17 сентября 1881 г.), в области внутренней политики содержали требования ограниченного парламентаризма, сильной исполнительной власти и мощного полицейско-бюрократического аппарата. Во внешнеполитической сфере либералы ставили своей задачей освобождение от османского ига всех земель, населенных сербами, их объединение с Сербией, укрепление связей с соседними славянскими народами, определявшимися в программном документе "естественными историческими союзниками", и сохранение "благосклонности и дружбы тех государств, которые в тяжелые для Сербии дни не отказывали ей в своей защите и помощи"⁴³.

Задача партии, по мнению ее признанного лидера и вождя Й.Ристича, заключалась не в том, чтобы сразу же "вступить на арену агитации", а в том, чтобы с помощью просвещения, объяснения целей и разъяснения партийной программы влиять на общественное мнение. Партия была организована как акционерное общество, члены которого платили взносы. Среди видных ее членов были: Ранко Алимпич, Димитрие Матич, Стоян Велькович, известный предприниматель Джордже Вайферт, Йован Велькович, Йован Бошкович, митрополит сербский Михаил и др. В конце 1881 г. партия насчитывала 190 членов. Ее комитеты существовали и в провинции, однако они были малочисленны и недостаточно активны.

Неоспоримым авторитетом обладал глава партии Й.Ристич. Политические противники либералов – радикалы – говорили: "Его люди не думают, за всех них думает Ристич"⁴⁴.

Незаурядность личности Йована Ристича, его выдающаяся роль в истории Сербии второй половины XIX в. привлекали к нему всеобщее внимание, и не только его соратников и врагов, но и людей весьма далеких от перипетий политической борьбы партий. Главе сербских либералов посвящено немало страниц в трудах

как его современников, так и историков последующих поколений. Вместе с тем следует признать, что целостного биографического и политического портрета этого деятеля пока еще не создано. Уместно позволить себе в связи с этим сюжетом привести свидетельство об Й. Ристиче (кстати, не встречающееся в многочисленной литературе о нем) "нейтрального" свидетеля – Эмиля де Лавелэ, которое, на наш взгляд, довольно точно и всесторонне, хотя и кратко, представляет этого "знаменитого серба". Лавелэ писал: "Ристич есть наиболее замечательный политический человек в стране. Он был в составе регентства после смерти князя Михаила и во время несовершеннолетия князя Милана. Ему также пришлось направлять иностранную политику и в столь трудный и опасный период турецко-русской войны, а также и во время Берлинского конгресса... Но он должен был покинуть власть, так как не желал подчиниться требованиям Австрии, во время переговоров с нею о заключении торгового трактата..." Чего я желаю для своей страны, – говорил он мне, – так это сохранения того драгоценного блага, которое мы приобрели ценою нашей крови, сохранения нашей независимости. Хорошие отношения с Австрией мы должны сохранять, но мы не можем забыть и того, что сделала для нас Россия. Ей именно мы обязаны нашим существованием. Ведь именно она при заключении мира в Бухаресте в 1812 году, а затем в 1815, 1821 и 1830 годах вступалась за нас и добилась нашего освобождения. Бесполезно также перечислять ее жертвы в нашу пользу во время последней войны... Друг для всех, слуга ничей – вот что должно быть нашим девизом". "Во внутренних делах, – замечал в заключение Э. де Лавелэ, – Ристич – враг весьма поспешных нововведений и сторонник сильного правительства"⁴⁵.

Социальной базой либеральной партии являлись крупные торговцы, заинтересованные в расширении внутреннего рынка и развитии внешней торговли. Их привлекали в ряды этой организации не "идеи

либерализма", а то, что в их глазах партия являлась "элементом порядка и законности", "защитницей существующего общественного строя", и, безусловно, фигура лидера партии. Внешнеполитическая программа либералов также отвечала интересам торговцев – увеличение территории Сербии означало бы для них расширение внутреннего рынка, а, следовательно, повышение доходов. Благодаря либералам, которые находились у власти с конца 60-х годов до октября 1880 г., торговая буржуазия получила ряд привилегий, в свою очередь поддерживая партию материально через белградский "Торговый банк". Большое значение в объединении интересов торговой буржуазии и либеральной интеллигенции, игравшей в партии значительную роль, имели родственные связи. Так, известный всей Сербии Хаджи Тома, тесть лидера партии и главы правительства Й.Ристича, являлся одним из богатейших белградских торговцев. Кроме того, в либеральной партии было немало зажиточных крестьян, крупных государственных чиновников, представителей высшего духовенства.

Исследователи признают, что социальная база либеральной партии была весьма узкой и в этом заключалась ее основная слабость. После 1878 г. либералы начали к тому же терять опору среди торговцев и богатых крестьян, недовольных налоговой политикой их кабинета и планами таможенной войны с Австро-Венгрией. Сельская и торговая буржуазия не поддержала Ристича, значительная часть ее перешла на сторону напредняков. Открытое недовольство режимом либералов проявляли и широкие крестьянские массы, вынесшие на своих плечах все тяготы войн с Турцией, – после их окончания они по-прежнему находились в тяжелом экономическом положении. Либералы лишились также поддержки князя Милана, которому их национализм и русофильство мешали в проведении австрофильского внешнеполитического курса⁴⁶.

В декабре 1879 г. (по ст.ст.) появился первый номер газеты "Видело" – органа новой оппозиционной "младоконсервативной" группировки, образовавшейся на базе консервативного общественно-политического течения. Главными ее представителями были молодые интеллектуалы, получившие образование в западноевропейских университетах и стремившиеся утвердить на родине принципы демократии - Милан Пирочанац, Милутин Гарашанин, Чедомиль Миятович, Стоян Новакович и недавний либерал Милан Куюнджич. В деятельности этой группы, начавшейся уже осенью 1879 г. как в стенах скупщины, так и вне ее, значительную роль сыграл известный ученый и общественный деятель Милан Миличевич⁴⁷.

Вопрос об участии интеллигенции в политической жизни страны путем введения избирательного права для государственных служащих был одним из главных, обсуждавшихся будущими напредняками. Согласно конституции 1869 г. госслужащие не могли участвовать в выборах и имели право войти в скупщину только в качестве "правительственных" депутатов, назначаемых князем. По мнению же "виделовцев", для отсталой Сербии приход немногочисленной интеллигенции к руководству страной был еще более необходим, чем развитым европейским государствам⁴⁸.

15 декабря 1879 г. газета "Видело" опубликовала программный документ "младоконсервативной" группировки, содержащий требования о расширении политических свобод, конституционной ответственности министров перед скупщиной, реформы судопроизводства, а в области внешней политики – нормализации отношений с сопредельными странами⁴⁹.

Младоконсерваторы не были консерваторами в полном смысле этого слова. Их консерватизм, по образному выражению В.Крестича и Р.Люшича, был "разбавлен либерализмом"⁵⁰. В конце 1879 г. Ст.Новакович писал о целях будущей напредняцкой партии: "Главным будет борьба против псевдолиберализма, но за утверждение

современных, подлинно либеральных государственных основ"⁵¹

Весьма интересные факты о событиях, предшествовавших образованию напредняцкой партии, содержатся в недавно опубликованных мемуарах видного либерала Владимира Йовановича. Его свидетельство, как и многие другие документы, относящиеся к той эпохе, подтверждает, что Милан Обренович являлся "режиссером" и активным участником многих событий, видной фигурой процесса становления независимого Сербского государства.

Итак, В.Йованович свидетельствует, что в ноябре 1879 г., когда в Нише заседала народная скупщина, князь, находившийся здесь вместе с членами кабинета, высказал мысль о необходимости создания новой партии, посредством которой он мог бы расширить свое влияние на политическую жизнь страны. Во время одной из бесед с В.Йовановичем об исторических задачах Сербии как независимого государства Милан заявил, что их осуществление по плечу только "молодым силам", так как государственные деятели старшего поколения не могут приспособиться к новым идеям. По его мнению, в новую партию должны войти либералы Ст.Бошкович, В.Йованович, А.Васильевич и некоторые другие, а также "младоконсерваторы", к которым князь был наиболее расположен. Йованович резко выступил против намерения князя "вмешаться в партийные дела", что было чревато, по его мнению, опасностью как для конституционной свободы, так и для династических интересов⁵². Однако Милан не согласился с рассуждениями своего министра о том, что монарх должен "стоять над партиями" и заботиться об интересах всего народа - он не устал утверждать, что должен развивать свою "политическую активность". Предвидя возрастание роли народной скупщины в общественно-политической жизни страны⁵³, сербский монарх стремился создать механизм своего влияния на парламент. Как показали последующие события, в зна-

чительной степени это ему удалось. Напредняцкое большинство скупщины действовало в нужном монарху направлении.

Основной акцент в своей программе⁵⁴ напредняцкая партия сделала на необходимость внутренней модернизации страны. Руководители партии, получившие образование в лучших учебных заведениях Западной Европы, считали основой прогресса использование ее достижений во всех областях – политической, экономической, культурной. Стремясь превратить Сербию из патриархального княжества в "маленькую западную державу", они прежде всего выступали за модернизацию политического строя страны. Именно на это была направлена их деятельность в начале правления кабинета М.Пирочанца, именно с этой целью они принимали прогрессивные законы о печати, собраниях и союзах (1881г.), настаивали на введении в Сербии двухпалатного парламента и усилении роли интеллигенции в жизни государства.

Однако для реализации своей объективно буржуазной программы развития Сербии по пути, уже пройденному большинством развитых стран, напредняки не смогли получить поддержку в широких народных массах, прежде всего из-за их "цивилизационного австрофильства", из-за того, что они смотрели на Вену как на "окно в Европу" и не учитывали особенностей исторического развития Сербского государства и менталитет сербского народа.

«Партия прогрессистов, – писал Э.де Лавелэ, – соответствует либералам Запада. Она мало уважает старинные учреждения, на которые смотрит как на остаток варварства, и она вовсе не выказывает большой уступчивости относительно национальной церкви, что видно из способа, при посредстве которого она вела и окончила распрю с митрополитом Михаилом. Эта партия желает наделить свою страну как можно скорее всем тем, что составляет так называемую западную цивилизацию:

крупное производство, железные дороги, финансовые предприятия, банки и кредит, все степени образования, красивые монументальные постройки, хорошо вымощенные и освещенные газом города, обеспеченную буржуазию... развитие богатства, а для ускорения осуществления этой программы: усиление власти и денежности правительства и централизацию в управлении страной. Король, который желает видеть страну быстро идущую по пути прогресса, склоняется по преимуществу к этой группе "либералов"»⁵⁵.

Мы позволили себе привести эту пространную цитату из труда бельгийского путешественника не только потому, что его свидетельство еще не упоминалось ни в трудах сербских, ни российских историков, но прежде всего потому, что он, наблюдавший напредняцкую партию в самом начале ее развития, правильно, на наш взгляд, понял ее сущность и уловил основные характерные особенности.

Социальная база напредняцкой партии была крайне узкой – торговцы, высшая бюрократия, богатые предприниматели, банкиры. Молодые интеллектуалы, лидеры партии, разумеется, не готовили ей роль "придворной", однако без широкой поддержки в обществе они были вынуждены в своей деятельности опираться на авторитет монарха, проводившего австрофильский курс, и поэтому приобрели в глазах общественного мнения, подогреваемого радикальной пропагандой, репутацию "австрофилов". Несмотря на благие пожелания, напредняки с каждым годом все более превращались в "партию Милана", как их окрестили радикалы.

В условиях "наступления" Австро-Венгрии на Сербию откровенно антинациональная политика Милана требовала от демократической оппозиции поиска действенного ей противовеса. 8 января 1881 г. бывшими соратниками Св.Марковича была основана радикальная партия.

Программа социалистов первой половины 70-х годов в том виде, в каком она была изложена Марковичем, вкратце может быть сведена к трем основным пунктам: 1) Общественная собственность на средства производства в рамках сельских общин и ремесленно-торговых задруг; 2) Создание общинного, срезского и окружного самоуправления; 3) Полная независимость народной скупщины.

Анализируя программные документы радикальной партии и теоретические труды ее лидеров с начала 80-х годов, увидим, что из социалистического учения Марковича ими были взяты только два последние пункта. Без пункта об общественной собственности суверенитет народа и самоуправление стали не средством, а целью борьбы радикалов за "коренные преобразования", которые шли в направлении создания "народного государства". Средствами же для их осуществления признавались всеобщее право голоса и усиление законодательной власти народной скупщины. В своих политических проектах 1881-1883 гг. радикалы не только защищали, но и выражали интересы крестьянства в его изначальной, традиционной борьбе против бюрократического государства⁵⁶.

Идеология радикальной партии в первые годы ее истории, по оценке сербского историка Латинки Перович, не была "идеологией торговой или промышленной буржуазии. Это народническая доктрина"⁵⁷.

Сербский путь к прогрессу, по убеждению радикальных идеологов, лежал вне западной либерально-капиталистической традиции: Радикалы стремились "к сохранению изначальной социальной гармонии сербского общества, лишённого аристократической и буржуазной надстроек, рассматривая сербский народ как единый социальный и национальный организм"⁵⁸.

"Ставка" на крестьянство радикалами была сделана не случайно, ибо крестьянская патриархальная среда определяла развитие страны. Нельзя не отметить, что сербское крестьянство политически и экономически

являлось весьма гомогенной социальной группой. Сербия была страной свободных мелких собственников, традиционно пользовавшихся немалыми правами. Именно в этом корни того, что "демократизм был характерной, имманентно присущей сербскому обществу XIX века особенностью". Это обстоятельство в свою очередь обусловило тот факт, что демократическая идеология в различных ее формах получила в Сербии в последней трети прошлого столетия самое широкое распространение⁵⁹.

Радикалы сознательно вовлекали сербское крестьянство в политику, видя в нем главный внутренний фактор своего программного будущего "освобождения и объединения" всех сербских земель. "Пробуждение крестьянства от политической спячки и привлечение его в радикальную партию стало решающим моментом в процессе политической эмансипации сербского села и началом длительного и нелегкого пути от негативного отношения к принятию своего национального государства"⁶⁰.

Радикалы, как уже отмечалось выше, стремились во что бы то ни стало охранить сербскую самобытность, особый менталитет сербского народа от наступления западного капитализма и западной цивилизации. Именно в этом корни бескомпромиссности радикальной партии в ее борьбе против австрофильского курса короля Милана и правительства напредняков, которые, по словам Н Пашича, "желали бы сразу обратить Сербию в маленькую западную державу, не обращая внимания ни на что сербское и славянское"⁶¹.

В письме неизвестному адресату в России от 23 октября 1885 г. Пашич писал, что «наши славянские братья, вероятно, увидят, что наша борьба с Миланом – это не только чисто сербский конфликт, она является составной частью борьбы всего славянского племени с западным "Drang nach Osten"»⁶².

Экономическая часть программы радикальной партии была разработана Михаилом Вуичем и была изложена им в труде "Наша экономическая политика"

(1883 г.). Он писал: "Направление, которым нам следует идти... это направление, ведущее к образованию нашей отечественной народной промышленности. Если мы хотим поднять как можно скорее уровень промышленности страны и чтобы она была действительно народной, а не иностранной, то прежде всего государство должно... приложить к этому свои усилия и с помощью кредитов (подчеркивания автора документа – С.Д.) помочь поднятию уровня необходимых отраслей... на основе объединения и взаимопомощи"⁶³.

В основе экономической платформы радикальной партии лежали интересы сербского национального государства и задачи сохранения его политической независимости в условиях растущей экспансии Австро-Венгрии. Нельзя не согласиться с утверждением А.Л.Шемякина, что "если в сфере политической радикалы... выдвигали крайне популистские и поэтому во многом демагогические требования, то экономический аспект их идейной доктрины отличался значительно бóльшим реализмом и взвешенностью"⁶⁴, ибо они ставили в качестве основной задачи достижение экономической эмансипации страны на базе развития собственной промышленности и отпора торгово-экономическому натиску Габсбургской империи.

Во внешнеполитическую часть своей программы радикалы не внесли пункт об опоре на Россию, но это подразумевалось как условие успешной борьбы с гегемонией Австро-Венгрии и против всевластия Милана Обреновича. Позднее Пашич писал: "Наша партия во внешней политике держалась славянской и православной России, а во внутренней политике – сербских обычаев и духа. Вот откуда происходит для многих непонятное явление, что почти весь народ тотчас встал на нашу сторону"⁶⁵.

Появление радикальной партии в Сербии - отражение новых общественно-политических отношений в конце 70 – начале 80-х годов. Радикализм вылился в массовое движение за глубокие реформы сербского общества с целью установления демократического

конституционного порядка. На первое место радикалы поставили требования политических свобод, конституционности и парламентаризма, а также децентрализации управления, самоуправления общин, срезов и округов. Под этим флагом они и вели борьбу против личного режима короля Милана в начале 80-х годов.

Агитационная деятельность лидеров радикалов, проводимая с необыкновенным упорством и последовательностью в невиданных масштабах, привела к тому, что численность членов партии уже в 1882 г. была довольно значительной, даже в небольших городках и местечках. Так, по данным сербского ученого Л.Павловича, она составляла: в Белграде – 307 человек, в Княжеваце – 437, в Крагуеваце – 82, в Крушеваце – 138, Свилайнице – 151, Ужице – 114 человек и т.д.⁶⁶. По данным Р.Милошевича, перед Тимокским восстанием 1883 г. партия насчитывала 45 тыс. человек⁶⁷.

Социальной базой радикальной партии было сербское крестьянство. Имеющиеся в распоряжении исследователей цифры говорят сами за себя. Так, в марте-апреле 1883 г. из 547 членов партии во Вратарнице 519 были крестьянами; в Пиротском крае из 450 радикалов 330 были крестьянами и т.д.⁶⁸.

С конца 70-х годов сербское крестьянство постепенно превращалось в значительную политическую силу. Сознание принадлежности к мощному движению углубляло политическое сознание сербских крестьян, убеждая в том, что их влияние на общественную жизнь страны может быть решающим. Важным показателем этого процесса стало активное участие представителей крестьянства в работе скупщины. Среди них выдвинулись настоящие народные трибуны – Димитрие Катич⁶⁹ и Ранко Тайсич, вслед за Адамом Богосавлевицем (он умер в 1880 г.) последовательно отстаивавшие интересы крестьян и выступавшие против усиления влияния Австро-Венгрии в Сербии.

Руководство радикальной партии состояло из представителей сербской образованной элиты. Большинство из них обучались в известных центрах европейской науки – Германии, Франции, Великобритании, России, Австро-Венгрии, Швейцарии.

Лидер партии Никола Пашич и Пера Велимирович были студентами Высшей политехнической школы в Цюрихе (по специальности "строительное искусство и архитектура"). Здесь же изучал педагогику П.Тодорович, а геологию Йован Жуевич, впоследствии защитивший докторскую диссертацию в Сорбонне в Париже. Гига Гершич стал юристом в Пеште, а ученую степень доктора наук получил в Вене. Светомир Николаевич прослушал курсы лекций по литературе в Цюрихе, Берлине, Париже и Лондоне. Лаза Пачу получил медицинское образование в Цюрихе. Раша Милошевич закончил курс химической технологии в Петербургском технологическом институте. Сава Груич также учился в российской столице – он окончил Военную Академию. Коста Таушанович изучал экономику в Чехии и Германии. Михаил Вуич получил степень доктора философии в Лейпциге⁷⁰.

Благодаря изысканиям сербских историков В.Крестича и Р.Люшича стало известно о попытке основания в начале 80-х годов XIX в. еще одной сербской политической организации - народной демократической партии, объединившейся вокруг газеты "Народно ослободжене" ("Народное освобождение"), издателем и собственником которой был Манойло Джорджевич-Призренац. Однако эта группировка, уделявшая главное внимание сербской национальной идее и внешней политике, так и не конституировалась, а ее газета перестала выходить в 1883 г.⁷¹

* * *

Будущие напредняки и радикалы, составившие объединенную оппозицию режиму либералов, прекрасно понимали, что предстоящие осенью 1880 г. выборы в

скупщину – первые выборы в "свободной Сербии" – должны решить не только судьбу страны, но и их собственную. Предвыборная агитация была развернута в невиданных для Сербии масштабах. Либералы, стремившиеся удержаться у власти, использовали все находившиеся в их распоряжении средства принуждения и давления в целях обеспечения благоприятных для своих сторонников результатов выборов. Однако события развивались в ином направлении.

28 марта (9 апреля) 1880 г. между Австро-Венгрией и Сербией была подписана так называемая железнодорожная конвенция⁷², согласно которой княжество должно было построить дорогу Белград-Ниш-Вране, а также соединить свою ветку с австро-венгерской от железнодорожной станции Белград до Савского моста. Подписание конвенции дипломатический представитель Великобритании охарактеризовал как "первый шаг Австро-Венгрии к аннексии Сербии"⁷³.

На очередь дня встал вопрос о заключении торгового договора, в чем было весьма заинтересовано независимое Сербское государство. Однако Вена не спешила с этим, так как на Берлинском конгрессе было установлено, что в землях бывших турецких вассалов будут действовать прежние договоры (1862 г.), весьма выгодные для Австро-Венгрии, вплоть до заключения новых.

В целях упрочения своей независимости, а также для того, чтобы заставить Вену начать переговоры, Сербия еще в 1879 г. заключила временные торговые соглашения с Италией (8 мая), Россией (19 мая), Швейцарией (26 июля), Бельгией (23 октября)⁷⁴.

Начавшиеся в конце концов сербо-австрийские переговоры проходили в крайне напряженной обстановке и неоднократно прерывались по инициативе Вены. Один из лидеров либеральной партии В.Йованович в уже упоминавшихся мемуарах отмечал, что Габсбургская монархия стремилась к заключению таможенного союза, который, создав режим наибольшего благоприятства-

ния для развития ее промышленности, приблизил бы два государства и к политическому союзу. Отражая точку зрения правящей партии, Йованович писал, что не нужно долго заниматься сравнением уровня развития сельского хозяйства и промышленности Сербии и Австро-Венгрии, чтобы прийти к выводу, что таможенный союз между ними был бы просто губительным, катастрофическим для хозяйства Сербского княжества. Экономическое преобладание, безусловно, привело бы и к усилению политического влияния Австро-Венгрии в регионе. Сторонник политики протекционизма Йованович выступал за развитие торговых отношений Сербии с Россией, за заключение между ними взаимовыгодного торгового договора, что способствовало бы сближению двух народов и стало бы гарантией "успеха славянского дела вообще"⁷⁵. Однако Петербург в тот период не был готов к этому.

Глава кабинета Ристич выступал за экономическое равноправие Сербии и отказывался подписать договор на кабальных условиях, предложенных Веней, гарантировавших последней значительные односторонние преимущества. Сербский премьер был настроен весьма решительно и выражал готовность к таможенной войне, но не получил поддержки внутри страны, на которую рассчитывал. В конце 70-х годов общественное мнение было явно против либералов. Слишком много негативного связывалось с их правлением, особенно в последние годы — послевоенная разруха, финансовый кризис, разорение крестьян и ремесленников, усиление налогового гнета, отмена демократических законов 1875-1876 гг. и т.д. В глазах сербов, по выражению сербского публициста М.Йовановича-Стоимировича, глава либерального правительства являлся "олицетворением бюрократизма и полицейского государства" и в начале 80-х годов был ненавидим как никто другой в Сербии⁷⁶.

В ситуации с торговым договором Ристича не поддержали прежде всего сельские хозяева, заинтересованные в вывозе своей продукции в Австро-Венгрию, и

торговцы, наживавшие немалые капиталы за счет внешней торговли. Их недовольство намерениями кабинета тотчас же использовала оппозиция, усилившая критику его деятельности.

Князь Милан, не разделявший "патриотическую" позицию Ристича, был готов заключить договор и без него. В августе 1880 г. он лично вел переговоры, в которых глава кабинета отказался участвовать. В стране развернулась мощная кампания протеста против договора. В этих условиях Вена прибегла к открытому давлению – 5(17) октября 1880 г. через австро-венгерского посланника в Белграде правящему кабинету был передан ультиматум следующего содержания: Габсбургской монархии должно быть предоставлено право наибольшего благоприятствования без каких-либо ограничений и условий. В противном случае, отмечалось в документе, будет применен закон о закрытии ее рынка для сербских товаров. Таким образом, правительство Ристича поставили перед выбором: политическая капитуляция или таможенная война. Глава кабинета был готов к "экономической войне" в целях сохранения независимости государства. Однако князь Милан, уже решившись на "новый курс", к тому же стремясь наконец-то освободиться из-под "опеки" своего бывшего первого регента и править самостоятельно, был непреклонен.

19(31) октября 1880 г. князь принял отставку правительства Ристича. Новый кабинет возглавил один из лидеров "младоконсерваторов" юрист Милан Пирочанац. Соглашаясь на это назначение монарх потребовал выполнения своих условий – назначить главой внешнеполитического ведомства страны и одновременно министром финансов пользовавшегося его особым расположением Ч.Мятовича, а военным министром преданного князю генерала Милойко Лешанина (через год он будет сменен генералом Тихомилем Николичем). Министром внутренних дел стал М.Гарашанин, а министром просвещения и

церковных дел – Ст.Новакович, будущие видные напредняки.

Итак, после Берлинского конгресса независимое Сербское государство вступило в новый этап своего развития. Перед страной стоял целый ряд задач – восстановление нарушенного войной хозяйства, преодоление экономического и финансового кризиса, строительство железных дорог, столь необходимых для расширения внутреннего рынка и внешней торговли, освоение вновь присоединенных территорий и др. В политической сфере было также немало задач и прежде всего модернизация политического строя и конституционная реформа. Как справедливо отмечал сербский историк М.Живанович, с начала 80-х годов Милан Обренович "очень быстро стал не только главным, но и решающим политическим фактором в Сербии; начинался период его личного правления"⁷⁷.

Новым явлением общественно-политической жизни независимой Сербии стали складывавшиеся в этот период и окончательно организационно оформившиеся в начале 80-х годов политические партии. Их деятельность и борьба стала неотъемлемой частью внутривнутриполитического развития страны на протяжении двух последующих десятилетий.

При рассмотрении комплекса проблем, связанных с процессом развития независимого Сербского государства после Берлинского конгресса, следует подчеркнуть значительную роль внешнего фактора. Два государства оказывали с самого начала значительное влияние на внутри- и внешнеполитическое развитие Сербии – это ее "ближайший сосед" Австро-Венгрия, стремившаяся к гегемонии в княжестве, и давняя "покровительница" Россия, выдавливаемая союзниками с Балкан, но не желающая терять свое влияние в славянских землях региона. Ситуация усугублялась тем, что правящие круги Сербии во главе с князем "определились" в пользу Австро-Венгрии, а широкие народные массы не желали союза со "швабами"

ни в каком виде. Именно здесь следует искать истоки русофильства сербского крестьянства, руководимого радикальной партией, а также причины того противостояния по линии "король – народ", которое в значительной степени определило внутривластическое развитие Сербии в 80-90-е годы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Стојичић Сл. Нови крајеви Србије. 1878-1883 (Државноправно и политичко изједначање новоослобођених крајева с доратном Кнежевином Србијом). Лесковац, 1975. С. 11.

² Србија 1878. Документи. Београд. 1978. С. 585.

³ Живановић Ж. Политичка историја Србије у другој половини деветнаестог века. Књ. 2. С.6.

⁴ Устави Кнежевине и Краљевине Србије 1835-1903. Београд. 1988.С.115. (статья Сл.Стоичич "Конституција 1888 г.").

⁵ См. Продановић Ј. Уставни развитак и уставне борбе у Србији. С. 185-203; Стојичић Сл. Уставни развитак Србије. 1869-1888.С. 26-36.

⁶ Јовановић Сл. Наше уставно питање у XIX веку //Политичке и правне расправе. Београд. 1908.1. С. 1, 6.

⁷ См. Казимировић В. Никола Пашић и његово доба. 1845-1926. С.302.

⁸ В одну только Австро-Венгрию ежегодно вывозилось 200 тыс. свиной общей стоимостью 12 млн.дин. (См. Стојановић К. Економско стање Србије од окупације Босне и Херцеговине до анексије, од 1878 до 1908. Београд. 1909. С. 38).

⁹ Вукомановић М. Радничка класа Србије у другој половини XIX в. Београд. 1972. С. 57.

¹⁰ АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 8897. Л. 4-12 об.

¹¹ См.: Нјуркаева А.З. Рабочий класс Сербии в борьбе за демократию в период довоенного империализма // Проблемы рабочего движения развитых капиталистических стран в XIX-XX веках. Пермь. 1986. С.3.

¹² Историја Београда. Београд, 1974. Књ. 2. С. 411.

¹³ АВПРИ. Ф.Славянский стол. Д. 8897. Л. 13.

¹⁴ Чубриловић В. Србија и Аустрија у XIX веку.//Међународни научни скуп "Велике силе и Србија пред први светски рат", одржан 13-15 септембра 1974. Београд, 1976.С.21.

- 15 Цит. по: *Исламов Т.М.* *Монархия Габсбургов и оккупация Боснии и Герцеговины // Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. Posebna izdanja. Sarajevo, 1977. Knj. XXX: Odjeljenje društvenih nauka. Knj. 4. S. 158.*
- 16 АВПРИ. Ф. Политический архив (далее ПА), 1895 г. Д. 466. Л. 1 об. - 2.
- 17 *Шемакин А.Л.* *Сербская национальная идея в 1878-1903 гг. Время разочарования и осмысления. С.б. Рукоп.*
- 18 *Сказкин С.Д.* *Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. 2-е изд. С. 159.*
- 19 *История дипломатии. Т. II. М., 1963 (автор тома – В.М.Хвостов). С. 156-157.*
- 20 Цит. по: *Киняпина Н.С.* *Балканы и проливы во внешней политике России в конце XIX века (1878-1898). М. 1994. С. 34.*
- 21 *История дипломатии... С. 145.*
- 22 *Сказкин С.Д.* *Указ.соч. С. 262.*
- 23 АВПРИ. Ф. Отчеты. 1881 г. Л. 25-25 об.
- 24 *Јован Ристић.* *Биографске и мемоарске белешке од Бранка Петровића. С. 89.*
- 25 *Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 14. Д. 190. Л. 10.*
- 26 АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 9039. Л. 14-17.
- 27 Там же. Л. 18; *Российский Государственный Военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 970. Оп.2. Д. 2233. Л. 8-10 (Д.А.Милотин - Р.А.Фадееву 11 октября 1878 г.).*
- 28 АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 9039. Л. 22.
- 29 Там же. Л. 34-34 об.
- 30 *Васильевич А.* *Моје успомене. Београд. 1990. С. 131, 198-202.*
- 31 АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 9039. Л. 34-34 об.
- 32 Там же. Л. 22-22 об.; *Васильевич А.* *Указ.соч. С. 137-138.*
- 33 АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 9039. Л. 93 об., 94-94 об.
- 34 Там же. Ф. ПА. 1881 г. Д. 414. Л. 32.
- 35 Там же. Л. 33 об., 34.
- 36 *Лавелз де Э.* *Балканский полуостров. Ч. 1, С. 184.*
- 37 *Ђоровић В.* *Портрети из новије српске историје. Београд, 1990. С. 194.*
- 38 *Екмечић М.* *Стварање Југославије. Београд, 1989. Т.2. С. 373.*
- 39 См.: *Васильевич А.* *Моје успомене. С.4. (Вступительная статья Р.Люшича); Люшић Р.* *Србија 19.века. Београд, 1994. С. 135.*
- 40 *Љушић Р.* *Указ.соч. С. 142.*
- 41 *Каљевић Љ.* *Моје успомене. Београд. 1908. С. 24.*
- 42 См.: *Казимиrowић В.* *Никола Пашић и његово доба... С. 368.*

43 *Продановић Ј.* Историја политичких странака и струја у Србији. Београд, 1947. Књ. 1. С. 445-446 (Последњом публикацијом програма либералне партије см.: Програми и статуте српских политичких странака. Београд, 1991. С. 121-125).

44 Историја српског народа. Београд, 1983. Шеста књига. Први том. С. 35.

45 *Лавелз де Э.* Балкански полуостров. Ч. 1. С. 200-201.

46 Историја српског народа... С. 35-36.

47 *Милићевић Ј.* Опозиција у Србији уочи стварања организованих политичких странака (1878-1881)//Историјски гласник.1969. № 2. С. 16.

48 Историја српског народа... С. 37.

49 *Продановић Ј.* Историја политичких странака... С. 444-445.

50 См.: Програми и статуте српских политичких странака... С. 108.

51 Там же. С. 109.

52 *Јовановић В.* Успомене. Београд, 1990. С. 454-455.

53 Это признавали и будуће противници Милана – радикалы. Один из лидера партије Р.Милошевић писао: "Политичка борба у журналистици прекинула се још у 1876 г. Новим полем политичке борбе с 1878 г., т.е. после сербо-турских војна, стала народна скупштина" (*Милошевић Р.* Тимочка буна 1883. године. Београд, 1926. С.9).

54 Програма напредњачке партије први пут била објављена 10 (22) јануара 1881 г. у газети "Видело".

55 *Лавелз де Э.* Балкански полуостров... Ч.1. С. 201.

56 *Шемякин А.Л.* Радикално покретање у Србији. Зарођење, стањење, први шагои. 1875-1883. М., 1993. С. 79.

57 *Перовић Ј.* Предговор// Тодоровић П. Крвава година. Београд, 1991. С.31.

58 *Шемякин А.Л.* Српска национална идеја... С. 31.

59 *Карасев В.Г.* Революциона-демократичка идеологија и балкански социјализам (60-70-е године XIX в.)//Развој општественог мишљења у странама Централне и Југо-Восточне Европе. М., 1991. С. 86.

60 *Шемякин А.Л.* Српска национална идеја... С. 29.

61 Цит. по: *Шемякин А.Л.* За кулисама сербо-болгарске војне. Српска радикална емиграција у Бугарини и Румунији осењом 1885 године. Рукоп. С. 13.

62 *Раденић А.* Радикална странка и Тимочка буна 1883. године. Зајечар. 1988. Књ. 2. С. 931.

63 *Вујић М.* Наша економна политика. Београд, 1888. С. 72-73.

64 *Шемякин А.Л.* Радикално покретање у Србији... С. 85.

65 *Шемякин А.Л.* Српска национална идеја...С.23.

66 *Павловић Љ.* Радикална странка у Србији пре Тимочке буне према архивској грађи из збирке музеја у Смедереву. Смедерево, 1984. С. 38-170.

67 *Јанковић Др.* О политичким странкама у Србији XIX века. Београд, 1951. С. 262.

68 *Протић М.Ст.* Радикали у Србији. Идеје и покрет. 1881-1903. Београд, 1990. С. 127.

69 О смрти Д.Катича, "одног из главнијих представитеља радикалне партије", руски дипломатски представитељ у Београду П.Б.Мансуров саопштио у свом доносима у Петербург 20 марта 1899 г. Событие это, по его словам, произвело большое впечатление по всей Сербии. "Зажиточный, но простой крестьянин, Катич был по своей неподкупности значительной силой в стране и опорой своей партии, – писал дипломат. – Не получив обширного образования, он никогда не принадлежал к составу какого-либо правительства, но благодаря общему уважению он бывал избираем председателем народной скупщины, возвращаясь затем наподобие древних римлян к обработке своего поля. В стране и скупщине он обладал огромным, иногда решающим влиянием, которое, быть может, не всегда было по сердцу мнившим себя выше его стоящим образованным руководителям партии. При кончине его сказалося все-народное к нему уважение" (АВПРИ. Ф. ПА. 1899 г. Д. 485. Л. 226-226 об.). "Катич, – отмечал в заключение Мансуров, – имел случай не раз заявить себя неподкупным и неустрашимым противником короля Милана..." (Там же. Л. 227).

70 *Протић М. Ст.* Указ.соч. С. 132-133.

71 Програми и статути... С. 127-128.

72 Дискусија у скупштини по поводу ње ратификације продужавала се неколико дана – с 20 маја (1 јуна) до 24 маја (5 јуна) 1880 г. Поимено гласање дало следеће резултате: из 165 присутствуюћих депутата "за" гласовали 122, "против" – 40, троје воздржали се. Против прогласовали све радикали, напредњаци и познати либерал Т.Туцаковић (См.: *Раденић А.* Радикална странка... Књ. I. С. 180).

73 Србија 1878... С. 594-595.

74 Историја српског народа... С. 56.

75 *Јовановић В.* Успомене... С. 442-445.

76 *Јовановић-Стојимировић М.* Силуете старог Београда. Књ. II. С. 53.

77 См.: *Живановић М.* Прилози за проучавање питања империјалистичког продирања Аустро-Угарске у Србију – од Берлинског конгреса (1878) до закључења трговинског уговора (1881)//Српска Академија наука. Грађа. Београд, 1956. Књ. 12. С. 130.

Напредняки у власти

Отставкой кабинета Й.Ристича завершился один и начался другой, качественно новый, период в политическом развитии Сербии¹. Наступивший этап общественно-политической жизни княжества имел для всех ее участников решающее значение.

В целях окончательного вытеснения Ристича с политической арены правительство распустило скупщину и назначило новые выборы. Предвидя их результаты, П.А.Кулаковский писал профессору Московского университета Н.А.Попову: “Выборы в Сербии, кажется, против Ристича будут... Внутри земли это был деспот, своенравный и грубый”².

Для участия в выборах между однопартийным правительством напредняков и лидерами радикалов было заключено соглашение о предвыборном блоке с тем, чтобы не допустить в скупщину нового созыва сторонников Ристича. Эта тактика полностью оправдала себя – 30 ноября 1880 г. либералы потерпели сокрушительное поражение – в скупщину было избрано лишь 7 членов их партии³.

Самой неотложной задачей нового правительства стало возобновление прерванных переговоров с Австро-Венгрией о заключении торгового договора. 24 апреля (6 мая) 1881 г. он был наконец подписан (эту дату радикалы назвали “черным днем для сербской независимости”).

Монархия Габсбургов получила исключительные привилегии, а именно: льготные таможенные пошлины на ввозимые из Австро-Венгрии товары были распространены на всю Сербию; она обязывалась не взимать пошлины с тех товаров, которые она сама не производила, а также не могла устанавливать внутренние пошлины на

австрийскую продукцию выше, чем на отечественную⁴. В результате заключения торгового договора правящие круги Австро-Венгрии добились исключительного положения на рынке своего партнера и получили большие возможности для контроля над развитием сербской экономики.

В свою очередь монархия Габсбургов предоставляла княжеству льготы в сбыте сельскохозяйственной продукции на австрийском рынке. Так, таможенная пошлина на свиней была снижена только для Сербии. Подобная мера имела целью теснее связать сербский сельскохозяйственный рынок с промышленностью Австро-Венгрии, превратить Сербию в ее аграрный придаток.

По оценке современных сербских ученых, этот договор являлся чем-то средним между торговым договором и таможенным союзом⁵.

Следует признать, что в период нормальных отношений с Австро-Венгрией договор предоставлял довольно благоприятные условия для развития торговли и экономики Сербии в целом. Он отвечал интересам сербских крестьян, вывозивших сельскохозяйственную продукцию на рынки Пешта и Вены, чем и объяснялась их поддержка этой непопулярной в глазах оппозиции акции напредняцкого правительства. Однако заключенный договор не защищал сербского экспорта в случае ухудшения отношений двух стран. В целях оказания политического давления на белградское правительство Вена довольно часто впоследствии прибегала к испытанному и верному средству – закрывала свою границу для ввоза скота из Сербии.

Ратификация договора во вновь избранной скупщине проходила в крайне напряженной обстановке, несмотря на то, что большинство ее членов были сторонниками напредняцкого правительства. Против соглашения резко выступили известные радикалы и депутаты, пользующиеся влиянием – священник Маринко Петрович, А.Станоевич, Р.Милошевич, К.Таушанович, Д.Ка-

тич, П.Вукович и др. Крестьянский депутат Р.Тайсич заявил, что последствия договора “наши потомки с горечью почувствуют на себе...”⁶. Однако он все же был утвержден большинством голосов⁷.

В сложившейся ситуации в своих выступлениях в парламенте и на страницах газеты “Самоуправа” радикалы начали настойчиво проводить мысль о необходимости заключения торгового договора с Великобританией и расширения связей с английскими фирмами. По их мнению, только Англия могла отразить экономическую экспансию Австро-Венгрии на Балканах и оказать поддержку экономической борьбе Сербии с монархией. А реальную помощь в ее борьбе против политической экспансии Австро-Венгрии Сербия может получить от России, хотя она и является “деспотическим государством”⁸.

* * *

Какова же была позиция российской дипломатии в связи с политическими переменами в Сербии?

Изученные документы свидетельствуют, что в Петербурге отдавали себе отчет в том, что в общественно-политической жизни Сербского княжества с приходом к власти напредняков наступил новый этап. Например, в Отчете МИД констатировалось: “С падением в конце 1880 г. министерства Ристича политика Сербии совершенно изменилась”. В этом ведомстве понимали, что новый кабинет составили деятели “самых либеральных убеждений, поставившие себе задачей изменить весь государственный строй своего отечества”⁹. Однако никакой негативной реакции в связи с приходом к власти напредняков первоначально не последовало. Довольно миролюбивым был и тон российской периодической печати в отношении кабинета М.Пирочанца, что в значительной степени, думается, можно объяснить определенными надеждами общественных кругов на изменение внешней политики Сербии в плане установления более тесных ее отношений с Россией. Например, характеризую новое

сербское правительство, славянофильская “Русь” (изд. И.С.Аксаков) заявляла, что нет пока оснований думать, что оно “поведет свою землю по ложному пути или воспользуется властью для эгоистических видов своей партии”¹⁰.

В конце 1880 – начале 1881 г. в Петербурге не было еще достаточной информации о деятельности кабинета напредняков (несмотря на добросовестную работу российского дипломатического представительства в Белграде) для того, чтобы занять определенную позицию.

Однако ситуация резко изменилась после того, как известный прорусскими симпатиями и связями со славянофилами Москвы и Петербурга сербский митрополит Михаил 18 октября 1881 г. был незаконно смещен с митрополичьего престола и вскоре был вынужден покинуть Сербию¹¹.

Этот акт вызвал крайнее неодобрение российских официальных кругов. На донесении Персиани из Белграда от 16 (28) сентября 1881 г. об ухудшении отношений между князем Миланом и митрополитом Александр III написал: “Нам непременно надо поддерживать митр[ополи-та] Михаила”¹². Министру-резиденту в Белграде поручалось сообщить сербскому князю о том неблагоприятном впечатлении, которое это событие произвело на императора¹³.

Глава Святейшего Синода К.П.Победоносцев считал, что сербский церковный вопрос необходимо решать дипломатическим путем. В личном письме Н.К.Гирсу, замещавшему престарелого А.М.Горчакова на посту министра иностранных дел, он убеждал своего адресата, что “удаление митрополита неразрывно связано с внутренней политикой сербского министерства и Россия имеет право заявить, что эта политика ложная, противонациональная и пагубная для Сербии и разрушительная для добрых отношений с Россией”¹⁴.

Общественное мнение было целиком на стороне опального митрополита. Сообщая о тех гонениях,

которым подвергся этот церковный и общественный деятель, всегда стремившийся “содействовать укреплению дружественных отношений к России”, газета “Московские ведомости” называла действия кабинета Пирочанца “делом возмутительной неправды”¹⁵.

По мнению газеты А.С.Суворина “Новое время”, устранение священнослужителя незаконно и сделано в угоду Австро-Венгрии, которая стремится утвердить свое экономическое и политическое господство в Сербии и покончить с “русским влиянием”¹⁶. Выступая в защиту митрополита Михаила, газета ставила дальнейшее “поддержание” российско-сербских отношений в зависимость от решения церковного вопроса в Сербии в его пользу¹⁷. Против смещения митрополита высказалась и аксаковская “Русь”, назвав его “диким насилием”¹⁸.

На своем заседании 21 ноября 1881 г. санкции против сербского иерарха осудило Санкт-Петербургское славянское благотворительное общество¹⁹.

Вскоре Петербургом был предпринят ряд дипломатических мер²⁰, которые, впрочем, в тот момент оказались безрезультатными, после чего Михаилу было предоставлено убежище в России. Он поселился в Киево-Печерской Лавре и получал помощь от российского правительства. И позднее Россия неоднократно выступала в защиту его прав²¹.

Никаких более решительных мер Россия в тот момент предпринять не могла, так как незадолго до этого, 18 июня 1881 г., подписала с Австро-Венгрией и Германией договор, который, подобно акту 1873 г., вошел в историю под названием “Союз трех императоров”. В отличие от прежнего, который был консультативным пактом, новый договор представлял собой соглашение о нейтралитете. Согласно ст. 2-й Россия заявляла о “своем твердом решении уважать интересы Австро-Венгрии, вытекающие из ее нового положения, обеспеченного ей Берлинским трактатом”. Под “новым положением” Австро-Венгрии подразумевалась оккупация Боснии и

Герцеговины и преобладающее влияние в западной части Балканского полуострова, включая Сербию. Далее говорилось, что все три участника договора “дают взаимное обещание в том, что какие-либо изменения в территориальном status quo в Европейской Турции могут произойти не иначе, как по их взаимному соглашению”²².

Соблюдение положений этого договора препятствовало России проводить активную политику в сербском вопросе в рассматриваемый период.

* * *

Пришедшие к власти в Сербии напредняки были уверены в правильности внешнеполитической ориентации на Австро-Венгрию, прежде всего с точки зрения создания благоприятных условий для развития сербской экономики, связанной с рынком Габсбургской монархии. Кроме того, Австро-Венгрия была для напредняков “окном в Европу” – ведь стремясь к созданию цивилизованного государства, они хотели перенести на сербскую почву европейские, в первую очередь, политические институты. И наконец, проповедовавшие “цивилизационное австрофильство” напредняки недооценивали стремления Вены осуществлять экспансию далее на юго-восток. М.Пирочанц отмечал, например, что двуединая монархия не может быть так опасна для сербского и болгарского народов как Россия, ибо не обладает мощностью последней, которая может быть использована “для уничтожения любого народного стремления, не отвечающего ее интересам”²³.

Инициатором и вдохновителем проавстрийского внешнеполитического курса был сам князь Милан. Его австрофильство было результатом взаимодействия сложных внешних и внутренних факторов. Разочарованной позицией России на заключительном этапе Восточного кризиса и ее поддержкой Болгарии в ущерб

сербским интересам, князь Милан уже весной 1878 г. решил искать покровительства Вены. Он учитывал и сложную внутривластную обстановку – рост влияния оппозиции, недовольство крестьянских масс политикой кабинета либералов. Нельзя сбрасывать со счетов и постоянный патологический страх Милана перед возможным переворотом в пользу соперничающей династии Карагеоргиевичей, имевшей в Сербии немало сторонников. Монархия Габсбургов представлялась Милану единственной твердой гарантией сохранения за ним и его потомками сербского престола. Ради этого он сознательно пошел на ограничение суверенитета собственной страны и 16 (28) июня 1881 г. без ведома скупщины и правительства заключил Тайную политическую конвенцию с Австро-Венгрией сроком на 10 лет²⁴, по которой Сербия отказывалась от всяких притязаний на Боснию и Герцеговину и Нови-Пазарский санджак. Без предварительного согласования с Австро-Венгрией она не могла ни вести переговоры, ни заключать политические соглашения с другими государствами²⁵. Ст. IV конвенции содержала также обещание Сербии не допускать на свою территорию иностранные войска даже под видом добровольцев. Текст документа был подготовлен лично Миланом во время его пребывания в Вене при непосредственном участии барона Гаймерле и Б.Каллая. В окончательном варианте конвенцию, кроме князя, подписал лишь Ч.Миятович, а затем документ был представлен главе правящего кабинета М.Пирочанцу и министру внутренних дел М.Гарашанину. Министры расценили ст. IV как шаг к установлению протектората Австро-Венгрии над Сербией и даже сравнили его с французским протекторатом над Тунисом, установленным как раз в 1881 г. Не согласные с действиями князя, Пирочанец и Гарашанин заявили о своем намерении уйти в отставку. Милан находился в довольно сложном положении, ибо в этом случае неприглядная тайна могла быть раскрыта, что было чревато непредвиденными последствиями. На

помощь князю пришла австро-венгерская дипломатия. 10 октября 1881 г. Пирочанац и Каллай составили в Вене дополнение к Тайной конвенции, в котором подчеркивалось, что ст. IV необходимо понимать лишь как обязательство Сербии без согласия Австро-Венгрии не заключать международные соглашения, противные духу и букве документа. Между тем 24 октября Каллай получил тайное обязательство Милана придерживаться заключенной конвенции без каких-либо добавлений и разъяснений. Ничего не подозревавшие Гарашанин с Пирочанцем, довольные тем, что смогли убедить монарха, в свою очередь, утаили факт ее существования и содержание от других членов кабинета²⁶.

Следует отметить, что несмотря на самую строгую секретность, в условиях которой велись переговоры, в сербских и европейских дипломатических и общественных кругах сразу же после заключения конвенции появились слухи о ее существовании. Н. Пашич писал, что знал о ней, но с ее содержанием познакомился лишь после 1 апреля 1893 г. Тогда же ее прочел и новоиспеченный король Александр, который, по свидетельству очевидцев, якобы воскликнул: “Но ведь это же предательство!”²⁷.

“Самоуправа” (орган радикалов) писала в 1882 г., что “иностранная газеты сообщают о некоей военной конвенции между сербским и австро-венгерским правительствами”, которая, возможно, в будущем станет “грозной реальностью”, а скупщина и сербский народ достоверно ничего об этом не знают”²⁸.

О существовании политического союза между Белградом и Веной было известно общественным и официальным кругам России. Так, славянофил И.С. Аксаков, по свидетельству В.Йовановича, был уверен, что по тайному соглашению “Сербия отдана Австрии”²⁹.

Уже в феврале 1882 г., т.е. через полгода после подписания конвенции, Персиани получил из Петербурга инструкции, предписывавшие ему учитывать факт ее существования. “Каковы бы ни были основы соглашения,

заключенного между Сербией и Австрией, – писал Гирс Персиани, – его осуществление – дело длительное. Многие обстоятельства и, особенно, реакция народа против подобного подчинения Австрии смогут изменить положение дел... Ваша позиция тем временем должна быть очень осторожной. Наши симпатии, естественно, принадлежат консервативной партии старых сербских традиций; тем не менее, будучи аккредитованы при князе Милане, Вы не можете поддерживать явные и близкие отношения с руководителями оппозиции правительству. Вы не можете также проявлять свое неодобрение в то время, когда его политика принесла удовлетворение национальным чувствам, которое мы можем лишь приветствовать, – Вы сумеете в подобной ситуации руководствоваться присутствующим Вам тактом”³⁰.

По мнению Сл. Йовановича, Тайная конвенция 1881 г. “была неизбежна”, и главное ее значение состояло в том, что она обезопасила Сербию “от австрийской враждебности” в трудное для молодого независимого государства время, когда ее никто не мог защитить: “Россия не могла, а Европа не хотела”³¹.

Думается, что в рассуждениях авторитетного сербского историка имелось рациональное зерно. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением современного исследователя Др. Годоровича о том, что Тайная конвенция 1881 г. “как дамоклов меч будет висеть над Сербией и определять направление ее внешней и внутренней политики вплоть до начала XX века”³². Факт остается фактом – это соглашение подвергло серьезному сомнению сербский суверенитет.

* * *

Выше отмечалось, что для участия в скупщинских выборах 1880 г. между напредняками, уже составившими свой кабинет, и лидерами радикалов было заключено соглашение о предвыборном блоке, главной целью которого

являлось не допустить в скупщину нового созыва сторонников Ристича.

Однако совместная борьба против либералов и их режима принесла напреднякам и радикалам различные результаты. Первые получили министерские портфели и преобладающее большинство в скупщине, радикалы же не получили практически ничего – после их общей победы на выборах кабинет остался по-прежнему однопартийным, а Н.Пашич, признанный лидер радикальной партии, не был утвержден королем в качестве вице-председателя скупщины, хотя за него проголосовало подавляющее большинство депутатов³³.

С падением кабинета Ристича главная цель, которую преследовали напредняки при заключении соглашения с радикалами, была достигнута. В новых условиях прежний союз стал для них ненужным. Эта позиция бывших союзников по предвыборному блоку вместе с резко отрицательным отношением князя к радикалам вызвала у лидеров их партии ответную реакцию, а именно: выделение радикальной фракции из общего парламентского большинства и ее оформление в виде парламентского клуба со своей программой и печатным органом. Вместе с тем, нельзя не согласиться с мнением А.Л.Шемякина, что “подготовка к конституированию отдельной радикальной организации началась задолго до созыва скупщины, в момент, когда сложились необходимые условия, т.е. сразу же после падения правительства Ристича, во время правления которого самостоятельная деятельность радикалов была невозможна”³⁴.

На первых порах отношения между бывшими союзниками внешне были достаточно корректными, но ситуация изменилась с началом практической деятельности кабинета напредняков.

Подписанная 22 января (3 февраля) 1881 г. “Общая конвенция о строительстве первой сербской железной дороги” с французской компанией “Юнион женераль”

включала договор о займе, крайне невыгодный для Сербии³⁵.

Во время обсуждения конвенции в скупщине с целью ратификации она подверглась резкой критике со стороны оппозиции во главе с Н.Пашичем – радикалы открыто заявляли, что за компанией Э.Бонту стоит Австро-Венгрия. Оппозиция обвиняла правительство, что оно заключило договор без конкурса, с предоставлением непропорционально больших гарантий компании, практически не обеспечив таковыми себя; что Бонту получает право эксплуатации будущей дороги сроком на 25 лет и что в результате этих непродуманных мер правительства расходы государственного бюджета увеличиваются на 6 млн. дин. в год³⁶.

Голосование дало следующие результаты: из присутствовавших 159 депутатов 97 выступили за конвенцию, 57 – против, 5 – воздержались³⁷.

В.Казимирович в своей книге привел письмо Н.Пашича, относящееся к 1885 г. и якобы предназначавшееся для Александра III, в котором он сообщал, что “главным поборником этого договора, кроме самого Бонту, был князь Милан”³⁸. Накануне голосования в скупщине монарх пригласил во дворец депутатов и пытался оказать на них самое грубое давление, заявив при этом, что тот, кто голосует против договора, выступает против него лично и что если это соглашение не будет утверждено, то Австро-Венгрия оккупирует Сербию³⁹.

Позднее стало известно о существовании тесных связей между “Юнион Женераль” и венским “Лендербанком” (Österreichische Länderbank), имевшим 30% капитала этой компании. Директор “Юнион женераль” Э.Бонту долгие годы жил в Вене и был одним из основателей “Лендербанка”. Уже в тот период он имел широкие планы, связанные со строительством железных дорог на Балканах под “покровительством” Австро-Венгрии⁴⁰.

В своей монографии “Правление Милана Обреновича” Сл.Йованович писал об объединении в деле

строительства железных дорог на Балканах “австрийской дипломатии и французского капитала”⁴¹.

Современники событий были уверены в подкупе князя Милана при подписании “Общей конвенции”. Правда, суммы при этом назывались разные. Одни утверждали, ссылаясь на “достоверные источники”, что Бонту оплатил долги расточительного Милана в размере 8 млн. франков⁴². Спустя полтора года Персиани писал Гирсу: “...Народу известно, что совершившиеся здесь события не обошлись без подкупа правителей страны, и мне пришлось еще год с чем-то тому назад слышать от германского поверенного в делах в Вене г-на Берхема...: он (король Милан – С.Д.) чувствует себя хорошо с четырьмя миллионами франков, которые он получил”⁴³.

В.Йованович в своих “Воспоминаниях” указывал, что на суде после банкротства “Юнион женераль” в Париже Бонту назвал сумму в 6 млн. франков, за которую он смог получить согласие на концессию от правящих кругов Сербии и депутатов-напредняков.

По сведениям В.Завацкого, служившего в управлении компании в Белграде, Бонту израсходовал на взятки в Сербии 3,5 млн. дин. Несомненный интерес представляет составленный Завацким список с обозначением сумм, полученных членами кабинета и некоторыми депутатами. С содержанием документа Персиани ознакомил Йовановича и даже разрешил снять с него копию (он приведен в “Воспоминаниях” сербского деятеля)⁴⁴.

Следует отметить, что борьба вокруг договора с Бонту продемонстрировала стремление монарха открыто вмешиваться в работу парламента и партийные дела, хотя многие деятели из окружения Милана считали подобную позицию опасной – ведь “по конституции монарх призван представлять единство народа и государства... должен всегда оставаться вне и над партиями и никогда не опускаться до того уровня, где ведется партийная борьба”. Но князь Милан, стремившийся играть решающую роль в политической жизни страны, считал, что он должен

“своим опытом и знаниями помогать делу общего прогресса и руководствоваться именно этой целью, принимая участие в обсуждении и решении политических проблем Сербии”⁴⁵.

Одновременно с ростом значения князя как субъекта политики происходило постепенное превращение напредняцкого кабинета в послушный инструмент в руках монарха. Впоследствии это станет более очевидным, но начало этому процессу было положено весной 1881 г.

История сделки с Бонту явилась одной из причин конфронтации между радикалами и Миланом Обреновичем, которая станет основным содержанием политической жизни Сербии в два последующие года и будет продолжаться, то затихая, то усиливаясь, до конца XIX в.

Прогрессивные законы 1881 г. о печати, союзах и собраниях, изданные напредняками, лидеры радикальной партии использовали в своих интересах. Благодаря закону о свободе печати они могли критиковать своих недавних союзников и их правительство, а опираясь на закон о свободе собраний получили возможность открыто разъяснять в массах свою программу и вести активную агитационную деятельность. И хотя сессия скупщины 1881 г. закончилась без обострения отношений, радикалы были настроены весьма критически. Н.Пашич констатировал: “Политика напредняцкой партии не оправдала тех надежд, того воодушевления, которыми сопровождалось формирование нового кабинета... Во внутренней политике она начала все больше употреблять те испытанные средства, которыми пользовался режим Ристича и которые она, будучи в оппозиции, подвергала постоянной критике”. Не обошел он вниманием и внешнюю политику напредняков, которая, по его оценке, “заключается в угодничестве перед Австро-Венгрией и во всевозможных ей уступках. В действительности же это никакая не политика, а предательство”⁴⁶.

Решительное столкновение двух тенденций в развитии Сербии было, таким образом, неизбежным.

В открытую борьбу против напредняков в скупщине радикалы вступили в 1882 г., когда их депутаты были исключены из всех скупщинских комитетов: по составлению адреса князю, прошений и жалоб, законодательного и финансового. В свою очередь они отказались подписать адрес князю и войти в делегацию, которая должна была вручить его монарху. Радикалы подготовили свой проект адреса от имени скупщинского меньшинства, в котором подвергли критике внутреннюю и внешнюю политику правящего кабинета. В документе выражалось желание улучшить отношения с Россией, ибо только тогда, по мнению его авторов, сербский народ может надеяться на “лучшее будущее”⁴⁷. В проекте говорилось также о настоятельной необходимости переустройства системы государственной власти. Адрес был подписан 51 депутатом, и среди них были те, кого в недалеком будущем за участие в Тимокском восстании приговорят к смертной казни, тюремному заключению или каторге. Кроме руководства партии в Белграде (Н.Пашич, Р.Милошевич, К.Таушанович), документ подписали активные участники радикального движения Восточной Сербии: Аца Станоевич, Маринко Ивкович, Станко Петрович, Риста Чусич, Люба Дидич, Жика Миленович и Станое Динич⁴⁸. Этим актом был ознаменован окончательный разрыв недавних союзников – радикалов и напредняков.

Во время дискуссии по поводу адреса скупщины лидер радикалов Н.Пашич несколько раз брал слово. Он критиковал действия правительства в связи с заключением договора с компанией Бонту. Резкому осуждению была подвергнута и проавстрийская, объективно антинациональная внешняя политика напредняков. При этом Пашич подчеркивал, что “сербскому элементу на Балканах” наибольшая опасность грозит от Австро-Венгрии и что от нее Сербию может оградить только Россия, ибо она в то же время защищает и свои собственные интересы⁴⁹.

На критику внешней и внутренней политики правительства со стороны радикалов в скупщине 1882 г. Милан реагировал с плохо скрываемой яростью. Усмотрев в активизации оппозиции не только нежелательное препятствие на пути к усилению личной власти, но и опасность для династии, он буквально бросился на помощь кабинету напредняков. В своем выступлении в скупщине он назвал депутатов от радикальной партии “уличным сбродом” и пригрозил, что “растопчет их, как разбившееся стекло”⁵⁰. Эти слова Милана быстро подняли политическую температуру в стране и способствовали активизации деятельности радикальной партии. Радикалов же вдохновляла растущая поддержка масс, что выражалось в успешной организации местных комитетов по всей стране, формируемых в соответствии с партийным уставом, опубликованным в “Самоуправе” в декабре 1881 г.

И вот в такой ситуации пришло сообщение о банкротстве компании Бонту. Долг “Юнион женераль” Сербии составил почти 35 млн. франков⁵¹. Князь и его окружение переживали тяжелые дни. Ч.Миятович, подготовивший договор с Бонту, помышлял даже о бегстве в Америку⁵². Однако на помощь Милану и правительству пришла Австро-Венгрия. Ее министр иностранных дел Жальноки высказал настоятельное пожелание сохранения в Сербии статус-кво, гарантируя свою поддержку в деле поиска выхода из финансового кризиса⁵³.

Действительно, в результате двухмесячных переговоров в Париже при посредничестве и активном участии представителей Австро-Венгрии Ч.Миятовичу удалось подписать договор с обществом “Comptoir National d’Eskompte” – оно взяло обязательство по строительству сербской железной дороги. Опасность финансового краха миновала, и хотя факт значительного ущерба был налицо, самого страшного удалось избежать. Кроме того, поддержка Вены оказалась весьма кстати и в еще одном предприятии сербского двора.

В целях избежания неминуемого взрыва общественного недовольства 22 февраля (6 марта) 1882 г. Сербия была провозглашена королевством. Когда по этому случаю в Калемегданской крепости палили пушки, жители близлежащего австро-венгерского города Земуна были серьезно встревожены, полагая, что в Белграде началась революция⁵⁴. Это сообщение германского посланника - красноречивое свидетельство накаленности общественно-политической атмосферы Сербии того периода.

Смысл этого шага сербских правящих кругов не был тайной для очевидцев событий. Так, П.А.Кулаковский писал Н.А.Попову: "Министерство хотело закрыть народу глаза на Бонту: оно ужасно боится точного отчета обо всем и воспользовалось провозглашением Сербии королевством для своих личных выгод"⁵⁵.

"...За акт получения королевского титула, - отмечал А.И.Персиани, - Сербия заплатила потерей "национальной воли". Это своего рода "чаевые" (rougboire), которые император Австрии бросил суверену Сербии"⁵⁶.

Не заблуждались относительно истинной подоплеку провозглашения Сербии королевством и главные политические противники короля радикалы в лице их лидеров. Н.Пашич писал в связи с этим событием: "...Корона Душана совсем не воодушевляет сербский народ в последней четверти XIX в. Пришло время, когда стало совершенно очевидно, в какой степени сила и авторитет страны в самом деле зависят от экономического благополучия народа, от его хорошо устроенных финансов, от широкого распространения просвещения, от высокой и твердой морали, от гарантированных законом гражданских свобод и хорошо организованной армии, и очень мало или вовсе не зависят от титулов и названия". По мнению Пашича, исторический опыт учит, что "исчезали государства и с титулом царства"⁵⁷.

10 (22) марта 1882 г. Милан известил Александра III о провозглашении Сербии королевством⁵⁸. Как же отнеслись в Петербурге к этому событию? В Отчете МИД

за 1882 г. оно было названо “единственным удачным результатом новой политики князя Милана”, хотя и подчеркивалось, что “этот важный правительственный акт должен быть объяснен скорее потребностью выйти из внутренних затруднений, чем сознанием его важности для дальнейшей политической судьбы Сербии”⁵⁹.

Анализируя обстановку, в которой произошло провозглашение Сербии королевством, Н.К.Гирс писал в Белград А.И.Персиани 28 февраля 1882 г.: “Мы однако не строим себе иллюзий относительно обстоятельств, при которых происходит это событие, важное для судеб сербского народа. Стремление князя Милана избежать созыва Великой скупщины, что было бы совершенно естественным в тот момент, когда речь шла о великом национальном решении, достаточно характеризует ситуацию. По нашему мнению, князь совершил ошибку. Он показал тем самым, что боится приговора нации его политике. Однако, если и был какой-то шанс примирить страну с этой политикой, то именно представить ее под знаком этого полного удовлетворения национального чувства. Акт провозглашения Сербского королевства явился бы более законным и более торжественным, если бы он исходил от делегатов всей нации. Тем самым князь Милан принижает значение этого решения и придает ему австрийский отпечаток, искажающий его характер. Свидетельства поспешные и чересчур неестественные, чтобы не быть притворными, которыми австро-венгерское правительство приветствовало новую королевскую власть, в конце концов придали им ту окраску, которая оскорбляет чувства людей”⁶⁰.

В целом же следует признать, что реакция официального Петербурга на это событие была довольно спокойной, без каких-либо демаршей и упреков в “приверженности Габсбургской монархии”. Причина этого, на наш взгляд, кроется в понимании, что несмотря на вынужденный характер этой меры, по убеждению руководителей российской дипломатии, провозглашение Сербии

королевством имело значение для упрочения сербской государственности, а это, в свою очередь, являлось одной из целей балканской политики России в последней четверти XIX в.

Между тем политический кризис в Сербии нарастал. Весть о крахе Бонту явилась для радикальной партии, по словам П.Тодоровича, поводом “открыть огонь на все стороны и перейти в наступление”⁶¹. 3(15) марта 1882 г. Н.Пашич от имени группы депутатов-радикалов сделал в скупщине запрос правительству о последствиях для страны этого банкротства. Вразумительного ответа не последовало, что привело к добровольной отставке оппозиционных депутатов (51 радикал и 2 либерала)⁶². Скупщина, таким образом, лишалась кворума и фактически была парализована.

Вести борьбу с радикалами в рамках хотя бы относительной законности король и правительство уже не могли. Таким образом, страна оказалась в конституционном кризисе, ибо “Милан начинает искать пути окончательного расчета с радикалами в неконституционных действиях, стараясь любой ценой сохранить правительство напредняков, используя его как средство усиления личного режима”⁶³.

Радикалы надеялись, что в сложившейся ситуации скупщина будет распущена и состоятся новые выборы, которые принесут им безусловную победу. Это был бы беспрецедентный случай в истории сербского парламента. Однако кабинет объявил лишь дополнительные выборы.

В предвыборную кампанию активно включился король. Он предпринял продолжительное путешествие по Сербии, которое длилось с 8(20) апреля до 9(21) мая 1882 г. и прошло под знаком предвыборной агитации за напредняков и резких, весьма грубых нападок на радикалов⁶⁴. За месяц Милан посетил Шабац, Обреновац, Валево, Пожегу, Чачак, Кралево, Заечар, Неготин, Крушевац, Куршумлию, Прокупле, Лесковац, Вране, Ниш,

Княжевац, демонстративно объехав стороной г. Ужице, где довольно сильным было влияние радикалов⁶⁵.

Политическая атмосфера в Сербии накалилась до предела⁶⁶. Окружные начальники сообщали с мест о расширении агитационной деятельности радикальной партии⁶⁷.

Венская газета "National Zeitung" 19 марта 1882 года писала, что сербские радикалы, несомненно, одержат победу на выборах и что это может привести к серьезным осложнениям политической ситуации. По мнению газеты, Австро-Венгрия должна вмешаться в сербские события и оказать поддержку режиму короля Милана⁶⁸.

Первые дополнительные выборы 15 (27) мая 1882 г., на которые радикалы пошли с лозунгом "Все за прежних!", окончились безусловным поражением напредняков – из 50-ти избранных депутатов 45 были радикалами. В Заечаре, например, за Пашича проголосовало 353 избирателя, а за кандидата-напредняка – всего 19. В Моравском срезе Алексинацкого округа известный радикал Станко Петрович также одержал убедительную победу – за него проголосовало 116 человек, а за правительственного кандидата – 1. За Любу Дидича в Читлуке проголосовало 138 человек из 140 избирателей. Победа остальных кандидатов в депутаты от радикальной партии была столь же убедительной⁶⁹.

Потерпев сокрушительное поражение, правящий кабинет, за которым стоял король, и напредняцкое большинство скупщины пошли на антиконституционный акт – постановили провести 31 мая новые дополнительные выборы с тем условием, что если будут избраны прежние депутаты, они не будут признаны, а депутатами станут кандидаты от других партий, даже в том случае, если они получают всего два голоса. Сформированная таким образом скупщина получила название "двухголосой".

Итак, к лету 1882 г. монарх и напредняки убедились окончательно, что законным, парламентским, путем

победить оппозицию было уже невозможно. В создавшейся ситуации для проведения избранного ими политического курса оставался лишь один путь – эскалация антиконституционных мер. На него они и вступили.

Анализируя внутривнутриполитическую ситуацию в Сербии летом 1882 г. П.А.Кулаковский писал: “Меньшинство – не забудьте: радикальная оппозиция – явилось охранителем законов и законного пути против большинства, фальшиво составленного, и министерства с королем во главе, которые хотят нарушить все законы и обмануть народ. Итак, невиданное зрелище: радикалы – охранители закона и национальных интересов в политике внутренней и внешней; правительство – нарушает законы явно и смело и употребляет незаконные средства, лишь бы достигнуть цели!!”⁷⁰.

Политический и конституционный кризис в Сербии серьезно беспокоил дипломатических представителей великих держав. Так, Б.Каллай, бывший посланник Австро-Венгрии в Белграде, а в начале 80-х годов глава первой секции МИД Габсбургской монархии, хороший знаток “сербских дел”, в разговоре с германским послом в Вене отметил, что он больше всего опасается, как бы сложной внутривнутриполитической ситуацией не воспользовался Ристич и в качестве “спасителя” не стал бы главой правительства⁷¹. В этом случае Австро-Венгрия, по словам посланника в Белграде графа Р.Кевенхиллера, “будет вынуждена постоянно держать винтовку у ноги”⁷². По убеждению официальной Вены, король Милан в “нынешних обстоятельствах” должен действовать решительно, чтобы власть не оказалась в руках не только либералов, но прежде всего радикалов, цель которых – “анархия и низвержение существующего режима”⁷³.

Анализируя сложившуюся обстановку, германский посланник граф Брай, человек неглупый и наблюдательный, пользовавшийся особым расположением короля Милана, не был склонен видеть в результатах выборов в скупщину лишь “интриги” сербских радикалов. Одна из

главных причин поражения напредняков, по его мнению, заключалась в них самих, их неспособности к управлению государством, хотя в то же время Брай признавал, что альтернативы им нет.

В инструкциях (датированы 5 июня 1882 г.), полученных Браем из Берлина, отмечалось, что в своей борьбе с радикалами кабинет напредняков может быть уверен в поддержке Германии. Посланнику предстояло уведомить об этом в “деликатной форме” короля и его правительство, чтобы не создалось впечатление вмешательства во внутренние дела Сербии, а также, чтобы это шло независимо от заявлений Австро-Венгрии и не было квалифицировано как совместный демарш⁷⁴.

Воодушевленный этой поддержкой король Милан не принял отставки напредняков, на которой настаивал М.Пирочанац, и оставил их у власти.

Оказавшись вне скупщины, радикалы направили все свои усилия на создание новых ячеек партии на местах и укрепление внутренних структур партии; агитация в народе приняла невиданный ранее размах. В конце июля 1882 г. в течение трех дней в Крагуеваце проходил Первый общенациональный съезд радикальной партии, на котором присутствовали делегаты от всех местных комитетов.

В свою очередь Милан и кабинет напредняков стремились, используя находившиеся в их руках средства, помешать распространению радикализма в Сербии. В целях соблюдения “общественной безопасности” (читай – борьбы с оппозицией) было сформировано специальное подразделение конной жандармерии, которому вменялись в обязанность охрана границ, преследование гайдуков и участие в “ликвидации беспорядков”. Конные отряды были подчинены непосредственно министру внутренних дел и могли посылаться в любой округ или срез. Пера Тодорович, один из лидеров радикальной партии и блестяще остроумный публицист, в одной из своих статей

окрестил их “сейменами” – так называли сербы турецких конных стражников во времена османского ига⁷⁵.

В этот же период были приняты специальные дополнения к закону о регламенте работы народной скупщины, согласно которым за неявку на заседания депутат мог быть исключен из ее состава и оштрафован на 1000 дин., а на его место избран другой. Эти меры были направлены против оппозиции, которая своими действиями могла оказывать давление на скупщину и правительство. И, наконец, был принят закон об изменениях и дополнениях действующего законодательного акта о печати, по которому любой номер газеты мог быть запрещен не только из-за оскорбления монарха и призыва к восстанию, но и вследствие “распространения нигилизма и коммунизма”, что дало возможность властям фактически задушить свободу печати.

Напредняки начали чистку государственного аппарата, заменяя чиновников-оппозиционеров своими сторонниками. Эта мера была не нова в Сербии, но именно они впервые провели ее в таких масштабах и с таким ожесточением⁷⁶.

11(23) октября 1882 г. вдовой Ефрема Марковича (брата Св. Марковича), расстрелянного в связи с офицерским заговором, так называемой Топольской буной 1877 г., было совершено покушение на короля Милана. Оценив его как “счастливый случай с политической точки зрения”, как отмечалось в донесении австро-венгерского посланника от 28 октября 1882 г., сербский монарх заявил, что “должна, все равно какими средствами, быть установлена связь между радикалами и Еленой Маркович и таким образом страна будет освобождена от кровавого призрака”⁷⁷.

Однако министры-напредняки отказались поддержать Милана, чем вызвали крайнее его недовольство⁷⁸. Особенно энергично сопротивлялся намерению короля расправиться с радикалами, влияние которых на сербское крестьянство росло день ото дня, а число сторонников

равнялось уже десяткам тысяч, Милан Пирочанац. Юрист по образованию, он добивался проведения судебного расследования строго законным путем. Именно благодаря его позиции – в противном случае он пригрозил королю отставкой – лидеры радикальной партии на этот раз были спасены от тюрьмы, а возможно и смерти. Никаких доказательств их причастности к этому делу не было. Р.Милошевич свидетельствует, что Е.Маркович сообщила ему о своем намерении отомстить за смерть мужа, и он пытался удержать ее от покушения⁷⁹.

Настроенный решительно король Милан в этот период был весьма близок к идее государственного переворота. Подумывал он и о создании коалиционного напредняцко-либерального кабинета во главе с Й.Ристичем, что, впрочем, не могло осуществиться в связи с решительным отказом лидера либералов вступить в союз с напреднячками⁸⁰.

С момента формирования “двухголосой” скупщины политический кризис в Сербии непрерывно нарастал. Австро-венгерский посланник в Белграде сообщал в Вену, что в Сербии “множатся признаки революционного духа”, а “административные и судебные власти всюду наталкиваются на открытое сопротивление”⁸¹.

Путешествовавший по балканским странам в начале 80-х годов прошлого века известный французский ученый Луи Леже в своей книге “Сава, Дунай и Балканы” писал о крайне тягостном впечатлении, которое произвела на него нестабильная политическая обстановка в Сербии, усугублявшаяся “постоянными столкновениями политических противников”⁸².

Решающая роль в развертывавшихся событиях принадлежала королю Милану. Сравнительно недавно достоянием науки стали опубликованные А.Раденичем материалы о действиях сербского монарха в этот критический момент политической истории Сербии. Обратимся к документам.

11 декабря 1882 г. король имел беседу с германским посланником Браем, во время которой поведал ему о кризисной ситуации в скупщине – вновь избранные депутаты боятся из-за угроз радикалов ходить на заседания. По мнению Милана, ему ничего не остается как или закрыть парламент, или созвать Великую народную скупщину для проведения конституционной реформы. В том случае, если конституция будет принята, он отречется от престола и покинет страну. “С меня хватит, – заявил Милан Браю, – этого народа, который вместо того, чтобы быть благодарным своему королю, стремящемуся ввести Сербию в семью цивилизованных европейских государств с большим удовольствием слушает зажигательные речи базарных крикунов”⁸³. Германский посланник попытался успокоить короля, напомнив, что у него есть армия, и получил ответ, что “в Сербии немыслима власть, которая долгое время держится на штыках”. По убеждению Милана, он ни при каких условиях не сможет “договориться с радикальными элементами”, и поэтому ему ничего не остается делать как покинуть страну “с высоко поднятой головой”⁸⁴.

Посланник Брай был так ошеломлен услышанным, что в тот же день, 11 декабря, отправил в Берлин Бисмарку второе донесение, в котором речь шла еще об одной крупнейшей фигуре общественно-политической жизни Сербии – Йоване Ристиче. Милан ненавидел последнего еще со времен своей юности, когда глава либералов являлся сначала первым регентом, а затем премьер-министром, т.е. фактическим правителем государства. В донесении Брай отмечал, что Ристич традиционно слывет главой русофилов в Сербии, однако это не соответствует действительности, ибо прежде всего он – серб и ему свойственны все черты “великого серба” – он всегда отстаивает “независимую сербскую государственную политику”. В сущности, и лидеры напредняцкой партии – также “великие сербы”, для которых главной целью является создание сильной независимой Сербии, но в отличие от

них Ристич как государственный деятель и политик не только знает как, но также имеет силы овладеть ситуацией в Сербии и устранить опасность дальнейшего распространения радикализма⁸⁵. Таким образом, судя по всему, Брай считал именно Ристича наиболее вероятным преемником напредняков в сложившейся ситуации.

Следует отметить, что в конце 1882 г. произошло некоторое сближение либералов с радикалами, что не ускользнуло от внимания Персиани, писавшего в Петербург: “Радикальная партия, опасаясь государственного переворота в смысле диктатуры, стала менее требовательной и начала заискивать перед господином Ристичем”⁸⁶.

Именно в это время, чреватое крупными осложнениями внутривнутриполитической ситуации, король Милан встретился по собственной инициативе с Персиани и “неожиданно заговорил о политических затруднениях, в которые он поставлен”⁸⁷. Пафос его речи был направлен против Й.Ристича и его единомышленников, которых он обвинил “в неблагодарности, отсутствии патриотизма и, в особенности в том, что они предпочитают союз с радикалами слиянию с правительственной партией”. При этом сербский монарх выразил российскому дипломату недовольство за поддержку либералов. “Я счел долгом, – сообщил Персиани в МИД, – просить короля разъяснить, к кому именно относится этот упрек, ко мне ли лично, или к политике императорского правительства. “Нет, – ответил мне король, – ни на Вас, ни на Ваше правительство я не могу жаловаться. Русская политика поддерживает оппозицию, но не действует против меня, это так сказать платоническая оппозиция(!) (подчеркивание мое – С.Д.)”⁸⁸. Недовольство короля вызвал резкий тон российской печати⁸⁹, обвинявшей его в том, что он “сделался рабом австрийского правительства... им подкуплен и т.п.”. “Разве такого рода выходки, – продолжал Милан, – не представляются Вам вызовом к народному возмущению? И какая Вам была бы от этого польза? В случае катастрофы (подчеркивание автора документа – С.Д.)

или моего добровольного отречения от престола, на чью долю выпадет обязанность водворения порядка в Сербии, разве не на долю Австрии?”. На это Персиани ответил, что Россию заставляет воздерживаться от активной оппозиции “именно возможность катастрофы”. Что же касается публикаций в российской печати, то они, по мнению дипломата, “служат лишь выражением накипевшего ... негодования, вызванного действиями нынешнего сербского правительства”. “Возрастающее в России раздражение” против политики кабинета напредняков можно, по убеждению Персиани, успокоить “разумными мерами” и среди них, в первую очередь, находится решение сербского церковного вопроса в пользу опального митрополита Михаила. На это заявление российского министра-резидента Милан ответил, что проведенные им реформы “не представляют ничего противоканонического”, а восстановление митрополита было бы равносильно “самооплеванию”. Таким образом, очередная попытка российской дипломатии разрешить сербский церковный вопрос не увенчалась успехом. В заключение Персиани заявил Милану следующее: “Судя по видимому настроению императорского правительства... бывшие дружеские отношения между Россией и Сербией не могут восстановиться, пока церковные дела в королевстве не будут решены в желаемом нами смысле”⁹⁰.

Итак, в 1881 г. – первый год правления напредняков – на “политическом небосклоне” Сербии не было особого “возмущения”. Конституировавшиеся напредняцкая и радикальная партии, совместными усилиями “свалив” либералов, продолжали сотрудничать – на этот раз в области законодательной деятельности в скупщине. Конечно, слишком многое их разделяло, чтобы не возникло трений (в первую очередь, из-за договора с Бонту), но принятые правительством в 1881 г. прогрессивные законы несколько примиряли радикалов с напредняками и до открытого столкновения, а тем более

разрыва между недавними союзниками дело еще не доходило.

В 1882 г. в Сербии углубился и обострился кризис власти. Прежде всего это выразилось в том, что решение государственных дел строго конституционным путем, в рамках работы парламента, стало невозможным. С марта-мая 1882 г., после выхода из скупщины оппозиционных депутатов, кризис правления в Сербии стал перманентным. Новым моментом было то, что перестала функционировать сама скупщинская система, так как законодательным путем правящий кабинет уже не мог обеспечить достаточный кворум для деятельности парламента. В этих условиях король Милан, стремившийся к укреплению личного режима, время от времени возвращается к идее государственного переворота.

Говоря о российской политике в сербском вопросе в начале 80-х годов, следует отметить, что в связи со сменой кабинета поначалу не было сделано никаких корректив. Напередняки воспринимались в Петербурге прежде всего не как “прогрессисты”, а как “младоконсерваторы”. Однако последующие практические шаги правительства и прежде всего удаление из страны митрополитарусофила, а также подписание договора с Бонту, свидетельствовавшие, по мнению официального Петербурга, о том, что Сербия “поплыла в австрийских водах”, ситуацию резко изменили. “Сербское правительство князя Милана ориентируется на Германию и особенно на Австро-Венгрию. Прежние отношения с Россией были забыты”, – подытожил в отчете императору свои размышления Н.К.Гирс⁹¹. К этому добавим негативное отношение Александра III к сербскому королю. И хотя последний понимал пагубность открытого разрыва с Петербургом, учитывая традиционное отношение к России широких крестьянских масс, и предпринимал некоторые шаги к разъяснению своей проавстрийской позиции, в целом все же следует признать, что официальные отношения двух стран в начале 80-х годов были довольно натянутыми,

прежде всего в связи с сербским церковным вопросом. И что бы ни говорили противники России, в эти годы никакого решительного влияния на развитие сербской государственности она не оказывала.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹¹ *Dragnich A.* The development of Parliamentary Government in Serbia P. 69.

² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ). Ф. 239 (Н.А.Попов). К. 12. Д.2.Л.32 (Письмо 25 ноября 1880 г.).

³ *Јовановић Сл.* Влада Милана Обреновића... II. С. 313.

⁴ Там же. С. 53-54.

⁵ *Историја српског народа...* С. 59.

⁶ *Тодоровић Др.* Радикална странка пре Тимочке буне од 1881. до 1883. године//Тимочка буна 1883. и њен друштвено-политички значај за Србију XIX века. Зборник радова... Београд, 1986. С. 32.

⁷ За договор проголосовало 111 депутата, против - 22, воздржалось - 6 человек//*Раденић А.* Радикална странка и Тимочка буна... Књ.1. С. 290-292, 295.

⁸ Самоуправа. 1881.31.III; 4. IV.

⁹ АВПРИ. Ф. Отчеты. 1880 г. Л. 136 об.; 1881 г. Л. 11 об.

¹⁰ Русь. 1880. 20 дек.

¹¹ Поводом для этого послужил отказ митрополита Михаила и архиерейского собора подчиниться Закону о таксах (сентябрь 1881 г.), согласно которому правительство устанавливало тарифы на право занятия церковных должностей и отправление религиозных обрядов.

¹² АВПРИ. Ф. Славянский стол. Д. 3812. Л. 37.

¹³ См.: *Вучковић В.Ј.* Пад Генералне Уније и проглас Краљевине (1882) //Глас Српске Акад.наука. Од.друшт.наука.Н.С. Књ. 218. 1956. № 4.С.52.

¹⁴ АВПРИ.Ф.Славянский стол. Д. 3812. Л. 64-65 об.

¹⁵ Московские ведомости. 1881. 25, 27 окт.

¹⁶ Новое время. 1881. 27 окт. (8 нояб.), 30 окт. (11 нояб.).

¹⁷ Там же. 1881. 15(28) нояб.

¹⁸ Русь. 1881. 14 нояб.

¹⁹ См.: Первые 15 лет существования С.-Петербургского славянского благотворительного общества. СПб., 1883. С. 698-699.

²⁰ АВПРИ.Ф.Славянский стол. Д. 3812. Л. 7-7 об.

²¹ Там же. Л. 311 об.; Там же. Ф.ПА.1883 г. Д. 424. Л. 89 об.

²² См.: История дипломатии. М. 1963, Т. 2. С. 159.

- ²³ *Јакшић Гр.* Из новије српске историје. Абдикација краља Милана и друге расправе. Београд, 1953. С.76.
- ²⁴ Текст конвенције потпуно је објављено само у 1920 г. - См.: *Pribram A.F.* Die politischen Geheimverträge Österreich-Ungarns 1879-1914. I. Wien, 1920.S.18-23.
- ²⁵ Потпуније о току преговора по закључењу Тајне конвенције см.: *Јакшић Гр.* Указ.соч.С. 70-142. Статја "Тајна конвенција (1881-1889)". У неј употребљени документи из Венског државног архива и заметки М.Пирочанца.
- ²⁶ Историја српског народа... С. 62.
- ²⁷ См.: *Протић Ст.* Одломци из уставне и народне борбе у Србији. Београд. 1911. С. 142.
- ²⁸ Самоуправа. 1882. 20.IV.
- ²⁹ *Јовановић В.* Успомене... С. 476.
- ³⁰ АВПРИ.Ф.Канцеларија. 1882 г. Д. 10. Л. 55-56 об. (Н.К.Гирс - А.И.Персиани 28 фебруара 1882 г.).
- ³¹ *Јовановић Сл.* Политичке и правне расправе. Београд, 1932. Књ. II. С. 200-201.
- ³² *Тодоровић Др.* Радикална странка...//Тимочка буна...С.29.
- ³³ *Стојичић Сл.* Тимочка буна и уставна реформа... С. 160.
- ³⁴ *Шемякин А.Л.* Радикално покретање у Србији... С. 142.
- ³⁵ *Marković M.* Међународноправне одредбе о жељезницама и изградња пруга у Србији до првог светског рата//Југословенска ревија за међународно право. Београд, 1972.N 1. С. 84.
- ³⁶ *Тодоровић Др.* Указ.соч. С. 34.
- ³⁷ *Раденић А.* Радикална странка и Тимочка буна... С. 285.
- ³⁸ *Казимировић В.* Указ.соч. С. 388.
- ³⁹ *Marković M.* Оп.cit. С.90.
- ⁴⁰ Ibid. С. 92-93.
- ⁴¹ *Јовановић Сл.* Влада Милана Обреновића... II. С. 94.
- ⁴² *Раденић А.* Радикална странка...II. С. 542.
- ⁴³ АВПРИ.Ф.ПА. 1883 г. Д. 424. Л. 124 об. - 125 (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 25 септембра 1883 г.).
- ⁴⁴ *Јовановић В.* Успомене...С. 457-464. Согласно списку В.Завачког, Ч.Миятович добио 100 тис. франкова, М.Пирочанец - 60 тис., председател скупштинског клуба напредњака М.Глишич - 24 тис. Скупштински комитет, који водио експертизу договора с Бонгу и који представио докладе, састојао се од 15 људи, осам из којих изјавили су за потврду договора. Из њих добио новац од компаније: председател комитета Калевич - 30 тис. франкова, Ракич - 20 тис., Петкович - 20 тис. франкова и место главног инспектора министарства јавних радова, који није имао посебног образовања; Д. Павловић - 15 тис., Милојковић - доходно место у

Алексинаце; Чупич – 60 тыс. франков, Богичевич – от денег отказался (Там же. С. 463-464).

⁴⁵ *Јовановић В.* Успомене... С. 455.

⁴⁶ Цит. по: *Шемякин А.Л.* Радикальное движение в Сербии... С. 156-157.

⁴⁷ Стенографске белешке седница Народне скупштине за 1881. годину. Београд. 1882. С. 67; *Раденић А.* Радикална странка... I. С. 298.

⁴⁸ *Раденић А.* Указ.соч. С. 299.

⁴⁹ Стенографске белешке... С. 198-202.

⁵⁰ Историја српског народа... С. 63.

⁵¹ *Јовановић Сл.* Влада Милана... II. С. 130.

⁵² *Вучковић В.Ј.* Пад Генералне Уније и проглас Краљевине... С. 60.

⁵³ *Јовановић Сл.* Влада Милана... III. С. 40.

⁵⁴ *Раденић А.* Радикална странка... II. С. 544.

⁵⁵ ОР РГБ. Ф. 239. К. 12. Д. 3. Л.9 об.

⁵⁶ АВПРИ. Ф. ПА. 1882 г. Д. 419. Л. 78-78 об.

⁵⁷ Рад. 1881. № 1. С. 160.

⁵⁸ АВПРИ. Ф. Канцелария. 1882 г. Д. 91.Л. 5-5 об.

⁵⁹ Там же. Ф. Отчеты. 1882 г. Л. 47.

⁶⁰ Там же. Ф. Канцелария. 1882 г. Д. 10. Л. 54-55.

⁶¹ *Тодоровић Др.* Народни трибун Ранко Тајсић. Београд, 1983. С. 153.

⁶² Историја српског народа... С. 64.

⁶³ Цит. по: *Шемякин А.Л.* Радикальное движение в Сербии... С. 163.

⁶⁴ На телеграмме Персиани с подробностями о поездке Милана по Сербии от 18 апреля 1882 г. Александр III начертал: "Постыдное странствование" (АВПРИ. Ф. ПА. 1882 г. Д. 419. Л. 94).

⁶⁵ *Раденић А.* Радикална странка... I. С. 344.

⁶⁶ Накануне дополнительных выборов в скупшину М.Миличевич, сербский ученый и политический деятель, записал в своем дневнике: "Потомки с трудом поверят, что в наше время партийные страсти были так накалены" (*Шемякин А.Л.* Указ.соч. С. 165).

⁶⁷ *Раденић А.* Указ.соч. С. 353-354.

⁶⁸ Там же. С. 544.

⁶⁹ Самоуправа. 1882. 16.V.

⁷⁰ ОР РНБ. Ф. 14. Д. 191. Л.7.

⁷¹ *Раденић А.* Указ.соч. С. 542.

⁷² *Јовановић Сл.* Влада Милана... III. С. 54.

⁷³ *Раденић А.* Указ.соч. 546-547.

⁷⁴ Там же. С. 547.

⁷⁵ "Боевое крещение" новоявленные "сеймены" получили в начале 1883 г. в связи с волнениями крестьян в Восточной Сербии, недовольных постановлением правительства о клеймлении скота. Об их

действиях против жителей сел Салац, Клокочевац, Црнаик, Голубин сообщала "Самоуправа" (1883.15.1.; 20.1.). В марте 1883 г. "сеймены" участвовали в подавлении волнений в селе Грлян и в мае - в Гамзиграде, которые продолжались 6 дней (См.: Раденић А. Указ.соч. С. 422-426).

⁷⁶ Историја српског народа... С. 64-65.

⁷⁷ Раденић А. Указ соч. С. 403.

⁷⁸ Министр внутренних дел М.Гарашанин в разговоре с Миличевичем заявил: "Не могу фабриковать людям обвинения, не могу бросать в тюрьмы невинных: до тех пор, пока у меня в руках нет реальных доказательств, я не могу никого арестовать. Согласиться с военными судами, с фальсифицированными судебными процессами... с тем, что я всегда осуждал в действиях других? Никогда!" (См.: Шемякин А.Л.Радикальное движение в Сербии...С. 198).

⁷⁹ Милошевић Р. Указ соч. С. 59-60.

⁸⁰ Историја српског народа... С. 68.

⁸¹ Đorđević M. Ustavna kriza u Srbiji 1881-1883// Zbornik radova pravno-ekon. fak-та u Nišu. God. VI. Niš. 1967. S. 25.

⁸² Léger L. La Save, le Danube et le Balkan. Voyage chez les Slovènes, les Croates, les Serbes et les Bulgares. Paris. 1884. P. 14.

⁸³ Раденић А. Указ.соч. С. 550.

⁸⁴ Там же. С. 551.

⁸⁵ Там же. С. 551-552.

⁸⁶ АВПРИ. Ф. ПА. 1882 г.Д. 419. Л. 187 об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 27 ноября 1882 г.).

⁸⁷ Примечательно, что на донесении Персиани от 20 декабря 1882 г. с изложением этого разговора сохранилась помета Александра III: "Видно плохо пришлось ему, что сам заговорил". Там же. Л. 198).

⁸⁸ Там же. Л. 198 об.

⁸⁹ Подробнее об этом см.: Данченко С.И. Русско-сербские общественные связи (70-80-е годы XIX в.) М., 1989. С. 48-53, 59-61.

⁹⁰ АВПРИ. Ф. ПА. 1882 г. Д. 419. Л. 198-200.

⁹¹ АВПРИ. Ф. Отчеты МИД. Отчет по Азиатскому департаменту за 1881-1882 гг. Л. 112.

Конституционные проекты начала 80-х годов

С начала 1883 г. в воздухе витала весьма популярная в сербском обществе идея созыва Великой народной скупщины с целью принятия новой конституции. Осознание необходимости нового Основного закона давно вызревало в стране.

Как уже отмечалось выше, в рассматриваемый период в Сербии действовала конституция 1869 г., имевшая противников и справа, и слева.

Консерваторы были недовольны конституцией, в которой Государственный совет фигурировал лишь как высший административный суд; их дальнейшая борьба была направлена на то, чтобы ввести двухпалатную скупщину – с нижней и верхней палатами.

Левые либералы считали, что конституция 1869 г. недостаточно прогрессивна и что скупщина не застрахована от различных влияний со стороны.

Недовольны конституцией 1869 г. были и сторонники Св.Марковича, будущие радикалы, активно действовавшие в скупщине и вне ее.

С начала 70-х годов началась борьба прогрессивных сил сербского общества за изменение конституции и действующего на ее основе законодательства. Так, под влиянием Св.Марковича члены небольшой социалистической группы (Дж.Льочич, А.Чумич, Е.Маркович, Дж.Влайкович, П.Михайлович, М.Куюнджич и В.Пелагич) 2 августа 1871 г. подписали социально-политическую программу, которая предусматривала конституционную реформу и содержала пункты о самоуправлении общин и округов, свободе печати, собраний, союзов, реформе школы и т.д. Авторы этого документа предлагали

депутатам скупщины начать работу по изменению действующей конституции¹.

В 1873 г. группа левых либералов (Л.Кальевич, У.Кнежевич и др.) начала выпускать газету "Будучност" ("Будущее"). В обнародованной на ее страницах их программе говорилось о необходимости свободы союзов, общинного самоуправления, всеобщего права голоса, отделения законодательной власти от исполнительной, независимости судов, ответственности министров перед парламентом, укрепления национальной обороны и др.

Вопрос о преобразованиях в области законодательства и изменении действующей конституции бурно обсуждался в скупщине 1874-1875 гг. Принявший участие в дискуссии при рассмотрении проекта закона об ответственности министров (1874 г.) князь Милан высказался за возможность проведения в стране конституционной реформы. Поразительно, что уже в начале своего правления монарх, никогда всерьез не помышлявший о новой конституции для Сербии, проявил качество, характерное для него вплоть до его кончины – четко улавливать настроения в обществе.

Вопрос об изменении Основного закона неоднократно поднимался в народной скупщине и позднее. Так, 18 января 1875 г. 18 депутатов во главе с М.Гарашанином внесли предложение о конституционной реформе, подчеркнув при этом, что действующая конституция не обеспечивает прав сербских граждан, выборы не отражают волю народа, так как значительная часть депутатов назначается князем². На этом же заседании скупщины было внесено несколько конкретных предложений по изменению конституции – А.Ковачевича, В.Стошича, Й.Бошковица, главные из которых были предложения о предоставлении скупщине, наряду с правительством, права законодательной инициативы и права распоряжаться государственным бюджетом, об усилении ответственности министров и обеспечении личной и имущественной безопасности сербских граждан³.

30 октября 1875 г. группа крестьянских депутатов во главе с А.Богосавлеви́чем внесла предложение созвать Великую народную скупщину для изменения конституции “в смысле полного народного самоуправления”⁴. 4 октября 1875 г. поступило аналогичное предложение, подписанное 15 депутатами во главе с Й.Бошковичем⁵.

Несмотря на то, что в 70-е годы конституционная реформа в Сербии не была осуществлена, предложения, вносимые депутатами скупщины, оказали значительное влияние на принятие прогрессивных законов об общинах и печати в 1875-1876 гг.

В апреле 1876 г. с программой реформ в газете “Старо Ослободжене” (“Старое освобождение”) выступил лидер последователей Св.Марковича Н.Пашич. Он писал, что их программа “проста и состоит примерно в следующем: народ является носителем суверенитета, поэтому именно ему принадлежит право определения политического и экономического устройства страны. Права граждан могут быть обеспечены и защищены наилучшим образом лишь тогда, когда община, срез, округ и государство в целом устроены на принципах самоуправления. Экономической свободы... можно достичь только объединением труда в том случае, если средства на развитие промышленности и сельского хозяйства будет получать не индивидум, а община, которая покажет свою способность к управлению капиталом и развитию производства. Другими словами, мы стремимся к демократической свободе, децентрализации, хотим охранить народ от ошибок западного индустриального общества... хотим поднять уровень развития производства на основе объединения труда”⁶.

Таким образом, уже в первой половине 70-х годов различные политические группировки сербского общества пока еще в достаточно общей форме начали формулировать свои требования, которые впоследствии стали основой конституционных проектов.

В 1876-1877 гг. — годы войн с Турцией — в Сербии был установлен жесткий авторитарный режим. В тяжелый для страны период это в какой-то степени было оправданной мерой. Развитие прогрессивных тенденций в общественно-политической сфере, наметившееся в предшествующее десятилетие, было приостановлено. После окончания войн князь Милан Обренович и находившиеся у власти либералы пытались продолжить чрезвычайные меры военного времени. Оппозиция же стремилась к закреплению порядков на основе прогрессивного законодательства 1875-1876 гг.

В 1878-1880 гг. группа депутатов активно отстаивала в скупшине свободу печати, считая ее необходимым условием дальнейших прогрессивных преобразований, в том числе и принятия новой конституции⁷. В одном из своих выступлений в декабре 1878 г. ставший депутатом Н. Пашич заявлял: “Свободная печать нужна единственно в интересах нашего народа, в интересах свободы сербской, в интересах благосостояния и прогресса сербского народа ... в интересах нашего просвещения...”⁸.

Образовавшиеся в 1881 г. сербские политические партии включили в свои программы в качестве одного из главных пунктов изменение действующей конституции 1869 г. в “прогрессивном духе”.

Напредняки, провозгласившие себя сторонниками “чистой конституционности”, считали основой прогресса Сербии использование достижений Западной Европы и вследствие этого выступали за перенесение политических институтов оттуда на сербскую почву.

Уже в июне 1880 г. “младоконсерваторы” (будущие напредняки), объединенные вокруг газеты “Видело”, поручили М. Пирочанцу разработать проект конституции. Среди его бумаг сохранились два варианта, содержавшие положения о политических свободах, независимости судей, ответственности министров, введении выборных общинных и окружных комитетов.

Проекты существенно различались по вопросам прерогатив скупщины и Государственного совета. Первый из них в разделе о скупщине содержал лишь пункт о праве государственных служащих избираться в ее состав⁹. Осенью 1880 г., во время предвыборной кампании, Пирочанец опубликовал в “Видело” серию статей под общим заглавием “Конституционность” о будущем устройстве Сербии в том плане, как понимал его сам автор и его единомышленники. В одной из публикаций рассматривался вопрос о народной скупщине. “Виделовцы” считали, что при существующих отсталых общественно-экономических отношениях в стране нет условий для введения подлинного демократического парламентаризма с однопалатной скупщиной, формируемой на основе всеобщего избирательного права. Они предложили учредить в Сербии кроме скупщины сенат, члены которого избирались бы сроком на 8 лет. Это предложение и включал второй вариант проекта конституционной реформы М.Пирочанца. “Младоконсерваторы” выступили за ликвидацию Государственного совета. Первый вариант проекта еще сохранял его как институт с довольно неясно обозначенными прерогативами; второй – о нем даже не упоминал¹⁰.

С целью завоевания популярности в стране, а также имея в виду подготовку почвы для конституционной реформы, напредняцким правительством в 1881 г. были изданы прогрессивные законы о печати, союзах и собраниях, фактически являвшиеся аналогами европейских¹¹. Однако в тогдашних сербских условиях, когда монарх стремился к укреплению личного режима, а страна была разорена войной и экономически слаба, последовательная реализация прогрессивной политической программы напредняцкого кабинета была практически невозможна. Тем более, что их партии, по замыслу Милана, отводилась роль “дворцовой”, которая должна была лишь выполнять его указания¹².

Весьма скоро прогрессивные законы 1881 г. будут изменены в антидемократическом духе. Однако сам факт

пусть и кратковременного их существования, по справедливому замечанию Сл.Стоичич, давал основание демократическим силам включать их в свои программы, ссылаясь не на законодательную практику других стран, а на свое недавнее и вполне реальное прошлое¹³.

В программе радикальной партии, опубликованной 8 января 1881 г. и утвержденной на съезде в Крагуеваце в 1882 г., также содержалось требование изменения действующей конституции.

Таким образом, в начале 80-х годов и в правительстве, и в рядах радикальной оппозиции преобладали элементы, недовольные конституцией 1869 г. и стремившиеся ее реформировать. Для этого было необходимо постановление как минимум двух обычных скупщин. Впервые такое решение было принято 4 апреля 1881 г., а в другой раз – 22 июня 1882 г.¹⁴.

Необходимость подготовки конституционной реформы стимулировала теоретическое изучение вопроса о партиях, их роли в общественно-политической жизни страны, парламентаризме и др., а также перевод на сербский язык ряда трудов известных западноевропейских ученых, посвященных этим проблемам¹⁵.

В конце 1881 г. в органе радикалов журнале “Рад” (“Труд”) была опубликована серия статей Г.Гершича, в которых рассматривался вопрос о возможности введения в Сербии верхней палаты скупщины, на чем настаивали напредняки. Обращаясь к конституционной практике Западной Европы и ссылаясь на аргументы французских и немецких политических деятелей и ученых в пользу этого института, Гершич вместе с тем отмечал, что он не имеет традиций в сербском обществе и поэтому неприемлем. Оппонентом Гершича выступил Владан Джорджевич, который, напротив, утверждал, что введение верхней палаты в Сербии крайне необходимо – в целях ослабления политической борьбы и во имя “общего прогресса страны”¹⁶.

Конституционная реформа входила и в планы князя Милана, считавшего необходимым “обеспечить перевес ума над серой массой”¹⁷ путем усиления роли интеллигенции в работе парламента, а также расширить прерогативы монарха. Так, уже в конце 1880 г. он говорил министрам-напреднякам о своем желании изменить состав нынешней “крестьянской” скупщины путем привлечения в нее образованных людей¹⁸.

В июне 1881 г. во время пребывания в Вене Милан сообщил министру иностранных дел Австро-Венгрии Гаймерле о своем намерении провести в стране конституционную реформу, которая бы позволила сократить число крестьянских депутатов, являвшихся в основном сторонниками радикалов.

Германский посланник Брай поддерживал князя в этих его планах, так как считал сербскую скупщину, в которой место Й.Ристича, например, занимает какой-то неграмотный “селяк”, нонсенсом. По мнению дипломата, только с отменой запрета избирать в качестве депутатов представителей сербской интеллигенции можно покончить с влиянием радикалов, а скупщина из крестьянской трибуны превратится в представительный институт гражданского общества¹⁹.

Возвращаясь к событиям 1883 г., следует отметить, что он начался под знаком предстоящих выборов в скупщину нового созыва. Причем, напредняки во главе с М.Пирочанцем настаивали на созыве Великой народной скупщины, которая наконец-то решила бы вопрос об изменении конституции, что, по мнению правящего кабинета, способствовало бы росту его авторитета. “Соображения, побуждающие министерство настаивать на созыве Великой скупщины, следующие: оно надеется задобрить народ, даруя ему новую конституцию, более либеральную...”²⁰, — писал Персиани в Петербург.

Уверенные в том, что созыв Великой народной скупщины — вопрос нескольких месяцев, лидеры напредняков доработали составленный в 1880 г. М.Пирочанцем

документ, который был утвержден в июле 1883 г. на заседаниях кабинета и официально стал конституционным проектом напредняцкой партии.

Идеалом государственной системы для напредняков была конституционная монархия. Начиная с конца 70-х годов, когда их партия еще выступала как организационно неоформленная политическая группировка, в ее проектах неизменно присутствовало положение о создании в Сербии двухпалатного органа народного представительства, включавшего скупщину и сенат.

В проекте 1883 г. провозглашался принцип разделения законодательной власти между королем и парламентом. Король, согласно проекту, утверждает и провозглашает законы и имеет право абсолютного вето, но может им воспользоваться только во время созыва органа народного представительства, в котором этот закон принят. В области законодательства обе палаты полностью равноправны. Парламент созывается в точно определенный день, а именно 15 ноября каждого года, если король не созывает его ранее. Обычная сессия длится не менее трех месяцев. Каждая палата из своего состава избирает председателя, вице-председателя и секретарей. Народные депутаты и сенаторы имеют право интерpellации. Мандат депутатов скупщины действителен в течение пяти лет.

Антидемократический характер носило предложение об избирательной системе. По проекту напредняков, Сербия делилась на пять областей, каждая из которых в свою очередь подразделялась на два избирательных отдела: в первый входили избиратели, которые платили не менее 50 дин. прямого налога в год, во второй – не менее 30 дин.; первый отдел избирал в скупщину восемь депутатов, второй – четыре. Города и населенные пункты, насчитывавшие 3 тыс. жителей, составляли третий избирательный отдел – право голоса здесь имели граждане, платившие не менее 30 дин. налога в год; они избирали 18 депутатов. Таким образом, состоятельные граждане, хотя

их было явное меньшинство, могли избирать большее число депутатов, чем остальные. Те же, кто платил менее 30 дин. налога, был лишен права голоса вообще²¹.

Проектируемый напредняками сенат составляли три группы сенаторов: непосредственно избранные народом, сенаторы по праву и назначенные королем. Членов сената должен был избирать первый избирательный отдел в областях и избиратели в городах и местечках, платившие не менее 50 дин. прямого налога в год. Членами сената по праву являлись: престолонаследник по достижении им 18 лет, митрополит и епархиальные владыки. Король назначает 20 членов сената. Мандат всех его членов длится 10 лет. Половина членов сената ежегодно обновляется путем выборов и назначением.

Анализ этого документа убеждает в том, что на деле “напредняки, стремившиеся к бóльшим свободам, чем либералы, оказались гораздо меньшими демократами”, говоря словами Сл.Иовановича²². Действительно, в своем проекте конституции вместо однопалатной скупщины, избираемой фактически всеобщим голосованием, напредняки высказались за двухпалатный парламент, верхняя палата которого – сенат – составлялась бы представителями зажиточных торговцев, высшей бюрократии и интеллигенции. Что касается нижней палаты – скупщины, то и в ней, судя по высокому имущественному цензу, не “планировалось” участие депутатов из простого народа. По определению того же Сл.Иовановича, напредняки выступали за парламентскую систему правления, но при условии, что “в парламенте должны заседать господа”²³.

В их проекте подчеркивалось, что король – лицо неприкосновенное, ни перед кем не ответственное. Он назначает и сменяет министров, открывает и закрывает заседания парламента. Он может созвать скупщину и сенат на чрезвычайную сессию, может распустить их, предварительно назначив, правда, новые выборы не позднее, чем через три месяца. Министры несут ответственность за

свою деятельность. Король, сенат и скупщина имеют право, каждый в отдельности, предъявлять обвинения министрам; судит же их кассационный суд.

Проект напредняков гарантировал политические права и свободы сербских граждан – свободу печати, собраний и союзов, свободу совести и вероисповеданий, личную и имущественную неприкосновенность.

Административное деление предусматривало пять областей, включающих 12 срезоз; самые малые территориальные единицы - общины.

Однако даже этот весьма умеренный проект король Милан счел наступлением на свои суверенные права и, назвав его “красноватым”, решительно отверг, к великому изумлению Ст.Новаковича и М.Гарашанина, принесших его на одобрение во дворец²⁴.

Следует отметить, что точка зрения короля Милана на возможность и необходимость созыва Великой народной скупщины с целью ревизии конституции существенно отличалась от позиции его кабинета. В условиях быстрого распространения радикализма в стране и усиления пропагандистской деятельности радикальной партии он, пытаясь маневрировать, всячески оттягивал решение этого вопроса. Его опасения, по словам Персиани, были “небезосновательны”, ибо “созвание Великой скупщины в Сербии составляет событие первостепенной важности, и народная воля, высказанная этим собранием, не раз приводила к низложению сербских государей...”²⁵.

Отношение короля Милана к необходимости пересмотра конституции в условиях 1883 г. было также довольно неопределенным. Он дал свое согласие на обсуждение кабинетом проекта напредняцкой партии, но вместе с тем никоим образом не хотел увязывать это мероприятие с вопросом о созыве Великой народной скупщины. В письме к находившемуся в Вене Ч.Миятовичу он так сформулировал эту мысль: “Pro forma я согласился на обсуждение вопроса об изменении конституции, чтобы увидеть, чего же в действительности хочет кабинет, но

без уточнения самого главного вопроса. Тем самым я сохранил за собой полную свободу рук”²⁶.

Судя по документам, ставшим недавно доступными исследователям, в связи с обострением в стране политической борьбы, усилением противостояния радикалов и появлением “красноватого” проекта напредняков Милан был готов совершить государственный переворот. Беспokoясь о судьбе королевы и наследника, он было собрался в Вену, чтобы получить гарантии императора при неудаче своего замысла. “Он не хочет, чтобы его сын был правителем Сербии в случае, если он погибнет в борьбе с революцией”, – писал Кевенхиллер 22 мая 1883 г. Но в последнюю минуту Милан отказался от поездки и послал в Вену Ч.Миятовича. Сам Франц-Иосиф выражал беспокойство по поводу сербских событий. На вышеприведенном донесении он собственноручно начертил, обращаясь к Кальноки: “Прошу побеседовать со мной по поводу этого донесения”²⁷.

За процессом подготовки конституционной реформы в Сербии внимательно следили дипломатические представители великих держав и прежде всего России. Им было совершенно ясно, что Милан недоволен напредняками, имевшими по ряду вопросов “свое мнение”, отличное от монаршьего. Дипломатический корпус в Сербии был свидетелем нарастания в стране политического кризиса, а также роста противостояния по линии “король-радикалы”. 3 августа 1883 г. А.И.Персиани сообщал в Петербург Н.К.Гирсу о серьезных разногласиях между монархом и правящим кабинетом по поводу созыва Великой народной скупщины. Характеризуя проект конституции, разработанный напредняками, Персиани констатировал, что он предполагает введение в Сербии парламента, состоящего из скупщины и сената. Внимательно изучивший этот документ российский министр-резидент сразу же увидел смысл, который придавали его авторы введению двухпалатной системы народного представительства. “...Кабинет, – писал он, – имеет в виду восполь-

зваться своим привилегированным положением, чтобы сразу определить своих приверженцев на все несменяемые сенаторские места и оставить таким образом за своей партией значительную силу, могущую служить противовесом стремлениям нижней палаты, которая, судя по теперешнему народному настроению, несомненно будет враждебно относиться к г. Пирочанцу и его коллегам”²⁸.

Анализировали проект напредняков и коллеги Персиани по дипломатическому корпусу. По мнению германского посланника Брая, введение в Сербии сената не может сколько-нибудь существенно ограничить влияние радикальной партии. В него, по замыслу напредняков, должны избираться “чиновники, учителя и адвокаты”, а среди них, отмечал Брай, немало сторонников или сочувствующих этой партии²⁹.

В отличие от германского посланника, его английский коллега позитивно оценил проект напредняков по сравнению с конституцией 1869 г. Введение сената для ограничения власти “крестьянской” по своему составу скупщины, отмена права короля назначать 1/4 депутатов – все это способствовало бы, по его убеждению, более быстрому развитию парламентаризма в Сербии, демократизации общественно-политической жизни. Однако король, как сообщал посланник в Лондон, заявил, что он “готов лучше умереть”, чем подписать такую конституцию³⁰.

В преддверии близкой, по их убеждению, конституционной реформы активизировали свою деятельность в этом направлении и лидеры радикальной партии. Изменение конституции Главный комитет после съезда в Крагуеваце летом 1882 г. обозначил как первоочередную задачу. В письме руководства партии местным комитетам от 8 февраля 1883 г. подчеркивалось: “Цель всей нашей политической борьбы сводится к тому, чтобы народ смог нормальным, законным путем изменить конституцию”³¹. “Законный путь”, в понимании радикалов, это созыв Великой народной скупщины, так как лишь она, согласно

действовавшей конституции 1869 г., имела полномочия для пересмотра Основного закона.

Великая народная скупщина была их главной целью, ибо только она в условиях Сербии начала 80-х годов могла легальным путем преодолеть “своеволие” короля. Если бы на ней радикальное большинство сумело провести свой проект конституции, то король превратился бы в “бесправный символ государства”, а народная скупщина – в решающий политический фактор Сербии. Так радикалы планировали осуществить “законным путем” перераспределение власти в стране.

В конце марта 1883 г. на нескольких заседаниях Главного комитета обсуждались вопросы содержания будущего Основного закона³². Текст документа, окончательная редакция которого была подготовлена за несколько недель, был размножен и разослан с сопроводительным письмом Н.Пашича от 2(14) июля 1883 г. местным организациям для ознакомления и замечаний с требованием хранить его как “самую большую партийную тайну”. Обсудить проект предполагалось 6(18) августа в Белграде на собрании представителей всех комитетов. Однако сохранить в тайне существование документа не удалось³³ – 21 сентября (3 октября) 1883 года он был опубликован в органе напредняков – газете “Видело” (№ 111) – вместе с письмом Н.Пашича.

Следует подчеркнуть, что борьбу радикалов с бюрократией за конституционное устройство Сербии их глава Пашич рассматривал отнюдь не как самоцель. Для него победа демократии в собственной стране была лишь средством осуществления идеала – мечты об освобождении и объединении всех сербов. В рукописи его произведения “Моя политическая исповедь” он отмечал: “Национальная свобода всего сербского народа всегда была для меня бóльшим идеалом, чем политическая свобода сербов в Королевстве”. Вместе с тем, находя между первым и вторым тесную взаимосвязь, лидер радикалов полагал внутреннее устройство Сербии важнейшим условием воз-

возможности и способности Королевства претендовать на роль сербского Пьемонта, т.е. объединителя всех земель, населенных сербами. “Только свободная и конституционная Сербия, – писал он, – может соответствовать своей национальной задаче... только демократически-конституционная Сербия может стать центром притяжения для всего сербского народа, может выполнить свою национальную задачу”³⁴.

Проект конституции, предложенный радикалами представлял собой наиболее цельный образец радикальной политической мысли начала 80-х годов XIX в. Впервые в истории Сербии он провозглашал принцип народного суверенитета. “Сербский народ – суверен в Сербском королевстве. Из народа исходит всякая власть. Народ – источник и хранитель власти в государстве”, – гласил первый параграф радикального проекта конституции. Эта центральная мысль опиралась на несколько основных идей, обозначенных в проекте: принцип самоуправления, всевластие народной скупщины, вторичность исполнительной власти на всех уровнях.

Выступая на съезде радикальной партии в Крагуеваце, Пашич так объяснял программное положение о народном суверенитете: “...В Европе нет народа, который имел бы больше прав быть неограниченным сувереном в своем государстве, чем народ сербский, потому что в Европе нет ни одного государства, которое бы создал сам простой народ. Сербский крестьянин освободил свою страну от турецкого господства. Сербский крестьянин оросил эту землю своей кровью, чтобы на ней расцвели свобода, справедливость и равенство... Сербский крестьянин, а это весь сербский народ... создал свое государство... оберегает его своей жизнью и трудом, развивает своими знаниями и опытом... Но образованные сыновья простого и великодушного народа...захватили его суверенные права и создали себе в государстве особое

положение... У народа отняты многие права и отданы бюрократии”³⁵.

Идея самоуправления, выдвинутая Св.Марковичем, была поддержана крестьянским депутатом А.Богосавлевичем и членами его группы. Однако в своей программе реформ они предполагали упразднение лишь наиболее одиозных и дорогостоящих элементов местного бюрократического аппарата³⁶.

В программе радикальной партии (1881 г.) требование самоуправления сформулировано следующим образом: “Необходимо упразднить управления округов и вообще отказаться от нынешнего деления страны на округа, чтобы основными территориальными единицами остались только общины и срезы, и устройство этих обеих территориальных единиц должно быть основано на принципе самоуправления”³⁷. Причем, не только общинные, но и срезские исполнительные структуры, по мнению авторов документа, должны были находиться в полной зависимости от соответствующих органов местного самоуправления.

В связи с этим уместно, думается, привести мнение о самоуправлении в Сербии Эмиля де Лавелэ, побывавшего там и восхищавшегося всем “строем сербской жизни” и особенно крестьянами, у которых он прежде всего отмечал “достоинство свободного человека”. Он писал: “Обладание местными самоуправлениями, полными жизни, имеющими свои корни в прошедшем, представляет для страны такое великое благо, что должно весьма остерегаться ослаблять их или ограничивать их правоспособность. Когда же однажды централизация разрушит их, то понадобится уже большой труд для возвращения им жизни, что мы и видим во Франции и в Англии”³⁸.

Положения о самоуправлении нашли свое развитие в труде одного из основателей и лидеров радикальной партии Р.Милошевича “Организация среза на принципах самоуправления и избирательного права” (1881 г.).

Р. Милошевич утверждал, что срез (административно-территориальная единица с 10 тыс. налогоплательщиков), а следовательно, и его жители представляют основу государственности; главными органами на местах являются срезская скупщина и сформированные ею ревизионный комитет как исполнительный орган и управа. Срезская скупщина избирается прямым голосованием, принимает местные законы и постановления, обязательные для всех жителей; она же утверждает бюджет среза и распоряжается его доходами, из которых лишь часть отчисляется на общегосударственные нужды. Избранный скупщиной срезский комитет, состоящий из пяти депутатов, контролирует работу чиновников (инженера, врача, судьи, школьного надзирателя и др.) и готовит предложения для скупщины. Срезская управа ведает судебными, хозяйственными, административными и финансовыми делами, заботится о народном образовании. Полицейских органов в срезе нет. Эту функцию частично осуществляют судебные органы, частично общинные власти. Подчиненность органов местного самоуправления правительству выражается в том, что срезская скупщина информирует последнее о своей деятельности. Главным условием успешной борьбы против государственной бюрократии Милошевич считал выборность, сменяемость и установление контроля над органами власти и чиновниками со стороны избирателей: Государство, по его мнению, должно превратиться в "союз общин и срезов"³⁹.

Основные положения, разработанные Милошевичем, вошли в конституционный проект радикальной партии 1883 г. В нем была сформулирована цельная концепция взаимоотношений органов самоуправления и центральной власти. Согласно этому документу, решения местных органов самоуправления не может отменить никто, кроме скупщины – верховного органа, выражающего суверенитет народа. Государственная исполнительная власть вправе лишь опротестовывать решения самоуправленческих органов общин и срезов в суде, однако пра-

во на окончательное решение и в этом случае принадлежит скупщине. Радикальные идеологи придавали требованию самоуправления исключительное значение. По их убеждению, “принципы самоуправления и выборного права – две главные черты, которыми радикальная партия отличается от других политических партий... никакая другая... не стремится к общинному, а тем более срезскому самоуправлению и полной выборности”⁴⁰.

Принцип верховенства суверенной народной воли, по мнению радикальных теоретиков, должен воплотиться путем сосредоточения прерогатив верховной государственной власти в руках народной скупщины. В программе партии это положение было выражено еще недостаточно четко. В ней подчеркивалось, что народной скупщине, которая будет ежегодно собираться, “новая конституция должна обеспечить полную законодательную власть”. Главной задачей Великой народной скупщины является пересмотр конституции⁴¹. О взаимоотношениях скупщины с монархом в программе не упоминалось.

В проекте 1883 г. предполагаемые роль и функции верховного органа народного представительства показаны в полном объеме.

Согласно этому документу, народной скупщине, избираемой на три года, принадлежит фактически высшая законодательная власть в стране. Она осуществляет и верховную власть над армией, которая присягает ей, а не королю, на верность. Мобилизация происходит только по решению скупщины. Она же имеет исключительное право утверждения бюджета. Высший орган исполнительной власти – совет министров – ответственен только перед скупщиной. Чиновники всех степеней и рангов присягают на верность конституции и закону, а не монарху. Всех членов срезских судов должен избирать непосредственно народ, членов же высших судебных инстанций утверждает король по предложению министра юстиции, но из кандидатов, отобранных скупщиной.

Кроме обычной скупщины раз в семь лет собирается Великая народная скупщина, которая имеет верховное право “толковать, менять или принимать конституцию”.

Одновременно нельзя не заметить, что в проекте радикалов для короля предусмотрено значительно меньше прав, чем для скупщины: право утверждать чиновников по представлению ответственного перед скупщиной кабинета, право помилования и амнистии с некоторыми оговорками, право представлять страну в международных отношениях и заключать договоры с иностранными государствами (также со значительными ограничениями) и некоторые другие. Таким образом, конституционный проект радикалов наделял исключительной властью народную скупщину за счет существенного сужения прав короля⁴². Учитывая то обстоятельство, что радикальные теоретики требовали обязательной ответственности кабинета перед скупщиной и выступали за выборное начало при производстве всех государственных чиновников, становится ясным, как пишет А.Л.Шемякин, что “идею суверенитета народа радикалы в 1883 г. намеревались превратить в жизнь в виде этакой конвентской модели государственной организации, в которой еще не было предусмотрено четкого разделения властей, как предполагают каноны классического парламентаризма, а наоборот. всеобъемлющий и всепроникающий авторитет народной скупщины фактически определял единство всех властей”⁴³. Сл.Иованович справедливо отмечал, что проект радикальной конституции по существу предлагал создание своеобразной “республики во главе с монархом”⁴⁴.

После опубликования в сентябре 1883 г. проекта конституции радикальной партии орган напредняков “Видело” подверг его ожесточенной критике. По мнению оппонентов проекта, цель радикалов – уничтожение королевской власти и государства как такового и организация не государственного устройства, а “государст-

венного расстройтва” в виде самоуправляющихся общин и срезов⁴⁵.

В связи с этим интересно, как откликнулся на публикацию радикального проекта российский журнал либерального направления “Вестник Европы”. Он писал: “Радикалы, которым приписываются самые превратные и вредные тенденции, сходятся во многом с требованиями здравого либерализма”. При рассмотрении составленного ими проекта конституции становится ясно, что “намёков на революцию тут нет никаких”⁴⁶.

Однако король Милан придерживался иного мнения. В разговоре с австро-венгерским посланником он отметил “деструктивные тенденции” проекта, а также заявил, что свою главную задачу видит в том, чтобы помешать ему осуществиться в Сербии⁴⁷. В лице Кевенхиллера сербский монарх встретил единомышленника, так как тот считал конституционный проект радикалов абсолютно непригодным для такого государства, как Сербия⁴⁸.

Что касается либералов, то в начале 80-х годов они не выдвигали каких-либо конституционных проектов. Они были привержены конституции 1869 г., и только в 1885 г. Й.Ристич назовет ее “анахронизмом”.

Политическая атмосфера в Сербии накануне предполагаемого созыва Великой народной скупщины была накалена до предела. Это весьма беспокоило западные державы и прежде всего Австро-Венгрию. Установившийся в Сербском королевстве порядок вполне устраивал Вену. Слабый кабинет; энергичный, честолюбивый, стремившийся играть решающую роль в общественной жизни монарх, ищущий и находивший поддержку в Вене; рост экономического и политического влияния Габсбургской монархии в этом регионе – все это в полной мере отвечало интересам ее политики. Но раздираемое противоречиями общество, стоящее на грани гражданской войны; невиданный рост радикального движения, необычайная политическая активность еще совсем недавно довольно инертных сербских “селяков”! Все это не могло не вну-

шать опасений австро-венгерской дипломатии, одной из главных задач которой в этот период признавалось укрепление авторитета королевской власти в Сербии. Так, в инструкциях министра иностранных дел Кальноки посланнику в Белграде Кевенхиллеру от 13 января 1883 г. (н.ст.) подчеркивалась необходимость всячески поддерживать “верного друга Австро-Венгрии короля Милана”. В Вене прекрасно понимали, какую опасность для него представляла деятельность радикальной партии и то влияние, которое она имела в народе. Организацию радикалов они считали “заговорщической” и антимонархической, тем более опасной, что ни одна из двух других партий не может ей достойно противостоять. В документе отмечалось, что король Милан как “единственный гарант преданности Сербии союзническим дружественным отношениям с Австро-Венгрией” может рассчитывать на ее поддержку в борьбе с радикалами. Способ преодоления внутривластного кризиса сербский король, лучше кого бы то ни было знающий обстоятельства, может выбрать сам: или это будет коалиционное либерально-напредняцкое правительство, или государственный переворот с отменой конституции и созданием внепартийного кабинета. В заключение подчеркивалось, что все вышеизложенное посланник должен довести до сведения сербского монарха, чтобы укрепить его решимость действовать в “прежнем направлении” внутренней и внешней политики⁴⁹. Следует признать, что данная позиция Австро-Венгрии была очень важна для милановского режима.

Вопрос о сербских радикалах не случайно привлек внимание Кальноки. Судя по всему, он считал его достаточно серьезным. 24-28 января 1883 г. состоялась его встреча с Н.К.Гирсом, когда тот возвращался с итальянского курорта. В разговоре со своим российским коллегой Кальноки указал ему на антимонархические тенденции в деятельности радикалов, которая, по его убеждению, ведет к анархии и угрожает миру на Балканах. Зная предубеждение против сербского короля, сложившееся в выс-

ших сферах России, Кальноки указал Гирсу на необходимость прежде всего совместно заботиться об охране принципа монархизма и не связывать это направление деятельности с именем короля Милана, который не застрахован от ошибок и к которому сам Кальноки, по его словам, не испытывает симпатий. Россия, по мнению австро-венгерского министра, не должна придавать слишком большого значения особенностям характера Милана в то время, когда монархический режим в Сербии находится под угрозой вследствие интриг “радикалов и социалистов” и даже существует опасность “установления республики”⁵⁰. Кальноки также прозрачно намекнул, что в случае возникновения “беспорядков” в результате деятельности радикалов, Австро-Венгрия будет вынуждена прибегнуть к “серьезным мерам”, а также говорил о необходимости прекращения в интересах мира в этом регионе поддержки агитации против сербского монарха (имелась в виду финансовая помощь радикальной партии, поступавшая, по глубокому убеждению официальных кругов Габсбургской монархии, из России). Гирс, следуя протоколу, заявил Кальноки, что позиция России, как и прежде – невмешательство во внутренние дела Сербии, и что она не поддерживает ни одну из борющихся между собой партий и отдельных личностей. Напомнил российский министр и об обязанностях Австро-Венгрии по договору 1883 г. – воздерживаться от односторонних акций на Балканах⁵¹.

Радикалы и деятельность “заговорщических” групп в Сербии стали также предметом переговоров Кальноки и Гирса несколько недель спустя – в феврале 1883 г. – через посредство посла Австро-Венгрии в России. В это время Веной была получена информация о той помощи, которую Россия якобы оказывала “нигилистической и коммунистической пропаганде” в Сербии, одновременно являясь ее дирижером. По мнению Кальноки, высказанному Гирсу, не пристало монархической России с ее “консервативной политикой” допускать деятельность подобного

рода, на что российский министр заявил, что в сербских событиях виновны не радикалы, а “бесхарактерность, фривольность, сладострастие и легкомыслие” короля Милана. Гирс отверг также как необоснованные подозрения в причастности Санкт-Петербургского славянского комитета к событиям в Сербии⁵².

Возвращаясь к личности сербского монарха, Кальноки отметил, что, конечно, его характер оставляет желать лучшего, но необходимо отдавать себе отчет в том, что переворот в Сербии привел бы к катастрофическим последствиям и поэтому “вопреки личной антипатии, поддержание династии Обреновичей – необходимость”⁵³. Вообще, судя по австро-венгерским дипломатическим документам, опубликованным В.Казимировичем, король Милан доставлял Вене немало хлопот. Посланник Кевенхиллер постоянно получал инструкции с предписанием действовать таким образом, чтобы не дать Милану недуманными акциями поставить под вопрос мир в Сербии и создать тем самым опасность для интересов Австро-Венгрии в этом регионе⁵⁴.

Документы, приведенные в книге А.Раденича, позволяют судить о позиции в отношении сербской радикальной партии и ее конституционного проекта 1883 г. еще одного дипломатического представителя, а именно, посланника Великобритании в Белграде Сиднея Локока. Дипломат был несогласен с расхожим мнением о том, что радикалы – враги общественного порядка, революционеры и социалисты. Это справедливо, по его утверждению, лишь применительно к немногочисленным представителям “наиболее передовой части” партии. На самом деле ее цель – “не низвергнуть монархию, не удалить с престола правящую династию, но ограничить королевскую власть”. По мнению Локока, компромисс с радикалами был и возможен, и необходим в интересах государства, но король, вставший на путь конфронтации, не пошел на него:

11 октября 1883 г. во время аудиенции во дворце английского посланника был затронут вопрос о конституционной реформе в Сербии. Милан резко обрушился на конституционный проект радикалов, заявив, что он предусматривает ликвидацию монархии и династии Обреновичей и установление в Сербии республики. Локок выразил несогласие с этим утверждением, заявив, что не все сербские радикалы — республиканцы. Более того, на следующий день он отправил в Лондон донесение, к которому приложил текст проекта конституции радикальной партии со своими комментариями. По мнению дипломата, в документе нет ни одной “революционной” статьи и даже упоминания об установлении в Сербии республики, хотя в известном смысле права короля действительно ограничиваются в пользу “коллективных прав народа”. Локок справедливо подчеркнул, что главная идея проекта — “суверенитет народа”, выраженный в широких полномочиях народной скупщины. По мнению английского дипломата, шокированного неадекватными реакциями Милана, радикальная партия не угрожает королевской власти, но монарх рискует потерять престол в столкновении с оппозицией, силу которой он недооценивает⁵⁵.

* * *

А каково же было отношение российской дипломатии и ее руководителей к набиравшему силу радикальному движению и его программным документам? В нашем распоряжении находится немало интересных материалов, позволяющих расширить существующие представления по этому вопросу.

Александру III принадлежат слова: “В 1876 и 1877 гг. наше несчастье заключалось в том, что мы шли с народами, вместо того, чтобы идти с правительствами. Российский император всегда должен идти только с пра-

вительствами”⁵⁶. Однако в контактах с Сербией этого не получилось.

Особенностью российско-сербских отношений рассматриваемого периода являлось то, что правящие круги России были вынуждены в своей политике в Сербии опираться не на законного монарха вследствие крайне негативного отношения к его личности, а на те политические силы, которые были достаточно влиятельны и могли способствовать стабилизации политической жизни. Разумеется, при этом учитывалась их внешнеполитическая ориентация.

Связанные торговыми и промышленными интересами с Веной напередняки, в которых, по выражению Персиани, Габсбурги нашли “послушный инструмент своей политики”⁵⁷, не вызывали доверия в Петербурге. Либеральная партия во главе с Й.Ристичем, пользовавшаяся ранее авторитетом в российских общественных и правительственных сферах, в 80-е годы утратила свое прежнее преобладающее влияние в политической жизни Сербии и поэтому не могла представлять в глазах Петербурга надежную опору “русской политики” в этом регионе.

Что же касается радикалов, то здесь мы имеем дело с типичным примером “подвижки” под влиянием новых политических реалий позиции официальной России. Документы свидетельствуют, что вначале отношение Петербурга к этой партии было настороженным и даже негативным. А.И.Персиани неоднократно получал предупреждения не вступать с лидерами радикалов ни в какие “сношения”. Опасения вызывали якобы “нигилистическое” прошлое ее вождей и “революционный” дух программы. Отношение к радикалам менялось постепенно, по мере поступления из Белграда информации о деятельности их партии, антиавстрийская и антимилановская направленность которой импонировала российским правящим кругам. Постепенно, но достаточно быстро, ведь уже в начале 80-х годов Александр III, судя по некоторым его резолюциям на полях донесений Персиа-

ни, довольно благожелательно высказывался о радикалах и был явно настроен в их пользу. Так, на сообщении из Белграда от 21 января 1882 г. о том, что “оппозиция, хотя и в меньшинстве в скупщине, но ведет энергичную борьбу с министерством”, “отказалась подписаться на ответное письмо на тронную речь и даже не явилась во дворец”, российский император начертил: “Утешительно”⁵⁸. В секретной телеграмме, посланной А.И.Персиани из Белграда в МИД 3(15) июня 1882 г., с сообщением о том, что, несмотря на все попытки напредняков путем внеочередных выборов изменить состав скупщины, в нее постоянно избиралось “все возрастающее число оппозиционеров”, содержится одобрительная помета Александра III: “Прекрасно”⁵⁹.

Весьма примечательное объяснение причин, способствовавших появлению в Сербии радикальной партии, содержало донесение Персиани в МИД от 25 мая 1883 г. “Здесь радикалов, – писал он, – породила система управления, введенная во время регентства и продолжающаяся поныне под эгидою короля Милана. В основании этой системы лежит возможность для правительства проводить все свои предприятия благодаря расширимости сербского законодательства. Именно прот этой расширяемости восстает большинство сербского народа, и большинство это называется здесь радикальной партией, хотя оно стремится лишь к приведению в исполнение давно обещанного правительством пересмотра Устава (конституции)”⁶⁰. Разумеется, приведенное мнение Персиани не содержит глубокого анализа причин появления в Сербии радикальной партии, да он и не ставил такой задачи, однако это и многие другие высказывания российского дипломата по данному вопросу представляют для исследователей несомненный интерес. Именно Персиани принадлежала главная заслуга в том, что официальный Петербург довольно быстро изменил свое отношение к радикальной партии, которую стали называть также партией “сербских патриотов”. В мае 1883 г. р

сийский дипломат писал о “глубокой разнице, существующей между крайней либеральной партией в Сербии (еще одно название радикальной партии, встречающееся в дипломатической переписке. – С.Д.) и европейскими революционными кружками”⁶¹. Осенью этого же года Персиани с уверенностью заявлял: “...Радикальная партия в Сербии ничего общего не имеет ни с так называемым русским нигилизмом, ни даже с духом крайних либеральных партий Запада”⁶². Персиани принадлежит немало подобных высказываний. Так, в одной из бесед с румынским посланником в Белграде он утверждал, что радикалы – не типичные революционеры, какими их изображает король Милан. В силу сложившихся обстоятельств они вынуждены бороться революционными средствами против его режима, так как он не заботится о государственных интересах и нуждах сербского народа⁶³.

Начиная с 1881 г. Персиани постоянно сообщал в Петербург сведения о деятельности радикалов в скупщине и за ее стенами. Судя по содержанию писем П.А.Кулаковского, В.В.Макушева и др. ученых, посещавших в 80-е годы Сербию, их российским коллегам, друзьям и родственникам, лидеры радикалов (за исключением Н.Пашича и П.Тодоровича) довольно часто бывали в “русской миссии” и постоянно информировали “милейшего Александра Ивановича” о событиях, происходивших и в скупщине, и во дворце, да и за пределами столицы. Более того, описание встреч российского дипломата с некоторыми видными радикалами, свидетелем которых был, например, П.А.Кулаковский, не оставляет сомнений в дружеском характере их взаимоотношений. Персиани относился к тем политикам, которые уже в начале 80-х годов понимали, что “будущность принадлежит этой (радикальной. - С.Д.) партии”, как он писал об этом в одном из своих донесений более позднего времени (1887 г.).

Ценным свидетельством является также характеристика радикалов еще одним очевидцем событий серб-

ской истории начала 80-х годов, уже упоминавшимся П.А.Кулаковским. О радикальной партии он писал следующее: “Несмотря на некоторые пункты, в которых эта партия выражала свои радикальные желания, программа ее в сущности очень умеренна, требует коренных реформ в стране и указывает правильный путь внешней политике Сербии... Если исключить некоторые пункты из этой радикальной программы, как, например, пункт об уменьшении постоянной армии до крайнего минимума, то она не представляет в себе ничего крайнего или разрушительного, как обыкновенно подразумевают при имени радикальная партия”⁶⁴ (подчеркивание автора документа. – С.Д.). К письму от 14 января 1881 г., адресованному И.С.Аксакову, Кулаковский приложил программу этой партии. “Из нее Вы увидите, – писал он, – что в сущности это своеобразные либералы-прогрессисты с оттенком фантастическим, но никак не коммунары и не наши нигилисты. Эта партия здесь довольно крепка теперь и кто знает, не захватит ли в руки власть вскоре”⁶⁵.

Говоря о сербских радикалах, Кулаковский неоднократно подчеркивал, что они являются сторонниками укрепления дружественных отношений с Россией. В письме к тому же Аксакову от 21-27 мая 1882 г. он подчеркивал, что радикалы “представляют здоровый элемент народности и из всех сил проповедают о спасении сербской народности от Австрии”⁶⁶. В одной из своих корреспонденций из Белграда (подписанной латинской буквой “N” – один из псевдонимов Кулаковского) он, сообщая о работе сербской скупщины, не обошел вниманием радикалов, подчеркнув, что “названием радикальной партии ... не должно смущаться, ибо ряды этой партии теперь постоянно пополняются просто патриотами, сербскими националистами. Между радикалами много священников и притом самых даровитых, самых видных...”⁶⁷. Следует также отметить, что Кулаковский был лично знаком с вождями радикалов – Н.Пашичем, Р.Милошевичем и

др. — и после отъезда из Сербии вел с ними на протяжении ряда лет переписку. Их письма хранятся в личном фонде ученого в Пушкинском доме в Петербурге.

Естественно, что такой важный документ, как конституционный проект радикалов 1883 г., не мог быть обойден вниманием российских представителей в Белграде. Персиани перевел его и подробно изложил в донесении от 25 сентября 1883 г. Он выделил для своего петербургского начальства следующие положения проекта:

“1) Что касается изменения Устава (конституции) (подчеркивание автора документа, — С.Д.), а) ограничение права королевской власти в следующих пределах: король может распустить лишь один раз ту же самую скупщину... б) учреждение одной выборной палаты без правительственных делегатов, вместо двух палат, которые предполагались ... министерством Пирочанца с) постановление и обязанность правительству собрание Великой скупщины через каждые 6 лет, с предоставлением ей права ревизовать деятельность всех предшествовавших малых скупщин; д) расширение прав избирателей; е) точное определение законом обязательного для правительства дня созыва малой скупщины; ф) расширение права скупщины по вопросу об ответственности как министров, так и чиновников с учреждением нового Контроля.

2) Что касается этого Контроля, а) Контроль этот... обязан будет следить за распоряжениями кабинета по финансовой части; б) составлен он будет из 9-ти членов, выбранных Великой скупщиной.

3) Что касается Верховного суда:

Радикалы предполагают учредить Верховный суд:

а) составленный из выбранных по жребию в Великой скупщине 12-ти членов из окружных судей, членов апелляционного и кассационного судов и делегатов скупщины, и б) долженствующий заменить ныне существующий Державный совет с правом привлекать к ответственности членов Контроля и министров...

4) Что касается реформ в судебном ведомстве а) уездное собрание выбирает способных людей, окончивших курс юридических наук и представляет на одобрение власти несколько кандидатов из них для замещения судебных вакансий; б) судьи эти назначаются на 10 лет.

5) Что касается реформ в администрации: а) уничтожение ныне существующих окружных начальников; б) расширение уездов как административных единиц, с сокращением числа служащих. Обе эти меры предполагаются в видах экономии; с) учреждение, наподобие наших земств, уездных собраний для предоставления населению местного самоуправления.

6) Что касается войска:

Не только не сократить состав армии, но в случае надобности увеличить его, не щадя народных средств, с тем однако условием, чтобы при расширении кадров постоянного войска не было упущено из виду боевое развитие ополчения”.

Во внешнеполитическом разделе проекта Персиани выделил следующие положения: “Войти в самые близкие отношения со всеми православными государствами Балканского полуострова... и по возможности заключать с ними торговые и другие договоры”; “не пренебрегать традиционными отношениями, существовавшими между Сербией и покровительствовавшей ей Россией”; “жить в мире со всеми государствами, не исключая и Австрии”⁶⁸.

Следует отметить, что в руководстве радикальной партии не было единства позиций по отношению к официальной России, что было связано с разностью воззрений на решение сербского национального вопроса. Как показал в своей монографии А.Л.Шемякин, П.Тодорович и ряд его сторонников выступали в этой связи за объединенные усилия всех балканских народов⁶⁹. Вместе с тем сторонники этой точки зрения признавали, что условием успешной внешнеполитической деятельности в данном направлении является необходимость лавировать между великими державами. При этом Россию они считали

лишь “меньшим злом” по сравнению с Австро-Венгрией. Нельзя также сбрасывать со счетов, что “крайние” радикалы типа П.Тодоровича всегда считали Россию прежде всего “деспотическим государством”⁷⁰.

Другая часть радикального руководства в лице Н.Пашича и Р.Милошевича планировала поэтапное решение задач сохранения и защиты сербской независимости с опорой на Россию. Для этого, отказавшись от идеологической нетерпимости, они уже в начале 80-х годов попытались найти пути к союзу с Петербургом⁷¹. Кроме того, подчеркнем, что партия, сделавшая ставку на широкие крестьянские массы, не могла не учитывать традиционных симпатий к России сербского населения, несмотря на определенное разочарование в Сербии поведением петербургского кабинета при заключении Сан-Стефанского договора.

Именно на эти симпатии сербского народа к “державе-покровительнице”, как и в предшествующие десятилетия, опиралась российская дипломатия в рассматриваемый период. Антинациональный внешнеполитический курс правящего режима привел к росту прорусских настроений в Сербии. В донесении от 25 мая 1883 г. Персиани писал Гирсу: “Преданность народа растет по мере того, как в правительственных сферах усиливается австрийское влияние. Я могу смело сказать, что имя России популярнее ныне в Сербии, чем даже после последней войны. На первый взгляд положение это может показаться странным, но славянские народы Балканского полуострова до того ревниво сохраняют свою независимость, что всякое явное вмешательство в их внутренние дела вызывает с их стороны отпор. Таким образом, мы обязаны настоящим тяготением к нам усиленному давлению Австрии”⁷². Это свидетельство перекликается со словами известного сербского общественного и церковного деятеля того периода, поддерживавшего связи со славянофильскими кругами в России, епископа Неготинского Моисея, который писал российскому публицисту Н.Н.Дурново по поводу роста

влияния Австро-Венгрии: "...Верьте, что это только политика, а народное чувство и сердце всегда связаны неразрывно с Россией"⁷³.

Даже Ч.Миятович, доверенное лицо Милана, министр иностранных дел в первом правительстве напредняков, писал о ситуации в Сербии в начале 80-х годов: "Большинство сербского народа было всегда русофильски настроено. Каждый серб знал, что сербы и русские этнически очень близки, что оба народа принадлежат к одной славянской семье и к единой восточноправославной церкви, что все их церковные обряды идентичны и исполняются на общем старославянском языке и что их собственные языки очень похожи... Каждый серб наполнялся почти личной гордостью, ощущая силу и величие России"⁷⁴.

Достоинны удивления факты открытого проявления симпатий к России и ее народу со стороны сербской общественности, о чем свидетельствуют многочисленные документы. И это в период, когда, по словам Н.Пашича, "правитель Сербии отошел от сербской традиционной политики"⁷⁵ и вместе со своим кабинетом "плыл в австрийских водах", а преследования противников режима Обреновичей приобрели невиданный ранее размах! Так, в письме к И.С.Аксакову от 21-27 мая 1882 г. Кулаковский сообщал о банкете в честь юбилея белградского Певческого общества, на котором он, единственный русский, выступил с небольшой речью "о единстве славянской культуры, о твердости, необходимой для борьбы с чужими влияниями, о силе славянства и славной будущности славянского единства". "Это, — замечал ученый, — было ответом на все безобразия правительственной печати. Меня прерывали аплодисментами, после не давали проходу приветами, пожатиями и т.д. Русская песня, спетая одним из хоров, была так приветствована, как ни одна из сербских". Кулаковского поразило, по его словам, как "толпа в 300-400 человек, состоящая и из писателей и чиновников, след[овательно], интеллигенции, и из сапожни-

ков и торговцев – малограмотных – электризуется при имени России и русского. Что бы там ни было, сила в наших руках, но мы плохо, очень плохо ею пользуемся”⁷⁶.

В связи с коронацией Александра III в мае 1883 г. Персиани, согласно его сообщению в Петербург, “не удостоился визитов ни от членов двора, ни от членов кабинета”. В то же время “множество частных лиц и обществ поспешило в императорскую миссию с выражением своих чувств и пожеланий”. Были получены поздравительные телеграммы: из Крушевца (72 подписи), из Горнего Милановца (77), из Рачи (37), из Неготина (66), из Белграда (29), из Паланки (43), из Ужице (240! подписей)⁷⁷.

Такая откровенная демонстрация прорусских симпатий в условиях тогдашней Сербии с официальным проавстрийским курсом ее властей была, помимо всего прочего, на наш взгляд, своеобразным проявлением оппозиционных настроений чрезвычайно политизированного сербского общества.

Все эти моменты, безусловно, принимались во внимание руководителями российской дипломатии при формировании курса в сербском вопросе в первой половине 80-х годов и в последующем его проведении. Очень важной представляется позиция, признававшая необходимым учитывать особенности развития независимого Сербского государства. “Сербский народ, – писал Персиани в МИД, – предпочитает всему свою собственную независимость; он любит нас и готов слушаться нас с тем, однако, чтобы Сербия оставалась Сербией, а не сделалась вассальным государством, даже в отношении к России. Для сохранения этого сочувствия народа нам нужно уважать его самостоятельность, в какой бы форме она ни проявлялась, в форме ли языка, обычаев, общественного строя (подчеркивание мое. – С.Д.) и т.д.”. Примечательно, что напротив последней фразы Александр III начертил: “Да”⁷⁸.

Следует отметить, что несмотря на уверенность в покровительстве и поддержке Вены, король Милан, учитывая взрывоопасную ситуацию внутри страны, резко негативное отношение к “новому курсу” широких народных масс и рост влияния радикалов в общественно-политической жизни, не мог совершенно отказаться от стремления в какой-то степени нормализовать отношения с Россией. Для этого использовались различные ситуации. Так, на коронацию Александра III он послал своего доверенное лицо Й. Мариновича. Перед отъездом последний имел продолжительную беседу с Персиани, который поспешил донести о ее содержании в Петербург. В секретной телеграмме от 4 мая 1883 г. дипломат сообщал следующее: “Маринович выразил желание восстановить бывшие между Россией и Сербией отношения. Я ответил, что простые уверения в преданности нас не удовлетворяют, что нужны фактические доказательства искренности сербского правительства. Маринович обещал заручиться полномочием от короля и будет ждать Ваших условий”⁷⁹.

Позиция России в сербском вопросе накануне визита Мариновича была еще раз подтверждена министром иностранных дел Н.К. Гирсом: “...Советы, которые мы давали Сербии, были внушаемы нам лишь заботами о ее нравственном и материальном благосостоянии. От образа действий сербского правительства будет зависеть доказать нам, что оно ценит наши благие намерения; с своей же стороны не видим пользы ставить условия восстановления прежних отношений наших с Сербией”⁸⁰.

Во время переговоров Мариновича в России первостепенными были вопросы межгосударственных отношений. Маринович пытался уверить Гирса в том, что “как сам король, так и его министры проникнуты теми же чувствами (признательности и преданности. — С.Д.) к России, что они искренно сожалеют о происшедшем между двумя правительствами охлаждении и готовы сделать все, что мы от них потребуем, чтобы вновь заслужить благорасположение императорского кабинета”. Завере-

ния эти были выслушаны довольно холодно. Гирс ответил Мариновичу, что “возвращение к прежним отношениям... делается возможным лишь тогда, когда Сербия на деле докажет свою решимость вернуться на путь национальной политики, завещанной королем Милану его предшественниками, и которая одна может внушить к себе сочувствие в России”⁸¹. Далее Гирс заявил Мариновичу, что “не может быть и речи о каком бы то ни было соглашении, пока сербская политика не изменится в самом своем основании (*du tout au tout*)”. Как следует из донесения Персиани от 25 июня 1883 г., в котором шла речь об отчете Мариновича перед королем Миланом о поездке, говоря так, Гирс имел в виду прежде всего сербские церковные дела – восстановление в правах митрополита Михаила. Однако Маринович истолковал эти слова как предоставление Сербии “своей собственной участи”. Он заявил Милану, что судя по приему, оказанному ему в Петербурге, “в настоящую минуту восстановление существовавших между Россией и Сербией отношений невымыслимо”⁸².

А вскоре произошло еще одно событие, которое, несмотря на “личный характер”, получило политическую окраску и отразилось на отношениях Сербии с Черногорией и Россией.

30 июля (11 августа) 1883 г. в Цетинье состоялось бракосочетание внука знаменитого вождя Первого сербского восстания Кара-Георгия, князя Петра Карагеоргиевича, считавшегося претендентом на сербский престол, со старшей дочерью черногорского князя Николая – княжной Зоркой. Невеста получила от российского императора Александра III, согласившегося быть заочно “кумом”, поистине царский подарок – 2 млн. рублей⁸³.

Бракосочетание князя Петра с дочерью властолюбивого черногорского князя, стремящегося возглавить движение за объединение сербских земель, получившее к тому же одобрение в высших сферах Петербурга, усилило опасения Милана в прочности своего положения. Серб-

ский король видел в этом событии “политические расчеты, предпринятые не без ведома России”⁸⁴. На одном из приемов во дворце он заявил английскому посланнику, что “цетиньская свадьба” — звено в заговоре, который режиссируется из Петербурга⁸⁵.

М.Пирочанац записал в своем дневнике, что Россия, ранее выражавшая лишь недовольство политикой сербского правительства, поддержкой женитьбы князя Петра объявила “открытую войну королю и его дому”. Именно поэтому сербскому монарху ничего не оставалось как искать покровительства Австро-Венгрии и Германии⁸⁶.

Следует признать, что опасения сербского монарха не были лишены оснований, ибо родство с черногорским княжеским домом, безусловно, укрепило позиции Петра Карагеоргиевича, имевшего в Сербии сторонников среди различных слоев населения⁸⁷. Однако ни черногорский двор, ни российское правительство, одоблившее предполагаемый брак еще во время пребывания князя Николая в России в сентябре 1882 г., не связывали с ним никакой непосредственной политической акции против Милана⁸⁸. Вместе с тем в Петербурге полагали, что в будущем, когда для этого вызреют условия, Петр Карагеоргиевич может быть полезен России в ее балканской политике, например, в вопросе смены династии в Сербии и изменения ее внешнеполитической ориентации⁸⁹.

* * *

А между тем в Сербии полным ходом шла предвыборная кампания. В агитационной деятельности радикалов значительное место отводилось газете “Самоуправа”, на страницах которой появилось немало “разоблачительных” материалов, направленных против правящего кабинета. Например, о “безответственном” расходовании государственных средств — в то время, как народ бедствует, на приобретение новой формы для офицеров

регулярной армии было истрчено 30 тыс. дукатов. Неоднократно отмечалось, что в Сербии постоянно нарушается конституция и “самое святое право серба” – право избирать депутатов скупщины. Газета призывала к неповиновению властям и армии⁹⁰.

Подготовка к выборам в скупщину стала основным содержанием деятельности радикальной партии в 1883 г. “...Оппозиция ожидает с нетерпением указ о выборах. Она почти уверена в успехе своих кандидатов”⁹¹, – писал Персиани Гирсу 25 мая 1883 г.

В ожидании подписания указа о выборах Главный комитет радикальной партии вступил в контакт с либералами, имея в виду заключение с ними соглашения с целью достижения власти.

Как отмечалось выше, первые попытки контактов между руководством двух партий имели место осенью 1882 г. (после покушения Елены Маркович). Хотя формальный союз тогда заключен не был, эти контакты продолжались и в дальнейшем. Так, 20 декабря 1882 г. сербский деятель Стоян Бошкович сообщал Кулаковскому: “Хорошо то, что оппозиционные фракции (либералы и радикалы) постоянно сближаются и ищут совместную основу для возможно более сильного отпора “напредняцкой партии” и ее ошибочной внешней и внутренней политике”⁹².

8(20) февраля 1883 г. Главный комитет радикальной партии направил местным организациям письмо с просьбой высказаться “за” или “против” переговоров о соглашении с либералами, скрыв таким образом от рядовых членов партии, что контакты с лидерами партии Ристича продолжались уже почти полгода, и представив их как эпизодические предложения к сотрудничеству, исходящие исключительно от либерального руководства. В вышеуказанном документе отмечалось, что соглашение с либералами могло бы иметь в виду совместную защиту действующей конституции вплоть до замены ее новой. Большинство местных комитетов высказалось против

союза с либералами в данной ситуации, считая его, правда, возможным в случае государственного переворота и объявления в стране чрезвычайного положения⁹³. Придерживаясь партийного устава, Главный комитет обязался не вступать ни в какие переговоры с Ристичем и его сторонниками. Тем не менее контакты между ними продолжались и летом 1883 г.⁹⁴. Однако предвыборный блок оформлен не был.

Оценивая переговоры лидеров двух оппозиционных партий, приходим к выводу о том, что со стороны либералов это был тактический маневр, направленный на использование радикалов как наиболее популярной партии для достижения власти, утраченной в 1880 г. В свою очередь, радикалы понимали, что их могут допустить к власти только в союзе со сторонниками Й.Ристича. Их тактика была следующей: действуя в рамках конституции 1869 г. с помощью обычной скупщины, получить власть путем создания однопартийного или коалиционного правительства, чтобы затем сразу же поставить вопрос о пересмотре Основного закона, для чего предстояло созвать Великую народную скупщину.

Соглашение не было достигнуто в 1883 г. прежде всего потому, что лидеры либералов намеревались использовать популярных в народе радикалов только как трамплин к власти. Так полагал, как заметил А.Л.Шемьякин, Ристич, убежденный, что “на гребне радикальной победы на выборах либералам легче было прийти к единоличной власти”⁹⁵. Однако радикалы в сложившейся к лету 1883 г. обстановке, определяемой в первую очередь невиданным ростом их влияния в народе, никак не могли согласиться с уготованной для них ролью.

А тем временем политическая атмосфера в Сербии подогреваемая радикальными агитаторами, накалялась каждым днем. Этому способствовали и действия правящего кабинета, возможно, и оправданные с точки зрения государственных интересов, но в той конкретной, достаточно взрывоопасной обстановке лишь усугублявшие

ситуацию. Речь идет о Законе о реорганизации сербской армии (31 января 1883 г.), который ликвидировал народное ополчение и вводил регулярную армию (отныне она должна была включать 5 дивизий первого призыва, 5 дивизий второго призыва и 60 батальонов третьего призыва) и всеобщую воинскую обязанность⁹⁶.

25 июня 1883 г. на основании вышеуказанного закона военный министр Сербии издал приказ о разоружении народного ополчения. Оружие, ранее хранившееся в домах крестьян, отныне должно было находиться на специальных складах. Для его сбора создавались специальные государственные комиссии. Этот документ был опубликован в газетах, но большинство неграмотных сербских "селяков" не знали о его существовании, и когда летом 1883 г. комиссии приступили к исполнению своих обязанностей, они столкнулись на местах с резким недовольством этой непопулярной мерой "ненавистных" напредняков, что в полной мере использовали в своей предвыборной агитации радикалы.

30 июля 1883 г. в "Самоуправе" появилась статья Н.Пашича и Я.Томича "Разоружение народного ополчения", носившая ярко выраженный пропагандистский характер. Напредняки дали ей свое название - "Не отдавайте оружия!", обозначив таким образом основную суть материала.

Тем временем 6 августа 1883 г. был опубликован королевский указ о проведении 7 сентября выборов в обычную скупщину. Причиной созыва обычной, а не Великой народной скупщины правительство объявило необходимость скорейшей ратификации железнодорожной конвенции (до 1 октября). Острая борьба за победу на выборах, которая велась и до указа, достигла своего пика. Создавалось впечатление, что "Сербия стоит не перед выборами, а на пороге гражданской войны"⁹⁷. В связи с этим в начале августа власти прекратили сбор оружия и начали предвыборную агитацию с тем, чтобы обеспечить напреднякам большинство в скупщине. Усилились

преследования сторонников радикальной партии. Из-за увольнения учителей-радикалов в стране было закрыто около 50 школ – там некому было работать. Однако действия властей привели к обратному результату – они лишь усиливали позиции радикальной партии в широких крестьянских массах и увеличивали ее шансы на успех. Особенно активно действовали радикальные комитеты в местах. Напредняки видели, с каким фанатизмом готовятся их прежние союзники к выборам – “как будто завтра на Косово” – но ничего не могли поделать. Пашич не знал в эти дни ни сна, ни отдыха. Редакция “Самоуправы”, располагавшаяся в небольшой лавчонке неподалеку от памятника князю Михаилу, была превращена радикалами в штаб. Сюда десятками прибывали курьеры из провинции и вскоре вновь торопились на места с инструкциями Главного комитета. По словам наблюдателя этого австро-венгерского посланника, эта курьерская служба отличалась необыкновенной скоростью и действовала, как часы⁹⁸.

25 августа через “Самоуправу” Главный комитет радикальной партии обратился к избирателям со словами: “Сербия, не забудь, 7 сентября ты должна будешь ответить на вопрос – ты за Австрию или нет? И посмотрим, кто захочет, кто посмеет голосовать за Франца Иосифа?”⁹⁹. Как видим, антиавстрийские настроения, усилившиеся в начале 80-х годов среди сербского крестьянства в связи с ростом экономической и политической гегемонии Габсбургской монархии, были в полной мере использованы радикалами в предвыборной кампании.

Бытописатель М.Йованович-Стоимирович, автор удивительных исторических портретов выдающихся людей Сербии XIX – начала XX вв., со свойственной ему проницательностью писал: “Нынешние поколения даже представить себе не могут, какую атмосферу ненависти между отдельными людьми и даже семьями создава-

ли...партии". Политическая борьба в Сербии, по его выражению, "ломала людей и характеры"¹⁰⁰.

В день выборов 7(19) сентября с самого раннего утра народ буквально валом валил на избирательные участки — с флагами и музыкой. Как свидетельствовали современники событий, впечатление было такое, что от того, когда он будет голосовать (вопрос "за кого" уже не стоял), зависит не только судьба страны, но и каждого отдельного человека. По признанию Сл.Йовановича, такого "движения масс в Сербии еще не наблюдалось"¹⁰¹.

После голосования Пашич и члены Главного комитета собрались в ресторане "У золотого креста" и здесь ожидали известий о результатах выборов. Первое сообщение пришло из Заечара, в котором баллотировался сам глава радикальной партии. До полудня за Пашича в его родном городе проголосовало 144 человека, а за кандидата-либерала — всего девять¹⁰². Аналогичная картина наблюдалась и в других избирательных округах. Этот день в истории радикальной партии по праву может быть назван днем триумфа. Правительство пыталось хоть как-то поправить положение. 10 сентября было назначено 44 "правительственных" депутата, являвшиеся сторонниками правящего кабинета.

Открытие скупщины должно было состояться 15 сентября. Тремя днями раньше был избран новый Главный комитет радикальной партии в следующем составе: Н.Пашич, Г.Гершич, П.Тодорович, П.Михайлович, Р.Миловевич, Й.Джайя, А.Николич, К.Таушанович, Й.Симич, Ст.Стефанович.

9(21) сентября 1883 г. Гирс сообщил российскому императору о том, что из Белграда от Персиани пришло сенсационное известие — на выборах в сербскую скупщину победу одержала радикальная партия. "Я предложил нашему представителю, — писал Гирс, — соблюдать особую осторожность, дабы не подвергнуться подозрению в поощрении радикалов" (подчеркивание мое. — С.Д.). (На

полях имеется помета Александра III – “Хорошо”). В тот же день в Белград была отправлена телеграмма соответствующего содержания¹⁰³.

И тем не менее победу радикалов король Милан и напредняки объясняли деньгами из России, посылавшимися якобы для подкупа избирателей. Правда, всерьез эти объяснения никем не воспринимались. Даже поверенный в делах Австро-Венгрии в Белграде Шисл 19 сентября писал в Вену, что “на этот раз и речи нет” ни о каком “русском влиянии”. Результат выборов – выражение недовольства народа незаконными действиями отдельных министров, прежде всего М.Гарашанина и Ст.Новаковича (имелись в виду гонения на учителей-радикалов, незаконное заключение в тюрьму кандидатов в депутаты и т.д.)¹⁰⁴.

Австро-венгерский посланник Кевенхиллер, отсутствовавший в Белграде в этот период, в донесении, написанном после возвращения и ознакомления с ситуацией, отмечал, что радикалы победили на выборах потому, что являются самой популярной в стране партией, к тому же прекрасно организованной. Что касается России и ее роли в сербских событиях, продолжал далее дипломат, король Милан “по старой привычке сваливает всю вину за неудавшиеся выборы на русские, точнее панславистские, интриги”. “Я не считаю, – подчеркивал Кевенхиллер, – что он прав... я убежден, что панславизм... не имел той решающей роли, которую приписывает ему король...”¹⁰⁵. По глубокому убеждению посланника, к политическому кризису в Сербии привели не радикалы и Россия, а действия напредняков. Их администрация вместо того, чтобы установить в стране порядок, вызвала взрыв недовольства народа. Коррупция, спекуляция, грабительская налоговая политика, расстроены финансы – вот к чему привели они Сербию.

Германский посланник Брай также не верил в “интриги” России. Он писал о российском министре-резиденте

Персиани как о “флегматике”, который месяцами никуда не выходит, за исключением ресторана, где он увлеченно играет в вист. Правда, накануне выборов Персиани ездил в Смедерево, где, по сведениям Брая, целый день не покидал гостиницу – пил вино и играл в карты. А “Видело” – орган напредняков – писало, что он в этом городе организовывал подрывные акции радикалов и сторонников Карагеоргиевичей¹⁰⁶. В то время, как сербские власти усиленно распространяли слухи о якобы присланных из России значительных средствах для организации предвыборной кампании и называли даже конкретные суммы (отмечалось, например, что в Нишском округе было роздано 5 тыс. дин.), германский посланник утверждал, что это деньги не из России, а из кассы радикальной партии. Персиани могло быть вменено в вину лишь то, что он принимал в российской дипломатической миссии некоторых лидеров радикальной¹⁰⁷, как, впрочем, и либеральной, партий. Он пытался влиять на сербские события, по утверждению Брая, только в случае с изгнанием митрополита Михаила и то не самостоятельно, а следуя инструкциям из Петербурга¹⁰⁸.

В связи с вопросом о роли России в сербских событиях осенью 1883 г. весьма примечательной является позиция посла в Константинополе А.И.Нелидова. В сопоставлении с вышеприведенными документами его донесение в Петербург позволяет сделать вывод о понимании российской дипломатией необратимых последствий, к которым может привести активное вмешательство в сербские дела.

Нелидов считал, что, несмотря на ошибки правительства М.Пирочанца, Россия должна избегать всего того, что могло бы дать Австро-Венгрии повод вмешаться во внутренние дела Сербии. Дипломат обращал внимание на “опасность, имеющую произойти от слишком резкого поворота против Австрии и неисполнения принятых на себя королевством в силу Берлинского трактата обязательств”. Он считал крайне нежелательным постановку в

сложившейся ситуации вопроса о перемене династии, отметив, что “из подобного поворота может выйти общеевропейское усложнение, которого последствия полны угроз для самой Сербии”. По мнению Нелидова, “при раздраженном положении Европы и важности, придаваемой Австрией и Германией разрешению сербского кризиса... было бы крайне опасно слишком круто повернуть политическое направление королевства и вызвать со стороны союзных империй какие-нибудь действия, которые бы поставили нас в необходимость или открыто противостать им, или безмолвно снести незаконное их вмешательство в дела славянских государств, чем нашему там влиянию был бы нанесен неизлечимый удар”. Вот почему Нелидов брал на себя смелость рекомендовать осторожность и осмотрительность в “сношениях с сербскими патриотами”. Эта позиция была полностью одобрена Н.К.Гирсом. Исходя из вышеизложенных соображений, Нелидов посоветовал обратившемуся к нему за поддержкой опальному митрополиту Михаилу, проживавшему в это время в Константинополе, повременить с отъездом в Сербию¹⁰⁹.

Подведем итоги. В 1883 г. Сербия стояла на пороге конституционной реформы. Сербское общество уже “переросло” конституцию 1869 г., являющуюся основой старой государственности, и нуждалось в новом Основном законе. Фактически конституция 1869 г. в начале 80-х годов уже “не работала”. Именно этим во многом и объясняется появление новых конституционных идей и проектов различных политических сил.

Недовольны конституцией 1869 г. были все: и король, и напредняки, и радикалы. Их планы выхода из политического и конституционного кризиса сводились к следующему:

– король в условиях роста радикального движения склонялся то к государственному перевороту, то к отречению. Вступив на путь личного правления, он стремился к тому, чтобы кабинет и скупщина состояли из людей,

преданных династии Обреновичей, способных стать “по-слушным инструментом” его политики;

– напредняки предлагали реформировать парламент путем создания верхней палаты, видя в этом своего рода панацею;

– и, наконец, радикалы в своей победной эйфории выступали за превращение народной скупщины (разумеется, радикальной) в высший орган власти, намереваясь таким образом учредить в Сербии конвент.

Однако ожидавшаяся в 1883 г. конституционная реформа не состоялась. Происшедшие осенью 1883 г. события в Восточной Сербии внесли коррективу в планы и программы главных политических сил страны, во многом определив их дальнейшую судьбу...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Продановић Ј.* Уставни развитак и уставне борбе у Србији. С.233.

² Там же. С.235.

³ *Стојичић Сл.* Уставни развитак Србије. 1869 - 1888. С.160.

⁴ Там же. С.161.

⁵ *Продановић Ј.* Указ.соч. С.242-244.

⁶ *Радонић Ј.* Никола Пашић и његов радикални програм из 1876 г.// Сликe из историје и књижевности. Београд, 1938. С.259.

⁷ *Стојичић Сл.* Указ.соч. С.114-123.

⁸ См.: Устави Кнџевине и Краљевине Србије. 1835-1903. С.27.

⁹ По конституцији 1869 г. государственные служащие, в рядах которых находилось большинство образованных людей Сербии, не имели права избираться депутатами скупщины. Именно против этого ограничения с конца 70-х годов выступали “младоконсерваторы” - напредняки.

¹⁰ *Милићевић Ј.* Опозиција у Србији уочи стварања организованих политичких странака (1878-1881)//Историјски гласник. 1969. № 2. С.17.

¹¹ *Јовановић Сл.* Влада Милана... II. С.70-72, 76. Закон о слободи печата был утвержден в скупщине 13(25) февраля 1881 г. единогласно и без единого замечания, что было весьма редким случаем в Сербии, а Закон о союзах и собраниях - 26 марта (7 апреля) 1881 г.

- ¹² Современник событий, один из видных общественно-политических деятелей Сербии рассматриваемого периода А.Васильевич писал в своих мемуарах: "Однажды я спросил его (короля. - С.Д.), почему он идентифицирует себя с напредняцкой партией? На это последовал ответ: "Потому что это моя партия"". (*Васильевич А. Моје успомене... С.146*).
- ¹³ *Стојичић Сл. Уставни развитак... С.151.*
- ¹⁴ Там же. С.162-163.
- ¹⁵ *Поповић М. Порекло и постанак Устава од 1888. године. С.61.*
- ¹⁶ Там же. С.66-68.
- ¹⁷ *Јовановић Сл. Влада Милана Обреновића... II. С.353.*
- ¹⁸ *Ђорђевић М. Уставна криза у Србији 1881-1883... С.17.*
- ¹⁹ *Радевић А. Радикална странка... II. С.540-541.*
- ²⁰ АВПРИ. Ф.ПА.1883 г. Д.424. Л.95об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 3 августа 1883 г.).
- ²¹ Текст проекта см.: *Продановић Ј. Уставни развитак... С.254-265.*
- ²² *Јовановић Сл. Влада Милана... II. С.353.*
- ²³ Там же. С.254.
- ²⁴ *Новаковић Ст. Двадесет година уставне политике у Србији. 1883-1903. Београд, 1912. С.21.*
- ²⁵ АВПРИ. Ф.ПА. 1883 г. Д.424. Л.96об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 3 августа 1883 г.).
- ²⁶ Цит. по: *Шемякин А.Л. Радикальное движение в Сербии... С.178.*
- ²⁷ *Казимировић В. Указ.соч. С.412.*
- ²⁸ АВПРИ. Ф.ПА.1883 г. Д.424. Л.96-96об.
- ²⁹ *Радевић А. Указ.соч. II. С.552.*
- ³⁰ Там же. С.555.
- ³¹ Цит. по: *Шемякин А.Л. Указ.соч. С.180.*
- ³² *Радевић А. Указ.соч. С.456-458.*
- ³³ Проект конституции радикальной партии 1883 г., хранившийся в тайне, по утверждению Р.Милошевича, стал известен напреднякам из-за неосторожности председателя местного комитета в Аранђеловце//*Милошевић Р. Тимочка буна... С.106.*
- ³⁴ См.: *Пашић Н. Моја политичка исповест//Србија и коментари. С.129.*
- ³⁵ Радикални алманах. Београд, 1892. Књ. 2. С.66-67.
- ³⁶ *Петровић Р. Адам Богосављевић. Београд, 1972. С.44, 98.*
- ³⁷ Самоуправа. 1881. 8 јануар.
- ³⁸ *Лавелз де Э. Балканский полуостров... Ч.1. С.202.*
- ³⁹ *Милошевић Р. Тимочка буна... С.95, 122; Продановић Ј. Историја политичких странака и струја... С.473.*
- ⁴⁰ *Милошевић Р. Указ.соч. С.63.*

- 41 Самоуправа. 1881. 8 јануар.
- 42 Текст проекта радикалов 1883 г. опубликован - см.: *Милошевић Р. Тимочка буна...* С.106-126.
- 43 См.: *Шемякин А.Л.* Радикальное движение в Сербии... С.75.
- 44 *Јовановић Сл.* Политичке и правне расправе. Књ.1. С.43.
- 45 Видело. 1883. 25, 28 септ., 2, 21 окт.
- 46 Вестник Европы. 1883. № 12. С.856-857.
- 47 *Раденић А.* Указ.соч. С.464.
- 48 Перевод документа Кевенхиллер приложил к своему донесению в Вену от 28 сентября (11 октября) 1883 г. (см.: Там же. С.464-465).
- 49 *Раденић А.* Указ.соч. С.535-536; *Казимировић В.* Указ.соч. С.407.
- 50 *Раденић А.* Указ.соч. С.536-537; *Казимировић В.* Указ.соч. С.407.
- 51 *Раденић А.* Указ.соч. С.537; *Казимировић В.* Указ.соч. С.408.
- 52 *Казимировић В.* Указ.соч. С.408.
- 53 Там же. С.408-409.
- 54 Там же. С.409.
- 55 *Раденић А.* Указ.соч. С.573-575.
- 56 История дипломатии. Т.2. С.133.
- 57 АВПРИ. Ф.ПА. 1882 г. Д.419. Л.137об.
- 58 Там же. 1882 г. Д.420. Л.2.
- 59 Там же. Ф.Канцелярия. 1882 г. Д.10. Л.37.
- 60 Там же. Ф.ПА. 1883 г. Д.424. Л.71-75.
- 61 Там же. Л.71.
- 62 Там же. Л.134. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 25 сентября 1883 г.).
- 63 *Раденић А.* Указ.соч. С.783.
- 64 Московские ведомости. 1881. 6 нояб.
- 65 Отдел рукописей Института русской литературы (далее — ОР ИРЛИ). Ф.572. Д.44. Л.14.
- 66 ОР РНБ. Ф.14. Д.191. Л.2об.
- 67 Московские ведомости. 1882. 10 июня.
- 68 АВПРИ. Ф.ПА. 1883 г. Д.424. Л.134об. - 137об.
- 69 См.: *Шемякин А.Л.* Радикальное движение в Сербии... С.102.
- 70 Самоуправа. 1881. 31 март.
- 71 См.: *Шемякин А.Л.* Указ.соч. С.103.
- 72 АВПРИ. Ф.ПА.1883 г. Д.424. Л.73-74.
- 73 Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее - ОПИ ГИМ). Ф.177 (Н.Н.Дурново). Д.25. Л.257об. (Письмо от 2 сентября 1880 г.).
- 74 Цит. по: *Шемякин А.Л.* Сербская национальная идея в 1878-1903 гг. Время разочарования и осмысления (Рукоп.). С.23.
- 75 Цит. по: *Шемякин А.Л.* Радикальное движение в Сербии... С.93.
- 76 ОР РНБ. Ф.14. Д.191. Л.1об.-2.
- 77 АВПРИ. Ф.ПА. 1883 г. Д.424. Л.70об., 75-80об.

⁷⁸ Там же. 1884 г. Д.428. Л.44-44об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 12 февраля 1884 г.).

⁷⁹ Там же. 1883 г. Д.425. Л.24.

⁸⁰ Там же. Л.25-25об.

⁸¹ Там же. Ф. Миссия в Белграде. 1883 г. Д.74. Л.10об.-11 (Н.К.Гирс - А.И.Персиани 11 июня 1883 г.).

⁸² Там же. Ф.ПА. 1883 г. Д.424. Л.89об.

⁸³ Раденић А. Указ.соч. С.552-553.

⁸⁴ АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1883 г. Д.11. Л.1.

⁸⁵ Раденић А.Указ.соч. С.554.

⁸⁶ См.: *Живојиновић Др.* Краљ Петар I Карађорђевић. Живот и дело. У изгнанству 1844-1903. године. Београд, 1988. С.268.

⁸⁷ Многие радикалы, члены местных комитетов партии, открыто приветствовали "цетиньскую свадьбу". Министр внутренних дел М.Гарашанин получал донесения от срезских и окружных начальников о том, что на своих собраниях радикалы заявляют: "Нам нужен король не влах, а настоящий серб. У нас есть серб Петр Карагеоргиевич, вот его мы и сделаем королем... Этого хочет радикальная партия и так и должно быть". (Раденић А. Указ.соч. С.533). Вместе с тем руководство партии, и прежде всего Н.Пашич, относились к Петру Карагеоргиевичу с большой настороженностью, не считая его подходящей кандидатурой на сербский престол. Позднее, в эмиграции после Тимоцкого восстания, лидер радикалов планировал унию Сербии с Болгарией во главе с Александром Баттенбергом. Лишь после 1886 г. радикалы включили потомка Кара-Георгия в свои политические расчеты.

⁸⁸ См.: *Разнатовић Н.* Женидба кнеза Петра Карађорђевића и црногорско-србијански односи//Ист. записи. Цетиње, 1965. Књ.22. № 3. С.478.

⁸⁹ Там же. С.489.

⁹⁰ Самоуправа. 1883. 28 апр.; 1883. 20 авг. и др.

⁹¹ АВПРИ. Ф.ПА. 1883 г. Д.424. Л.86.

⁹² ОР ИРЛИ. Ф.572. Д.79. Л.8.

⁹³ Раденић А. Указ.соч. С.468-470; Ответы окружных и срезских организаций Главному комитету опубликованы - см.: *Павловић Љ.* Радикална странка у Србији пре Тимочке буне према архивској грађи из збирке музеја у Смедереву. Смедерево, 1984.

⁹⁴ *Шемякин А.Л.* Радикальное движение в Сербии... С.182.

⁹⁵ Там же. С.184.

⁹⁶ См.: *Вурђевац М.* Народна војска у Србији 1861-1883.//Војно-историјски гласник. 1959. Бр.4. А.И.Персиани высоко оценил этот закон, считая его весьма важным для упрочения сербской государственности. В донесении в Петербург 18 апреля 1883 г. он

подробно изложил принципы новой организации сербской армии (АВПРИ. Ф.ПА. 1883 г. Д.424. Л.61-68).

⁹⁷ Историја српског народа... С.68.

⁹⁸ Казимировић В. Указ.соч. С.413-415.

⁹⁹ Самоуправа. 1883. 25 ауг.

¹⁰⁰ Јовановић-Стојимировић М. Силуете старог Београда... Књ.1. С.160; Књ.2. С.52.

¹⁰¹ Јовановић Сл. Влада Милана... III. С.105.

¹⁰² Казимировић В. Указ.соч. С.416.

¹⁰³ АВПРИ. Ф.ПА. 1883 г. Д.425. Л.35-36.

¹⁰⁴ Раденић А. Указ.соч. С.565.

¹⁰⁵ Казимировић В. Указ.соч. С.418.

¹⁰⁶ Раденић А. Указ.соч. С.571.

¹⁰⁷ Ни Н.Пашич, ни П.Тодорович в русской миссии не были, ее посещал лишь Р.Милошевич.

¹⁰⁸ Раденић А. Указ.соч. С.571.

¹⁰⁹ АВПРИ. Ф.Миссия в Белграде. 1883 г. Д.74. Л.20-21об. (А.И.Нелидов - Н.К.Гирсу 26 сентября (8 октября) 1883 г.).

Тимокская трагедия и ее последствия

Одержав победу на сентябрьских выборах 1883 г., радикалы, еще неискушенные в политической борьбе, воодушевленные своим невиданным успехом, были уверены, что уже ничто не может помешать им прийти к власти.

Одно из заявлений Пашича, сделанное впоследствии в эмиграции, о готовности радикалов после выборов сформировать коалиционное правительство, позволяет предположить, что они были убеждены в том, что король Милан, не видя иного выхода из кризисной ситуации, будет вынужден вступить с ними в соглашение. И что еще важнее, Пашич и его сторонники хотели облегчить это сотрудничество с двором известными уступками¹.

Однако события развернулись совсем не так, как рассчитывали радикалы. В то время, когда они торжествовали по поводу победы, режим готовился к роспуску скупщины и расправе с их партией.

Король Милан не желал и слышать о каком-либо сотрудничестве с радикалами. Заручившись поддержкой Австро-Венгрии и Германии, он перешел в наступление: приняв отставку правительства Пирочанца, Милан поручил сформировать новый кабинет не Н.Пашичу как лидеру победившей на выборах партии, а 65-летнему реакционеру Николе Христичу, про которого П.Тодорович писал: "Тогда, когда не было конституции, во главе правительства стоял Н.Христич. После принятия конституции (1869 г. – С.Д.) Христич у власти уже не появлялся. Сам факт, что он вновь возглавил правительство именно сейчас, говорит о том, что вполне возможна отмена конституции"².

Новое назначение газета “Самоуправа” назвала “конституционным позором”. Аналогичного мнения придерживался орган либералов “Српска независност”³. По мнению австро-венгерского посланника Кевенхиллера, кабинет Христича состоял из бесцветных в политическом отношении личностей. Дипломат считал, что правительство должно было бы быть коалиционным, в которое вошли бы и некоторые радикалы. Нынешний кабинет он назвал “наихудшей альтернативой”, во время правления которого следует ожидать углубления внутривнутриполитического кризиса в Сербии⁴.

Между тем в российских правящих кругах в связи с сербскими правительственными переменами появились некоторые надежды на “возобновление дружественных отношений между Россией и Сербией”⁵. Во время бесед с Персиани Христич обещал употребить все свои усилия к осуществлению сближения между двумя странами⁶. В Петербурге считали, что задачей нового кабинета должно стать “восстановление в стране нравственного порядка и преуспевание ее материальных интересов”. “Только эти усилия, – писал Гирс в посольство в Константинополе 8 октября 1883 г., – могут встретить с нашей стороны сочувствие и, в случае нужды, нравственное содействие”⁷.

Однако эти надежды не оправдались. Начало правления Н.Христича было отмечено роспуском народной скупщины. 22 сентября во дворце король обрушился на делегацию депутатов с оскорблениями и угрозами в адрес радикалов, которые якобы хотят “уничтожить в Сербии монархию и создать республику”. Милан приказал избранникам народа отправляться по домам “пасти свиней в Шумадии и овец в Златиборе”⁸. Как писал П.Тодорович: “Таким образом, все стало ясно: король Милан выбрал конфронтацию и войну вместо сотрудничества и мира”⁹.

Следует отметить, что глава радикалов Н.Пашич понимал своеобразие сложившейся в стране осенью 1883 г. ситуации. На тайном совещании после роспуска скупщины он заявил: “Безусловно, мы сильны доверием народа,

мы – сила в парламентской борьбе, но бесспорно и то, что король держит в своих руках фактическую власть”¹⁰.

На вышеупомянутом совещании Р.Милошевич и П.Тодорович обратили внимание своих единомышленников на то, что в стране в любой момент может вспыхнуть восстание и нельзя допустить, чтобы народ вступил в борьбу с режимом стихийно, не имея руководства. Тодорович предложил избрать нечто вроде Генерального штаба радикальной партии, главной задачей которого, правда, была бы не организация восстания, а подготовка народа к обороне от возможных репрессивных действий властей. “Возьмите организацию отпора в свои руки!” – призвал он депутатов. Однако после продолжительной дискуссии никаких конкретных решений не последовало. Внимание участников совещания было обращено лишь на то, что 1 ноября 1883 г. намечено провести по всей стране срезские и городские собрания партии для принятия резолюции о необходимости изменения конституции, которая затем в форме петиции должна была быть послана королю.

На совещании говорилось также, что восстание начнется тогда, когда Милан попытается отменить конституцию. Но вопрос о том, что считать попыткой ее ликвидации? Как свидетельствуют документы, приведенные в работах сербских историков А.Раденича, П.Милосавлевича и др., большинство участников совещания считало первой попыткой “наступления” на конституцию разоружение народного ополчения. Именно поэтому руководство радикальной партии не было так “невинно” в связи с Тимокским восстанием, как пытались утверждать лидеры радикалов¹¹. Конечно, Главный комитет не принял решения о немедленном восстании, но он выдвинул его идею как единственной возможности в борьбе с режимом Милана Обреновича после отмены конституции. Комитет способствовал формированию у многих рядовых членов партии убеждения, что восстание должно

начаться при разоружении народного ополчения, означавшего наступление на права народа.

Осенью 1883 г. политический кризис, возникший в 1882 г., еще более углубился. Противостояние политических противников приобрело ожесточенный характер. После роспуска скупщины вновь было продолжено разоружение народного ополчения в Восточной Сербии. 24-26 сентября произошли события в селе Сесалце, жители которого вначале сдали, а затем забрали свое оружие со склада. Их примеру последовали крестьяне сел Луково, Валаконье, Ябланица и др. Вскоре волнения охватили значительную территорию. Образовалось три повстанческих центра – Болевац, Баня и Княжевац, каждый из которых выдвинул своего вождя.

Монарх и правительство вскоре оправались от первого шока при сообщении о начале восстания. 21 октября было введено чрезвычайное положение в Чернореченском округе, создан чрезвычайный суд в Заечаре во главе с Драгомиром Райовичем. 22 октября король издал указ о выплате двойного жалования офицерам, унтер-офицерам и солдатам, которые примут участие в подавлении “бунта”. Тогда же закрылись оппозиционные газеты, была введена цензура, отменена свобода собраний и объединений. В конце октября режим чрезвычайного положения распространился и на другие восставшие округа. В ночь с 25 на 26 октября были арестованы все члены Главного комитета радикальной партии, кроме Н.Пашича, бежавшего в Земун, и Ст.Протича, который в это время находился в пожаревацкой тюрьме, отбывая наказание как редактор “Самоуправы” (за одну из публикаций)¹².

Когда началось восстание, король Милан сообщил австро-венгерскому посланнику, что намерен отменить действующую конституцию, чтобы развязать себе руки для расправы с радикалами. Кевенхиллер посоветовал ему быть осмотрительным, дабы не вызвать негативной реакции европейского общественного мнения. Милан не скрывал от посланника радости по поводу того, что,

говоря его словами, наконец-то “нашел выход из лабиринта”, в который вовлекли его радикалы. Решившегося на “крайние меры” сербского монарха как никогда раздражали советы “умеренности и осмотрительности”, не вовремя исходившие из Вены. Особое недовольство Милана вызвала статья, опубликованная в органе МИД Австро-Венгрии – газете “Fremdeblatt”. В ней без обиняков говорилось об отсутствии доказательств того, что сербская радикальная партия – революционная организация, стремящаяся установить в Сербии республику. Эта партия, подчеркивала газета, стремится к проведению необходимых реформ государственного управления, и король должен был после сентябрьских выборов вступить в переговоры с “умеренными” ее членами с целью поиска компромиссного решения о составе нового кабинета¹³.

Поход правительственных войск под командованием генерала Т.Николича против восставших продолжался с 26 октября по 2 ноября 1883 г. За это время было убито 15 и ранено 23 повстанца. Суд над участниками восстания начался в Заечаре 4(16) ноября 1883 г. в здании окружного управления. Государственным обвинителем выступал судья из г. Ужице А.Попович¹⁴, председательствовал Д.Райович.

События в Восточной Сербии привлекли внимание европейской дипломатии и общественности. Эмиль де Лавелэ писал в своих путевых заметках: “...Жестокие и незаконные меры (арест членов Главного комитета радикальной партии. – С.Д.) вызвали новые попытки восстания, которые... были безжалостно подавлены под прикрытием осадного положения. Но когда какое-либо правительство столь часто прибегает к исключительным средствам, то можно прийти к заключению, что оно держится только силою”¹⁵.

В последние годы исследователям стали известны многие документы, позволяющие по-новому взглянуть на проблему. Судя по этим материалам, если бы не активное

вмешательство со стороны западных дипломатов и европейской прессы, Милан потопил бы Сербию в крови. Так, посланник Сербии в Лондоне Ф.Христич в донесении в МИД от 2 ноября 1883 г. сообщал, что большинство английских газет в большей или меньшей степени критикуют “чрезвычайные и антиконституционные меры” в Сербии. Некоторые из них “рисуют в черном цвете положение дел”¹⁶.

Кевенхиллер, следуя указаниям из Вены, советовал Милану смягчить наказания для участников восстания. Особенно он настаивал на “милости” в отношении членов Главного комитета радикальной партии, так как, по его словам, отсутствуют письменные доказательства их участия в восстании и его подготовке. Посланник также указывал, что казнь повстанцев и видных радикалов неизбежно вызовет протест общественности в Австро-Венгрии, последствия которого ощутят и правящие круги монархии как защитники и покровители режима Обреновичей. Однако Милан был непреклонен. Тому же Кевенхиллеру он заявил, что европейская общественность должна знать, что в Сербии готовилась революция против законного монарха, в которой должны были принять участие около 20 тыс. крестьян. Именно поэтому его действия должны быть оценены за рубежом более снисходительно¹⁷.

Из высших сфер Берлина сербский монарх также получал советы быть более “осмотрительным” и отменить казнь для 11 человек, не участвовавших в восстании и обвиненных в качестве “интеллектуальных подстрекателей”. При этом подчеркивалось, что массовыми репрессиями король лишь увеличит число “вечных” врагов династии Обреновичей¹⁸.

Российский министр-резидент предпринял попытку встретиться с Миланом по тому же поводу, но получил решительный отказ. В состоявшейся затем беседе дипломата с министром иностранных дел Сербии М.Богичевичем Персиани указал ему на серьезную опасность и возможные роковые последствия “крайне суровых”

репрессивных мер. По его мнению, недавнее покушение Елены Маркович на короля Милана свидетельствует о том, что родовая месть еще жива в Сербии и этим нельзя пренебрегать. С другой стороны, он напомнил Богичевичу о судьбе его друга Ачима Чумича, который вместе с Ефремом Марковичем был приговорен в 1878 г. к смертной казни, но затем был помилован. Вскоре после этого он занял и занимает по сей день ответственный пост представителя министерства финансов Сербии в Париже. Богичевич с этим согласился, но заявил при этом, что все распоряжения в связи с восстанием исходят от самого короля – правительство в этом деле участия не принимает.

Персиани познакомил с позицией российской дипломатии своих коллег по дипломатическому корпусу в Белграде, которые, за исключением Кевенхиллера, согласились с ним. Германский посланник Брай передал предостережения Персиани королю Милану, на что тот ответил: “Персиани прав, когда говорит, что казни вызывают заговоры и покушения, но я предпочитаю сорок покушений одной революции и поэтому буду беспощадным”. Когда Брай передал российскому дипломату ответ из дворца, тот сказал, что Милан “забывает, что заговоры никогда и нигде не означали отсутствия “революционных” устремлений и не гарантировали того, что одновременно в стране не готовится революция”¹⁹.

Просьбы о помощи осужденным поступали и в посольство Великобритании в Белграде. Его сотрудники при встречах с сербскими министрами обращали их внимание на то, что не в интересах короля, государства да и европейского мира, если в сербском народе распространится “дух мщения”. 10 декабря 1883 г. Локок сообщал в Лондон, что советы подобного рода король получает со всех сторон. Среди тех, кто решился на этот шаг он особо выделил Й.Ристича, в то время находившегося в опале и тем не менее поднявшего голос в защиту осужденных. Против смертного приговора в отношении членов Главного коми-

тета радикальной партии выступило большинство членов кабинета Н.Христича и многие видные напредняки²⁰.

Из представителей дипкорпуса в Белграде больше всех хлопотал об отмене смертной казни для лидеров радикальной партии германский посланник Брай, к советам которого Милан, питавший к нему особое расположение, прислушивался. Через Брая действовал и Персиани. С другой стороны, европейская общественность взывала к собственным правительствам, требуя вмешательства в “сербские дела”, чтобы сделать все возможное “для смягчения участи осужденных” и отмены смертной казни. В этой ситуации и посланник Австро-Венгрии был вынужден настоять на “умеренности” при вынесении приговора, хотя и он сам, и его министр не испытывали никаких симпатий к радикалам-”русофилам”²¹.

В окончательном докладе председателя суда Райовича министру юстиции отмечалось, что суд длился 33 дня (с 4(16) ноября по 6(18) декабря); всего состоялось 84 судебных заседания. Из 809 осужденных было приговорено: к смертной казни – 94 человека (из них 20 были расстреляны у подножия холма Кралевица недалеко от Заечара²²; один покончил с собой в тюрьме и 63 человека были помилованы – им смертную казнь заменили на каторгу или тюремное заключение; 11 человек находились в бегах); к каторге были приговорены 567 человек, к тюремному заключению – 68, освобождено – 75 человек²³.

В связи с Тимокским восстанием вновь произошло ухудшение российско-сербских отношений. В правящих кругах Сербии не обошлось без подозрений в “соучастии” России в “движении”. В этот период король Милан прилагал немало усилий, чтобы добиться отозвания из Белграда Персиани, обвиняя его “в раздаче казенных сумм на избирательные агитации во время выборов и в сообществе с радикальной партией во время Зайчарского восстания”²⁴. Усиливал подозрения тот факт, что российские дипломаты в Сербии поддерживали связи с некоторыми радикалами, несмотря на предупреждения,

шедшие из Петербурга, воздерживаться от “сношений” с ними. Между тем Персиани не разделял этих опасений. В донесениях начала 80-х годов он неоднократно отмечал рост популярности радикальной партии, что, по его мнению, и послужило причиной ее разгрома после Тимоцкого восстания. “Расстреливая выдающихся членов радикальной партии, – писал Персиани 18 ноября 1883 г., – он (король Милан. – С.Д.) надеется парализовать действия самой значительной части парламентской оппозиции и тем самым устранить встречаемое им сопротивление в скупщине”²⁵. Эту же мысль Персиани повторил и в Политическом отчете о работе миссии за 1884 г.: “...Радикальная партия не руководила восстанием, но...король воспользовался этим случаем, чтобы нанести жестокий удар нараставшему в стране влиянию ее”²⁶.

Вследствие массового участия крестьян в Тимоцком восстании оно определялось и еще до сих пор определяется некоторыми историками как крестьянское. Между тем, на наш взгляд, совпадающий с точкой зрения А.Раденича, оно отличалось тем, что во время предыдущих выступлений в Сербии еще не было политических партий и возникали они, как правило, под влиянием борьбы двух соперничающих между собой династий, будучи связаны с именами отдельных выдающихся личностей (Т.Вучича-Перишича, Милое Поповича-Джака и других представителей оппозиции). К началу 80-х годов уже появились политические партии и были достаточно определены их программные требования. В то время в оппозиционной части сербского общества преобладали элементы бескомпромиссного радикализма в политической борьбе, которая велась популярной в народе партией за ограничение режима личной власти. Позднее такой радикализм уже не будет свойственен этой партии. Поэтому восстание было не только первым, но и последним выражением готовности масс, преимущественно крестьянских, своими акциями поддержать требования этой политической организации в ее борьбе за власть.

1 декабря 1883 г. в новисадской газете “Застава” (“Знамя”) было опубликовано написанное Н. Пашичем заявление о Тимокском восстании, подписанное радикалами-эмигрантами А. Станоевичем, М. Веселиновичем, Ж. Миленковичем и др. В этом документе лидеры партии рассказали о недавних трагических событиях в Сербии. Заявление было переведено на семь языков и направлено в редакции ряда газет, а также европейским правительствам. В отдельных странах по инициативе журналистов была начата настоящая кампания против белградского режима. Так, одна швейцарская газета писала, что после суда в Заечаре Сербия перестала существовать как правовое государство²⁷.

Подводя итоги, со всей определенностью можно констатировать, что Тимокское восстание в контексте развития сербской государственности явилось вооруженной альтернативой стремлению радикальной оппозиции провести в Сербии “бескровную революцию”.

До восстания в стране существовало два непримиримых общественно-политических лагеря, во главе которых находились радикалы и король. Первый лагерь осенью 1883 г. был сильно ослаблен, а роль короля в связи с его “победой” стала главной.

Вместе с тем своеобразие момента заключалось в том, что политический кризис в Сербии не был урегулирован. В стране, где большинство народа отдавали свои симпатии и голоса радикальной партии, “победивший” король чувствовал себя неуверенно. Народ так и остался прорадикальным, несмирившимся, свидетельством чего явился небывалый рост гайдучества после подавления восстания. Как дамочлов меч висела над судьбой Милана, начиная с осени 1883 г., и радикальная эмиграция. Кроме того в этот период он, как никогда, опасался России, которая, по его убеждению, помогла радикалам в подготовке бунта. Повсюду мерещились ему интриги и заговоры, направленные против режима Обреновичей. Это была пиррова победа короля Милана. Неудивительно, что именно в эти

годы все чаще приходили ему мысли об отречении от престола.

* * *

Главным проводником курса Милана в после тимокский период являлся глава кабинета Н.Христич. А.И.Персиани так характеризовал его: "...Крутой чиновник старого времени, никогда не останавливался ни перед какими мерами, могущими служить упрочению престола и водворению порядка. Держась этих начал, он без всяких колебаний решил утвердить своей подписью все акты, касавшиеся Зайчарской кровавой расправы, и когда дело дошло до выборов, то, подчиняясь воле короля, он старался устранить оппозиционные элементы, которые считал революционными. За дело это г.Христич взялся сурово и, не веря в законность конституции, он попрадал все льготы, дарованные ею народу"²⁸.

Однако вскоре возник конфликт между напредняками и ярым реакционером Христичем. Король же, считая что "железный Никола" уже выполнил свою задачу, не оказал ему поддержки, и 7(19) февраля 1884 г. Христич ушел в отставку.

Новый кабинет возглавил один из лидеров напредняцкой партии Милутин Гарашанин (1843-1898), сын знаменитого сербского государственного деятеля Илии Гарашанина.

Предыдущая жизнь этого, безусловно, незаурядного человека была наполнена, в силу принадлежности к одной из наиболее влиятельных сербских фамилий, многими событиями, связанными с важнейшими вехами в истории страны. После убийства князя Михаила в 1868 г. М.Гарашанин, блестящий молодой офицер, получивший прекрасное образование во Франции, был вынужден вместе с отцом уехать из столицы в родовое имение в Гроцке. Вскоре он стал здесь председателем общины и в 1873 г. появился в Белграде уже в качестве депутата народной скупщины, где быстро выдвинулся благодаря семейным

связям, собственному красноречию и необычайному, по отзывам современников, чувству юмора. С этих пор начинается его восхождение к вершинам политической и государственной карьеры. Глубокие и разносторонние знания, потрясающая энергия, необыкновенная храбрость и умение находить выход из самых сложных ситуаций, проявленные Гарашанином во время войн с Турцией в 70-е годы, сделали его популярным и уважаемым в Сербии. Он был среди тех, кто стоял у истоков напредняцкой партии, а в первом правительстве напредняков занял один из ключевых постов – возглавлял министерство внутренних дел. Вместе с тем, по отзывам современников, он не имел собственного “политического направления” (как, впрочем, и другие лидеры его партии) и во всем поддерживал курс короля Милана, направленный на укрепление личного режима.

К “помощи” М.Гарашанина сербский монарх, хотя и “победивший” радикалов, но не ставший триумфатором, как никогда опасавшийся интриг, заговоров и вмешательства в сербские дела России, решил прибегнуть как к последнему и единственному средству укрепления зашатавшегося трона. Те же, что и до Тимоцкого восстания “послушные” напредняки, но не во главе со ставшим довольно строптивым в последние два года своего правления М.Пирочанцем, чуть что заявлявшим об отставке кабинета, а во главе с бывшим министром внутренних дел, лично руководившим гонениями на радикалов в предшествующие годы! Что может быть лучше!

Своими главными задачами второе правительство напредняков (с февраля 1884 г.) считало: уничтожение какой бы то ни было оппозиции в стране, укрепление “авторитета власти” и оздоровление финансов. На выполнение первых двух были направлены законы, принятые скупщиной созыва 1884 г.²⁹.

Закон о новых изменениях и дополнениях Закона о печати был направлен на закрытие оппозиционных газет и журналов, так как ужесточал наказания за публикации

“нежелательных” для режима статей. От применения этого закона в основном пострадал орган радикальной партии “Одъек” (“Эхо”), в меньшей степени – либеральная печать.

Закон об изменениях и дополнениях к “Закону о собраниях и обществах” от 11 июня 1884 г. запрещал основывать местные комитеты и филиалы и делал таким образом невозможным создание политической партии по типу радикальной с ее разветвленной системой местных комитетов. Под запретом оказались собрания под открытым небом, не разрешенные властями. Эта мера также была направлена против радикалов.

Согласно принятому закону об изменениях и дополнениях к “Закону об устройстве общин и общинной администрации” от 11 июня 1884 г. вместо небольших создавались большие общины, имевшие не менее 500 налогоплательщиков. Сл. Йованович справедливо отмечал, что “через весь закон 1884 г. красной нитью проходит стремление сузить самоуправление”, что делало его “одним из наиболее консервативных сербских законов об общинах. Они были вновь поставлены под полицейский контроль, который существовал в период правления князя Михаила”³⁰.

К 1884 г. относится появление и закона о жандармерии, по которому ликвидировалась конная жандармерия (“сеймены”) и создавалось специальное воинское подразделение, включавшее конницу и пехоту с офицерским и унтер-офицерским составом.

Если первой задачей правительства Гарашанина было укрепление “авторитета власти”, то второй, безусловно, являлось упорядочение финансов. Закон о прямых налогах от 14 июня 1884 г. был направлен на реорганизацию налоговой системы. Существовавшая в Сербии налоговая система была установлена еще при князе Милоше Обреновиче и за 50 лет почти не изменилась, несмотря на явное ее несоответствие новым реалиям.

Согласно этой системе каждый налогоплательщик должен был платить государству одну и ту же сумму, так

называемую главницу, что было допустимо лишь в стране со слабыми имущественными различиями. Понятно, что главница была невыгодна государству, так как общая сумма, вносимая общиной, определялась по числу налогоплательщиков и поступления в казну, следовательно, могли увеличиваться лишь за счет роста числа налогоплательщиков, а не вследствие роста их доходов. Закон 1884 г. заменил главницу прямым налогом на доход. Было установлено пять видов налога: на землю, здания (лавки, жилища и т.д.), на доход с капитала, на доход от личного труда, налог на личность³¹.

Для улучшения финансового положения страны правительство Гарашанина заключило за границей три новых займа³². Это было крайне необходимо, так как государственные расходы резко возросли в связи со строительством железных дорог, военной реформой, укреплением карательного аппарата.

А.И.Персиани писал в это время: "Сербия переживает финансовый кризис, из которого она может быть выведена лишь министерством сильным и популярным, которое, разоблачив перед страной настоящее положение истощенной государственной казны, успеет убедить народ согласиться на те тяжелые жертвы, которые одни могут спасти государство от полного банкротства"³³. Увы, именно это не было дано напреднякам!

После Тимоцкого восстания сербский монарх, такой активный и энергичный в прежние годы, находился в крайне подавленном состоянии. Его постоянно преследовал страх, как в 1882 г., стать объектом, а возможно и жертвой покушения. Так, из сообщения посланника Великобритании Локока от 17 октября 1884 г. мы узнаем, что когда король 1 сентября вместе с семьей в сопровождении большого числа агентов службы безопасности отправился за границу, то в Венгрии вдоль всей железной дороги была расставлена полиция и военная охрана, ибо были получены сведения о том, что противники Милана собираются совершить покушение. Локок подчеркивал в

своем донесении, что у сербского монарха есть все основания для подобных опасений, ибо он находится в открытой конфронтации со своим народом. После жестокого подавления восстания он постоянно ощущает ненависть тех, чьи сыны, отцы, братья были расстреляны, томились в тюрьмах или на каторге. Опасался Милан и находившихся в эмиграции радикалов, которые, по имеющимся у него сведениям тайных агентов в Болгарии и Румынии, готовили новое восстание³⁴.

Еще в декабре 1883 г. в своем первом воззвании из болгарской эмиграции Н.Пашич открыто звал на борьбу с королем. Его письма, относящиеся к 1884 г., содержат резкие нападки на “кровожадного” Милана, этого, по его словам, “предателя на службе Австро-Венгрии”. Пашич призывал единомышленников и народ к свержению Милана с престола и удалению его из Сербии не только в целях освобождения от тирании, но и чтобы отомстить за безвинные жертвы. Цель, по его убеждению, может быть достигнута только в результате всеобщего вооруженного восстания народа во главе с радикалами. Пашич, судя по его письмам, считал возможным через митрополита Михаила привлечение к совместной борьбе и либералов Й.Ристича³⁵.

В болгарской либеральной газете “Търновската конституция” Николы Сукнарова и Петко Каравелова было опубликовано “Открытое письмо” Н.Пашича от 1(13) июня 1884 г., в котором в очередной раз резкой критике была подвергнута внешняя политика Милана. По мнению лидера сербских радикалов, конфронтация между слабым, дискредитировавшим себя в глазах общества королем, ищущим поддержку и опору в Вене, и сербским народом весьма выгодна Австро-Венгрии, являющейся противницей сербской национальной идеи³⁶.

С начала 1884 г. деятельность сербской эмиграции в Болгарии заметно активизировалась. Радикалы постоянно переходили границу и возмущали крестьян, призывая

их поднять восстание против Милана, когда “лес покроется листвою” (кад гора олиста).

В январе 1884 г. близкий друг Н.Пашича еще со времен учебы в Швейцарии инженер Михаил Свилокосич, проживавший в Париже, в зале гостиницы “Гранд-отель” выступил с лекцией о политической ситуации в Сербии. По его собственному признанию, оратор хотел показать, что при режиме личной власти Милана деятельность какой-либо оппозиции внутри страны практически невозможна, поэтому центр этой борьбы переместился за границу. По свидетельству тогдашнего сербского посланника в Париже Й.Мариновича, на лекции присутствовало около 50 чел. – почти все сербы, проживавшие в это время в Париже и среди них – князь Петр Карагеоргиевич³⁷.

В связи с эмигрантским вопросом резко ухудшились сербо-болгарские отношения, усугубленные пограничным конфликтом³⁸. 25 мая (6 июня) 1884 г. Сербия вручила ультиматум Болгарии. 29 мая (10 июня) последняя отказалась выполнить его требования. В тот же день Белград разорвал дипломатические отношения с Софией. В меморандуме, направленном Сербией Австро-Венгрии, России и Германии, выступавшим за мирное решение спора, разъяснялась возникшая ситуация. Персиани в связи с сербо-болгарским конфликтом заявил представителю министерства иностранных дел Сербии М.Ракичу, что его правительство не имеет права “требовать удаления эмигрантов” из приграничных с Болгарией районов, ибо если существует опасность их перехода через границу, то защищать пределы государства должны соответствующие сербские органы³⁹.

Оставшиеся в Сербии и избежавшие репрессий радикалы, учитывая изменившуюся расстановку сил, стремились прежде всего к сохранению партийной организации, обретению своего места в политической жизни страны. Часть из них разделяла мнение эмигрантов о том, что главной целью является подготовка восстания. Однако

преобладающим стало умеренное крыло (Ст.Протич и др.), выступавшее против “крайних мер”, за проведение политической борьбы конституционными методами при сохранении династии Обреновичей. Осенью 1884 г. начала выходить новая газета радикальной партии “Одъек”; в 1885 г. у нее было уже около 900 подписчиков во всех краях Сербии. Это было более умеренное по сравнению с “Самоуправой” издание, на страницах которого главным образом обсуждались вопросы о необходимости демократизации существующей политической системы, введении новой конституции и некоторые другие⁴⁰.

* * *

Межгосударственные отношения России и Сербии в 1884-1885 гг. были более чем прохладными. Никакого влияния на ход событий в условиях роста антирусских настроений сербского монарха и его окружения российская дипломатия оказывать не могла.

Осенью 1884 г. в Скерневицах (Царство Польское) состоялась встреча трех императоров – российского, германского и австрийского. Король Милан весьма опасался заключения между Россией и Габсбургской монархией соглашения, которое бы имело следствием аннексию Боснии Австро-Венгрией, с одной стороны, и объединения Болгарии с Восточной Румелией, с другой. Однако, как показали дальнейшие события, эти страхи были напрасны. В Скерневицах была лишь подтверждена верность принципам Тройственного союза. По сербскому вопросу было заявлено, что несмотря ни на что Милан – “единственный возможный правитель в Сербии”⁴¹.

Забегая вперед, отметим, что данная позиция была подтверждена и в августе 1885 г. во время встречи австро-венгерского и российского императоров. В ее рамках состоялся обмен мнениями между Кальноки и Гирсом о ситуации в Сербии. Кальноки заверил, что его правительство выступает за “внутренний мир” в этой стране, но

против “любой агитации в пользу Карагеоргиевичей”. В свою очередь Гирс заявил, что ни Александр III, ни он сам не хотели “цетиньской свадьбы”, но князь черногорский не внял их советам. Было еще раз подчеркнуто, что Россия “не выдвигает князя Карагеоргиевича в претенденты на сербский престол”⁴².

Таким образом, совершенно очевидно, что в середине 80-х годов “русская опасность” сербскому престолу и династии Обреновичей существовала лишь в больном воображении короля Милана. Верная своим международным обязательствам, Россия, серьезно “занятая” к тому же болгарскими делами, абсолютно не была заинтересована в осложнении ситуации на Балканах.

Однако страх Милана за судьбу престола и династии не проходил. Более того, с весны 1885 г. у него в острой форме развилась мания преследования. Австро-венгерскому посланнику в Белграде во время аудиенции было заявлено, что “в каждой из трех существующих в стране политических партий есть элементы, с симпатией относящиеся к идее покушения”. Не доверяя никому, король даже завел специальную картотеку, в которую лично вносил все сведения о своих политических противниках. Картотека содержала и образцы их почерка⁴³.

Судя по всему, Милан весьма опасался объединения “антидинастического” движения радикалов с “деятельностью” находившихся не у дел либералов. Он был убежден, несмотря на увещания высоких покровителей из Вены, что Россия окажет этой “фузии” моральную и материальную поддержку. Именно поэтому так взволновала его поездка Й.Ристича в Москву и Петербург в апреле 1885 г. для участия в торжествах по случаю 1000-летия кончины св. Мефодия и оказанный ему теплый прием — помимо изъявлений дружеских чувств российской общественности он был удостоен аудиенции Александра III в Гатчине. Сербский посланник в Петербурге Хорватович сообщал в МИД, что в своих выступлениях Ристич ни разу не упомянул “имя своего короля”, представляясь

“делегатом сербского народа”. Аналогичные высказывания содержатся в письме М.Гарашанина королю Милану от 14(26) мая 1885 г. По словам сербского премьер-министра, поездка Ристича была направлена против авторитета короля и в конечном итоге против Сербии⁴⁴.

Визит Ристича имел резонанс и среди сербской общественности. Хотя бывший глава либерального кабинета ездил в Россию как частное лицо, тем не менее его контакты с государственными и общественными деятелями России, явно благоволившими к нему, придавали его поездке особое звучание. Этому событию и откликам на него в Сербии посвятил одно из своих донесений А.И.Персиани. “Поездка г.Ристича в Россию, – писал он Гирсу, – произвела весьма благоприятное впечатление по всей Сербии. Вынесенные им впечатления, быстро распространившиеся в стране, убедили благомыслящих людей в том, что Россия не покинула Сербии и что холодность ее относится лишь к правительственной партии... Письма г.Ристича из Петербурга, а в особенности конфиденциальные разговоры его с друзьями обо всем виденном и слышанном им, успокоили здешних патриотов”.

Иного мнения придерживался король Милан. Недовольный поездкой Ристича, он лишил его статуса “министра в распоряжении”, значительно сократив ему денежное содержание⁴⁵.

В своей австрофильской ориентации сербский монарх был исключительно последовательным. Не имея опоры внутри страны, постоянно чувствуя себя, по его словам, “как на вулкане”, спасение своего режима, трона и династии он видел лишь в более тесном союзе с Габсбургской монархией. Следующим шагом по этому пути – а он был тупиковым, так как противоречил национальным интересам Сербии – стало предложение, которое Милан, втайне от своих министров, сделал Вене через посредство австро-венгерского посланника в Белграде, а именно: дополнить Тайную конвенцию 1881 г., состоявшую из 10-ти статей, пятью новыми.

Ст. XI. Король Милан обязуется следовать Тайной конвенции до совершеннолетия своего сына Александра, т.е. до 2 августа 1894 г.

Ст. XII. Король Милан дает обещание Францу-Иосифу оставаться на престоле до совершеннолетия своего сына. Однако если Австро-Венгрия сочтет необходимым его отречение либо в пользу Александра, либо в пользу габсбургской династии, либо какого-нибудь другого принца, принадлежащего к одной из европейских правящих династий, король Милан сделает это при условии предоставления ему австрийского гражданства и наследственного титула для всей семьи "королевское высочество", а также майората для Александра.

Ст. XIII. Австро-Венгрия дает обязательство не допускать на свою территорию членов семьи Карагеоргиевичей.

Ст. XIV. По желанию короля Милана Александр будет воспитываться в Терезиене*, как был воспитан король Испании.

Ст. XV. Если в момент смерти короля Милана или свержения его с престола его сын окажется на австрийской территории, Австро-Венгрия даст согласие на провозглашение последнего королем, однако до своего совершеннолетия он останется на ее территории. Управление его майоратом будет поручено попечительскому совету в следующем составе: министр иностранных дел Австро-Венгрии, маршал императорского двора и еще одно лицо, которое назначит сам король Милан. Если в момент смерти последнего Александр не будет находиться на австрийской территории, то войска Габсбургской монархии вступят в Сербию и далее Австро-Венгрия поступит согласно статье XII.⁴⁶

Таким образом, Милан решил на дальнейшее ограничение суверенитета страны, что превратило бы Сербию окончательно в протекторат Австро-Венгрии. Впрочем.

* Военная Академия в Вене.

австро-венгерский посланник, докладывая содержание документа своему начальству, назвал его “абсурдным” и объявил его появление “расшатанными нервами” сербского монарха. Кальноки отверг это предложение, в свою очередь усматривая в нем продуманный маневр с целью получения денег. 8 июня он заявил Милану, что Австро-Венгрия не имеет намерения захватывать Сербию, но если бы это входило в ее планы, то сделала бы она это с помощью армии, а не путем сделки с сербским королем. Больше к этому предложению Милан не возвращался⁴⁷.

Помимо политического, Сербия переживала в середине 80-х годов глубокий экономический кризис, что еще более накаляло атмосферу. В своих донесениях в МИД России Персиани отмечал “губительные” для страны последствия финансовой политики напредняцкого правительства. Вследствие неоправданного роста налогов крестьянские хозяйства приходят в упадок, при сборе недоимок нередки злоупотребления. Приведенные российским дипломатом факты говорят сами за себя: “...У неисправных плательщиков отбирают даже домашнюю утварь. В настоящее время в Пожаревацком суде находится целый склад медных котлов, отнятых у крестьян на неуплату податей”. В некоторых селах в счет погашения задолженности чиновники снимают черепицу с крыш крестьянских домов⁴⁸.

В стране значительный размах приняло четническое движение. Четы действовали в Крагуевацком, Чачакском и Белградском округах, в которых правительством было введено чрезвычайное положение; для борьбы с четниками были брошены войска⁴⁹.

С целью разрядить обстановку в стране правительство даже рассматривало вопрос о созыве Великой народной скупщины для изменения конституции⁵⁰.

Положение усугублялось осложнением международной обстановки. В сентябре 1885 г. произошло воссоединение Восточной Румелии с Болгарским княжеством. Сербский король усмотрел в нем нарушение равновесия

сил на Балканах. Чтобы укрепить свой пошатнувшийся авторитет и отвлечь общество от нерешенных внутренних проблем, Милану нужна была короткая победоносная война. 2(14) ноября 1885 г. она была объявлена. Началу сербо-болгарской войны способствовали также противоречия между великими державами по вопросу румелийского переворота⁵¹.

В момент переворота Милан находился на курорте в Австро-Венгрии. Срочной телеграммой Гарашанина он был вызван в Белград. Глава сербского кабинета сразу же понял важность болгарских событий, заявив Милану, что “Берлинский трактат уничтожен” и что “осуществляется Сан-Стефанский договор”⁵². Сербские власти забеспокоились не напрасно. Ведь два присоединенных после 1878 г. округа – Враньский и Пиротский – находились в границах Сан-Стефанской Болгарии.

В качестве компенсации за объединение Болгарии Милан и его окружение хотели получить некоторые болгарские территории в Видинском и Софийском округах. Но болгарское правительство было согласно на компенсацию только за счет территорий, не входивших “в этнографические пределы Болгарии”⁵³.

Накануне войны в пограничных районах с ведома сербских властей платные агенты вели агитацию среди местного населения, подстрекая его к восстанию против болгарского князя⁵⁴.

Посланник Кевенхиллер доносил в Вену, что вступая в войну с Болгарией, Милан считал ее слабым противником. Он был убежден, что одержав победу, сразу же достигнет нескольких вожделенных целей: укрепит позиции династии Обреновичей в Сербии, уничтожит радикальную эмиграцию и станет правителем самого сильного государства на Балканах⁵⁵.

“Рассчитывая на легкую наживу, король Милан, под покровом Австрии и под видом оборонителя Берлинского договора, двинулся в Болгарию, уверенный в успехе, мечтал возвратиться в Белград победителем и тем

приобрести популярность и доказать народу, что проводимая им политика была неоспоримо верною”, – писал в Петербург А.И.Персиани⁵⁶.

Начавшаяся в атмосфере необычайного воодушевления, война закончилась для Сербии тяжелым поражением. После бесславного для сербской армии сражения под Сливницей Милан находился в состоянии прострации. Сл.Йованович писал в своем труде, что король “уже видел в Цариброде не только болгар, но и Пашича с эмигрантами. Он говорил: “Я не могу здесь оставаться, не хочу, чтобы Пашич и его друзья провели меня связанным через Софию”⁵⁷.

Несмотря на кратковременность войны, потери сербов были немалыми (10 тыс. убитыми и ранеными). Хотя российское правительство не одобряло действий белградского кабинета, оно направило в Сербию через Красный Крест необходимые для госпиталей принадлежности и 100 тыс. фр.⁵⁸.

15(27) ноября 1885 г., находясь в Нише, сербский король официально заявил о своем намерении отречься от престола и поручить королеве Наталье возглавить регентство при малолетнем Александре. Предложение было отвергнуто членами правящего кабинета. Особенно вне себя был обычно сдержанный Гарашанин. По свидетельству очевидцев, он бросил составленный королем акт об отречении на пол и крикнул ему: “Мы расстреливаем дезертиров на войне, а Вы хотите стать династическим дезертиром!”⁵⁹. После этой сцены Милан отказался от своего намерения, но передал верховное командование сербской армией генералу Джуре Хорватовичу.

Австро-венгерский посланник видел, в каком подавленном состоянии находится Милан, и в эти дни имел разговор с королевой Натальей о возможном регентстве, однако из Вены пришло указание Кальноки поддерживать Милана на сербском престоле до последней возможности⁶⁰.

Узнал о намерениях Милана и Персиани, не замедливший сообщить эти сведения в Петербург. Судя по секретной дипломатической переписке, в конце 1885 – начале 1886 г. в Петербурге серьезно рассматривался вопрос о смене династии.

Следует признать, что в этот период российская политика в Сербии заметно активизировалась. Проанализировав сложившуюся обстановку и те последствия, которые, по мнению официального Петербурга, могло иметь отречение Милана от престола, Н.К.Гирс направил в Белград соответствующие указания, содержавшие как объяснение позиции России, так и программу действий российской дипломатии в сербском вопросе на ближайшее время. Руководители российской дипломатии констатировали, что Россия, как и прежде, не может безучастно относиться к происходящему в Сербии. “Если ввиду уже несколько лет продолжающегося между сербским королем и народом разлада, – отмечалось в инструкциях Персиани; – мы и предпочитали до сих пор воздерживаться от прямого вмешательства в их взаимные отношения, то при этом мы руководствовались исключительно нежеланием обострять эти отношения и ускорять кризис, который мог бы повлечь неблагоприятные для Сербии последствия. Ввиду последних осложнений, мы считаем своевременным выйти из этого положения и употребить все зависящие от нас усилия с тем, чтобы, насколько возможно, обеспечить Сербию от грозящих ей опасностей”. Весьма важным, на наш взгляд, является следующее положение инструкции Гирса: “Предшествовавший и несогласный с доброжелательными советами нашими образ действий короля Милана не может внушать нам ни малейшего к нему доверия. Ввиду этого Вам ни в коем случае не следует принимать участия в усилиях других держав...примирить короля с народом...”⁶¹ (подчеркивание мое. – С.Д.).

Приведенный документ является исключительно важным с точки зрения российско-сербских отношений

рассматриваемого периода. Впервые в дипломатической переписке глава внешнеполитического ведомства России детально излагает позицию официального Петербурга в отношении короля Милана, учитывая изменившуюся обстановку. “Подвижка” руководителей российской дипломатии по этому вопросу не вызывает сомнений. Примечательно уже то, что он подробно анализируется, а Персиани получает детальные инструкции. Далее. Скрытая агитация против законного монарха звучит в следующих указаниях: “...Не высказываться слишком открыто против восстановления согласия между Миланом и Сербией, но и не скрывать от сербов, которые станут обращаться ... за советами, что мы мало верим в возможность установления прочного порядка вещей...”. Но главное заключается в том, что если раньше, несмотря на истинное отношение к Милану высших сфер России⁶², он признавался “единственно возможным правителем в Сербии”, то теперь официальный Петербург уже не против его “ухода”, легитимного, конечно. Более того в процитированном выше документе как вполне реальная рассматривается возможность смены династии в Сербии: “В случае неизбежности отречения короля Милана, – наставлял Персиани Гирс, – австро-венгерское правительство решится, по всей вероятности, поддерживать права его сына под регентством королевы Натальи. Но, с другой стороны, весьма вероятно, что вследствие внушенной королем Миланом к себе ненависти, часть сербского народа выскажется в пользу князя Петра Карагеоргиевича, который успел приобрести в Сербии известную популярность благодаря преимущественно родственному союзу с семейством князя Николая черногорского. Мы не видим достаточных причин заранее высказываться в пользу которого-либо из двух означенных претендентов. и нам казалось бы, что нравственная поддержка наша должна быть обеспечена за тем из них, на стороне которого окажется большинство сербского народа и вступление которого на престол сопряжено будет с

наименьшими потрясениями и волнениями"⁶³ (подчеркивание мое. – С.Д.).

Вопрос о смене династии в этот критический момент сербской истории стоял вполне определенно. В высших дипломатических сферах России ситуация рассматривалась всесторонне. Персиани получил предписание подробно изложить свои соображения "о замещении верховной власти в случае отречения Милана", что он и сделал в донесениях в МИД 28 ноября (10 декабря) 1885 г. и 22 декабря 1885 г. (3 января 1886 г.).

По мнению российского министра-резидента, в случае отречения Милана возможны три варианта:

"1) Регентство без участия королевы; 2) Регентство, имеющее королеву Наталью во главе и 3) Перемена династии".

Персиани был убежден, что первый вариант был бы самым законным, но он не осуществим, "так как борьба партий дошла до такого ожесточения, что ни одна из них не допустит перехода верховной власти в руки политических соперников, без междоусобной войны".

Второй вариант Персиани считал возможным, но для интересов России в Сербии нежелательным, так как "своенравие и неустойчивость взглядов ее (королевы Натальи. – С.Д.) не представляют никаких гарантий для будущего...". "Прочнее других, – рассуждал он, – является кандидатура князя Петра Карагеоргиевича, но восшествие его на сербский престол сопряжено с затруднениями, которые прежде всего ему создаст Австрия лишь для того, чтобы доказать королю Милану, что она не забывает оказанных им услуг монархии. Поэтому нужно главным образом заручиться уверенностью, что австрийское правительство не воспрепятствует его избранию, прибегая к принудительным мерам, т.е. к военному вмешательству"⁶⁴.

Весьма важным представляется соображение Персиани по конституционному вопросу: "...Князю Петру необходимо иметь в виду, что при перемене государственного строя народ ожидает такого рода изменений в

“Органическом Уставе”, которые возвратили бы ему возможность высказываться открыто по государственным вопросам и дали бы возможность скупщине оказывать на правительство давление, когда оно идет наперекор народным стремлениям”⁶⁵.

Возвращаясь к этому вопросу месяц спустя, Персиани высказался уже более определенно, отметив, что “одна лишь перемена династии могла бы дать нам возможность проводить в Сербии... политику, основанную на общих между Россией и Сербией интересах”. Идею регентства, в том числе и во главе с королевой Натальей, он считал совершенно несостоятельной (по его убеждению, оно “не может служить... обеспечением для достижения желаемого Россией установления прочных отношений с Сербией”). В случае перехода сербского престола к Петру Карагеоргиевичу Персиани считал возможным влиять на него через его тестя, князя Николая черногорского.

Забегая вперед, отметим, что на сообщении Персиани, датированном 28 февраля 1886 г., о возможном отъезде из Сербии короля Милана Александр III написал: “Мне кажется, что кроме Карагеоргиевича нет другого кандидата”⁶⁶.

Изменение позиции официальной России в отношении короля Милана заключалось, таким образом, прежде всего в том, что теперь признавалось возможным “устранение” его, разумеется, легитимным путем, с сербского престола. Кроме того, была названа и вполне конкретная кандидатура преемника нынешнего сербского монарха. Весьма важным представляется то обстоятельство, что в обсуждении данного вопроса принял участие сам император Александр III. Судя по пометам на донесениях из Белграда, соображения Гирса и Персиани были одобрены монархом⁶⁷.

В состоянии сильнейшего душевного расстройства в конце января 1886 г. Милан даже пошел на переговоры с Персиани, который уже давно не мог получить аудиенцию во дворце. Он заявил российскому дипломату, что

разочаровался в проавстрийской политике и решил “возвратиться под могущественное покровительство России”. Но тут же изложил свои условия: содействие Петербурга Сербии в деле увеличения ее территории, а также сохранение сербского престола, в случае его отречения, за Александром. Если последнее неприемлемо, он желал бы, чтобы его сына “приняли в Россию, составили бы ему положение и обеспечили бы его в материальном отношении”⁶⁸. В довольно сдержанном ответе из Петербурга предложение расценивалось как очередной маневр Милана и заявлялось, что территориальные изменения не оправдываются обстоятельствами и противоречат международным соглашениям, но юный Александр всегда может рассчитывать на покровительство России⁶⁹.

В обстановке ослабления реальной власти короля Милана лидеры двух партий – напредняцкой и либеральной – установили контакты. Во время имевших место встреч Й.Ристича и М.Пирочанца подчеркивалась назревшая необходимость коренных преобразований в стране. По единодушному мнению недавних политических оппонентов, в Сербии должна была быть проведена конституционная реформа с тем, чтобы власть монарха поставить под большой контроль народной скупщины.

О переговорах Ристича и Пирочанца сразу же стало известно в Нише. 11(23) декабря король отправил М.Гарашанина в Белград для проведения консультаций с видными деятелями либеральной и напредняцкой партий и выяснения их позиции по вопросам внутривластной ситуации в стране и продолжения войны с Болгарией.

12(24) декабря 1885 г., в разгар военных действий, состоялось совещание, на котором присутствовали кроме Гарашанина королева Наталья, Й.Ристич, М.Пирочанец, Р.Милойкович и Ст.Новакович. После всестороннего и бурного обсуждения был составлен письменный ответ королю, так называемый “Aide-memoire”. Содержание документа поразило и короля, и премьер-министра. По мнению его авторов, продолжение войны с Болгарией

возможно лишь в случае, если болгары предъявят претензии на часть сербской территории или потребуют денежной компенсации. “Для Сербии необходимо заключить почетный мир, а под ним мы подразумеваем мир без каких-либо дальнейших жертв”, – говорилось в “Aide-memoire”е. Однако главное, на что в очередной раз обращалось внимание короля – это необходимость, учитывая новые реалии, провести в стране преобразования и прежде всего в системе власти с тем, чтобы обеспечить “большее участие и больший контроль парламента в государственных делах”⁷⁰.

Между тем военные действия продолжались не в пользу сербской армии. Только вмешательство Австро-Венгрии спасло Милана. Венский кабинет, поддержанный Германией и Россией, взял на себя инициативу посредничества между Болгарией и Сербией. Австро-Венгрия предложила болгарскому князю Александру Баттенбергу прекратить наступление и заключить перемирие с Белградом, пригрозив ему вмешательством в случае продолжения военных действий. Обе стороны согласились на перемирие. Созданная в Вене международная военная комиссия из находившихся там военных представителей европейских государств выработала предварительные условия. Затем переговоры были перенесены в Бухарест. Однако Турция потребовала, чтобы условия договора были согласованы с ней как с сюзереном Болгарии, а турецкая делегация приняла участие в переговорах. Обе стороны согласились на требования Порты. В феврале 1886 г. в Бухаресте в присутствии турецкого представителя был подписан договор о восстановлении мира между Сербией и Болгарией при сохранении прежних границ. Такое решение отражало как желание европейских держав и Турции к быстрейшему окончанию войны, так и настроение сербского правительства, отказавшегося от территориальных претензий к Болгарии⁷¹.

Вину за поражение в войне с Болгарией глава кабинета напредняков Гарашанин в своем выступлении в

скупщине возложил на радикалов, заявив, что, опасаясь их антидинастических акций, правительство было вынуждено оставить в стране часть армии в целях поддержания порядка, вместо того, чтобы использовать ее для борьбы с неприятелем⁷².

Король Милан не верил в искренность лидеров радикальной партии, обратившихся к нему в день румелийского переворота с предложением о сотрудничестве во имя "сербских национальных интересов"⁷³.

Восстание радикалами действительно готовилось. 15(27) сентября 1885 г. Н. Пашич и воевода Пеко Павлович обратились к сербскому народу с воззванием, в котором призвали его свергнуть ярмо, угрожающее отделить Сербию от славян⁷⁴. В документе предлагалось создавать воинские формирования и идти на Белград или Ниш – туда, где находится король; при этом была обещана поддержка и конкретная помощь со стороны радикалов-эмигрантов⁷⁵. Последние вступили в переговоры с черногорским князем Николаем относительно участия княжества в предполагавшихся событиях.

Российский дипломатический представитель в Болгарии А.И. Кояндер указывал в донесениях в МИД на связь между болгарскими политическими деятелями и сербскими эмигрантами. 8(20) октября 1885 г. он писал: "Консул наш в Видине... обратил внимание на тайный провоз оружия в пределы Сербии, провоз, на который указал ему его австрийский коллега и который с упорством отрицали как местные... власти, так и здешнее центральное правительство. Через несколько дней после Филиппопольского переворота я узнал из достоверного источника, что в Видинском округе собирается шайка из 500 сербских эмигрантов и черногорцев для вторжения в Зайчарский уезд и для поднятия там восстания против короля Милана. Герцеговинский воевода Пеко Павлович выступил туда из Софии в ночь на 9 сентября во главе 70 или 80 вооруженных черногорцев, а глава сербских эмигрантов Пашич в то же время выехал в Лом Паланку,

чтобы принять участие в движении". Резюмируя информацию, Кояндер подчеркивал, что деятели воссоединения, готовя "румелийский переворот, намеревались одновременно произвести революцию и в Сербии, надеясь, что Пашич и его приверженцы, по достижению власти, станут действовать заодно с болгарским правительством"⁷⁶.

В связи с вышеизложенным, уместно остановиться на вопросе об отношении официального Петербурга и общественных кругов России к планам сербских эмигрантов-радикалов.

Лидеры Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, весьма негативно высказывавшиеся в отношении австрофильского курса Милана, поддерживали сербскую эмиграцию деньгами и сочувственно относились к ее планам по организации в Сербии восстания⁷⁷.

Позиция российской дипломатии в лице ее руководителей с самого начала поступления информации о подготовке "предприятия" была осторожной, а в 1885 г. резко отрицательной. Высказывая "взгляд императорского правительства на сербские дела", Персиани писал: "Россия не будет сочувствовать революции"⁷⁸. Та же мысль звучала в донесении замещавшего его некоторое время и строго следовавшего в своей деятельности в Сербии инструкциям из Петербурга М.А.Поджио. "...Я не переставал и продолжаю повторять всем моим собеседникам (радикалам. – С.Д.), – писал молодой дипломат, – что императорское правительство ни в каком случае не будет сочувствовать каким бы то ни было переворотам в стране и всегда будет осуждать всякое движение, могущее привести к восстанию... Некоторые вожаки напрасно обнадеживают народ, будто Россия сочувствует восстанию... это гнусный вымысел, очевидно, распространенный с целью увлечь народ, который за необдуманные действия может жестоко поплатиться". Российский дипломат предупреждал своих "собеседников", что "в случае повторения

восстания, подобного бывшему в 1883 году в Зайчаре, вся ответственность за жертвы, которые народ понесет, падет исключительно на тех, кто обманом увлекал население”⁷⁹.

Петербург был весьма не заинтересован в осложнении ситуации на Балканах еще и потому, что это, по мнению руководителей внешней политики России, привело бы к вооруженному вторжению Австро-Венгрии в Сербию. Так, на одной из телеграмм Персиани из Белграда содержится резолюция Александра III: “Единственным результатом (имелось в виду восстание в Сербии. – С.Д.) будет занятие Сербии австрийскими войсками”⁸⁰.

Забегая вперед, отметим, что и позднее, во второй половине 80-х годов, позиция официального Петербурга в отношении подготовки радикалами восстания против режима Милана практически не изменится; она по-прежнему останется негативной.

Подведем итоги. Война с Болгарией в полном объеме высветила глубину и масштабы кризиса старой сербской государственности. Прежде всего он характеризовался ослаблением реальной власти короля. События 1885-1886 гг., о которых шла речь, наглядно продемонстрировали, что проавстрийская ориентация правящего режима – это путь в тупик. Внутри страны “победивший” тимокских повстанцев и радикальную партию король не имел никакой опоры, а лишь слабое окружение, которому противостояли прорадикально настроенные “селяки”. Он мог управлять страной только при поддержке Вены. Позднее Милан признается П.Тодоровичу, имея в виду ситуацию после Сливницы: “В этот момент я почувствовал, что за моей спиной – народ, который мне вовек не предан; я боялся, что может неожиданно вспыхнуть бунт – тогда страна была бы потеряна, я уже не говорю о династии. Вот тогда-то я понял, что значит иметь народ за собой и с собой, а я имел его против себя”⁸¹.

Реальная власть короля как важнейшего фактора государственности была ослаблена уже самим фактом невозможности участия всей сербской армии в войне, когда

“за спиной стоит народ”. Это был уже не просто кризис, а тупик той власти, той конституции и того короля. В сложившейся ситуации Милану оставалось либо отречься от престола, либо искать опору режиму внутри страны. Он выбрал второе. Причины “нового курса” короля Милана после войны и последующей конституционной реформы, на которую он вынужден был согласиться, следует искать не в поражении сербской армии, а в общем кризисе старой государственности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Раденић А. Указ.соч. С.563.

² Тодоровић П. Крвава година. Београд, 1991. С.129.

³ См.: Ђорђевић М. Преглед развика политичких и правних установа Србије од краја ХУИИ до почетка ХХ века. Ниш, 1977. С.103.

⁴ Раденић А. Указ.соч. С.568.

⁵ АВПРИ. Ф.Славянский стол. Д.3812. Л.228об.-229.

⁶ Там же. Ф.ПА.1883 г. Д.424. Л.140об.

⁷ Там же. Ф.Славянский стол. Д.3812. Л.225.

⁸ Јовановић Сл. Влада Милана... II. С.205.

⁹ Тодоровић П. Крвава година... С.128.

¹⁰ Милошевић Р. Тимочка буна... С.139.

¹¹ Через несколько недель после разгрома восстания Пашич в эмиграции в Болгарии дал интервью корреспонденту софийской газеты “Славянин”, в котором заявил, что Главный комитет не имеет никакой связи с восстанием, вызванным чисто местными причинами, главным образом “насилием жандармерии”. По утверждению Пашича, если бы руководство партии стремилось к восстанию, “в Сербии произошла бы революция подобно Великой Французской и примерно за три недели без особого кровопролития враги сербского народа были бы уничтожены” (См.: Раденић А. Указ.соч. С.583).

¹² Там же. С.690.

¹³ Там же. С.597-599.

¹⁴ Там же. С.704.

¹⁵ Лавелз де Э. Балканский полуостров... Ч.II. С.4-5.

¹⁶ Раденић А. Указ.соч. С.746.

- ¹⁷ *Казимировић В.* Указ.соч. С.436.
- ¹⁸ *Раденић А.* Указ.соч. С.606.
- ¹⁹ Там же. С.607-608.
- ²⁰ Там же. С.614.
- ²¹ Там же. С.715.
- ²² Среди расстрелянных были руководители восстания священник Маринко Ивкович и Люба Дидич. 10 ноября 1940 г. на Кралевине был открыт памятник погибшим здесь в 1883 г. героям. Его автор - скульптор А.Аугустинчич. Открыл памятник тогдашний глава сербского правительства Драгиша Цветкович (См.: *Живковић С.* Народ и вође Источне Србије у Тимочкој буни//Тимочка буна... С.249).
- ²³ *Раденић А.* Указ.соч. С.718; Среди 94 человек, осужденных на смертную казнь, крестьян было - 30, торговцев - 20, учителей - 7, священников - 6, трактирщиков - 4, представителей интеллигенции - 3 (Пашич - заочно, Милошевич и Тодорович) и т.д. В их числе были 11 депутатов скупщины и 5 председателей общин. Из осужденных на тюремное заключение и каторгу крестьян было 433, торговцев - 36, учителей - 5, священников - 5. Среди них был 51 кмет, 14 общинных писарей, 8 председателей общин (Там же. С.727).
- ²⁴ АВПРИ. Ф.ПА. 1884 г. Д.428. Л.60об.-61 (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 5 марта 1884 г.).
- ²⁵ Там же. 1883 г. Д.424. Л.171-171об.
- ²⁶ Там же. Ф.Генеральное консульство в Белграде. Д.70. Отчет за 1884 г. Л.1об.
- ²⁷ См.: *Костић Л.* Воевођанска штампа о Тимочкој буни//Тимочка буна... С.369-378.
- ²⁸ АВПРИ. Ф.ПА. 1884 г. Д.428. Л.28-28об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 12 февраля 1884 г.).
- ²⁹ В период правления М.Пирочанца заседания скупщины проходили в Белграде; в 1884 г. она переместилась в Ниш, подальше от политизированной столицы.
- ³⁰ *Јовановић Сл.* Влада Милана... III. С.209.
- ³¹ Там же. С.213-214.
- ³² Там же. С.218-220; *Историја српског народа...* С.76.
- ³³ АВПРИ. Ф.ПА. 1885 г. Д.431. Л.99-99об.
- ³⁴ *Раденић А.* Радијална страјка... С.765.
- ³⁵ Там же. С.769.
- ³⁶ Там же. С.770.
- ³⁷ Там же. С.779.
- ³⁸ См. об этом: *Вучковић В.* Дипломатска историја српско-бугарског рата (1885-1886). Београд, 1956; *Пантев А.* Емигрантският въпрос в българо-сърбските отношения (1883-1886)//*Векове.* 1974. Кн.4:

Стателова Е. Дипломатията на княжество България 1879-1886. София, 1979 и др.

³⁹ Там же. С.780-781.

⁴⁰ Протић М.Ст. Радикали у Србији... С.65-67.

⁴¹ Јовановић Сл. Влада Милана...III. С.233-234.

⁴² АВПРИ. Ф.ПА. 1885 г. Д.431. Л.145-147.

⁴³ Казимировић В. Указ.соч. С.473.

⁴⁴ Раденић А. Указ.соч. С.786-787.

⁴⁵ АВПРИ. Ф.ПА. 1885 г. Д.431. Л.105-106об. (Донесение датировано 9 мая 1885 г.).

⁴⁶ Јовановић Сл. Влада Милана...III. С.238.

⁴⁷ Историја српског народа... С.77-78.

⁴⁸ АВПРИ. Ф.ПА. 1885 г. Д.431. Л.136-137 (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 26 јуна 1885 г.).

⁴⁹ См.: Терехов В.К. Сербия и Румелийский переворот 1885 г.//Проблемы всеобщей истории. М., 1973. С.232.

⁵⁰ АВПРИ. Ф.ПА. 1885 г. Д.431. Л.138-138об.

⁵¹ См. об этом: Терехов В.К. Указ.соч. С.246-251; Он же. Дипломатическая борьба накануне сербско-болгарской войны 1885 г.//Проблемы всеобщей истории. М., 1974. С.126-133.

⁵² Вучковић В. Дипломатска историја српско-бугарског рата... С.11;

Ђорђевић В. Историја српско-бугарског рата 1885. Књ.1. С.216.

⁵³ Косиќ В.И. Русская политика в Болгарии. 1879-1886. М., 1991. С.118.

⁵⁴ Стојанчевић В. Из проблематике српско-бугарског рата 1885 (Политичка агитација српске владе у пограничним крајевима Бугарске пред рат 1885. године)//Историјски часопис. XXXII. Београд, 1985. С.201-203.

⁵⁵ Казимировић В. Указ.соч. С.474.

⁵⁶ АВПРИ.Ф.ПА. 1885 г. Д.431. Л.314-314об.

⁵⁷ Јовановић Сл. Влада Милана...III. С.279-280.

⁵⁸ АВПРИ. Ф.ПА. 1885 г. Д.431. Л.319об.

⁵⁹ Јаќшић Гр. Из новије српске историје. Абдикација краља Милана и друге расправе. Београд, 1953. С.163.

⁶⁰ Јовановић Сл. Указ.соч. III. С.319-321.

⁶¹ АВПРИ. Ф.Миссия в Белграде. 1885 г. Д.76. Л.67об.-68 (Его инструкции датированы 20 ноября 1885 г.).

⁶² На телеграмме Персиани от 16(28) ноября 1885 г. о том, что Милан дошел до такого нервного возбуждения, что "опасаются его умопомешательства", российский император написал: "Это было бы лучше для всех" (АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1885 г. Д.11. Л.101).

⁶³ Там же. Ф.Миссия в Белграде. 1885 г. Д.76. Л.68-69.

- ⁶⁴ Там же. Ф.ПА. 1885 г. Д.431. Л.323об.-325об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 28 ноября 1885 г.).
- ⁶⁵ Там же. Л.326.
- ⁶⁶ Там же. 1886 г. Д.434. Л.62,72.
- ⁶⁷ Там же. 1885 г. Д.431. Л.355-355об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 22 декабря 1885 г.).
- ⁶⁸ Там же. 1886 г. Д.434. Л.24-27об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 2 февраля 1886 г.).
- ⁶⁹ Там же. Л.57-59об.
- ⁷⁰ *Историја српског народа...* С.85.
- ⁷¹ См.: *Киняпина Н.С.* Балканы и проливы во внешней политике России... С.71.
- ⁷² *Раденић А.* Указ.соч. С.849.
- ⁷³ 19 сентября (1 октября) 1885 г. в связи с Румелийским переворотом радикалы в эмиграции прекратили деятельность по подготовке восстания. Н.Пашич от имени своих сподвижников призвал короля Милана использовать возникшую благоприятную ситуацию для присоединения к королевству Старой Сербии и части Македонии и таким образом заложить "фундамент первенства сербского народа между народами Балканского полуострова". Если король вступит на этот путь, говорилось в обращении, радикальная эмиграция и члены партии, находящиеся в Сербии, готовы отречься от дальнейшей борьбы против его режима и помочь в осуществлении этого замысла всеми силами, которыми они располагают. В случае осуществления этого "патриотического начинания", или в том случае, если король откажется от него, радикальная партия возобновит борьбу против его тирании (См.: *Раденић А.* Указ.соч. С.807).
- ⁷⁴ *Разнатовић Н.* О раду радикалске опозиције, кнеза Петра Карађорђевића и књаза Николе против режима краља Милана у Србији 1883-1889. године//Историјски записи. Титоград, 1966. Год.19. Књ.23. С.60-62.
- ⁷⁵ АВПРИ. Ф.ПА. 1886 г. Д.434. Л.264.
- ⁷⁶ Цит. по: *Косик В.И.* Указ.соч. С.119-120.
- ⁷⁷ *Шемакин А.Л.* Никола Пашич и Россия (1883-1889 гг.)//Балканские исследования. Славяне и Россия. Политика и дипломатия. М., 1992. Вып.15. С.133.
- ⁷⁸ АВПРИ. Ф.ПА. 1884 г. Д.428. Л.87об.
- ⁷⁹ Там же. 1885 г. Д.431. Л.194об.-195 (М.А.Поджио - МИД 18 августа 1885 г.).
- ⁸⁰ Там же. 1886 г. Д.434. Л.204.
- ⁸¹ *Милошевић Р.* Тимочка буна... С.224.

На пути к конституционной реформе 1888 г.

Решившись на “новый курс” с целью сохранения престола за династией Обреновичей, король Милан в поисках опоры внутри страны был вынужден пойти на “мировую” с радикалами, признав необходимым допустить их, на определенных условиях, к управлению страной.

Вернувшись из Ниша в Белград, он попытался через “умеренных” радикалов Св.Николаевича и П.Вуковича вступить в соглашение с руководством партии, однако получил его отказ вести какие-либо переговоры в то время, как сотни ни в чем не повинных людей томилась в тюрьмах и медленно умирали на каторге. Но монарх действовал энергично и целеустремленно. С поста министра народного хозяйства был смещен Д.Райович, тот самый который председательствовал на чрезвычайном суде 1883 г. Разумеется, это была слишком одиозная фигура новых политических условиях.

27 декабря 1885 г. (8 января 1886 г.), поздно ночью закутанный в плащ, чтобы не быть узнанным, король лично отправился в белградскую крепость, где находились в заключении лидеры радикалов, приказал привести к нему П.Тодоровича и в беседе с ним заявил, что после Сливницы страна находится в крайне тяжелом положении и что, по его убеждению, для преодоления кризиса власти необходимо создать напредняцко-радикальную коалицию, призванную стать “реальной основой государственной жизни”. Сломленный заточением Тодорович этот бывший страстный “апостол” радикального движения, один из его столпов, пошел на сделку с королем – обмен на свободу свою и других осужденных и пообещал Милану помочь в его планах.

1(13) января 1886 г. был обнародован указ о помиловании радикалов-интеллигентов¹, за исключением тех, кто находился в эмиграции.

В попытке короля Милана заключить соглашение с радикалами трудно не увидеть еще одно проявление кризиса старой сербской государственности. В сложившейся ситуации он решил разыграть еще одну комбинацию. По его “подсказке” при самом деятельном участии П.Тодоровича в начале февраля 1886 г. в Нише была созвана конференция радикальной партии, в работе которой приняли участие 44 наиболее влиятельных ее члена. На первый вопрос, связанный с внешнеполитической ситуацией после Сливницы, был получен благоприятный для короля ответ: “Радикальная партия торжественно заявляет, что всегда готова всеми средствами защищать честь и интересы сербские... Радикальная партия отдаст все свои силы для того, чтобы в союзе с королем страна вышла из внешнеполитического кризиса. В этом направлении партия искренне готова помогать королю...”².

Вторым на Нишской конференции был рассмотрен вопрос о конституционном проекте радикальной партии 1883 г. В этом плане от радикалов ждали ответа на вопрос – насколько в нынешних условиях их партия будет придерживаться духа и буквы этого документа, способна ли она отказаться от некоторых его положений, представлявшихся королю “экстремистскими”. Участники Нишской конференции заявили, что проект конституции 1883 г. не был обсужден на партийном съезде и, следовательно, является всего лишь проектом. Далее. Они потребовали от короля немедленной отмены законов военного времени и чрезвычайных судов, роспуска напредняцкой по своему составу скупщины, проведения свободных выборов, издания новых прогрессивных законов о печати, собраниях и союзах, самоуправлении и личной безопасности, а также созыва Великой народной скупщины для принятия новой конституции и замены регулярной армии народным ополчением. Участники конференции

Соглашение было заключено 6(18) апреля 1886 г. на совещании лидеров радикалов и либералов. Его появление отвечало интересам обеих партий. Ристич согласился с необходимостью проведения конституционной реформы и получил поддержку все еще самой популярной партии в стране, а радикалы увидели в этом альянсе возможность “парламентским” (так как “революционный” не удался) путем прийти к власти. Глава либералов назвал подписанный документ “союзнической программой”⁶.

Против соглашения с либералами, кроме П.Тодоровича, выступили Св.Николаевич, Р.Милошевич и большинство членов радикальной партии из местных ячеек, которые назвали его “делом белградских радикалов”.

Соглашение было заключено на следующих принципах: “развитие хозяйственных и производительных сил народа”, создание необходимых условий для “экономической самостоятельности” Сербии, упорядочение государственных финансов, изменение конституции в демократическом духе, усиление народного контроля над государственным управлением. Внешнеполитическая его часть предусматривала поддержание дружественных отношений со всеми, прежде всего балканскими, государствами. Ближайшими целями провозглашалось совместное участие в очередных выборах в скупшину и создание коалиционного правительства⁷.

Следует отметить, что не только среди рядовых членов партии не было согласия по поводу апрельского соглашения. Не было единства взглядов и в руководстве. Так, Р.Милошевич, выступавший против всякого союза с либералами, считал, что оно “внесло раскол”⁸. Его оппонент Ст.Протич, напротив, высоко оценил соглашение, считая, что именно благодаря ему радикальная партия вышла из тяжелого кризиса единой, влиятельной, способной взять власть и управлять страной⁹.

На наш взгляд, соглашение 1886 г. явилось важным событием в развитии сербской государственности

рассматриваемого периода. Оно позволило в последующие весьма бурные годы значительно стабилизировать политическую ситуацию в Сербии, хотя с самого начала было ясно, что союз либералов и радикалов не будет долговечным. Коалиция двух партий, разработавшая совместную программу, положенную в основу будущего Основного закона Сербии, сыграла решающую роль в проведении конституционной реформы 1888 г.

* * *

Соглашение 1886 г. с одобрением было встречено правящими кругами России, тем более, что это был наиболее приемлемый для российской дипломатии вариант развития событий в Сербии, учитывая их возможные последствия. Персиани так оценивал это событие: “Слияние двух означенных партий дает возможность оппозиции вступить в серьезную борьбу с правительством. В состав либеральной партии входят интеллигентный класс, большинство духовенства и купечества, а радикальная партия подкрепляет ее громадным контингентом народной недовольной массы”¹⁰.

Судя по дипломатической переписке этого периода, в Петербурге отдавали себе отчет в том, что в политической жизни Сербского государства наступил новый этап. Руководители внешней политики России получали из Белграда достоверную и подробную информацию о маневрах короля в отношении лидеров прежней оппозиционной и гонимой партии, тяжелом политическом кризисе, усугублявшемся из-за поражения в войне с Болгарией, и т.д. На основании полученных данных разрабатывался курс российской политики в отношении Сербии, смысл которой заключался в стремлении поддержать и упрочить влияние России в регионе “мирными” средствами и способствовать стабилизации сербской государственности.

Наибольшее беспокойство вызывала именно нестабильность и конфронтационность общественно-политической жизни Сербии. Помимо действий короля этому в значительной степени способствовала межпартийная борьба. Особое внимание с середины 80-х годов в Петербурге обращалось на “замирение” лидеров соперничавших между собой партий. Занятая по этому вопросу позиция была достаточно здоровой и конструктивной: “Для России не существует партийных различий и мы желаем лишь истинного блага и процветания Сербии и рады оказать посильную...помощь...всякому (подчеркивание мое. – С.Д.) правительству, которое сумеет работать на благо страны”, – читаем мы в одном из официальных документов¹¹.

На протяжении всего десятилетия российские дипломатические представители в Сербии получали из Петербурга предписания всеми средствами содействовать “поддержанию согласия” между либеральной и радикальной партиями, ибо в их согласии и единстве виделась реальная сила, способная противостоять “антинародной” и “антинациональной” политике Обреновичей и обеспечить стабильное, поступательное, без социальных потрясений развитие Сербского государства.

К донесению из Белграда от 14 апреля 1886 г. Персиани приложил перевод текста вышеупомянутого соглашения между радикалами и либералами. Особое внимание своего петербургского начальства дипломат обращал на положения III раздела документа, касавшегося конституционной реформы. Приведем его полностью. “Новый Устав должен специально узаконить и обеспечить следующие начала:

1) Народная скупщина состоит исключительно из депутатов, свободно выбранных народом. Свобода выборов должна быть как можно сильнее обеспечена специальными гарантиями Устава.

2) Право выбора имеют все совершеннолетние сербские граждане за исключением тех, которые законом

к голосованию не допускаются. Изъятия эти должны быть определены Уставом.

3) Уставом будут определены меры, по возможности обеспечивающие выбор народом в скупщину умственных и нравственных сил страны. Точно так же будет обеспечена наибольшая самостоятельность народных депутатов.

4) Право инициативы в законодательстве имеют оба законодательные фактора: король и скупщина.

5) Скупщина имеет право одобрения и контролирования бюджета – бюджет действителен только на один год.

6) Скупщина созывается периодически всякий год ... король же имеет право, в случае надобности, созвать ее в чрезвычайную сессию.

7) Король имеет право отсрочить скупщину на известное время, которое будет Уставом определено, а также может ее и распустить, но в таком случае выборы должны быть назначены и скупщина вновь созвана в Уставом определенный срок.

8) Обеспечены будут гражданские и политические права и свободы: личная и имущественная неприкосновенность, свобода выборов, свобода печати и свобода сходов.

9) Принцип ответственности министров должен быть вполне узаконен. Чиновники за злоупотребления по должности в отношении к частным лицам ответственны непосредственно перед судом.

10) Обеспечивается независимость судов и Главного контроля. Сербский гражданин подсуден только обыкновенному суду. Полевые и чрезвычайные суды не могут быть вводимы ни в каком виде и ни в каком случае.

11) За политические преступления не может быть назначена смертная казнь.

12) Обеспечивается бесплатное и обязательное образование.

13) Общая воинская повинность остается в силе.

14) Общины будут организованы на начале самоуправления, но под известным контролем правительства.

15) Право пересмотра и изменения Устава принадлежит королю и Великой скупшине. Ее состав и круг деятельности будет определен Уставом”¹².

* * *

Между тем столкнувшиеся с реальной опасностью отстранения от власти оппозицией напредняки не собирались сдаваться без боя. Так, для того, чтобы не проиграть на очередных выборах в скупшину, назначенных на 26 апреля 1886 г., Гарашанин направил окружным начальникам на места инструкцию – сделать все от них зависящее, чтобы обеспечить победу своей партии. Полиция “достойно” справилась с заданием своего шефа, так что австро-венгерский посланник мог с полным правом сообщать в Вену, что “ни одно избрание не было законным”¹³.

Секретарь российской дипломатической миссии М.А.Поджио в донесении в Петербург также привел несколько вопиющих фактов злоупотреблений: например, Гарашанин лично приказал арестовать “шесть влиятельнейших депутатов под тем предлогом, что избрание их противозаконно”; позднее в результате “деятельности так наз. поверочной комиссии, состоявшей из приверженцев кабинета, было устранено из состава скупщины еще 25 человек оппозиции”¹⁴.

Однако даже несмотря на такой произвол, напредняки получили в скупшине всего 50 мест из 121 и только вместе с 40 депутатами, назначенными королем, обеспечили себе в парламенте незначительное большинство. Все это способствовало тому, что скупщина приняла официальную версию недавних трагических событий, согласно которой в военном поражении Сербии были виноваты радикалы, готовившие в этот период восстание против законной власти, в силу чего король не мог использовать

в войне с Болгарией весь численный состав сербской армии.

Политический и экономический кризис в стране продолжал углубляться. Правительством были заключены новые займы, проведены через скупщину дополнительные налоги, но эти меры не дали ожидаемых результатов. Государственный долг Сербии в 1887 г., по данным российской миссии, составлял 300 млн. франков¹⁵.

Внешнеполитический курс России в отношении Сербии продолжал оставаться прежним. После скандальных выборов в скупщину 1886 г. руководство российского МИД сочло необходимым подтвердить свою позицию в сербском вопросе. Персиани получил секретную инструкцию – “во всех удобных случаях” напоминать королю и его правительству, что Россия “чужда намерению эксплуатировать существующую между напредняцким кабинетом и народом рознь и искренне желает предупредить внутренние осложнения в стране”¹⁶.

Более категоричной была российская печать. Например, авторитетный “Вестник Европы” писал, что недовольство сербского народа политикой правящих кругов “существовало и раньше ввиду непосильного возрастания налогов и чрезмерной угодливости правительства по отношению к Австрии, но оно достигло крайней степени напряжения, когда политика бездарных честолюбцев потерпела кровавое фиаско на поле битвы”. Главными виновниками этого, наряду с королем, по мнению журнала, были напредняцкая партия и правительство. “Эти мнимые “прогрессисты”, – говорилось в разделе “Иностранное обозрение”, – оказались в сущности самыми упорными реакционерами – они превратили сербскую скупщину в какую-то жалкую пародию представительства, бесцеремонно устраняли и преследовали оппозицию, ставили произвол на место закона и подавляли всякие попытки общественного контроля или протеста”¹⁷.

Обстановка в Сербии осложнялась еще и тем, что радикалы-эмигранты готовили восстание против режима

Милана. Его план, как уже упоминалось выше, вынашивался ими с момента разгрома Тимоцкого восстания.

В период сербо-болгарской войны эмигранты прекратили свою антидинастическую деятельность – “ради поддержания народной чести”. Однако после ее окончания Пашич возобновил переговоры с князем Николаем и сообщил об этом радикалам в Белграде, о чем последние осенью 1886 г. проинформировали Персиани. К этому времени относится письмо Пашича некоему Влатко, в котором речь идет о подготовке восстания. По словам Пашича, он и его друзья в эмиграции “лишь хотели, чтобы российский посланник сказал хотя бы одному из нас – не бойтесь интервенции или оккупации, если свергнете Милана; это бы уничтожило опасения наших людей, которые боятся Австрии”¹⁸.

10 сентября 1886 г. Персиани сообщил в МИД о визите К.Таушановича, “одного из выдающихся членов радикальной партии”, который рассказал о своих связях с радикальной эмиграцией и черногорским князем. Целью этого визита, как оказалось, было стремление узнать – как отнесется Россия к готовящемуся в Сербии перевороту. “Он сказал мне, – писал Персиани, – что медлить нельзя, так как движение не может быть предпринято зимой, что в Пожаревце, Ягодине, Крагуевце, Валева и Ужице настроение народа таково, что по первому знаку он возьмется за оружие”. Ответ Персиани его гостю был следующий: “Хотя императорское министерство и осуждает политическую деятельность сербского правительства за последние годы и даже относится к нему с негодованием, но ни в каком случае не разрешит... принять участие в каком бы то ни было заговоре”. Он подчеркнул также, что “готовящееся в Сербии движение... несвоевременно, так как императорское правительство в настоящее время занято улажением болгарского вопроса и... всякое новое усложнение на Балканском полуострове могло бы лишь затруднить решение его в желаемом смысле”¹⁹.

При подготовке настоящей монографии в Архиве внешней политики Российской империи обнаружены два интересных документа. В письме от 22 сентября 1886 г. к митрополиту Михаилу князь Петр Карагеоргиевич говорит о своих правах на сербский престол, заявляет о готовности прийти на помощь тем, кто поднимется на свержение режима Милана и выражает надежду на поддержку Михаила и помощь России²⁰. В ответном письме от 12 октября 1886 г. из Киева митрополит обещает свою поддержку, но предостерегает князя от приезда в Сербию, чтобы окончательно не осложнить дела. По мнению Михаила, было бы лучше, если бы князь оказал сербскому народу “материальную и нравственную помощь”²¹.

Черногорский историк Новак Ражнатович в свое время отмечал, что об этом периоде взаимоотношений радикалов с князем Николаем почти нет архивных документов²². К сожалению, исследователю не были доступны важные материалы АВПРИ, которые в значительной мере дополняют воспоминания участников и свидетелей тех событий, например, воевод Гавро Вучковича и Симо Поповича²³ и позволяют создать более целостную картину событий. Стремясь осуществить свои планы, белградские радикалы отправили в Цетинье для переговоров с князем Николаем профессора Й.Джайя. На последней встрече в присутствии своего зятя Петра Карагеоргиевича Николай подтвердил обещание – в случае восстания в Сербии отправить на помощь радикалам отряд в три-четыре тысячи человек под командованием воеводы Марко Милянова, а также заявил, что в этом деле “можно рассчитывать не только на него, но даже и на Россию”. В то же время он предостерег радикалов от покушения на Милана²⁴. После возвращения Й.Джайя был предпринят зондаж в российской дипломатической миссии с целью получения гарантий. Выработанная радикалами программа действий была послана для одобрения в Цетинье и вручена Персиани. Положение последнего было довольно затруднительным – он понимал, что

несколько “увлекся” планами заговорщиков и значительно отошел от инструкций, получаемых им из Петербурга. Поэтому в своих донесениях, относящихся к этому периоду, он оправдывался перед министром иностранных дел в том, что “вошел в сношение” с радикалами. По его убеждению, “переворот серьезно готовится” и поэтому он полагает, что “России выгоднее в настоящее время не отказываться от них, чтобы в данную минуту, если и не руководить движением, то по крайней мере иметь возможность удержать порывы крайних деятелей радикальной партии”²⁵. Однако реакция Петербурга была достаточно резкой. Персиани получил предписание заявить лидерам радикалов, что черногорский князь не информировал Россию о своих планах в отношении Сербии и что российское правительство “воздерживается от выражения мнения... и от оказания ему содействия”²⁶. Было ясно, что официальные круги России отрицательно отнеслись к планам переворота.

А.И.Персиани имел несколько встреч с лидерами радикалов. Выполняя предписания министра, он разъяснял, что в Петербурге отрицательно относятся к их замыслам, хотя и осуждают режим Милана. Заверения радикалов, что, находясь у власти, они вели бы страну по указанному Россией пути, министр-резидент принял к сведению и обещал сообщить об этом в МИД, но при этом повторял тезис о несвоевременности и нежелательности для России государственного переворота²⁷.

Вместе с тем и после этого контакты Персиани с радикалами не прекращались. К своему донесению в Петербург от 12 декабря 1886 г. он приложил перевод письма И.Джайя к князю черногорскому, “закрывающего в себе как программу действия для совершения переворота в Сербии, так и цели, к которым стремится радикальная партия”. При подготовке этого документа радикалы советовались с Персиани и он настоял на включении следующих положений:

“1) Точно высказаться относительно имеющегося у них кандидата на сербский престол в случае низвержения короля Милана;

2) при введении реформы в государственном строе не удаляться от выработанной весной нынешнего года совместно с г.Ристичем программы, составленной в консервативном духе;

3) категорически выяснить, в каких отношениях с Россией будут стоять люди, предпринимая переворот, в случае, если им удастся привести свои намерения в исполнение; и

4) восстановить в Сербии бывшие церковные порядки и призвать митрополита Михаила для занятия белградской митрополичьей кафедры”²⁸.

В качестве кандидата на сербский престол радикалы видели князя Петра Карагеоргиевича, предоставив вместе с тем князю Николаю право войти в соглашение с Россией относительно “окончательного выбора”²⁹.

В вышеупомянутом письме Й.Джайя сообщалось, что после встреч в Цетинье белградские радикалы провели определенную работу. Из бесед “с известными личностями” (имеется в виду Персиани), они вынесли убеждение, что “России нежелательно, чтобы в Сербии приступили к борьбе с иностранным влиянием и его органами, пока не будет разрешен болгарский вопрос. Мы убедились в том, что наше первоначальное намерение совершить переворот возможно скорее... не совпадает с полученными нами сведениями относительно согласия России на это”. Далее Й.Джайя сообщал князю Николаю, что в связи с вышеуказанным он и его товарищи решили подождать с осуществлением своего замысла, а также просил довести содержание письма до сведения российского императора³⁰.

В Петербурге получили программу радикалов в изложении Персиани:

“1. В Сербии совершится переворот с помощью народа и войска с целью свергнуть короля Милана.

II. Кн[язь] Николай должен помочь людьми и деньгами согласно предварительной договоренности.

III. Король Милан и сын его должны быть навсегда отстранены от сербского престола. Регентство, в какой бы то ни было форме, не может быть допущено. Если принять в расчет расположение народа, то самым серьезным кандидатом является князь Петр Карагеоргиевич". "Но они согласны и на другого, кого укажет Россия"³¹, - добавил российский дипломат.

В IV пункте документа отмечалось, что новый правитель Сербии будет избран Великой народной скупщиной.

Очень важным являлся пункт V, в котором затрагивался конституционный вопрос. Программа предусматривала "изменение Устава в таком духе и направлении, чтобы основными законами обеспечено было за народом свободное и более широкое участие в законодательных и государственных вопросах". В этом, по мнению авторов программы, "заключается залог как успешной защиты сербских и славянских интересов от чужеземного вмешательства, так и прочности дружественных отношений к России...".

В программе утверждалось, что суть внешней политики Сербии после переворота будет состоять в том, чтобы, сблизившись с Россией, "искать в ней опору и противодействовать влиянию Австро-Венгрии".

Особое внимание в документе обращалось на обеспечение новой конституцией права скупщины одобрять и контролировать государственный бюджет и решать другие важные вопросы.

Экономическая политика, в корне измененная, должна была избавить страну от финансовых затруднений и освободить ее от подчинения Австро-Венгрии³².

Думается, что этот документ по праву может рассматриваться как следующий, после апрельского (1886 г.) соглашения, этап подготовки конституционной реформы в Сербии.

Радикалы просили Персиани сохранить в тайне от Й.Ристича их подготовку к восстанию, но глава российской дипломатической миссии счел необходимым поставить его в известность, имея в виду, что либералы занимают видные посты в армии, без привлечения которой трудно рассчитывать на успех. На вопрос Персиани, будет ли Ристич противодействовать перевороту в Сербии, если он получит одобрение императорского правительства, лидер либералов ответил, что его сторонники не откажут в содействии, но что лично он участия не примет и в это время уедет за границу³³.

Крайне обеспокоенный активным “сочувствием” Персиани антидинастической деятельности радикалов, осторожный Н.К.Гирс, по свидетельству В.Н.Ламздорфа, был взволнован “безрассудством” министра-резидента в Белграде³⁴. Были составлены проекты телеграмм в российские миссии в Белграде и Цетинье. Александр III их утвердил. Персиани выражалось порицание и предписывалось ограничиться ролью наблюдателя³⁵. Его цетиньскому коллеге К.Э.Агриропуло поручалось сдерживать князя Николая³⁶, тут же заявившего, что он не оказывал никакой поддержки сербским радикалам³⁷.

Таким образом, несмотря на проведенную радикалами работу в 1884-1886 гг., переворот в Сербии не состоялся. И главную роль здесь сыграли “молчаливо-негативное отношение петербургского кабинета к планам Пашича”³⁸ и, как следствие этого, сдерживающая позиция российской дипломатии. В соответствующем разделе Политического отчета МИД за 1887 г. констатировалось: “Благодаря вмешательству императорского правительства заговор этот был своевременно прекращен и королю не удалось напасть на след его”³⁹. Правда, относительно последнего, как свидетельствуют документы, в Петербурге заблуждались. В среде радикалов-эмигрантов находилось по меньшей мере несколько лиц, регулярно осведомлявших короля Милана об их намерениях и направлении деятельности. Конечно, после недавнего разгрома

Тимокского восстания, распыленности сил радикалов, отсутствии поддержки Черногории и России поднять народ в Сербии практически было невозможно. Это, думается, понимали руководители внешней политики России и, несмотря на устойчиво негативное отношение к сербскому королю, выступали против планов радикалов, направленных на насильственное удаление Обреновичей с престола, резонно полагая, что при недостаточной подготовке радикальное движение в случае поражения будет практически уничтожено, и это в свою очередь приведет к нежелательным для российской внешней политики в этом регионе последствиям.

* * *

В период с начала 1887 г. до осени 1888 г. король Милан в основном был занят своими отношениями с женой.

Разлад в королевском семействе возник еще в начале 80-х годов. Гордая и самовлюбленная красавица, с детства привыкшая к всеобщему поклонению, Наталья не могла простить Милану его измен. Он же, ценивший в женщинах не только красоту, но и сердечность, доброту, мягкость и интеллигентность, не нашел этих качеств в своей молодой, когда-то обожаемой жене, обвиняя ее в неуравновешенности, упрямстве и холодности. Разочарование друг в друге со временем переросло в открытую ненависть. В этой атмосфере ссор, взаимных обвинений и угроз протекала жизнь юного Александра, родители которого к тому же никак не могли решить, кто из них имеет больше прав на его воспитание.

Ситуация усугублялась тем, что Наталья постоянно выступала против австрофильства Милана и не скрывала своих прорусских симпатий. Не мог он ей простить и “активности” во время сербо-болгарской войны, в то время, как сам он проявил малодушие и нерешительность.

Увлеченный в этот период замужней гречанкой Артемизой Христич (впоследствии она родила ему сына Джордже), Милан вынашивал мысли о разводе. В апреле 1887 г. он выразил желание, предварительно образовав регентство при Александре, или самому уехать из Сербии, или изгнать из страны Наталью. На это намерение короля М.Гарашанин ответил тем, что подал в отставку, а австро-венгерское правительство осудило “легкомысленное поведение” Милана, что побудило последнего действовать более осмотрительно, с соблюдением приличий: в конце концов он заключил с королевой письменное соглашение о том, что она будет находиться с сыном за границей до окончательного решения вопроса о его воспитании⁴⁰.

Весной 1887 г. возникли серьезные разногласия между Гарашанином и Миланом, который не мог простить своему премьер-министру того, что в его ссоре с Натальей тот принял сторону королевы. Не видя иного выхода из сложившейся ситуации, разочаровавшись в напредниках, нежелающих быть слепым орудием его режима, и не питая абсолютно никакой приязни к радикалам, король был вынужден пойти на сделку с ненавистным для него Й.Ристичем, понимая, что только он с его авторитетом многоопытного государственного деятеля может вывести страну из тупика. Милан принял программу Ристича и дал согласие на формирование коалиционного либерально-радикального кабинета. Единственное условие, которое он при этом поставил, чтобы в правительстве не было “людей с каторги”, т.е. осужденных в связи с Тимокским восстанием.

Документы АВПРИ позволяют впервые в историографии показать роль российской дипломатии и, в частности Персиани, в событиях, предшествовавших 1(13) июня 1887 г. (дата формирования кабинета Й.Ристича).

Несмотря на крайне негативное отношение официального Петербурга и самого Александра III к личности Милана, именно российский дипломатический

Тимокского восстания, распыленности сил радикалов, отсутствия поддержки Черногории и России поднять народ в Сербии практически было невозможно. Это, думается, понимали руководители внешней политики России и, несмотря на устойчиво негативное отношение к сербскому королю, выступали против планов радикалов, направленных на насильственное удаление Обреновичей с престола, резонно полагая, что при недостаточной подготовке радикальное движение в случае поражения будет практически уничтожено, и это в свою очередь приведет к нежелательным для российской внешней политики в этом регионе последствиям.

* * *

В период с начала 1887 г. до осени 1888 г. король Милан в основном был занят своими отношениями с женой.

Разлад в королевском семействе возник еще в начале 80-х годов. Гордая и самовлюбленная красавица, с детства привыкшая к всеобщему поклонению, Наталья не могла простить Милану его измен. Он же, ценивший в женщинах не только красоту, но и сердечность, доброту, мягкость и интеллигентность, не нашел этих качеств в своей молодой, когда-то обожаемой жене, обвиняя ее в неуравновешенности, упрямстве и холодности. Разочарование друг в друге со временем переросло в открытую ненависть. В этой атмосфере ссор, взаимных обвинений и угроз протекала жизнь юного Александра, родители которого к тому же никак не могли решить, кто из них имеет больше прав на его воспитание.

Ситуация усугублялась тем, что Наталья постоянно выступала против австрофильства Милана и не скрывала своих прорусских симпатий. Не мог он ей простить и “активности” во время сербо-болгарской войны, в то время, как сам он проявил малодушие и нерешительность.

Увлеченный в этот период замужней гречанкой Артемизой Христинич (впоследствии она родила ему сына Джордже), Милан вынашивал мысли о разводе. В апреле 1887 г. он выразил желание, предварительно образовав регентство при Александре, или самому уехать из Сербии, или изгнать из страны Наталью. На это намерение короля М.Гарашанин ответил тем, что подал в отставку, а австро-венгерское правительство осудило “легкомысленное поведение” Милана, что побудило последнего действовать более осмотрительно, с соблюдением приличий: в конце концов он заключил с королевой письменное соглашение о том, что она будет находиться с сыном за границей до окончательного решения вопроса о его воспитании⁴⁰.

Весной 1887 г. возникли серьезные разногласия между Гарашанином и Миланом, который не мог простить своему премьер-министру того, что в его ссоре с Натальей тот принял сторону королевы. Не видя иного выхода из сложившейся ситуации, разочаровавшись в напредняках, нежелающих быть слепым орудием его режима, и не питая абсолютно никакой приязни к радикалам, король был вынужден пойти на сделку с ненавистным для него Й.Ристичем, понимая, что только он с его авторитетом многоопытного государственного деятеля может вывести страну из тупика. Милан принял программу Ристича и дал согласие на формирование коалиционного либерально-радикального кабинета. Единственное условие, которое он при этом поставил, чтобы в правительстве не было “людей с каторги”, т.е. осужденных в связи с Тимокским восстанием.

Документы АВПРИ позволяют впервые в историографии показать роль российской дипломатии и, в частности Персиани, в событиях, предшествовавших 1(13) июня 1887 г. (дата формирования кабинета Й.Ристича).

Несмотря на крайне негативное отношение официального Петербурга и самого Александра III к личности Милана, именно российский дипломатический

представитель выступил посредником в переговорах сербского монарха и лидера либералов. Полагаю, что Милан пошел на это сознательно, он как бы стремился заручиться поддержкой своему “новому курсу” со стороны России.

В донесении от 3 июня Персиани описал весь ход правительственного кризиса, начиная с 3 мая, когда король впервые в 1887 г. провел консультации с Ристичем. Их свидание происходило в российской миссии в присутствии Персиани. Милан поставил перед Ристичем два вопроса:

1) Согласен ли он с тем, чтобы наследник престола воспитывался за границей? – на что получил ответ, что Александр должен воспитываться в Сербии и в “сербском духе”, однако, если этого потребуют обстоятельства, можно допустить его пребывание за границей в течение двух-трех лет.

2) Может ли Ристич поручиться за точное исполнение соглашения между королем и королевой от 6 апреля? Будущий глава правительства ответил, что может, но “лишь убеждениями, а не силой”⁴¹.

В свою очередь, когда Милан поручил Ристичу составить кабинет, последний предложил королю подписать акт со следующими условиями:

“1) Исправить существующие между Сербией и Россией отношения и приобрести благоволение Его Императорского Величества всероссийского императора. С этой целью уладить в возможно скором времени церковный вопрос и призвать на митрополичий престол высокопреосвященного Михаила.

2) Состоять в наилучших отношениях со всеми соседними державами и заключить торговые договоры с Турцией, Румынией и Болгарией.

3) Сократить... государственные расходы, распустить часть войска и чиновников и этим путем восстановить равновесие в государственном бюджете.

4) Созвать со временем Великую скупщину для изменения Устава..."⁴².

Король был вынужден подписать эти условия, однако с оговоркой, что возвращение митрополита будет отложено до конца августа.

По числу мест в новом правительстве либералы и радикалы были равны (4 на 4), но по значимости портфелей преимущество первых было очевидно. Й.Ристич стал премьер-министром и министром иностранных дел; его родственник Радивое Милойкович – министром внутренних дел. Радикалы же получили самые “трудные”: министерство финансов возглавил д-р М.Вуич; военное – полк. С.Груич. Кроме них в правительство вошли либерал А.Васильевич (министр просвещения), либерал Й.Авакумович (юстиции), радикал П.Велимирович (строительства) и Св.Милосавлевич (министр торговли и экономики).

Радость по поводу окончания правления напредняков выплеснулась на улицы. Она проявлялась в характерной для сербов эмоциональной форме – в виде демонстраций, собраний, факельных шествий. Повсюду слышались возгласы: “Да здравствует Россия!”, “Долой Австрию!”. В Белград прибывали делегации из других городов, чтобы поздравить новое правительство с приходом к власти⁴³. А ведь прошло всего семь лет с того момента, как в столице и провинции прославляли уход с политической сцены Сербии “грубого деспота” Ристича и начало напредняцкой “эры”! Но с их режимом так много было связано негативных моментов в жизни народа – разорение крестьян и ремесленников, крах компании Бонту и его финансовые последствия, рост налогов, усиление полицейского гнета, кровь тимокских повстанцев, Сливница, “дружба” с ненавистной Австро-Венгрией, что совершенно забывалось все то положительное, что было привнесено в политическую и экономическую жизнь страны напредняками, решившими немало внутри- и внешнеполитических задач.

Демонстрации и торжественные собрания сопровождалась гонениями на напредняков. Участились

убийства, особенно в селах, сторонников прежнего режима. В Белграде радикалами была устроена манифестация у дома М.Гарашанина, который в ответ на угрозы несколько раз выстрелил в толпу⁴⁴.

Приход к власти кабинета Ристича был признан весьма важным событием и для российской политики в Сербии. Министр иностранных дел России Н.К.Гирс приветствовал "знаменательный переворот... во внутренней жизни Сербии... имевший результатом полное торжество национальной партии"⁴⁵. Видимо, в Петербурге полагали, что следующим шагом станет отречение Милана от престола, тем более, что он неоднократно выражал это намерение. Во всяком случае, Гирс подчеркивал: "Сербия не может считаться вполне обеспеченной в будущем от возможности реакционных попыток со стороны Милана, пока за ним остается сербский престол, и новому министерству... не следует упускать случайности этой из виду. Только отречение короля от престола, могло бы послужить надежным ручательством решительного поворота к лучшему и такой результат был бы тем более желательным, что... настоящее положение дел как нельзя более благоприятствовало бы образованию регентства, расположенного действовать в духе национальной политики"⁴⁶. В заключение министр, видимо, с целью смягчения категоричности тона инструкций в отношении вопросов, являющихся внутренним делом Сербского государства, предостерегал Персиани от излишнего обострения отношений с королем Миланом, пока он еще не отрекся от престола, а кабинет Ристича – от открытой конфронтации с Австро-Венгрией, чтобы не вызвать ее вмешательства в сербские дела. "Сербия, – писал Гирс, – пережила длинный ряд переворотов, поколебавших все основы государственной жизни, посему всем истинным патриотам следует, отказавшись от сведения личных счетов, направить все свои усилия к достижению одной главной цели, к восстановлению согласия между правительством и народом

(подчеркивание автора документа. – С.Д.). К тому же сводятся и наши вождедения”⁴⁷.

От директора Азиатского департамента МИД И.А.Зиновьева Персиани также получил предписание “не обострять...натянутых наших отношений с Миланом... и не изменять началам, которыми мы руководствовались и которые побудили нас отрешиться от всяких личных предубеждений и ограничиться защитой одних национальных интересов Сербии”. В отношении Ристича как главы правительства высказывалось понимание его трудностей и поэтому признавалось, что “переход к новому порядку вещей” потребует от него “особой осторожности и сдержанности”⁴⁸.

В ноябре 1887 г. тот же И.А.Зиновьев писал Персиани в Белград, что “положение правительства Ристича... заслуживает нашего внимания, так как от его участи зависят в значительной мере судьба Сербии и наши к ней отношения”. По мнению директора Азиатского департамента, Милан опасается столкновения великих держав, и прежде всего России с Австро-Венгрией в связи с болгарским кризисом. Поэтому, на случай неудачи Вены, сербскому монарху нужен Ристич, который, благодаря своему авторитету и популярности в славянском мире, может совершить переориентирование политики при сохранении правящей династии. Зиновьев просил Персиани передать эти рассуждения Ристичу как доказательство “нашего к нему участия”⁴⁹.

Примечательно, что и общественное мнение России, совсем еще недавно испытывавшее апатию в отношении “сербских дел”⁵⁰, оживленно обсуждало сообщение о правительственной перемене в Сербии, тем более что глава нового сербского кабинета был известен не только как видный государственный и политический деятель, но и как сторонник укрепления дружественных российско-сербских связей, неоднократно бывавший в Москве и Петербурге. В столице была памятна недавняя речь Ристича на торжественном обеде 25 марта 1886 г. в честь

российского медицинского отряда, действовавшего в Сербии во время сербо-болгарской войны, в которой он отметил, что “дружба с Россией и на поле брани, и в мирное время всегда оказывалась для нас (сербов. – С.Д.) спасительной, всегда служила залогом будущности нашей”⁵¹.

Опережая изложение событий, признаем, что этого направления Ристич будет придерживаться до конца своих дней. Так, незадолго до кончины, в мае 1899 г. в ответ на приглашение принять участие в торжествах по случаю 100-летия со дня рождения А.С.Пушкина, он писал одному из своих друзей в Петербург: “Нам нужна Россия, наша давняя покровительница, наша союзница в войне; но и мы нужны России – и по своим непоколебимым братским чувствам и вследствие нашего географического положения”⁵².

В одной из своих публикаций орган либерального направления журнал “Вестник Европы” подчеркивал, что Й.Ристич “играл выдающуюся роль в истории Сербии”⁵³.

Наблюдалось единомыслие всех направлений общественной мысли. Консервативно-монархические круги видели в падении напредняцкого кабинета торжество “славянского самосознания”⁵⁴. А.А.Киреев высказывал идею активизации российской политики на Востоке: “Долго мы сидели у окна в Европу, пора подумать и о восточной двери”⁵⁵. Более умеренные славянофилы считали, что “...поворот в Сербии может иметь большое влияние на ход событий и, во всяком случае, благоприятствовать усилению ... русского влияния”⁵⁶. Либеральные органы печати отмечали, что “балканские дела развиваются естественным путем... в результате все вопросы политики решаются в интересах России”⁵⁷, а отставка напредняков – крупное поражение среднеевропейских государств⁵⁸.

Приход к власти коалиционного правительства возродил вопрос о соперничестве на Балканах России и Австро-Венгрии, оживленно обсуждавшийся на страницах печати в предшествующие годы. “Ристич считается противником Австрии и приверженцем России, –

отмечалось в “Иностранном обозрении” “Вестника Европы”, – в действительности он высказывался всегда против преобладающего влияния той или другой державы в сербских делах. Он стоит за самостоятельное развитие страны, за политику строго национальную, за расчетливость и бережливость в финансах, за соблюдение прав собственности и за возможное упрощение администрации”⁵⁹. Военным министром в правительстве Ристича стал Сава Груич, бывший сербский посланник в Петербурге, известный своими симпатиями к России. Казалось бы при таких обстоятельствах австрийскому влиянию в Сербии неминуемо придет конец. Однако журнал высказывает довольно трезвый взгляд на ход событий: “Нам кажется, что сильно заблуждаются газеты, видящие в белградской министерской перемене... действительную перестановку соперничающих сил на Балканском полуострове”. Журнал резонно замечал: “К сожалению, влияние Австрии в Белграде основывается не только на чисто личных слабостях короля Милана и его “напредняков”, но и на весьма реальных обстоятельствах, от которых не освободится Сербия и при Ристиче”. “Пока австрийцы, – делал вывод автор “Иностранного обозрения”, – будут опираться на свое финансовое и промышленное господство над страню, до тех пор последняя не выйдет из сферы австрийского влияния. Вот почему нельзя не признать крайне преувеличенным то оптимистическое толкование, которое придается сербской правительственной перемене в некоторых наших газетах”⁶⁰. “Вестник Европы” справедливо подчеркивал, что “и сербские “австрофилы”, и сербские “русофилы” желают внутренней независимости страны. Но одни хотят достичь этой цели с помощью Австро-Венгрии, другие – с помощью России”⁶¹. И тем не менее, по мнению “Вестника Европы”, “при Ристиче Сербия во всяком случае не будет обнаруживать чрезмерной угодливости по отношению к Австрии, и является возможность восстановить некоторые старые связи между Сербским королевством и Россией. Эта благоприятная

перспектива... составляет уже, без сомнения, значительный выигрыш с точки зрения русских интересов”⁶².

Политическая атмосфера в Сербии в этот период усугубленная преследованиями представителей бывшей правящей партии, накалилась до предела. В результате столкновений было убито около 140 человек, уволено со службы 30 полицейских писарей, 10 срезских и 8 окружных начальников⁶³.

В повестке дня политической жизни вновь появился вопрос об отречении Милана от престола. Руководители австро-венгерской дипломатии и германский посланник Брай пытались удержать его от этого шага⁶⁴. Берлин был заинтересован в том, чтобы в Сербии сохранялись относительный мир и существующая династия. Германия не имела здесь прямых интересов, ее вполне устраивало, чтобы Сербия входила в австрийскую сферу влияния. Тем более отречение Милана не входило в планы Габсбургской монархии.

Кабинет Й.Ристича, следуя букве своего соглашения с королем, поставил перед монархом вопрос о проведении конституционной реформы. 18 июля 1887 г. состоялось заседание Совета министров под председательством Милана, на котором глава правительства заявил, что принятие новой конституции стало неотложной задачей сербской государственной жизни. По его мнению, реформа должна осуществляться в “духе умеренности”. По предложению Ристича для проведения подготовительной работы “из видных представителей всех существующих в стране политических направлений” была сформирована специальная комиссия в составе 16 человек под председательством министра юстиции Й.Авакумовича⁶⁵. В нее вошли: от либералов – Ст.Бошкович, член Государственного совета; Й.Авакумович, министр юстиции; М.Маркович – профессор Великой школы; Дж.Симич, бывший дипломатический представитель в Болгарии; от радикалов – К.Таушанович, П.Михайлович, М. Джорджевич и профессор Великой школы Г.Гершич; от напредняков –

Л.Кальевич, посланник в Афинах; М.Павлович, посланник в Риме; М.Миличевич, директор Народной библиотеки; Д.Радович, председатель Кассационного суда; были назначены королем – ген. Й.Белимаркович, К.Протич, председатель Государственного совета Дж.Ценич и двоюродный брат короля, посланник в Вене М.Бошчевич⁶⁶.

На заседании 18 июля Ристич отметил, что новая конституция должна открыть двери скупщины для интеллигенции, до сих пор лишенной этого права, ибо, согласно действующему закону о выборах, из числа возможных депутатов были исключены чиновники и адвокаты. В тот же день был избран Узкий комитет в составе: Г.Гершич, Дж.Симич и Д.Радович, которому было поручено составить проект конституции. Однако начатая работа затормозилась из-за межпартийного соперничества недавних союзников, хотя, как предположил Я.Проданович в своей книге, судя по дискуссии в конституционном комитете, какой-то проект был все же составлен, но его текст не обнаружен ни в одном архиве.

Объединившиеся с целью отстранения напредняков от управления страной либералы и радикалы очень скоро вступили на путь конфронтации. Их разногласия особенно явственно проявились при дележе мест в министерствах. Либералы, имевшие ключевые позиции в кабинете, передавали их своим приверженцам⁶⁷.

Персиани, следуя указаниям из Петербурга⁶⁸, старался убедить лидеров обеих партий в необходимости отказать от соперничества, которое, по его убеждению, может привести к падению их коалиционного правительства и укреплению авторитарного режима Милана⁶⁹. Н.К.Гирс писал Персиани, что “в союзе этих двух партий заключается наиболее действенное средство удерживать короля от крутых мер”⁷⁰. Безусловно, данная позиция российской дипломатии имела большое значение на этом этапе развития сербской государственности. Не жалея сил и не считаясь с временем, Персиани проводил неустанную работу по “замирению” партий. Он неоднократно

беседовал сначала с Ристичем, а затем с лидером радикальной партии в этот период К. Таушановичем и получил их согласие на сотрудничество. Однако в своей дальнейшей деятельности глава кабинета не сдержал данного обещания: “Он не желал разрыва с радикалами, но домогался создать либеральной партии преобладающее значение в скупшине”, – доносил Персиани в Петербург. Оценивая деятельность Ристича в этот период, министр иностранных дел России впоследствии писал: “Во время своего недавнего и кратковременного пребывания во главе правительства он не обнаружил ни дальновидности, ни самоотвержения...”⁷¹.

Слабость либерально-радикальной коалиции продемонстрировали выборы в скупшину в сентябре 1887 г. на которых “союзники” всеми средствами старались получить большинство именно для своей партии. Как и ожидалось, победу одержали радикалы. “Ристич, – писал в это время Персиани, – потерял свою самостоятельность и превращается в орудие короля”⁷². И далее: “Народ перестал доверять как либеральной, так и напредняцкой партиям, считая их слишком податливыми по отношению к королю, и он предпочитает им людей независимых и не останавливающихся даже перед страхом казни, как это радикалы доказали в Заечарском деле, когда нужно было пожертвовать собой ради народного дела”⁷³.

Осенью 1887 г. обострились российско-австрийские противоречия. В этих условиях Ристич не был подходящим главой правительства для Милана, тем более после того, как заявил ему, что если король желает проводить широкую национальную политику, имея в виду и присоединение Боснии и Герцеговины, он должен ориентироваться на Россию, а если хочет иметь небольшие приобретения, то ему следует искать дружбы с Австро-Венгрией⁷⁴.

Отставка Ристича в принципе была предreshена. Милан дал понять радикалам, что они могли бы составить однопартийное правительство. Воодушевленные

блестящей перспективой, радикалы усилили в прессе нападки на либералов, особенно на министра внутренних дел Р.Милойковича в связи с злоупотреблениями при проведении выборов. Они потребовали отстранения его от должности или расторжения соглашения 1886 г. Дни кабинета Ристича были сочтены – 17(29) декабря он ушел в отставку.

Анализируя события конца 1887 г., Персиани писал: “Ристич пал жертвой своего узкопартийного взгляда на внутреннюю политику. Он не желал разрыва с радикалами, но домогался создать либеральной партии преобладающее большинство в скупщине. Заметив это стремление, король поощрял его в этом и даже неоднократно предлагал ему распустить скупщину и составить министерство исключительно из либералов. Несмотря на то, что я его предупреждал, что король домогается лишь разрыва между партиями, чтобы ослабить свое правительство и тем самым сделаться полновластным, Ристич продолжал доверять королю и не остановился перед насилием, чтобы провести на дополнительных выборах своих кандидатов. Приемы, к которым он прибегнул, были действительно возмутительны. Так, например, в Зайчарском округе, который искони считался радикальным, где так недавно еще возникло восстание, жертвой которого пали радикалы, благодаря полицейскому давлению и подлогам, избраны были либералы”⁷⁵. В Петербурге достаточно спокойно было встречено сообщение Персиани об отставке кабинета Ристича и возможном приходе к власти “сербских патриотов” – радикалов. “Хуже от этого не будет”, – начертал на телеграмме из Белграда Александр III⁷⁶.

19(31) декабря 1887 г. впервые в истории Сербского государства было сформировано правительство во главе с представителем радикальной партии. Генерал Сава Груич совсем недавно был посланником в Петербурге; он пользовался авторитетом и доверием в высших сферах и был награжден двумя русскими орденами: в 1878 г. орденом Св. Станислава II степени со звездой и мечами в

качестве военного министра Сербии во время русско-турецкой войны, и в 1887 г. орденом Св. Станислава I степени как дипломатический представитель Сербии в России⁷⁷.

С.Груич недаром приобрел среди своих недругов прозвище “шелковый (свилени) радикал”. Он согласился на все условия короля, а именно: что министры будут из самых умеренных радикалов; что министерство иностранных дел возглавит не член их партии, а доверенное лицо короля Милана Др.Франасович; что портфель министра внутренних дел получит Св.Милосавлевич, единственный радикал, к которому король испытывал расположение⁷⁸. За эту “сговорчивость” Груич был произведен в генералы, а указом 22 декабря 1887 г. (3 января 1888 г.) была объявлена амнистия тем радикалам, которые еще находились в эмиграции (кроме Н.Пашича).

Накануне образования кабинета С.Груича, 18(30) декабря, королю была вручена программа его деятельности, составленная в депутатском клубе радикалов на основе тех договоренностей, которые были достигнуты между Миланом и представителями партии. Документ содержал пункты об изменении закона об общинах на принципах самоуправления, о расширении избирательных прав сербских граждан, об изменении в демократическом духе законов о печати, собраниях и союзах, а также закона о судьях в смысле усиления их самостоятельности и полного исключения влияния исполнительной власти на их деятельность.

Второй пункт программы, касавшийся финансовых вопросов, предусматривал заключение за границей займа для выплаты государственного долга, упорядочение финансов, уменьшение государственных расходов и т.д.

Третий пункт признавал неоспоримые права короля при определении внешнеполитического курса Сербии. Здесь же отмечалось, что кабинет будет стремиться в своей деятельности поддерживать одинаково хорошие отношения со всеми великими державами.

Четвертый пункт программы касался церковного и эмигрантского вопросов. Было принято условие короля, что кабинет и народная скупщина не будут заниматься проблемой церкви. Что касается второго вопроса, то высказывалось пожелание его скорейшего разрешения.

И, наконец, в пункте о конституционной реформе признавалась ее актуальность, а также содержалось обещание в скором времени приступить к ее осуществлению⁷⁹.

Сформировав правительство, радикалы столкнулись с рядом проблем. Внутри страны продолжалась ожесточенная межпартийная борьба. Разобщенность политических партий создавала Милану благоприятные условия для маневрирования и борьбы с негодными ему деятелями. Кабинет радикалов унаследовал расстроенную систему финансов и значительный государственный долг. Первый секретарь российской миссии М.А.Поджио писал, что “в 1887 г. ярко проявились несоразмерность платежных сил населения с требованиями бюджета, который был рассчитан на 46 млн. франков, тогда как поступило 35 млн. франков”. Государственный долг Сербии составлял 294 млн. франков⁸⁰. Правительство Груича пыталось изыскать средства для упорядочения финансов. Скупщине был предложен проект займа на 20 млн. франков. После его утверждения она была распущена. Новые выборы были назначены на 22 февраля (4 марта) 1888 г.

Внимательно следивший за развитием событий в Сербии Персиани предполагал, что кабинет С.Груича будет недолговечен⁸¹, но тем не менее он выступал за поддержку этого правительства, чтобы не допустить анархии в стране. Он считал радикалов более надежной для России партией, чем две остальные. Примечательны его слова, относящиеся к 1887 г.: “Будущность принадлежит этой (радикальной. – С.Д.) партии и с нею придется считаться. Хотя я знаю недоверие, которое питает к ней императорское министерство, и держусь, на основании инструкций, в стороне от радикалов, долгом совести

считаю уверить... что между ними можно насчитать более искренних приверженцев России, чем даже между либералами”⁸².

В этот период “освобождающаяся от крайних элементов” радикальная партия уже признается руководителями внешней политики России в качестве проводника “национального” внешнеполитического курса и опорой Петербурга в этом регионе. Позиция российских официальных кругов прекрасно прослеживается в дипломатических документах. В ноябре 1887 г. Н.К.Гирс писал: “...О сербской радикальной партии мы судим в принципе на основании программы... Руководствуясь программой этой, мы далеки от мысли приравнять радикалов к русским нигилистам или западным ультралибералам, так как из означенной программы исключены все насильственные и незаконные действия... Напротив того, программа эта заслуживает внимания в том отношении, что она обеспечивает церковные каноны от всяких нарушений и требует сохранения традиционных отношений Сербии к России. Мы не можем отказать в сочувствии этим пунктам программы и предубеждения наши относительно радикалов обуславливались исключительно доходившими до нас... слухами, что они намерены были воспользоваться вызванными болгарскими событиями замешательствами, чтобы совершить насильственный переворот в Сербии”. Далее в документе вновь была дана оценка несостоявшегося переворота, который готовили радикалы. По мнению министра, он “был бы совершенно несвоевременным и не преминул бы повлечь за собой весьма неблагоприятные для будущности сербов последствия”. И в заключение Гирс резюмировал позицию российской дипломатии: “Так как ... радикальная партия умножается и будущность принадлежит ей, то нам казалось бы полезным не отталкивать ее от себя и даже поддержать доверие к России в тех ее членах, которые остаются верными своей первоначальной программе. При этом... в сношениях с сербскими радикалами следует соблюдать известную

осторожность, дабы не дать правительству сколько-нибудь благовидного предлога упрекнуть нас в поощрении замыслов более беспокойных членов той же партии”⁸³.

Практически ту же позицию подтвердил глава Азиатского департамента И.А.Зиновьев в секретной депеше в Белград 30 ноября 1887 г.: “...Мы не считаем их (сербских радикалов. – С.Д.) подобием русских нигилистов. Их программа заслуживает внимания. Но мы не можем сочувствовать пунктам о перевороте, который совершенно несвоевременный”⁸⁴.

Выборы в скупщину в феврале 1888 г. принесли, как и ожидалось, победу радикалам, с чем демонстративно поздравил их Милан. А.И.Персиани обратил внимание С.Груича на такой резкий поворот монарха в сторону еще недавно опальной партии. В этом он усматривал намерение “коварного” Милана скомпрометировать радикалов в глазах народа”⁸⁵.

Дальнейшие события подтвердили справедливость прогнозов Персиани. Милану, стремившемуся к тому, чтобы деятельность кабинета радикалов ограничивалась лишь утверждением бюджета, не понравилась та законодательная деятельность, которую они развернули в скупщине. Представленные ими законопроекты об общинах и организации армии он расценил как подготовку к новому “бунту” и захвату власти. После отказа Милана их подписать 19 апреля (1 мая) 1888 г. правительство С.Груича ушло в отставку.

Радикалы вновь вернулись к планам переворота, поставив об этом в известность Персиани. Руководители внешней политики России находились в крайне затруднительном положении. С одной стороны, в Петербурге понимали, что радикалы выступают против короля, чья австрофильская политика привела Сербию на грань экономической и финансовой катастрофы, к ухудшению российско-сербских отношений. С другой стороны, развитие событий в сторону насильственного свержения Милана было чревато международными осложнениями, которых так

старательно избегала Россия уже почти десятилетие. И именно с этой точки зрения “внутренний переворот в Сербии” по-прежнему признавался “нежелательным”. Вместе с тем весной 1888 г., судя по дипломатической переписке между Петербургом и Белградом, произошла некоторая “подвижка” в позиции России. Так, в депеше Персиани 11 марта 1888 г. выражалось беспокойство в связи с “неподлежащим никакому сомнению замыслом Милана” – покончить с радикалами. В этих условиях признавалось неразумным “советовать сербским патриотам подчиняться произволу короля, который довел страну до ее настоящего плачевного состояния и может подготовить ей еще худшую участь”. В том случае, если переворот “назреет”, согласно заявлению министра иностранных дел Н.К.Гирса, Россия будет вынуждена оказать содействие “вождям сербской партии”, однако лишь в рамках “собственных интересов”, ибо “Россия как великая держава имеет свое призвание и ... не может дать себя отвлечь от своего пути совершающимися в государствах Балканского полуострова событиями, когда ее собственные интересы обязывают ее твердо держаться намеченной ею национальной политики”⁸⁶.

Внутриполитическое положение Сербии продолжало оставаться крайне нестабильным. По прихоти монарха на смену правительству С.Груича пришел кабинет Н.Христича, к чьим услугам, по словам секретаря русской миссии в Белграде В.Сергеева, “король всегда прибегает, когда является надобность в энергических, строгих и быстрых мероприятиях, направленных к подавлению взрывов народного негодования, усмирению и предупреждению беспорядков”⁸⁷. Именно это вызвало беспокойство в российских правящих кругах – в Петербурге очень хорошо помнили “полезную для отечества деятельность” Н.Христича накануне Тимоцкого восстания. Мнение руководителей российской дипломатии было единодушным – нынешний кабинет не может способствовать стабилизации сербской государственности.

В конце июня 1888 г. возвратился из отпуска А.И.Персиани. По приезде в Белград он нанес визиты королю, главе правительства, министру иностранных дел Ч.Миятовичу, экс-премьер-министрам Й.Ристичу и С.Груичу. Во время аудиенции во дворце Милан пытался убедить российского дипломата в том, что назначение “железного Николы”, как называли Христича его современники, продиктовано лишь стремлением сохранить порядок в стране. На эти уверения Персиани ответил, что он не опасается за мир и порядок в Сербии, пока глава нынешнего кабинета не начнет, как в 1883 г., “переполнять чашу терпения”.

Относительно поддержки действий радикалов, направленных против короля и его попыток усиления личного режима, позиция российской дипломатии вновь стала более осторожной. Если в марте Петербург не исключал, с некоторыми оговорками, оказания помощи радикалам в случае серьезной подготовки переворота, то летом 1888 г. Персиани в беседе с Груичем сообщил ему официальную точку зрения своего правительства, которая сводилась к следующему: “...В своей оппозиции радикалы должны быть осторожны, так как Россия не намерена поддерживать и поощрять революционное движение” (подчеркивание мое. – С.Д.)⁸⁸

Подведем итоги. Рассмотренный выше почти двухлетний период политической истории независимой Сербии был насыщен такими важнейшими событиями, как “возвращение в политику” видных радикалов, падение режима напредняков, соглашение либералов и радикалов и деятельность их кабинетов. Главная особенность заключалась в том, что в эти годы складывались предпосылки для проведения в стране конституционной реформы и прежде всего компромисс основных элементов сербской государственной системы (хотя и здесь не все шло гладко, по “накатанному пути”).

Вследствие ослабления королевской власти после поражения Сербии в войне с Болгарией Милан пытался

найти хоть какую-нибудь опору внутри страны, ибо понимал, что поддержка Вены не может обеспечить ему “спокойную жизнь” среди собственного народа. Отсюда его попытки пойти на “мировую” с радикалами. Однако последние в 1886 г. отказались сотрудничать с “кровавым режимом”, но заключили соглашение с либералами, сделав таким образом первый шаг к достижению власти “мирным путем”. Милан делает уступку за уступкой своим прежним оппонентам – либералам и радикалам, оставаясь, впрочем, по-прежнему ключевой фигурой общественно-политической жизни Сербского государства. Повидимому, в это время он уже окончательно решил на отречение и хотел таким образом сохранить престол за своим сыном.

В 1886-1888 гг. значительно возросла активность российской дипломатии в Сербии. Ее деятельность развивалась по нескольким направлениям.

Главное внимание обращалось на “замирение” либеральных и радикальных лидеров, ибо в их единстве выделась реальная сила, способная противостоять политике Милана и стабилизировать общественно-политическую ситуацию в стране. Особенно ярко эта сторона деятельности российских дипломатов проявилась накануне заключения соглашения 1886 г., а также в период правления коалиционного кабинета в 1887 г.

Немаловажное значение имело также и то, что российские дипломатические представители в Сербии взяли на себя посредническую миссию во время переговоров короля Милана с либералами накануне падения режима напредняков, что привело к созданию коалиционного кабинета Й.Ристича.

И, наконец, “сдерживающая” позиция в отношении радикальной эмиграции, вынашивавшей планы подготовки в Сербии восстания, в основе которой было стремление России к стабилизации общественно-политической жизни этой страны, играла положительную роль в развитии сербской государственности на данном этапе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Крестьяне - участници восстания - были помилованы 22 февраля 1885 г., в годовщину провозглашения Сербии королевством. Амнистию получили 655 чел. - См.: АВПРИ. Ф.ПА. 1885 г. Д.431. Л.55-56 (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 28 февраля 1885 г.).
- ² См.: *Против М.* Одломци из уставне и народне борбе у Србији. Београд, 1912. II. С.40-47.
- ³ Цит. по: *Шемякин А.Л.* Никола Пашич и Россия... С.136.
- ⁴ *Раденић А.* Указ.соч. С.872.
- ⁵ *Милошевић Р.* Указ.соч. С.239.
- ⁶ Програми и статуту српских политичких странака... С.156.
- ⁷ Там же. С.153-156.
- ⁸ *Милошевић Р.* Тимочка буна... С.242.
- ⁹ *Против Ст.* Одломци... С.64.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф.ПА. 1886 г. Д.434. Л.102-102об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 14 апреля 1886 г.).
- ¹¹ Там же. 1888 г. Д.439. Л.246об.-247.
- ¹² Там же. 1886 г. Д.434. Л.107-109об.
- ¹³ *Јовановић Сл.* Влада Милана... III. С.341.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф.ПА. 1886 г. Д.434. Л.137об.-138об.
- ¹⁵ Там же. 1887 г. Д.437. Л.80об.
- ¹⁶ Там же. Ф.Канцелария. 1886 г. Д.12. Л.156.
- ¹⁷ Вестник Европы. 1887. № 7. С.398.
- ¹⁸ Цит. по: *Раденић А.* Радикална странка... С.964.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф.ПА. 1886 г. Д.434. Л.205об.-207об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 10 сентября 1886 г.).
- ²⁰ Там же. Л.229-229об.
- ²¹ Там же. Л.233об.-234об.
- ²² *Рајсновић Н.* О раду радикалске опозиције, кнеза Петра Карађорђевића и књаза Николе против режима краља Милана у Србији 1883-1889 године//Историјски записи. Титоград, 1966. Год.19. Књ.23.
- ²³ Там же. С.80-82,83.
- ²⁴ АВПРИ. Ф.ПА. 1886 г. Д.434. Л.265-266.
- ²⁵ Там же. Л.267-267об.
- ²⁶ Там же. 1886 г. Д.435. Л.23 (Проект секретной телеграммы Н.К.Гирса - А.И.Персиани 13 ноября 1886 г.).
- ²⁷ Там же. 1886 г. Д.434. Л.205-207.
- ²⁸ Там же. Л.268-269.
- ²⁹ Там же. Л.270об.-271.
- ³⁰ Там же. Л.273-274об.

- ³¹ Там же. Л.275-276.
- ³² Там же. Л.275-278.
- ³³ Там же. Л.281-281об.
- ³⁴ Ламздорф В.Н. Дневник (1886-1890 гг.)... С.15.
- ³⁵ АВПРИ. Ф.ПА. 1886 г. Д.435. Л.26 (Секретная телеграмма Н.К.Гирса - А.И.Персиани 19 декабря 1886 г.).
- ³⁶ Там же. Л.27 (Секретная телеграмма Н.К.Гирса - К.Э.Агриропуло 20 декабря 1886 г.).
- ³⁷ Там же. Л.28 (Секретная телеграмма К.Э.Агриропуло - МИД 24 декабря 1886 г.).
- ³⁸ Причину такого отношения сам Пашич назвал впоследствии в своей "Политической исповеди": "Россия не могла и не хотела связывать свою политику с теми, кто пользовался насильственными методами"//*Моја политичка исповест...* С.146; См.также: *Шемякин А.Л. Никола Пашич и Россия...* С.134.
- ³⁹ АВПРИ. Ф.Генеральное консульство в Белграде. Д.70. Отчет за 1887 г. Л.34об.
- ⁴⁰ *Историја српског народа...* С.87.
- ⁴¹ АВПРИ. Ф.ПА. 1887 г. Д.437. Л.64об.-65.
- ⁴² Там же. Л.69об.-70.
- ⁴³ *Историја српског народа...* С.88.
- ⁴⁴ *Јовановић-Стојимировић М. Силуете...* Књ. 2. С.40.
- ⁴⁵ АВПРИ. Ф.Миссия в Белграде. 1887 г. Д.78. Л.1 (Н.К.Гирс - А.И.Персиани 17 июня 1887 г.).
- ⁴⁶ Там же. Л.1об.-3.
- ⁴⁷ Там же. Л.4об.-5.
- ⁴⁸ Там же. Ф.ПА. 1887 г. Д.437. Л.229-231.
- ⁴⁹ Там же. Л.234-236.
- ⁵⁰ "Всем очень уж надоела противная, беспринципная и бестолковая канитель на Балканах...", - заявлял публицист С.Н.Южаков (*Северный вестник*. 1887. № 2. С.122). А М.Н.Катков писал: "В России не интересуются вопросом, кому из своих лжесоветников Милан предоставит тот или иной портфель" (*Московские ведомости*. 1887, 4(16) мая).
- ⁵¹ АВПРИ. Ф.ПА. 1886 г. Д.434. Л.87об.-88.
- ⁵² Цит.по: *Живановић Ж. Политичка историја Србије у другој половини деветнаестог века*. Књ.2. С.176.
- ⁵³ *Вестник Европы*. 1887. № 7. С.400. Приветствовали приход Ристича к власти и другие издания - см.: *Русский вестник* (1887. № 6. Раздел "Современная летопись". Ш. Сербские дела. С.972); *Московские ведомости* (1887, 6 июня) и *Русская мысль* (1887, № 6.

С.120), которая признавала, что перемены в Сербии могут иметь "очень большое влияние на дальнейший ход событий".

⁵⁴ Московские ведомости. 1887. 24 мая (4 июня).

⁵⁵ ОР РГБ. Ф.126. К.3. Д.11. Л.1 (Дневник А.А.Кирсева. Запись 3 июня 1887 г.).

⁵⁶ Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества. 1887, № 7-8. С.399-400.

⁵⁷ Русская мысль. 1887. Кн.10. С.918-919.

⁵⁸ Северный вестник. 1887. № 8. С.131.

⁵⁹ Вестник Европы. 1887. № 7. С.399.

⁶⁰ Там же. С.402.

⁶¹ Там же. № 11. С.417-418.

⁶² Там же. № 7. С.403.

⁶³ *Јовановић Сл.* Влада Милана...III. С.391-401.

⁶⁴ *Јакшић Гр.* Из новије српске историје... С.163-167.

⁶⁵ *Продановић Ј.* Уставни развитак и уставне борбе... С.280.

⁶⁶ АВПРИ. Ф.ПА. 1887 г. Д.437. Л.115-116 (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 26 июля 1887 г.).

⁶⁷ *Стојичић Сл.* Указ.соч. С.228.

⁶⁸ 6-м ноября 1887 г. помечены инструкции Гирса Персиани о необходимости "поддержания согласия между либеральной и радикальной партиями для упрочения настоящего кабинета" (АВПРИ. Ф.ПА. 1887 г. Д.437. Л.180-180об.).

⁶⁹ Там же. Л.110-110об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 26 июля 1887 г.)

⁷⁰ Там же. Ф.Миссия в Белграде. 1887 г. Д.78. Л.30 (Н.К.Гирс - А.И.Персиани 6 ноября 1887 г.).

⁷¹ Там же. 1888 г. Д.79. Л.8об. (Н.К.Гирс - А.И.Персиани 11 марта 1888 г.).

⁷² Там же. Ф.ПА. 1887 г. Д.437. Л.167.

⁷³ Цит. по: *Шемякин А.Л.* Никола Пашич и Россия... С.135.

⁷⁴ *Историја српског народа...* С.89.

⁷⁵ АВПРИ. Ф.ПА. 1887 г. Д.437. Л.183-184 (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 29 декабря 1887 г.).

⁷⁶ Там же. Ф.Канцелярия. 1887 г. Д.10. Л.74.

⁷⁷ Там же. Ф.Славянский стол. Д.8848. Л.6.

⁷⁸ Другие портфели распределились следующим образом: военный министр - С.Груич, министр строительства - П.Велимирович, финансов - М.Вуич, хозяйства - Ст.Попович, юстиции - Г.Гершич (он же являлся зам.министра просвещения и церковных дел).

⁷⁹ Програми и статуту... С.161-164.

⁸⁰ АВПРИ. Ф.Славянский стол. Д.8897. Л.33-34 (Торговый отчет по Сербии, составленный ...М.А.Поджио).

⁸¹ 22 января 1888 г. Персиани писал в МИД: "... Я сомневаюсь в долговечности кабинета. По всем признакам король не питает к нему никакого доверия и терпит его лишь потому, что он нуждается в нем для проведения в скупщине бюджета на текущий год" (Там же. Ф.ПА. 1888 г. Д.439. Л.7об.-8).

⁸² Там же. 1887 г. Д.437. Л.167об.-168 (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 19 ноября 1887 г.).

⁸³ Там же. Ф.Миссия в Белграде. 1887 г. Д.78. Л.40об.-41об. (Н.К.Гирс - А.И.Персиани 30 ноября 1887 г.).

⁸⁴ Там же. Ф.ПА. 1887 г. Д.167. Л.253.

⁸⁵ Там же. 1888 г. Д.439. Л.22-24об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 29 февраля 1888 г.).

⁸⁶ Там же. Л.62-63.

⁸⁷ Там же. Л.127-127об. (В.Сергеев - Н.К.Гирсу 16 апреля 1888 г.).

⁸⁸ Там же. Л.165-169 (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 21 июня 1888 г.).

Конституция 1888 г.

Назначение Н.Христича главой кабинета и его шестимесячное правление лишь углубило политический кризис. Ситуация усугублялась грандиозным скандалом в связи с бракоразводным процессом Милана с королевой Натальей¹. В сложившейся обстановке королю ничего не оставалось как разрешить давно назревшую конституционную реформу.

Процесс подготовки нового Основного закона Сербского государства достаточно подробно описан как современниками событий, так и историками². В нем можно выделить несколько этапов.

а) Непосредственные приготовления к выработке проекта конституции.

Они начались после манифеста 16 октября 1888 г., содержащего обещание короля в скором времени даровать Сербии новую конституцию. Вслед за этим был издан указ о выборах и созыве Великой народной скупщины и сформирован Большой конституционный комитет в количестве 81 человека, являвшихся представителями всех трех партий³. Председателем комитета стал король, вице-председателями: Й.Ристич, М.Гарашанин и С.Груич, секретарями: П.Савич, Й.Джайя, А.Джорджевич, Дж.Ж. Джорджевич, М.Джорджевич-Призренац, Ж.Живанович, Ник.С.Йованович, Л.Ковачевич, др.М.Милованович, Р. Милошевич, Ст.Протич, Дж.Симич⁴.

В своих воспоминаниях член Главного комитета радикальной партии Р.Милошевич описал ту торжественную обстановку, в которой проходило первое заседание Большого конституционного комитета 22 октября 1888 г.⁵ Прежде всего собравшимися был решен вопрос - нужно ли выработать проект новой конституции или достаточно

переработать конституцию 1869 г. Большинство членов комитета выступило за первое предложение⁶. Затем был избран так называемый Узкий комитет из 12 человек, которому и предстояло выполнить эту нелегкую задачу. В комитет вошли три вице-председателя, а также либералы Р.Милойкович, Ст.Бошкович, Й.Авакумович, напредняки М.Куюнджич, М.Стоянович, М.Павлович, радикалы П.Велимирович, Р.Попович, М.Джорджевич. Секретарями были избраны Ж.Живанович, Дж.Симич и М.Милованович⁷.

б) Важным этапом конституционной деятельности партий явилась разработка проекта конституции. Он включал подготовку проекта в Узком комитете, обсуждение его в Большом конституционном комитете, достижение соглашения радикалов и либералов по некоторым спорным вопросам, принятие и подписание проекта конституции.

В основу проекта нового Основного закона Сербии была положена бельгийская конституция 1831 г.

На заседаниях Узкого комитета, продолжавшихся с 24 октября по 14 ноября, был обсужден ряд вопросов, прежде всего о сербской скупшине, конституционных правах граждан, о выборах, Государственном совете, административном делении страны и пр.

В вопросах о правах скупщины не было спорных моментов. Основная дискуссия развернулась, когда рассматривались структура и состав народного представительства и процедура выборов депутатов. Мнения членов Узкого комитета разделились прежде всего при обсуждении структуры парламента. Все радикалы, а также М.Гарашанин, Й.Авакумович и Ст.Рибарац высказались за однопалатную, а напредняки и Ст.Бошкович за двухпалатную скупшину. Король Милан поддержал первых⁸.

Оживленно обсуждался и состав парламента. Ристич предложил, во-первых, ввести возрастной ценз – не моложе 40 лет, а также образовательный – половина депутатов должна иметь высшее образование. Против этого

предложения выступили радикалы и Гарашанин. В результате дискуссии было решено ввести институт так называемых “квалифицированных” депутатов (с высшим образованием) и избирать их в количестве 30 человек.

Детальному рассмотрению подвергся механизм голосования. Все члены комитета, кроме Куянджича, одобрили прямые выборы. После обсуждения было решено включить в проект конституции положение о возрастном и имущественном цензе для избирателей. Голосование должно было быть тайным⁹.

Одним из важнейших являлся и вопрос об административном делении страны. Радикалы, кроме С.Груича, предлагавшего разделить страну на 10 жупаний и 55 срезов, требовали отменить округа и оставить лишь 32 среза и общины в качестве административных единиц. Напредняки высказались за деление страны на 6 больших областей, которые в свою очередь делились бы на округа и срезы. Либералы выступали за создание 21 округа. Милан поддержал напредняков¹⁰.

Во время дискуссии в Узком комитете король высказался за то, чтобы предоставить определенные права при разработке законопроектов Государственному совету, который должен был их рассматривать до обсуждения в скупщине. Состав совета, по мнению Милана, должен был формироваться следующим образом: часть кандидатов предлагает парламент, из которых король выбирает половину, вторую часть предлагает король, половину из которых избирают депутаты. Так и было принято в комитете¹¹.

30 октября 1888 г. в Крагуеваце открылся съезд либеральной партии, призванный обсудить вопрос о конституционной реформе в Сербии. Выступивший перед соратниками Ристич отметил, что новая конституция, основанная на “вечных принципах истины и правды... порядка и свободы”, призвана стать делом компромисса между всеми сербскими партиями. Были подтверждены положения новой программы либералов (1888 г.) о том, что

“лучшими друзьями Сербии и сербского народа являются те государства и народы, чьи политические и экономические интересы не находятся в противоречии... с интересами восточных народов”. В этой связи признавалось необходимым “снискать и сохранять симпатии всех великих и просвещенных народов и никогда не забывать дружбу и помощь, которые уже отмечены на страницах новой сербской истории”¹².

В этот знаменательный период сербской истории вновь произошло сближение либералов с радикалами, чему в немалой степени способствовала позиция А.И.Персиани, придававшего большое значение конституционной реформе в Сербии. Встречаясь с лидерами партий, он пытался убедить их отказаться от межпартийной борьбы¹³, а также неоднократно советовал радикалам придать своим конституционным требованиям более умеренный характер¹⁴. Министр иностранных дел России Н.К.Гирс одобрил его переговоры с Ристичем и лидерами радикальной партии¹⁵.

Позиция, занятая в этот период российской дипломатией, направленная на “утишение” партийных страстей и политических амбиций лидеров партий, имела большое значение. “Мы не упускали случая внушить вожакам народных партий, что для правого их дела им надо воздерживаться, насколько возможно, от смут, могущих привести к внешним осложнениям”¹⁶, – отмечалось в отчете российского дипломатического ведомства. О важности этой точки зрения как основополагающего принципа внешней политики свидетельствовало ее включение в Политический отчет министра за 1888 г.¹⁷

24 ноября 1888 г. проект конституции поступил на обсуждение Большого конституционного комитета. Дискуссия продолжалась 15 дней, т.е. вся подготовительная работа над проектом продолжалась 50 дней.

Основная полемика развернулась вокруг вопросов о составе скупщины, о запрещении смертной казни за политические преступления и порядке голосования.

Официальной стенограммы на заседаниях комитета не велось, однако секретарь Р.Милошевич сделал записи основных выступлений, благодаря чему в распоряжении исследователей имеется теперь этот ценный материал.

После вступительной речи короля Милана и выступлений вице-председателей комитета секретарь М.Милованович приступил к постатейному чтению проекта новой конституции. Первые 11 статей были приняты без каких-либо серьезных оговорок, но по ст.12 – о смертной казни за политические преступления – разгорелась ожесточенная дискуссия. Против ее введения выступили крестьянский депутат Д.Катич, С.Несторович и Г.Гершич¹⁸. При воцарившейся в зале тишине слово взял П.Тодорович. Он заявил, что с принципиальной точки зрения он против смертной казни, но с “сербской” – за. Он разделил революционеров на две группы: истинных, которые не боятся погибнуть за свои идеалы, как, например, русские, и на “пройдох”, которые поднимают народ на бунт, а затем отходят в сторону. Первые, демагогически заметил он, не нуждаются в помиловании, они сами хотят умереть, не желая видеть поражения своего дела, а вторые недостойны снисхождения¹⁹. Тодоровича поддержал король Милан, который когда-то не мог спокойно слышать имени “пламенного борца Перы”. Он заявил, что неразумно отменять смертную казнь в Сербии, где существует такая ожесточенная борьба между партиями и политические страсти накалены до предела²⁰.

Ключевым вопросом дискуссии стал вопрос о парламенте. Напредняки в лице бывшего министра юстиции в правительстве М.Гарашанина Д.Павловича настаивали на введении двухпалатной системы: нижней палаты (скупщины) и верхней (сената)²¹. Им возражали радикалы, от имени которых выступил видный юрист Г.Гершич. Он утверждал, что сербским традициям чужда идея двухпалатного парламента, а его введение встретит в народе решительный отпор. Гершич также отметил, что нельзя ссылаться на существующую практику двухпалатной

системы в других странах, ибо она возникла не потому, что полезна, но оттого, что аристократия, бывшая там немногочисленной, хотела узаконить свои права. Верхняя палата имела своей задачей защищать дворянство. В Сербии же, продолжал Гершич, сословий нет, поэтому и нет надобности в создании верхней палаты, которое нежелательно еще и потому, что неизбежно вызовет столкновения скупщины и сената и, в конечном счете, повредит законодательной деятельности²².

Депутат Р.Тайсич, также выступавший против двухпалатного парламента, заявил, что верхняя палата – не что иное, как институт “правительственных” депутатов, только в худшем его издании²³.

В результате дискуссии было принято предложение об однопалатном парламенте в виде обычной и Великой народной скупщины²⁴.

Противоречивые мнения высказывались также по предложениям о порядке голосования. Против тайной подачи голосов, как предлагалось в проекте, с эмоциональной речью выступил священник-радикал Д.Анджелкович, заявивший, что это ослабляет мораль избирателей, в то время как открытое голосование закаляет “политический характер народа”. Кроме того, в первом случае возможны злоупотребления²⁵. Д.Анджелковича поддержал Р.Тайсич²⁶. Все другие ораторы высказались за тайное голосование²⁷.

Остальные статьи проекта конституции были приняты довольно быстро и без особых затруднений. Так продолжалось вплоть до 14-го заседания (8 декабря), на котором радикалы выдвинули новые предложения, прежде всего о расширении прав общинного самоуправления, а также о снижении избирательного ценза до 15 динаров (против 30 дин.) с отменой его для членов задруг. Кроме того, смертная казнь за политические преступления, по мнению радикалов, должна применяться лишь по отношению к тем, кто совершает покушение на короля или членов королевского дома.

Напредняки выступили против этих предложений радикалов, но последних поддержали либералы, что обеспечило принятие окончательного проекта конституции. Завершая дискуссию в Большом конституционном комитете, король Милан, принимавший самое активное участие в подготовительной работе, заявил, что считает выработанную конституцию результатом компромисса между политическими партиями Сербии. Поэтому Великая народная скупщина должна принять ее целиком, "от корки до корки", не внося никаких изменений: король опасался, что радикалы, имевшие преобладающее большинство в скупщине, путем внесения новых предложений, могут превратить выработанный проект в радикальный²⁸. 10 декабря состоялось подписание проекта нового Основного закона Сербского государства членами конституционного комитета²⁹.

Таким образом, радикалы оказали на работу комитета заметное влияние. Под их давлением первоначальный проект по некоторым статьям был значительно изменен, что стало возможным в результате их соглашения с либералами.

в) Принятие конституции

Выборы в Великую народную скупщину состоялись 20 ноября (2 декабря) 1888 г. и дали следующие результаты: было избрано 500 радикалов, около 100 либералов и ни одного напредняка.

20 декабря 1888 г. (1 января 1889 г.) проект конституции был вынесен на рассмотрение Великой народной скупщины, которая играла роль Учредительного собрания. С целью его детального рассмотрения был создан специальный скупщинский комитет в составе 54 человек. Он разделился на большинство и меньшинство, подготовившие по этому вопросу два доклада³⁰. В докладе большинства подробно анализировался текст конституции и отмечались его преимущества по сравнению с конституцией 1869 г. В докладе меньшинства (его подписало 10 человек) отмечалось, что хотя конституция 1888 г.

является более прогрессивной по сравнению с предыдущей, но и она не лишена недостатков, а именно: ряд статей сформулирован довольно расплывчато, по-прежнему иллюзорна ответственность министров перед парламентом и др. Особое внимание в этом докладе уделялось экономическому аспекту, так как его авторами являлись члены крестьянской группы в скупщине. По их мнению, новая конституция не учитывала, что 9/10 населения Сербии составляют крестьяне и ремесленники, которые хотели бы в ней видеть отражение своих настоящих интересов. Меньшинство предложило также включить в раздел о государственной власти положение, входившее в конституционный проект радикальной партии 1883 г.: “Народ есть источник власти”, а также статью о ликвидации оплота консерваторов – Государственного совета. В докладе был подвергнут критике и предложенный проект избирательной системы, содержалось требование об отмене ценза и института так называемых “квалифицированных” депутатов³¹.

Находившийся в эти дни в состоянии крайнего нервного возбуждения король Милан был вне себя от ярости, когда ознакомился с докладом скупщинского меньшинства. По свидетельству Р.Тайсича, одного из главных авторов этого документа, король, забыв о своем сане, кричал “на весь Белград”, что не позволит изменить или дополнить текст Основного закона. Он заявил, по словам Тайсича, что за ним, Миланом, цвет сербской интеллигенции, а что народ ничего не сто́ит³².

Опасаясь каких-нибудь акций со стороны радикалов-экстремистов и массовых беспорядков в дни работы Великой народной скупщины, власти вызвали из провинции в столицу специальный батальон, который с тех пор в народе прозвали “уставотворним” (учредительным)³³.

Обсуждение проекта конституции продолжалось в скупщине всего один день. Белградским радикалам пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить депутатов из народа голосовать за выработанный проект без

серьезной критики и внесения дополнений – таково было требование короля Милана. Депутаты в основном одобрили новую конституцию. Р.Тайсич от имени меньшинства заявил, что он и его группа выступают не против конституционных принципов и парламентаризма, а лишь за включение в конституцию дополнительно некоторых положений³⁴. Ряд депутатов не внял увещаниям руководства радикальной партии и осудил выработанный проект. Так, С.Милошевич заявил, что сербский народ ждет совсем другую конституцию и что ему как депутату придется в качестве “рождественского подарка” своим избирателям принести лишь известие об автокефальности сербской церкви³⁵.

Результаты голосования были следующие: за конституцию голосовало 498 депутатов, против – 75, три – воздержались и 15 депутатов на заседании отсутствовали³⁶. На следующий день, 22 декабря 1888 г. (3 января 1889 г.) король Милан закрыл Великую народную скупщину. Новую сербскую конституцию подписали все депутаты, кроме Р.Тайсича и Д.Катича.

Что же представлял собой новый Основной закон Сербского государства?

Значительная часть его положений была посвящена правам и компетенции парламента. Согласно конституции он функционировал в двух видах: обычной народной скупщины и Великой народной скупщины. Последняя созывалась для решения вопросов, связанных с престолонаследием, внесением изменений и поправок в Основной закон, территориальными изменениями, а также по другим поводам, которые требовали издания особого указа монарха (ст.130, 131).

Новая конституция наделяла большими прерогативами постоянно действующую народную скупщину. Ранее законодательной инициативой обладал только князь; отныне же предложения о законопроектах могли исходить как от монарха, так и от самой скупщины (ст.34). Без ее согласия не могли вноситься изменения в

законодательство; расширились права парламента в финансовой области, устанавливался контроль над исполнением государственного бюджета.

Правительство должно было отчетываться о своей деятельности перед скупщиной (ст.136, 137).

Таким образом, если по конституционному проекту радикальной партии 1883 г. право законодательной инициативы принадлежало только скупщине, то согласно конституции оно делилось между парламентом и королем. И это была самая главная уступка, сделанная радикалами монарху в борьбе за демократическую конституцию.

Согласно конституции 1888 г., депутатов в парламент Сербии избирали на основе прямых выборов не только в городах, но и в срезях; открытое голосование заменялось тайным.

Право голоса получали граждане мужского пола, достигшие 21 года и платившие не менее 15 дин. прямого налога в год (ст.85), а депутатом мог быть избран тот, кто платил не менее 30 дин. (ст.96). В каждом округе должны были избираться по два так наз. "квалифицированных" депутата, имевших университетское или высшее специальное образование (ст.100). Таким образом, был открыт доступ в скупщину цвету сербской интеллигенции, ранее лишенной этого права.

В округах наряду с органами государственной власти предусматривалось создание местного самоуправления (ст.161); вместе с тем статьи о самоуправлении среза, за которое в начале 80-х годов выступали радикалы, отсутствовали.

Особое внимание обращалось на политические свободы – конституция предоставляла свободу печати, собраний, союзов, свободного права на заключение договоров и подписание различного рода коммерческих и иных соглашений, что отвечало интересам как народных масс, так и национальной буржуазии.

Авторы “Истории сербского народа” совершенно справедливо отмечают, что несмотря на сохранение сильной авторитарной власти и бюрократических институтов, “Сербия получила одну из наиболее прогрессивных буржуазных конституций Европы того времени”³⁷.

На наш взгляд, конституцию 1888 г. можно оценить как компромисс общенационального характера. В Сербии фактически произошла “бескровная” революция, так как в результате проведения конституционной реформы имело место перераспределение роли главных элементов сербской государственной системы.

По конституции 1888 г. возросло значение народной скупщины: из законосовещательного органа она трансформировалась в парламент с решающим влиянием в законодательной деятельности.

Принятие новой конституции означало капитуляцию режима Обреновичей, хотя и на условиях короля. В ней был последовательно проведен принцип разделения властей, оговорен вес исполнительной власти, о чем и намека не было в конституции 1869 г. Если раньше милановский автократизм существовал и имел на это право, то конституция 1888 г. такого права его лишила. В связи с этим верной следует признать оценку новой конституции, данную одним из лидеров радикалов С. Груичем, назвавшим ее “бескровной победой народной воли над произволом короля”³⁸.

И, наконец, об одном различии ситуаций вокруг двух конституций. Если в 1869 г. в Сербии еще не было политических партий, то теперь они не только существовали, но и само принятие нового Основного закона стало возможным на основе достигнутого между ними компромисса.

Ученые, занимавшиеся изучением политической истории Сербского государства XIX в., единодушны в том, что конституцией 1888 г. был заложен фундамент сербской демократии. При этом большинство авторов подчеркивают, что ее принятие – победа радикальной партии.

ставшая возможной лишь благодаря ее компромиссу с другими партиями и королем.

Это был триумф радикалов. Находившийся пока еще в эмиграции Н.Пашич 30 января 1889 г. писал из Бухареста друзьям и единомышленникам в Белграде: “По моему мнению, Сербия после решения короля созвать Великую скупщину для изменения конституции вступила на новый путь, а с принятием новой конституции заложены основы... эры... парламентского развития... Все искренние сербские патриоты обрадовались этому шагу... и в нем увидели залог нового и счастливого будущего сербского народа”³⁹.

Позднее, в начале 20-х годов XX в., на одном из съездов радикалов отмечалось: “Свои принципы и программу народная радикальная партия осуществила с принятием конституции 1888 г. и претворением ее в жизнь в 1889 - 1892 гг., а затем в 1903 г.”⁴⁰

28 июля 1896 г., выступая на митинге в Белграде, П.Велимирович заявил: “Хотя изменение конституции произошло в 1888 г. не так, как это задумала радикальная партия, хотя в конституционном комитете были представлены и две другие политические партии, численно превосходившие радикалов, тем не менее мы приняли новую конституцию, считая ее значительно лучше прежней”⁴¹.

В свою очередь, Й.Ристич в письме к епископу Йосипу Штросмайеру от 30 марта 1889 г., сообщая о своем участии в подготовке конституции 1888 г. и признавая, что не все его взгляды и идеи нашли отражение в тексте нового Основного закона, тем не менее подчеркивал, что “прогресс огромный и неизмеримый. Остается только доказать, что мы до нее (конституции. – С.Д.) доросли, а это только время покажет”⁴².

Однако, как показали последующие события политической истории Сербии, лидеры партий несколько преувеличивали значение своей победы – ведь конституция и законы “работают” лишь тогда, когда их исполняют – в противном случае они остаются только на бумаге.

Парламентаризм в Сербии с трудом пробивал себе дорогу. Нельзя также не принимать во внимание позицию короля Милана и его отношение к конституции 1888 г. и к партии радикалов, влиятельной политической силе Сербии рассматриваемого периода. На этом этапе развития сербской государственности отчетливо проявилось, хотя и в иной форме, прежнее противостояние короля и радикалов, столь характерное для начала 80-х годов. Милан в критической ситуации допустил их к власти, но при этом предпринял ряд мер по ограничению парламентаризма в Сербии, так как полное удовлетворение требований радикалов, привело бы, по его убеждению, к преобладанию в течение долгих лет радикализма. Отсюда оттягивание созыва Великой народной скупщины, работа над проектом конституции в двух комитетах – Большом и Узком, допущение к участию в конституционной реформе представителей соперничающих между собой партий. После закрытия Великой народной скупщины Милан доверительно заявил своему близкому другу ген. Драгутину Франасовичу: “Все дрались, кричали и требовали конституционную реформу. Поэтому я и принял новую конституцию. Я хотел довести этот вопрос до абсурда и таким образом доказать, что она не годится для Сербии”⁴³. Факты свидетельствуют, что отношение короля к радикалам не изменилось. Он попрежнему видел в них главную опасность для режима Обреновичей. Для него радикалы были и остались “сборищем” антидинастически настроенных “бунтовщиков”. Именно Милану принадлежат слова: “Радикалы в Сербии – никакая не политическая партия, борющаяся за определенные принципы и претворение их в государственные институты, это антидинастическая партия, постоянно действующая с целью устранения нашей династии”. А будущий король Александр получал от своего отца такие наставления: радикалы – “главные враги Обреновичей и их нужно как можно скорее разбить и уничтожить”. По указанию Милана была создана специальная тайная служба во главе с маршалом двора

М.Рашичем, в задачу которой входила слежка за деятельностью лидеров радикальной партии⁴⁴.

* * *

Такое важное событие в истории Сербии последней четверти XIX в. как принятие новой конституции вызвало одобрение в России. Официальные круги видели в ней выражение требований “политических сил общества”, залог упрочения сербской государственности, считали ее важным, стабилизирующим общественную жизнь фактором. В политическом отчете МИД за 1888 г. говорилось: “Пересмотр Устава представлял собой за последнее время единственный вопрос, на котором сходились взгляды и стремления всех партий. Поэтому неудивительно, что известие это было встречено с искренней радостью всеми выдающимися деятелями без различия оттенка...” В этом документе в сжатой форме излагался ход конституционной реформы и содержание новой сербской конституции, отмечалось, что “означенные результаты нельзя не признать весьма существенными для Сербии с точки зрения необходимости для короля, при новом порядке вещей, согласовать свои действия с волей народа”⁴⁵.

Российское общество, лишенное собственной конституции, в целом также с одобрением отнеслось к важной перемене в сербской политической жизни, хотя некоторые деятели и высказывали сомнения в целесообразности перенесения “конституционных начал на славянскую почву”. Органы периодической печати подробно информировали читателей о ходе реформы. Так, газета “Русские ведомости” (25 ноября, 19 декабря 1888 г.) изложила основное содержание новой конституции, обратив внимание на те пункты, по которым король сделал уступки радикалам.

Однако не всеми авторами статей владела эйфория по поводу конституционных перемен в Сербии. Так, корреспондент “Московских ведомостей” И.Добровольский,

подписавший свой материал “За кулисами Великой скупщины” (4 января 1889 г.) псевдонимом “С”, подчеркивал, что парламент и представители партий фактически пошли на поводу у короля Милана, который “справедливо может поздравить себя с победой - его цель совершенно и вполне достигнута: брошенная сербским политикам игрушка принята ими с восторгом”⁴⁶. В “Вестнике Европы” была опубликована статья (автор скрылся за инициалами В.Д.) “Новая сербская конституция”. Сравнивая конституции 1869 и 1888 гг., автор статьи писал: “Громадное значение получают в новой конституции уставные (конституционные. С.Д.) права сербских граждан - им посвящена целая глава 1-я Устава”. Выделяя то новое, что характеризовало конституцию 1888 г., он отмечал: “Наиболее крупное изменение предположено в системе выборов в народные представители... Новый устав отменяет представителей по назначению короля и вводит выборы непосредственные закрытой подачей голосов, по расчету одного представителя на 4500 человек, имеющих избирательное право, то есть сербов мужского пола совершеннолетних (21 года) и платящих не менее 15 динаров (франков) прямых податей”. Обращаясь к конституционным статьям о местном самоуправлении, автор “Вестника Европы” подчеркивал, что “наиболее смелые изменения предположены, но только в самых общих чертах, - в местных учреждениях. Сербия делилась и прежде на округа, округа - на срезы, а срезы... на общины. В округе и срезе господствовал до сих пор бюрократический порядок, и только общины представляли самоуправляющиеся думы или земские собрания, с кметом, соответствующим французскому мэру, но более самовластным, во главе. По новому Уставу в каждом округе должна быть заведена окружная скупщина, избирающая из среды своей постоянный окружной отбор, то есть по-нашему управу”. Подводя итоги и в целом положительно оценивая конституцию 1888 г., автор статьи не без основания

подчеркивал, что “между подписанием и претворением (конституции. – С.Д.) лежит чуть ли не целая бездна”⁴⁷.

Характеризуя новую сербскую конституцию, обозреватель “Русской мысли” отмечал: “Сербский народ и народное представительство получили... обширные права... Если не помешают какие-либо несчастные случайности, то перед Сербией открывается теперь счастливая будущность”⁴⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 12(24) октября 1888 г. сербский митрополит Теодосий подписал акт о разводе королевской четы без консультаций и согласия архиерейского собора. “Для того, чтобы сгладить впечатление от этого дурного поступка, - писала в своих “Мемуарах” королева Наталья, - король Милаш созвал народ для того, чтобы дать Сербии новую конституцию, столь долго желаемую и ожидаемую” (*Mémoires de Nathalie, Reine de Serbie. Paris, 1891.S.11*).

² *Живановић Ж.* Петдесет сјајних дана//Српска независност. 1888. 13 дек.; *Милошевић Р.* Тимочка буна...; *Новаковић Ст.* Двадесет година уставне политике у Србији...; *Поповић М.* Порекло и постанак Устава од 1888. године. Београд, 1939; *Продановић Ј.* Уставни развитак...; *Јанковић Др.* Историја државе и права Србије у XIX веку. Београд, 1955. Друго изд.; *Стојичић Сл.* Уставни развитак... и др.

³ В составе комитета было всего три крестьянских депутата - Р.Тайсич, Д.Катич и депутат Молерович из Врачевича.

⁴ *Поповић М.* Порекло и постанак Устава од 1888. године... С.84.

⁵ *Милошевић Р.* Указ.соч. С.251-252.

⁶ *Поповић М.* Указ.соч. С.84.

⁷ *Продановић Ј.* Указ.соч. С.283.

⁸ *Продановић Ј.* Указ.соч. С.284; *Поповић М.* Указ.соч. С.97.

⁹ *Продановић Ј.* Указ.соч. С.284-285.

¹⁰ *Поповић М.* Указ.соч. С.132-133.

¹¹ Там же. С.97.

¹² *Живановић Ж.* Политичка историја Србије у другој половини деветнаестог века. Књ.2. С.378-379; Програми и статуту... С.167.

¹³ 26 октября 1888 г. Персиани писал в Петербург: “...Полного, искреннего и долговременного примирения я не вижу, но есть возможность соглашения на почве пересмотра конституции” (АВПРИ. Ф.ПА. 1888 г.Д.439. Л.246).

¹⁴ Там же. Л.246об.-247.

- ¹⁵ Там же. 1888 г. Д.442. Л.95 (Н.К.Гирс - А.И.Персиани 4 октября 1888 г.).
- ¹⁶ Там же. Ф.Отчеты. 1888 г. Л.13об.
- ¹⁷ ГА РФ. Ф.568 (В.Н.Ламздорф). Оп.1. Д.55. Л.114.
- ¹⁸ Милошевић Р. Указ.соч. С.254; Продановић Ј. Указ.соч. С.287.
- ¹⁹ Продановић Ј. Указ.соч. С.287.
- ²⁰ Милошевић Р. Указ.соч. С.261.
- ²¹ Продановић Ј. Указ.соч. С.289.
- ²² Милошевић Р. Указ.соч. С.268-270.
- ²³ Там же. С.273.
- ²⁴ Там же. С.274,278,293. За двухпалатный парламент подали голоса Дж.Павлович, Ст.Попович, М.Шапчанин, Н.Джорджевич и Й.Крсманович, все остальные проголосовали за однопалатную систему.
- ²⁵ Там же. С.278.
- ²⁶ Там же. С.280-281.
- ²⁷ Там же. С.279-282; Поповић М. Указ.соч. С.103-104.
- ²⁸ Милошевић Р. Указ.соч. С.287.
- ²⁹ Депутаты радикалы Д.Катич и Р.Тайсич отказались поставить свою подпись под проектом выработанной конституции (Там же. С.290-291).
- ³⁰ Борђевић М. Преглед развика политичких и правних установа Србије од краја XVIII до почетка XX века. Ниш, 1977. Прва књига. С.122-124.
- ³¹ Там же. С.124; Поповић М. Указ.соч. С.147-148.
- ³² Тодоровић Др. Народни трибун Ранко Тајсић. Београд, 1983. С.217.
- ³³ Там же. С.219.
- ³⁴ Борђевић М. Указ.соч. С.125-126.
- ³⁵ Јанковић Др. Историја државе и праве... С.144.
- ³⁶ Поповић М. Указ.соч. С.152. В "Истории сербского народа" (с.92) со ссылкой на Ж.Живановича (Политичка историја... Књ.2. С.389) даются другие цифры: за - 494, против - 73, воздержались - 3, отсутствовали - 14.
- ³⁷ Историја српског народа... С.92.
- ³⁸ АВПРИ. Ф.ПА. 1888 г. Д.439. Л.284об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 20 декабря 1888 г.).
- ³⁹ Цит. по: Раденић А. Радикална странка... С.989.
- ⁴⁰ Закључци и резолуције радикалних земаљских конференција у 1920. и 1921. Београд, 1923. С.2.
- ⁴¹ Цит. по: Протић М.Ст. Радикали у Србији... С.99.
- ⁴² Цит. по: Живановић Ж. Политичка историја... Књ.2. С.402.
- ⁴³ Цит. по: Новаковић Ст. Двадесет година уставне политике... С.30.

⁴⁴ *Протин М.Ст. Указ.соч. С.84.*

⁴⁵ АВПРИ. Ф.Генеральное консульство в Белграде. 1888 г. Д.70.
Л.51об.

⁴⁶ Московские ведомости. 1889. 4 янв.

⁴⁷ Вестник Европы. 1889. № 2. С.875,876,879.

⁴⁸ Русская мысль. 1889. № 1. С.149.

Отречение Милана Обреновича. Радикалы у власти

После завершения работы Великой народной скупщины радикалы увидели реальную возможность прихода к власти “мирным путем”, опираясь на конституцию. Примечательно, что Н.Пашич в уже цитированном выше послании из Бухареста советовал своим друзьям отречься от него, если таково будет условие короля для вручения радикалам мандата на формирование правительства, если от этого “будет зависеть парламентское развитие Сербии”¹.

Соотношение сил в этот период действительно было в пользу радикалов. Они не имели соперников среди политических партий. Когда-то всемогущие благодаря поддержке монарха напредняки растеряли остатки популярности в обществе. Даже французский посланник в Белграде свидетельствовал об этом. “...Население, - писал он 28 мая 1889 г., - не любит напредняков и поддерживает в основном радикалов и либералов. Им не могут простить того, что они согласились быть орудием проавстрийской политики короля Милана”. И далее: “Напредняцкая партия, которая никогда не имела глубоких корней в народе и которую король создал для проведения своей личной политики, находится в состоянии полного распада”. Уже весной 1888 г. французский дипломат понимал, что с влиянием напредняков в Сербии покончено – наступает “эра радикалов”. В письме к министру иностранных дел Франции он размышлял по этому поводу: “Целое поколение сходит с исторической сцены: поколение мелких буржуа, честных, но ограниченных, которых можно назвать доктринерами. Они принесли из Европы несколько идей о

конституционности, но сохранили статичный дух Востока...”².

Напредняцкая и либеральная партии были больше похожи на политические клубы, чем на партии в современном смысле. Их сила заключалась или в авторитете короля, или в интеллектуальных способностях и политическом опыте их лидеров. Радикалы же все усилия направляли на то, чтобы расширить свои идеи среди сербских крестьян и ремесленников. Их стратегия основывалась на вовлечении широких народных масс в политическую жизнь, чтобы сделать их строителями собственного государства. Именно в этом была их сила, что наглядно демонстрировали выборы в скупшину. Так, в ноябре 1887 г. они получили 81 место в парламенте, либералы – 61, а напредняки ни одного. В марте 1888 г. из 156 членов скупщины 133 депутата были радикалами³. Однако эта “сила числа” была недостаточна для завоевания и удержания власти. Лидеры радикалов понимали, что необходимо владеть и искусством компромисса и сотрудничества с соперничающими группировками. После 1888 г. радикалы становятся умеренными политиками.

В начале 1889 г. на повестке дня политической жизни Сербии стояла важнейшая задача – на основе конституции 1888 г. предстояло разработать избирательную систему, принять ряд новых законов. Для изучения опыта других государств во Францию, Бельгию и Данию были направлены бывшие секретари конституционного комитета М.Милованович и Ж.Живанович, а в Грецию – А.Джорджевич и Й.Джайя⁴.

11 января 1889 г. во дворце под председательством Милана состоялось заседание бывшего Узкого конституционного комитета, на котором была сформирована специальная комиссия (ее членами являлись Ст.Бошкович, П.Велимирович и М.Стоянович) для составления законопроекта об избирательной системе. Однако начавшаяся работа была прервана знаменательным событием.

22 февраля 1889 г. в Сербии произошла смена главы государства - король Милан отрекся от престола в пользу своего несовершеннолетнего сына Александра, назначив для управления страной трех регентов: Й.Ристича, Й.Белимарковича и К.Протича. За день до отречения глава кабинета Н.Христич подал в отставку, заявив: "Один монарх в период моего правления погиб (князь Михаил в 1868 г. - С.Д.) и я не хочу, чтобы другой отрекся от престола"⁵.

Как уже отмечалось выше, мысль об отречении посещала Милана неоднократно, начиная с 1882 г., со временем превратившись в навязчивую идею. Окончательно решение он, по-видимому, принял летом 1888 г. и уже в сентябре сообщил о своем намерении австро-венгерскому посланнику. Дважды, в октябре и ноябре, император Франц-Иосиф выражал сожаление по этому поводу. Поскольку Милан был непреклонен в своем решении, австро-венгерская дипломатия, весьма опасавшаяся смены внешнеполитического курса Сербии, выработала свою позицию в новой политической ситуации.

В инструкции посланнику Хенгелмиллеру от 26 ноября 1888 г. Кальноки подчеркивал, что основной принцип дипломатии Габсбургской монархии - оставаться в дружеских отношениях с Сербией и сохранять нейтралитет в отношении ее внутренних событий до тех пор, пока они не станут угрожать миру и порядку. В том случае, если в Сербии установится открыто недружественный Вене режим, который сделает невозможным продолжение прежних отношений, Австро-Венгрия будет вынуждена употребить все средства для защиты своих интересов и мира на своих границах. Правящие круги империи всегда выступали против отречения короля Милана, но если оно неизбежно, то монарх прежде всего должен обеспечить престол своему сыну и распорядиться таким образом, чтобы были гарантированы "порядок и мир". Только тогда новому режиму будет обеспечена

поддержка Австро-Венгрии. В противном случае она будет вынуждена вмешаться в “сербские дела”⁶.

Уже на следующий день Кальноки направил новые инструкции посланнику в Белграде, в которых настоятельно рекомендовал от имени императора внушить королю Милану следующее: в том случае, если его намерение не изменилось, он должен незамедлительно решить вопросы с конституцией и регентством и сформировать дееспособное правительство.

В период подготовки новой конституции отречение было для Милана уже решенным делом. Он даже обсуждал с Хенгелмиллером вопрос о регентстве. Кандидатура Й.Ристича в качестве первого регента не вызывала возражений Вены при условии, что он примет “договоры Сербии и Австро-Венгрии за основу своей политики”, на что посвященный в намерения короля лидер либералов дал свое согласие⁸. Вслед за Францем-Иосифом и германский император Вильгельм II в январе 1889 г. призвал Милана “не покидать престол, на который он возведен богом”⁹. Но сербский король был непреклонен. К этому решению его побуждали несколько причин. Прежде всего личная – тяжелое душевное состояние, в котором он находился после Сливницы¹⁰; “усталость от власти”, говоря его словами – несколько раз он находился на грани самоубийства. Все это усугублялось бракоразводным процессом с королевой Натальей; постоянно беспокоили и финансовые вопросы.

Более важными, безусловно, были политические причины. Сам Милан главной из них считал свое столкновение с “национальными стремлениями” сербского народа, которые, по его глубокому убеждению, поощряла Россия, его “смертельный враг”. Присущую сербам склонность к анархии и революции, по мнению короля, можно побороть лишь “влиянием цивилизованной Европы”. Но поскольку это влияние практически отсутствует, он и находится в постоянном конфликте со своим народом. “Страна меня не понимает и я ее не понимаю” – эти слова

Милана как нельзя лучше отражают его отношения с народом. Именно поэтому он и должен был действовать, используя силу — подавлять бунты, арестовывать и расстреливать своих подданных. Но теперь его терпению пришел конец, потому что “невозможно вечно править при помощи грубой силы”¹¹.

В декабре 1888 г. Милан сообщил о своем намерении Й.Ристичу, после чего ознакомил его с содержанием Тайной конвенции 1881 г., уважение буквы и духа которой было выдвинуто главным условием назначения его главой регентства. Ристич согласился с ним, но в свою очередь поставил ряд условий, касающихся обязательства Австро-Венгрии препятствовать вторжению черногорских чет и отрядов сторонников Карагеоргиевичей на территорию Сербии, а также благосклонного отношения Венны к возможному сербо-австрийскому сотрудничеству в военной области и к планам Сербии по расширению территории в направлении к югу. Милан поддержал требования Ристича¹².

Переговоры по всем этим вопросам между сербским монархом и графом Кальноки через посредство Хенгелмиллера велись в январе — начале февраля 1889 г. Они были завершены подписанием Протокола о продлении Тайной конвенции до 1(13) января 1895 г., который 28 января 1889 г. подписали Хенгелмиллер и министр иностранных дел Сербии Ч.Миятович¹³. Отречение Милана вызвало в сербском обществе неоднозначную реакцию. Радость и ликование радикалов были, разумеется, очевидными. Политическую арену Сербии покинул, как они полагали, навсегда, их главный противник. Вместе с тем весьма распространены были настроения, которые выразил общественный деятель Дж.Попович-Даничар. “Два момента в общественной жизни, — писал он, — потрясли меня сильнее всего: смерть князя Михаила и отречение короля Милана. Оба события произошли как гром среди ясного неба. У короля Милана были ошибки, но были и великие дела, которые лишь по прошествии лет будут оценены

беспристрастными историками; и когда все положишь на весы, есть причины, по которым мне его очень жаль... мы должны сожалеть, что наш первый король именно в тот момент, когда он вступил в годы зрелости и опыта, когда лучше познал себя и людей, когда увидел прошлые ошибки, сам признал их и решил исправить, именно тогда отрекся от престола в интересах страны и своей династии”¹⁴.

* * *

В России – в высших сферах и общественных кругах – сообщение об отречении Милана было встречено с огромным удовлетворением, если не сказать с радостью. Определяющую роль в отношении к сербскому монарху играл весьма устойчивый стереотип “плохого короля”, который сложился в правящих кругах Российской империи уже в начале 80-х годов. На телеграмме из Белграда с сообщением об отречении Александр III начертал: “Слава Богу”¹⁵. А.И.Персиани оценивал случившееся как “победу русской политики в Сербии”¹⁶. Накануне отречения Милан конфиденциально сообщил ему о принятом решении, составе регентства и о намерении поручить формирование нового кабинета радикалам. В завершение беседы король обратился к собеседнику с просьбой, адресованной Александру III, о “благоволении” к его малолетнему сыну. При этом он добавил, что все три регента – друзья России¹⁷.

Российское министерство иностранных дел не имело “высочайшего указания” в связи с событиями в Сербии и продолжало действовать в соответствии с общей установкой политики – воздерживаться от вмешательства во внутренние дела Сербского государства и соблюдать осторожность и сдержанность. Это несколько ограничивало деятельность дипломатии, рассматривавшей факт отречения как крупную удачу, которую можно и нужно

ыло использовать для очередной попытки усиления влияния в Сербии¹⁸.

Однако Александр III не спешил. Он лишь повелел положительно ответить на просьбу Милана о покровительстве его сыну¹⁹. Гирс добился согласия императора, чтобы Персиани, не касаясь состава регентства, поставился убедить короля “в необходимости составить правительство, способное внушить доверие народу и положить конец борьбе между ним и народом”²⁰. Российский дипломат выполнил поручение. Милан был “сердечно тронут” милостью Александра III²¹. Первый регент Ристич и глава правительства генерал Груич выразили полное согласие с желанием России ввести в “мирное русло” внутреннюю жизнь Сербии²².

Российскую политику в сербском вопросе в этот период определяла прежняя установка, заключавшаяся в том, что главным виновником охлаждения российско-сербских отношений признавался король Милан, сблизившийся с Австро-Венгрией вопреки “национальным устремлениям” сербского народа. Вот почему факт отречения оценивался в Петербурге как начало “новой эры” в истории межгосударственных отношений России и Сербии. Еще бы! Ведь “бескровным путем”, не вступая в открытый конфликт с Австро-Венгрией, был удален ее главный оплот. То, что теперь влияние Габсбургской монархии в Сербии пойдет на убыль, в Петербурге не вызывало сомнений.

Через несколько дней после отречения Милана Гирс направил в российскую миссию в Белграде инструктивное письмо, в котором был изложен официальный взгляд на задачи, стоящие отныне перед Сербией, в решении которых Россия готова оказать ей содействие.

Прежде всего выражалась уверенность, что теперь Сербии “представилась хорошая возможность отречься от всего того, что способствовало ее уклонению с пути, начертанного ей историей”, и вовлекло в ошибки, так плохо отозвавшиеся на ее “нравственных и материальных

интересах". Далее Гирс подчеркивал, что "для Сербии нет никакой необходимости задаваться нынче вопросами высшей политики": Ее положение обеспечено международными договорами, а "будущность... зависит главным образом от ее благоразумия и собственных усилий". Внутренние задачи Сербии глава российского внешнеполитического ведомства представлял тройко: воспитание юного короля, упорядочение экономики и финансов и решение церковного вопроса²³.

В конце февраля 1889 г. МИД России поставил вопрос о возведении министра-резидента в Белграде в дипломатический ранг посланника. Директор Азиатского департамента И.А.Зиновьев обратился с письмом к министру финансов И.А.Вышнеградскому, в котором содержалась просьба увеличить ассигнования по министерству иностранных дел в связи с преобразованием дипломатического представительства России в Сербии в миссию²⁴. Раскрывая в этом документе новые задачи российской политики, Зиновьев отмечал: "... Мы не можем более ограничиваться ролью наблюдателей и будем поставлены в необходимость руководить советами регентству и министерству, хотя бы для того, чтобы охранить Сербию от затруднений, могущих угрожать европейскому миру"²⁵.

Повышение ранга российского дипломатического представителя было дружественным жестом в отношении независимого Сербского государства, и вопрос был решен довольно быстро. Через два дня Вышнеградский личным письмом уведомил Гирса, что согласен на увеличение расходов по ведомству иностранных дел²⁶. Одновременно в Одессе было открыто сербское консульство²⁷.

Общественные круги России высказали свое мнение по поводу отречения Милана на страницах периодической печати. Так, обозреватель "Русского вестника" С.С.Татищев писал: "Удаление Милана с престола знаменует возвращение Сербии на путь народной, славянской, вполне самостоятельной политики... На этом новом

ути Сербия может быть уверена в сочувствии русского бщества”²⁸.

Отречение Милана автор “Иностранного обозрения” в “Вестнике Европы” назвал “разумным и целесообразным средством”²⁹.

Оценивая это событие, “Русская мысль” высказала предположение, что “вероятно... отречение вызвано затруднениями политического свойства, невозможностью при всей изворотливости бывшего короля управлять Сербией в интересах народа...” Это событие, по мнению автора статьи, окажет благоприятное воздействие на дальнейшее развитие сербской государственности, и задача дипломатов в том, чтобы в новых условиях “поддержать и укрепить то стремление к сближению с Россией”, которое вновь пробудилось в сербском народе”³⁰.

Газета “Русские ведомости” оценивала отречение Милана как событие “огромного значения... в жизни сербского народа”³¹.

Сообщая о нем, автор передовой статьи “Московских ведомостей” писал: “Несомненно, что популярность Милана, возросшая на мгновение благодаря той комедии, которую он разыграл со своим доверчивым народом, даруя ему новую, либеральную конституцию, окончательно пошатнулась, так что дальнейшее пребывание его на сербском престоле сделалось невозможным”³². Газета решительно отвергла инсинуации некоторых западноевропейских изданий о том, что происшедшее в Сербии результат происков российской дипломатии, которая, напротив, всегда стремилась к созданию “сильной и независимой Сербии, свободной от растлевающего ее австро-венгерского влияния и дружественно расположенной к России... Только такая Сербия может быть прочным элементом для обеспечения европейского мира...”³³.

На страницах “Московских ведомостей” читатели могли познакомиться с биографиями сербских регентов. Если Й.Ристич был уже довольно хорошо известен в России (кстати, Л.Н.Толстой упоминал его имя в

заключительной главе “Анны Карениной”), то подробности из жизни генералов К.Протича и Й.Белимарковича, опубликованные в газете, представляли несомненный интерес уже в виду их очевидной новизны³⁴.

В связи с отречением Милана и приходом к власти радикальной партии в российской печати вновь появились материалы об отношениях России с Сербией и Австро-Венгрией.

Позиция российской дипломатии на Берлинском конгрессе, по мнению “Вестника Европы”, способствовала тому, что Сербии “пришлось поневоле искать содействие в покровительстве Австрии”. С этого момента и началось проникновение Габсбургской монархии в промышленность, торговлю и политическую жизнь Сербского княжества: “покинутая нами, она неизбежно должна была попасть в сферу политического преобладания Австрии”. Эта позиция прогрессивного русского журнала была не нова. Кстати, она совпадала с точкой зрения ряда сербских изданий того времени. Примечательно, что автор этой статьи резко выступил против мнения славянофильского издания “Славянские известия”, которое в весьма радужных тонах очерчивало политические перемены в Сербии, связанные с отречением Милана и приходом к власти радикалов, что свидетельствовало, по его убеждению, об усилении влияния России. Довольно странно, отмечал автор “Обозрения” в “Вестнике Европы”, читать подобные статьи в журнале, “поставившем себе специальной задачей ознакомление русского общества с действительными потребностями, взглядами и стремлениями различных славянских народностей”. “Когда наконец поймут наши так называемые славянофилы, – восклицал он, – что ни сербы, ни болгары, ни прочие славяне не хотят и не думают служить материалом для “русской партии”, что они хотят оставаться самими собой и жить для себя, и что совершенно нелепо приписывать им желание “ни минуты не думая, идти за Россией” и “жертвовать собой для ее благосостояния и славы?” По мнению

“Вестника Европы”, “и Ристич, и Сава Груич, конечно, стоят за дружбу с Россией, но они руководствуются при этом исключительно сербскими интересами, которые требуют дружбы и с Австрией, и с Германией”³⁵. Придерживаться иной точки зрения – значит не понимать сути вещей; к тому же это вредно и в “политическом отношении”. Несколько месяцев спустя автор “Иностранного обозрения” этого же издания продолжал отстаивать ту же точку зрения. “... Сербы освободились от дипломатического преобладания и главенства Австрии, – писал он, – не для того, чтобы подчиниться опеке какой-либо другой державы; они просто хотят быть независимыми и свободными у себя дома, в своей собственной стране”. Вновь полемизируя со славянофилами, автор высказал довольно прогрессивное для того времени суждение: “...Дружба не должна переходить в опеку”³⁶.

С “Вестником Европы” солидаризировалась либеральная “Русская мысль”. Обозреватель Гольцев отмечал: “Было бы странно и недобросовестно требовать от руководителей политической жизни сербского народа, чтобы они на первый план ставили не сербские, а русские интересы... Действительные потребности нашего народа ни в каком случае не могут сталкиваться с действительными потребностями сербского народа”. По его глубокому убеждению, “несомненный прилив в Сербии симпатий к России обуславливается именно уверенностью, что наше отечество честно и дружелюбно относится к свободному внутреннему развитию Сербского королевства”³⁷.

Для консервативно-монархического “Русского вестника” в эти годы, как и прежде, было характерно противопоставление политики России и Австро-Венгрии в сербском вопросе. “В противоположность России, – отмечал автор опубликованного здесь “Политического обозрения” С.С.Татищев, – Австрия всеми мерами старалась препятствовать освобождению Сербии из-под верховной власти Порты”, так как “всего более опасалась... как бы

самостоятельное Сербское княжество не сделалось ядром будущего великого сербского царства". В период после Берлинского конгресса 1878 г. "австро-венгерской дипломатии удалось вполне подчинить себе политику молодого Сербского королевства и поставить последнее в отношении полной зависимости от соседней монархии"³⁸. Эта позиция была характерна для публикаций Татищева и позднее он оставался верен себе. Так, в 1890 г. он писал: "Россия никогда не посягала на самостоятельность Сербии и ныне является крепким щитом и опорой слабого государства против насилия со стороны хищных и алчных соседей"³⁹. Радикалов "Русский вестник" высоко оценивал именно за их непримиримость к Австро-Венгрии и призывы к дружбе с Россией⁴⁰. Хотя журнал прямо и не высказывал мысль о том, что отныне Сербия должна связать свою внешнюю политику с Россией, но это явно подразумевалось. Он не разделял позицию либеральной печати, выступавшей за право Сербского государства на самостоятельное развитие, вне русской "опеки".

Аналогичной позиции придерживались и "Московские ведомости", которые в отличие, например, от "Вестника Европы" и "Русской мысли", считали, что в данный исторический момент российская дипломатия должна быть более решительной, чтобы "перетянуть" Сербию на свою сторону. По мнению этого издания, факт отречения Милана еще не является поводом для "торжества" и "действительный успех будет лишь тогда обеспечен, когда Сербия возвратится на свой исторический путь дружбы и единения с Россией"⁴¹.

* * *

Итак, после отречения Милана к власти в Сербии пришли радикалы. Вначале правительство возглавлял С.Груич, а с февраля 1891 г. - вернувшийся из эмиграции и активно включившийся в политическую деятельность Н.Пашич. Радикальная партия получила возможность

сформировать однопартийное правительство и приступить к претворению своей программы в жизнь. В кабинет вошли лишь “белградские” радикалы, в нем не нашлось места членам партии из провинции.

Глубокие политические потрясения, через которые прошла Сербия, не могли не отразиться на этой самой многочисленной партии, долгие годы пребывавшей в оппозиции. Особенностью данного этапа развития Сербского государства являлось то, что оказавшиеся у власти радикалы были к этому весьма неплохо подготовлены самой жизнью – они становились все более умеренными политиками, освобождаясь от демагогии и экстремизма начала 80-х годов. И это было на пользу Сербии и ее государственности.

За три с половиной года правления радикалов (с февраля 1889 г. по август 1892 г.) был осуществлен ряд мер по претворению в жизнь конституции 1888 г. и укреплению буржуазного государственного механизма. Большое значение имело принятие Закона о выборах депутатов в народную скупщину 25 марта 1890 г. (позднее 28 января 1891 г., в него были внесены некоторые изменения и дополнения), в котором детально определялся весь порядок их проведения. Главная особенность нового закона заключалась в том, что фактически ликвидировался имущественный ценз для членов общин и тем самым значительно увеличивалось число избирателей, поддерживавших радикалов⁴².

По закону 1890 г. возросла роль органов общинной власти в подготовке и проведении выборов, и это положение становится понятным, если учесть, что кметы и другие чиновники общин в этот период в основном были радикалами. Для проведения выборов создавался специальный Государственный комитет, который должен был регулировать порядок избирательной кампании, определять число избирателей и депутатов, назначать председателей всех избирательных комитетов в стране, объявлять и утверждать выборы. Государственный комитет.

согласно закону 1890 г., состоял из председателя Государственного совета, председателя и вице-председателя последней скупщины и председателя кассационного суда⁴³. Был предусмотрен ряд мер, направленных против всякого вмешательства в выборы. Представители государственной и общинной власти не могли появляться на избирательных пунктах без разрешения и приглашения председателя местного избирательного комитета. Неисполнение этих условий строго наказывалось. Тем самым закон сводил влияние полиции на выборы практически к нулю; одновременно возросло влияние общинных властей. "Кметы держали выборный механизм в своих руках", отмечал Сл.Йованович⁴⁴.

Таким образом, конституция 1888 г. и закон 1890 г. явились важным шагом по пути расширения свободы выборов.

Большое значение имел принятый радикалами 1 ноября 1889 г. Закон о порядке работы народной скупщины (с изменениями от 28 января 1891 г.). По конституции 1869 г., как отмечалось выше, скупщина почти не имела никаких прав. Вся ее законодательная деятельность сводилась к тому, что она давала или не давала согласие на предложения правительства. Конституция 1888 г., предоставив парламенту право законодательной инициативы, уравнивала его в области законотворчества с монархом. Закон 1889 г. определил порядок работы скупщины, обсуждения различных законопроектов. Он был принят в интересах оппозиции, так как предоставлял ей возможность критиковать правительство (право запроса и интерpellации, дискуссии и т.д.)⁴⁵.

Особая роль предназначалась Закону об ответственности министров перед парламентом (принят 30 января 1891 г.). В нем были уточнены положения конституции 1888 г. об ответственности высших государственных чиновников за совершенные ими правонарушения и определен порядок рассмотрения этих дел в Государственном совете. В конституции 1888 г. было записано, что право

обвинения министров имеют как король, так и скупщина, что соответствующее письменное предложение должно быть подписано не менее чем 20 депутатами и получено согласие на это 2/3 присутствующих на заседании; что министров судит особый суд, составленный из членов Государственного совета и кассационного суда; что право обвинения министров устареваеt через четыре года с того времени, как преступление совершено. Кроме того, в конституции были перечислены те уголовные преступления, за совершение которых можно привлечь министров к ответственности.

Закон 1891 г. дополнил и уточнил объем уголовной ответственности высших государственных чиновников. По нему король и скупщина могли обвинить министров: за измену родине и монарху, за нарушение конституции и конституционных прав сербского народа, за взяточничество, государственный ущерб из личной выгоды, за преднамеренную задержку действия законов и др. При этом оставался открытым вопрос: может ли быть обвинен министр за какое-нибудь иное преступление, если оно не является нарушением конституции и закона 1891 г.⁴⁶

25 ноября 1889 г. радикалы провели через скупщину Закон об общинах, согласно которому в Сербии могли создаваться небольшие общины численностью до 200 домохозяев-налогоплательщиков, тогда как раньше, в период правления напредняков, существовали только крупные общины, насчитывавшие в своем составе 500 и более налогоплательщиков. Разукрупнение способствовало повышению их самостоятельности. Общины были выведены из-под надзора полиции: их руководителями становились кметы, избираемые общим собранием жителей. Контроль за деятельностью общин стали осуществлять в верховной инстанции Государственный совет и окружное самоуправление, а не исполнительные органы правительства⁴⁷. Эти нововведения в области местного самоуправления имели двойственный и непоследовательный характер и были известным отступлением от первоначальных планов

радикалов. До конституции 1888 г. в Сербии существовала лишь одна единица самоуправления – община. В округах и срезам все управление находилось в руках государственных чиновников. В начале 80-х годов радикалы предлагали вовсе ликвидировать округа с тем, чтобы срезам было предоставлено такое же самоуправление, как в общинах. Радикалы намеревались также полностью передать исполнение функций государственной власти и полицейского надзора местным народным комитетам. Однако эти предложения были реализованы лишь частично. Округа не были ликвидированы, а в срезам сохранилась государственная полиция. 1 июля 1890 г. были внесены некоторые изменения, установившие в округах и срезам своего рода двоевластие в лице назначаемых правительством окружных и срезских начальников, представлявших центральную власть, и избираемой населением окружной и срезской скупщины, а также окружного комитета, являвшихся органами самоуправления. При этом последние делили свои функции: окружная и срезская скупщины были законодательными органами, окружной комитет – органом исполнительной власти, который скупщина избирала из своего состава. В окружном комитете входили две группы членов: одни представляли целый округ, другие отдельные срезы. Кроме окружного комитета окружная скупщина избирала еще секретаря, который был старейшиной канцелярии комитета. Обязанности представителей центральной власти в округах и срезам включали поддержание порядка и обеспечение общей безопасности. Главная задача органов самоуправления заключалась в заботе об экономическом развитии и прогрессе округа и среза, строительстве дорог и общественных зданий. Между органами центральной власти и местного самоуправления не было полного равенства. Окружной начальник мог отменить решение окружной скупщины под предлогом его “несоответствия интересам государства”. Он же по существу решал все важные

вопросы на местах, и лишь незначительная их часть рассматривалась органами местного самоуправления⁴⁸.

Радикалы умело использовали нововведения в своих целях, превращая органы самоуправления в свои партийные представительства – комитеты и подкомитеты⁴⁹.

В начале 90-х годов был принят еще ряд законов, призванных обеспечить политические права граждан. Важнейшими из них были законы о печати, собраниях и союзах от 31 марта 1891 г. Закон о печати значительно облегчал издание газет и журналов. Они могли быть запрещены лишь в случае оскорбления личности короля и королевского дома и в случае призыва к восстанию⁵⁰.

По закону о собраниях и союзах различались собрания в помещениях и под открытым небом. Для проведения первых не нужно, а для вторых было необходимо предварительное оповещение властей, которые, впрочем, в любом случае не могли их запретить. Представители власти могли присутствовать на собраниях, но влиять на его ход не имели права. Полностью исключалось вмешательство полиции⁵¹. Этот же закон запрещал тайные союзы и общества. Для образования прочих не требовалось специального разрешения – достаточно было предварительного объявления в печати. Полностью исключался полицейский контроль над вышеупомянутыми организациями⁵².

Таким образом, принятые в Сербии в конце 80-х – начале 90-х годов основные политические законы в целом позволяют воссоздать такую картину тогдашней общественно-политической жизни страны:

1) Соотношение между исполнительной и законодательной властью было изменено в пользу последней. Ранее правительство с помощью полиции могло вмешиваться в выборы, и состав народной скупщины в значительной степени зависел от его воли, а вернее, произвола. Новые законодательные акты в корне изменили это положение: теперь не правительство определяло, кому быть депутатом, теперь скупщина определяла, кому быть

министром. Таким образом, законы конца 80-х – начала 90-х годов явились новым шагом на пути к парламентаризму.

2) Произошла децентрализация управления.

3) Полицейский контроль во всех сферах жизни был ослаблен.

Своим реформаторством конца 80-х – начала 90-х годов сербские радикалы “били” в одну точку, а именно: снижение планки исполнительной власти. Забегая вперед, отметим, что против этого всегда выступал лидер либералов, глава регентства Й.Ристич. Вот почему конфликт между ними был неизбежен.

Большое внимание кабинет радикалов уделял вопросам экономики. Интересы сербских предпринимателей требовали проведения протекционистской политики. Уже с начала 80-х годов радикалы выступали за национальный подход к экономике, за экономическую самостоятельность Сербии, которая мыслилась ими как необходимая гарантия недавно обретенной политической независимости. Таким образом, “в основе экономической платформы радикальной партии лежали интересы сербского национального государства”⁵³.

В декабре 1889 г. сербское правительство взяло под свой контроль соляную монополию, которая с 1883 г. находилась в руках английского и австро-венгерского капитала, а годом ранее установило монополию на табачную промышленность. Эти меры принесли в государственную казну около 10 млн. дин. дохода⁵⁴. В 1890 г. было основано Сербское пароходное общество, призванное конкурировать с австрийским Ллойдом, занимавшим в конце XIX в. ведущие позиции в сербском каботаже по Дунаю. Многие отечественные предприятия освобождались от налогов и пошлин, для их возведения бесплатно предоставлялась земля, устанавливались льготы при доставке сырья и оборудования и т.д.⁵⁵

Мероприятия, осуществленные радикалами в конце 80-х – начале 90-х годов, позволили несколько ослабить

кономическую зависимость Сербии от Австро-Венгрии. радикалы приняли целый ряд экономических законов – о здании особого совета по экономике при министерстве народного хозяйства на правах совещательного органа 18 марта 1891 г.); закон об организации Торговой школы (22 января 1892 г.) и др.⁵⁶

Большое внимание новый кабинет уделял упорядочению государственных финансов. Эта сторона его деятельности вызвала наибольшее одобрение в официальных сферах России. И хотя либералы, отмечал Персиани, постоянно подвергают критике экономическую политику радикалов, факт остается фактом, что Пашич и его министры “ведут дела лучше своих предшественников”⁵⁷.

Придя к власти, радикалы не решились на открытую конфронтацию с Габсбургской монархией, однако их деятельность и, прежде всего некоторые экономические меры, направленные на ограничение торгово-экономического натиска Вены, не могли не привести к ухудшению отношений двух стран. К этому времени относится появление интересного документа под названием “Записка о значении проектированной Тимокской железнодорожной линии в Сербии”, составленная коммерсантом Г.Генчи-чем (впоследствии министр торговли Сербии). До сих пор об этом документе не было известно в исторической литературе: он обнаружен в АВПРИ в ходе подготовки настоящей книги.

По мнению автора “Записки”, с момента отречения Милана от престола и прихода к власти радикалов Австро-Венгрия утратила свое прежнее влияние в Сербии. “Этот поворот, – писал Генчи-ч, – не мог не вызвать бурю негодования как в Вене, так и в Будапеште, где и начали готовиться к новому экономическому походу против Сербии”⁵⁸. В июне 1890 г. под предлогом вспышки эпизоотии Веной был запрещен ввоз свиней из Сербии, составлявших более 1/3 сербского экспорта. Это было давление – венский кабинет пытался таким образом заставить сербских регентов и правительство продлить договор

1881 г., заключенный сроком на 10 лет, а также следовать политике, угодной Австро-Венгрии. Однако эти действия не принесли желаемых результатов. Сербия предупредила Вену, что не будет выплачивать внешние долги, если та не прекратит “свиную войну”. В конце концов венский кабинет был вынужден пойти на уступки, и 10 сентября границы империи были вновь открыты для провоза сербского скота⁵⁹.

Действия Австро-Венгрии, отмечал в своей “Записке” Генчич, “не могли не побудить сербов подумать о средствах и способах, которые бы в будущем обеспечили королевство от произвола своекорыстного и сильного соседа. Заботы об этом... объединяют... всех честных политических деятелей Сербии независимо от разности их воззрений и убеждений в других обстоятельствах, касающихся вопросов о внутреннем управлении страны. Все согласны в том, что Сербия прежде всего должна позаботиться о своей экономической независимости, без которой теряет значение и независимость политическая, т.е. об обеспечении своих хозяйственных и торговых интересов от посягательств Австро-Венгерской монархии”. Одним из средств для достижения этой цели автор считал постройку Тимокской железной дороги к Адриатическому морю. По убеждению Генчича, “молодое славянское государство... должно стремиться к выходу на море и к непосредственному торговому сношению с теми государствами, которые и являются настоящими потребителями сербских вывозных продуктов”. Таковыми были в то время Франция, Италия, Англия и отчасти Германия, а австро-венгерские торговцы, пользуясь своим положением, выступали лишь как посредники, наживая на этой операции огромные капиталы⁶⁰.

Процитированный выше документ представлял собой, на наш взгляд, один из многочисленных экономических проектов радикалов. Как видим, в нем содержались трезвые мысли и конкретный план действий, рассчитанный на перспективу. Практически в нем не было

ничего нового, отличающегося от взглядов радикалов в области экономики начала 80-х годов. Появление подобных документов показывает последовательность их авторов в борьбе за национальный подход к экономике. Логика событий приведет в начале XX в. к таможенной войне с Австро-Венгрией (1906 – 1911 гг.), которая закончится победой Сербии.

Проектируемая Тимокская железная дорога, по мнению автора документа, имеет не только экономическое, но и стратегическое значение. Генчич был убежден в важности этой магистрали и для России в случае европейской войны. “Для России эта линия, – читаем мы в “Записке”, – составляющая одно целое с румынскими, а через них и с юго-западными русскими железными дорогами, и защищенная с северо-запада трансильванскими Карпатами, с запада же и у самой переправы через Дунай сербской крепостью Кладова, а также и весьма удобными для защиты дунайскими ущельями у Железных Ворот, будет иметь громадное значение...” В связи с этим автор выражал надежду на помощь Петербурга в таком важном деле, от которого “зависит материальное и политическое преуспеяние сербского народа и которое должно послужить более тесному единению южного славянства с его естественной защитницей Россией”⁶¹.

Радикалы пытались найти поддержку своим планам в России. Составленная Генчичем “Записка” была направлена в Петербург и... затерялась в архивах МИД – никаких реальных шагов в этом направлении сделано не было.

Одну из главных внешнеполитических задач – улучшение межгосударственных отношений с Россией – кабинет радикалов решал довольно успешно. На этом поприще у правительства и регентов не было разногласий. Министры-радикалы полностью солидаризировались с Ристичем, которому принадлежали сказанные в этот период слова: “Мы можем вступать с Западом в различного рода отношения, воспринимать его культуру, посылать туда на учебу своих сыновей, делать займы, но мы ничего не

сможем сделать для осуществления своих национальных идеалов в смысле объединения и освобождения нашего народа без России. Так было до сих пор, так будет и впредь – это историческая истина”⁶².

Глава радикалов Н. Пашич был убежденным русофилом. Выше уже говорилось, что с начала 80-х годов он выступал за тесный союз с Россией. Без ее содействия он не мыслил решение сербского национального вопроса в полном его объеме. Еще в 1887 г. он четко выразил эту свою уверенность: “Македонию мы в состоянии освободить сами, без военной помощи России, однако без ее содействия мы не сможем возвратить Боснию и Герцеговину и другие сербские земли, находящиеся ныне под властью Австро-Венгрии”⁶³.

Весьма интересное заключение сделал он в своей “Политической исповеди”: “У нас, т.е. в сербской политике, можно считать непреложным правилом следующий расклад: приверженность во внутренней политике в пользу парламентских методов правления и конституционной власти, пользующейся доверием большинства народа, непременно ведет во внешней политике к ориентации на славянскую православную Россию. И наоборот, опора во внешней политике на Австро-Венгрию обязательно приводит к реакции, власти меньшинства, столкновению ее с народной волей, к мерам строгим и чрезвычайным”⁶⁴. Этому кредо Пашич оставался верен на протяжении всей своей долгой политической карьеры. Вместе с тем не подлежит сомнению, что важнейшим мотивом любого внешнеполитического шага этого деятеля всегда оставались интересы Сербии и сербского народа. Так, еще в 1883 г. он писал, что следует “четко выяснить политические намерения России, чтобы она не потребовала от нас за свои услуги того, чего мы не смогли бы выполнить или что нам не позволила бы сделать любовь к своему отечеству и народу”⁶⁵.

В феврале 1890 г. в качестве председателя сербской народной скупщины и белградской общины Пашич

отправился с визитом в Россию. Он был принят Александром III и награжден орденом св. Станислава I степени. Славянское благотворительное общество в его честь устроило торжественное заседание и избрало пожизненным членом. Пашич получил в подарок от российского правительства 75 тыс. винтовок, а также заем в 3 млн. рублей на военные цели⁶⁶. Во время визита им был поставлен вопрос о заключении российско-сербского торгового договора.

В Сербии были весьма довольны итогами переговоров. По возвращении в Белград Пашич заявил, что “в государе-императоре – залог самостоятельности Сербии”⁶⁷. Скупщина одобрила результаты визита и приняла решение поблагодарить Александра III за “великодушную помощь вооружением для армии”⁶⁸. Российский император, прочитав донесение Персиани, написал на его полях пожелание, чтобы “сербы оставались на этом пути правильной политики и убедились, что мы им желаем добра и национального развития”⁶⁹.

При решении двусторонних текущих дел Россия и Сербия стали проявлять взаимную предупредительность и уступчивость. Сербское правительство разрешило российским коробейникам торговать на улицах Белграда⁷⁰. Со своей стороны, Россия согласилась не настаивать на немедленном получении платежей по займу 1876 г. Это была важная уступка, так как в противном случае Сербии пришлось бы срочно заключать внешний займ⁷¹. В августе 1890 г. Сербия получила отсрочку платежей до 1 января 1895 г. Эти меры, безусловно, способствовали более стабильному развитию Сербского государства.

Большое значение правящий кабинет придавал упрочению авторитета королевской власти, изрядно поколебленного в результате “деятельности” короля Милана. На престоле после отречения отца оказался 12-летний Александр, робкий, нервный, по воспоминаниям современников, подросток. Но он был Обренович! Державший бразды правления в своих руках Й. Ристич прекрасно

понимал, что для упрочения положения юного короля нужна благожелательная поддержка великих держав, особенно России. В связи с этим в апреле 1891 г. сербское правительство высказало российскому посланнику пожелание, чтобы Александр начал посещение иностранных дворов (предполагалось посетить с государственными визитами Австро-Венгрию и Россию и в качестве частного лица Францию) с представления своему крестному отцу Александру III в день его серебряной свадьбы. Однако последний поспешил начертать на телеграмме из Белграда: “Когда ему угодно, но только не к серебряной свадьбе. В эти дни никаких приемов не будет”⁷². После согласования сроков визит был перенесен на июль.

На пути в столицу Российской империи король Александр в сопровождении Пашича, Ристича, Персиани и военного агента России в Бухаресте и Белграде подполковника Ф.Ф.Таубе сделал остановку на несколько дней в Бессарабии, где в имении своей тетки княгини Мурузи проживала его мать экс-королева Наталья, а затем, побывав в Киеве и Москве, прибыл в Петербург. В столице ему был оказан теплый прием. Высоких гостей на улицах нередко приветствовали дружественные манифестации.

К их приезду известный публицист Г.Веселитский-Божидарович опубликовал специальную брошюру, в которой излагалась официальная точка зрения о российско-сербских отношениях. В ней говорилось, что “Сербия стала теперь тем, кем ее всегда желал видеть народ сербский – сподвижником России”. О стране говорилось как о важном звене в славянстве, а нынешние ее руководители характеризовались как народные вожди и патриоты, обладающие большим государственным опытом⁷³. Переведенная на сербский язык брошюра широко распространялась в Сербии.

Официальная сторона визита проходила весьма успешно. Знаки внимания Александру со стороны монаршей семьи и особенно награждение его орденом св.Андрея Первозванного произвело хорошее впечатление в

Сербии. Все это, безусловно, способствовало укреплению положения династии Обреновичей и пресекло кривотолки о том, что “Россия якобы терпит Александра до поры, а на самом деле поддерживает Карагеоргиевичей”⁷⁴. Конечно, в России, как уже говорилось выше, в князе Петре видели возможного претендента на сербский престол (именно он и стал сербским королем после трагедии 1903 г.) во время правления Милана и напредняков, но с тех прошло несколько лет. Бывший сербский монарх развлекался на европейских курортах и совершал паломничество к Святым Местам; на престоле в Белграде находился законный, пока еще несовершеннолетний король, а у власти в Сербии пребывали преданный России (во всяком случае так считали в Петербурге) Ристич и “сербские патриоты” во главе с “мудрым Пашичем”. Ни о каком претенденте в это время и не помышляли.

Российское дипломатическое ведомство оценило итоги визита как “новое доказательство неизменного доброжелательства, с которым мы всегда относились к Сербии и ее династии”⁷⁵. Однако серьезных политических переговоров во время пребывания Александра в России не было. Русофильски настроенные слои сербского общества приветствовали возвращение к политике дружбы с Россией. В 1892 г. в петербургском журнале “Славянское обозрение” была опубликована анонимная корреспонденция из Белграда. Ее автор “Белградец” ратовал за упрочение и расширение российско-сербских связей. В его статье читаем: “Прежде всего русским людям следует знать, что народ сербский в массах всегда был и есть предан России и глубоко благодарен ей за братскую помощь, оказанную как в первой борьбе за освобождение, так и во второй – за независимость”. По его глубокому убеждению, “каждое сербское министерство, какой бы оно партии ни принадлежало, может рассчитывать на сочувствие народных масс лишь в той мере, в какой оно пользуется доверием России... Может, конечно, просуществовать

некоторое время и министерство другого направления, но только силой, а не доверием народа...”⁷⁶

Даже никогда не отличавшийся прорусскими симпатиями известный ученый и общественный деятель Панта Сречкович писал: “Все, что хорошего мы получили, мы получили с помощью русских, нам поэтому и следует держаться дружбы и союза с ними и в доброе, и в злое время: другого пути и другого спасения нет для Сербии”⁷⁷.

Ярким примером проявления братских чувств сербского народа к России явился сбор пожертвований в пользу ее населения, пострадавшего от жестокой засухи и неурожая 1891 г.

Персиани на основании данных ему инструкций не принял пожертвования от представителей белградских торговцев. Тогда они обратились к посредничеству митрополита Михаила, который убедил российского посланника в том, что нельзя препятствовать “народному порыву”. “Разве можем мы, – заявил он Персиани, – оставаться безучастными к бедствию, постигшему русских, тогда как они в самые тяжелые минуты нашей политической жизни спасали нас от гибели?”. Сборы “натурой и деньгами” начались стихийно по всей Сербии; в газетах было опубликовано воззвание, инициаторами которого явились два белградских торговых общества. Крестьяне, не имевшие денег, собирали пшеницу и кукурузу. Суммы, пожертвованные некоторыми состоятельными людьми, были весьма значительны для Сербии. Активно включились в сборы и различные учреждения. Так, Красный Крест пожертвовал 5 тыс. франков, Национальный банк – 2 тысячи, Белградская дума – 6 тыс. франков и т.д. Персиани писал, что “все слои общества приняли это дело близко к сердцу” и “остановить этот благородный порыв сербского народа... не было возможности”⁷⁸.

Находившиеся у власти радикалы прекрасно понимали, что помимо расширения традиционных российско-сербских “братских связей” в целях успешной борьбы с австрийской экономической зависимостью необходимо

наладить более тесные, чем ранее, торговые отношения с Россией⁷⁹. В период их кратковременного правления активизировалась деятельность по расширению торговли между двумя странами.

Если договориться на высшем уровне Сербии мешал договор с Австро-Венгрией, по которому без предварительного согласования с Венной сербское правительство не могло вступать в переговоры и заключать соглашения с другими государствами, то подключение к этой работе неофициальных лиц открывало большие возможности. В январе 1890 г. в Белград прибыл директор Общества Черноморско-Дунайского пароходства кн. Ю.Е.Гагарин для изучения на месте вопроса о беспошлинном транзите русского керосина в Австро-Венгрию и Германию. В столице Сербского королевства его ожидал радушный прием. Министр торговли Попович пообещал удовлетворить его просьбу, а со своей стороны высказался за урегулирование торговли между двумя странами на основе договора. В целях обеспечения перевозки грузов от Кладово до Белграда было решено в будущем учредить Сербское пароходство, которое будет действовать совместно с Черноморско-Дунайским пароходством⁸⁰.

Во время визита в Россию в феврале 1890 г. тогдашнего председателя сербской скупщины Н.Пашича состоялись предварительные переговоры о заключении торгового договора между Сербией и Россией. А.И.Персиани отмечал, что в правящих кругах Белграда придают большое значение поездке Пашича и предупреждал руководителей российской дипломатии, что "успех его миссии желателен для укрепления нашего влияния"⁸¹.

В начале 1891 г. из Белграда в Москву прибыл уже упоминавшийся Г. Генчич. Он познакомился со многими промышленниками России, изучил ассортимент вывозимых страной товаров и выступил на собрании фабрикантов и заводчиков, на котором рассказал о проводимых радикальным кабинетом преобразованиях, направленных на ограждение рынков Сербии от наплыва австрийских

товаров. Генчич предложил устроить в Белграде постоянную выставку товаров из России, что, по его мнению, послужило бы толчком к торговому сближению двух стран⁸².

В феврале 1892 г. при Московском биржевом комитете была создана комиссия (С.Морозов, Я.Гартунг, И.Коншин, Н.Баранов), от имени которой в Сербию была послана специальная делегация, в состав которой вошли представители наиболее крупных текстильных мануфактур. В течение двух месяцев они внимательно изучали потребности сербского рынка. Одновременно в Белграде была организована выставка российских товаров. В переговорах членов делегации с представителями Сербского торгового общества участвовал член Совета министерства финансов России Д.А.Тимирязев, направленный в Белград для оказания сербам помощи в заключении нового договора с Австро-Венгрией и подготовки российско-сербского торгового договора. Однако последовавшие летом 1892 г. события в самой Сербии надолго затянули и осложнили работу Тимирязева по второму вопросу.

Мероприятия, проведенные радикалами в конце 80 – начале 90-х годов, позволили несколько ослабить влияние Австро-Венгрии, но вывести страну из кризисного состояния за столь короткий срок они все же не смогли. Летом 1892 г. правительство радикалов было вынуждено подписать новый торговый договор с Австро-Венгрией, заменивший договор 1881 г. Д.А.Тимирязев, тщательно следивший за ходом переговоров и являвшийся главным советником сербских официальных лиц, в письме к министру финансов России И.А.Вышнеградскому так охарактеризовал основные выгоды для Сербии нового договора:

“1) Повышение, хотя и не весьма значительное, большинства ввозимых пошлин (на австрийские товары)...

2) В сохранении низкого ввозного тарифа в Австро-Венгрию на большинство сербских произведений, с удержанием при том исключительных пошлинных льгот для многих из сих произведений (в пограничном поясе) и с

отменой в то же время прежних пограничных льгот для австрийского ввоза;

3) в допущении до известных пределов обложения ввозимых товаров внутренним сбором (трошарина и обрт), сверх таможенной пошлины с правом монопольной продажи некоторых из них;

4) в облегчении и упорядочении ветеринарного надзора за вывозным скотом...". "Достижением столь выгодных результатов, несмотря на полную до настоящего времени торговую зависимость от Австро-Венгрии, – отмечал в заключение Тимирязев, – сербское правительство... обязано более самостоятельной политике, которой, сблизясь с Россией, оно стало придерживаться в последнее время"⁸³.

Этот договор практически не изменил отношений Сербского государства с ее северным соседом. Один из участников переговоров впоследствии записал, что "Сербия на следующие 11 лет продолжила вассальные отношения с Австро-Венгрией"⁸⁴. Пашич, как когда-то Ристич, был вынужден капитулировать под давлением Вены, в руках которой находилось испытанное средство – в случае "неповиновения" закрывалась граница для сербского сельскохозяйственного вывоза. Радикалы в отличие от либералов не были полностью удовлетворены и компромиссным решением вопроса о пошлинах, низкий уровень которых⁸⁵ не мог полностью оградить национальную промышленность от конкуренции, и поэтому рассматривали достигнутый успех как первую ступень в борьбе за полную независимость внутреннего рынка от австро-венгерского капитала.

Возвращаясь к внутривластным сюжетам, отметим, что реформаторская во многом деятельность радикалов проходила в условиях довольно сильного противодействия со стороны оппозиции в лице напредняцкой и либеральной партий. Как и ожидалось, обретенный накануне принятия конституции 1888 г. компромисс оказался искусственным. Особенно резко усилились противоречия между недавними союзниками радикалами и либералами.

Лидер последних, глава регентства Ристич беззастенчиво заявлял, что в “политике не может быть брака, заключенного на всю жизнь”. Стабильность политической жизни Сербии, для укрепления которой так много сделала в 80-е годы российская дипломатия, вновь оказалась под угрозой.

Уже в конце 1889 г. появилась реальная опасность возникновения правительственного кризиса. Поводом послужил конфликт между регентами и кабинетом из-за распределения мест в Государственном совете. Правительство требовало считаться с тем фактом, что радикалы имеют большинство в скупщине, регенты же предлагали разделить места поровну⁸⁶. Отстаивая требования своей партии, глава кабинета Груич в случае несогласия регентов угрожал своей отставкой, отчего пострадала бы проводимая прогрессивная политика и чем не преминули бы воспользоваться политические противники радикалов. Поэтому сообщения о несогласии между кабинетом и регентами вызвали серьезные опасения руководителей российской дипломатии. После длительных переговоров лидеров партий при участии Персиани конфликт был урегулирован путем уступки десяти мест в Государственном совете в пользу радикалов⁸⁷. Наряду с этим произошла частичная реорганизация кабинета. Было заменено пять министров, но его главой по-прежнему остался С.Груич⁸⁸. Таким образом, сотрудничество двух партий на этот раз не было нарушено, но с трудом преодоленный кризис свидетельствовал о неустойчивости политической ситуации в Сербии, где партийные амбиции довольно часто ставились выше государственных интересов.

В Петербурге были убеждены, что в ликвидации конфликта и установлении “правильных” отношений между регентами и правительством главная заслуга принадлежит Н.Пашичу. “Не принимая прямого участия в управлении, но оставаясь главой радикалов, он способствовал мирному отношению между радикалами и

правительством и между последним и регентством”⁸⁹, — отмечалось в отчете Азиатского департамента.

Деятельность радикальной партии в качестве правящей проходила в сложных условиях не только вследствие противодействия со стороны напредняков и либералов, но и постоянного вмешательства экс-короля Милана в политическую жизнь страны. Отрекшись от престола на 35-м году жизни под влиянием сложившихся в начале 1889 г. обстоятельств, он и не думал, как показали последующие события, уходить из политики. Его отречение было лишь маневром для возможного возвращения в страну в момент “краха парламентаризма”, который он считал неминуемым в сербских условиях. Даже находясь за пределами Сербии, он был постоянной опасностью для радикалов. В мае 1890 г. А.И.Персиани сообщал в Петербург: “Милан крайне враждебно относится к министерству и радикальной партии, обвиняя ее в желании ниспровергнуть династию. В свою очередь радикалы подозревают Милана в намерении совершить государственный переворот и принимают все меры к устранению этой случайности”⁹⁰. Формальным предлогом для приезда Милана в Сербию послужило решение митрополита Михаила пересмотреть бракразводное дело короля с Натальей, но истинные мотивы возвращения экс-короля были иными. Прибыв в Белград, он заменил воспитателя и опекуна Александра профессора Л.Докича преданным ему полковником Й.Мишковичем.

Положение кабинета значительно осложнялось и отношениями с обоими разведенными супругами. Когда Милан потребовал, чтобы Наталья был запрещен въезд в страну, регенты и правительство приняли это требование из опасения, что вместе с экс-королевой может приехать и бывший монарх. Но несмотря на это, Наталья в сентябре 1889 г. возвратилась в Белград, а в мае 1890 г. вернулся и Милан, запутавшийся в долгах, общая сумма которых к тому времени уже насчитывала 1,5 млн. дин.

Борьба происходила и внутри партии радикалов, где не было единства и сплоченности. Проявлением этого стал конфликт между министром внутренних дел К.Таушановичем и главой кабинета С.Груичем из-за уступок последнего Ристичу по вопросу формирования состава Государственного совета. Уже тогда радикалы стали обвинять генерала в попустительстве регентам⁹¹. Непрекращающийся конфликт между родителями короля давал повод вменять в вину Груичу и отсутствие твердости⁹². В результате в феврале 1891 г. правительство возглавил Н.Пашич.

В Петербурге к политической перемене в Сербии отнеслись благосклонно. Александр III и его окружение полагали, что все будет хорошо, лишь бы не было Милана. Кандидатура Пашича на посту главы сербского кабинета их вполне устраивала⁹³. Ведь еще до вступления в новую должность он неоднократно ставил вопрос о целесообразности выезда из Сербии родителей короля. В январе 1891 г. он заявил российскому посланнику, что "...нужно положить конец борьбе... которая ведет к уменьшению обаяния престола, и для этого есть один способ – удалить в законодательном порядке из Сербии Милана и Наталью до совершеннолетия короля". Александр III написал на соответствующем донесении Персиани: "Самое благоразумное"⁹⁴.

Новый глава кабинета рьяно принялся за приведение в порядок внутренних дел Сербии – политических и финансовых. Обстановка в стране была крайне сложной. Российский военный агент писал, что "разобраться в этом хаосе, называемом сербской внутренней политикой... мудрено в настоящее время... Король Милан, королева Наталья, митрополит Михаил, три регента, министры и т.д. все это друг друга ненавидит, и как бы они ни мирились... все это когда-нибудь может лопнуть..."⁹⁵

Зная, какое значение придает Россия стабилизации внутривнутриполитической жизни Сербского государства, Пашич именно в Петербург обратился в конце февраля

1891 г. с сообщением о том, что экс-король согласился за 2 млн. франков отречься от своих прав члена правящей династии и выехать из Сербии. Сообщение сопровождалось просьбой сербского кабинета “ссудить эту сумму под гарантию королевских имуществ, приносящих доход в 72 тыс. франков ежегодно”⁹⁶.

Вначале в Петербурге отнеслись к этому проекту настороженно. Ближайший помощник Гирса В.Н.Ламздорф назвал его “странным”. Александр III заявил: “Я не вижу достаточной гарантии невозвращения Милана в Сербию. Он, получивши эти 2 млн. франков, надует и нас, и Сербию”⁹⁷. Но желание помочь сербскому правительству избавиться от бывшего короля брало верх над осторожностью⁹⁸. К переговорам кабинета с Миланом подключился и Й.Ристич, который поставил ему условие: в случае согласия России ссудить необходимую сумму, экс-король письменно обязуется никогда не возвращаться в Сербию. Кроме того, Россия получает право блюсти исполнение этого обязательства, вплоть до права потребовать от сербского правительства изгнать Милана из Сербии в случае его приезда⁹⁹. Ему было также предъявлено требование отречься от прав на воспитание сына. В предвкушении получения денег Милан согласился на все условия, но в свою очередь потребовал удаления и своей бывшей супруги вплоть до совершеннолетия Александра. Персиани предвидел, что кабинет согласится на это – его отношения с Натальей были почти враждебными¹⁰⁰.

В последние дни марта 1891 г. скупщина приняла Закон о полном отречении Милана, после чего вопрос о займе в России был решен без промедления. Экс-король должен был получить 2 млн. франков под залог недвижимого имущества в Сербии. Сделка была оформлена через Волжско-Камский коммерческий банк и сохранялась в секрете. Милан обязывался выплачивать деньги по этой ссуде и окончательно отрекся от всяких попыток вернуться к управлению страной и вообще приезжать в Сербию¹⁰¹.

Руководители внешней политики России стремились дипломатическим путем решить вопрос об удалении из страны родителей короля Александра, которые “своими раздорами создавали благоприятную почву для поддержания внутренней смуты”¹⁰². В этот период в министерстве иностранных дел возникла идея принять Милана в русское подданство – он высказал это желание в разговоре с Персиани. На Певческом мосту полагали, что в этом случае можно было бы найти способ закрыть ему путь на родину. Однако Александр III резко выступил против подобных планов, написав на документе: “Я бы очень желал отделаться от этой личности и вовсе не принимать его в подданство. Слишком много хлопот, неприятностей и осложнений”¹⁰³. Решено было довольствоваться обязательством Милана соблюдать закон об отречении. Получив деньги, он покинул страну. Сложнее обстояло дело с Натальей, которая не пожелала уезжать из Белграда. 26 апреля 1891 г. она была уведомлена о решении скупщины. В весьма предупредительной форме ей предлагалось покинуть страну. Однако Наталья отказалась и заявила, что подчинится лишь силе. Во время ее насильственного выдворения в Белграде произошли уличные беспорядки.

В Петербурге к “полицейским” методам в отношении бывшей сербской королевы отнеслись отрицательно. Руководителей российской дипломатии беспокоила возможность падения престижа партии радикалов, чем не преминули бы воспользоваться их политические противники, и достигнутая было стабилизация внутривнутриполитической жизни оказалась бы опять нарушенной¹⁰⁴. Вместе с тем сам факт удаления Натальи признавался “благоприятным для сохранения удобного для нас (России. – С.Д.) режима в Сербии”¹⁰⁵. Александру III было направлено соответствующее донесение из Белграда с запиской, в которой Персиани отмечал, что неоднократно обращал внимание сербских властей “на необходимость не допускать насилия в отношении королевы”¹⁰⁶. Император одоб-

рил действия своих дипломатов и распорядился принять Наталью в России с подобающими почестями¹⁰⁷. Гирс писал в Белград: “Наши отношения к Сербии носят самый дружественный характер, вследствие чего некоторая нравственная ответственность за ее действия... могла бы пасть на нас”¹⁰⁸. Выполняя поручение министра, Персиани передал Ристичу, что “метод удаления королевы” произвел в Петербурге “неблагоприятное впечатление”¹⁰⁹.

В начале июня 1892 г. умер один из регентов К.Протич. Его внезапная смерть повлекла за собой давно назревавший конфликт в отношениях между регентством, прежде всего И.Ристичем, и правительством. Нового регента должна была избрать скупщина и стать им по закону мог только радикал, так как именно радикальная партия имела подавляющее большинство в скупщине. Ристич помешать этому был не в силах, но ни в коем случае не хотел допустить в состав регентства радикала; вероятнее всего Пашича, не без основания опасаясь утратить свое очевидное первенство. Ристич предложил правительству несколько кандидатур на пост третьего регента, самым серьезным претендентом на который был его родственник генерал А.Богичевич, известный умеренностью своих взглядов. Однако радикалы, уверенные в своей победе и избрании Пашича, выступили против предложения главы регентства¹¹⁰.

Пашич предложил Ристичу созвать в начале августа внеочередную скупщину для утверждения заключенного с Австро-Венгрией торгового договора и избрания третьего регента. В противном случае глава кабинета угрожал отставкой. Ристич проявил твердость и не уступил, и правительство радикалов, находившееся у власти около трех с половиной лет, ушло в отставку. 9 августа 1892 г. регентство сформировало новый кабинет во главе с И.Авакумовичем, в состав которого вошли представители молодого поколения либеральной партии.

Итак, закончился весьма непродолжительный, но чрезвычайно насыщенный важнейшими событиями в истории Сербии период правления радикалов. За три с половиной года им не удалось полностью осуществить свою программу, однако и то, что было сделано, имело огромное значение для продвижения страны по пути парламентаризма, для подготовки Сербии к решению важнейших национальных задач. Среди достижений этого периода главными, на наш взгляд, являются принятие законов, направленных на претворение в жизнь положений конституции 1888 г. и укрепление буржуазного государственного механизма; ряд мероприятий в сфере экономики, имевших целью подрыв гегемонии Австро-Венгрии и создание благоприятных условий для развития национальной промышленности, а также укрепление дружественных отношений с Россией, что объективно отвечало стремлению широких масс сербского народа и обеспечивало поддержку великой славянской державы в решении стоявших перед молодым независимым государством задач.

Реформаторская деятельность радикалов означала “прорыв” Сербии к парламентаризму. Мероприятия, проведенные ими в области законодательства и экономики, были направлены на выполнение все той же задачи – укрепление государства в политическом и экономическом отношении с тем, чтобы обеспечить его независимость. Кроме того, “правильное” конституционное развитие с точным соблюдением норм принятого Основного закона должно было сделать Сербию цивилизованным государством, “привлекательным” в глазах сербов, живущих вне королевства, и облегчить поэтому решение ею задачи освобождения и объединения всех сербских земель.

Эти меры способствовали укреплению власти правительства радикалов, но не упрочению стабильности в Сербии. Да этого и не могло произойти. Если до 1889 г. противостояние шло по линии: король – народ (возглавляемый радикальной партией), то теперь по линии: радикалы (заседавшие в правительстве и скупщине) –

регентство, правившее формально от имени короля, а фактически от имени верхушки либеральной партии. Их противостояние, вполне объяснимое, порой принимающее довольно жесткие формы, способствовало росту нестабильности и конфронтации в сербском обществе, отдаляя его от национального консенсуса.

По мнению руководителей российской дипломатии, главным “достижением” общественно-политического развития Сербии в рассматриваемый период было отречение Милана и отъезд его из страны, событие тем более благоприятное, что произошло оно “мирным путем”, без вмешательства Австро-Венгрии, по “доброй воле” самого экс-короля. В Петербурге считали, что для усиления влияния России открываются теперь блестящие перспективы, особенно после прихода к власти сербских “патриотов” – радикалов. Деятельность последних на законодательном и экономическом поприще, их внешнеполитические шаги встретили полное одобрение и получили поддержку в России. Радикальный режим был признан “удобным”.

Вместе с тем нельзя не отметить следующее. Хотя активность российской дипломатии в сербском вопросе возросла по сравнению, например, с началом 80-х годов, все же, связанная международными обязательствами с Австро-Венгрией и Германией, Россия не могла действовать более решительно в Сербии, как того требовали консервативно-монархические слои российского общества. Если говорить о действиях России, то Сербия по-прежнему в значительной степени была “предоставлена самой себе”.

В то же время, как и прежде, немало сил и средств требовалось от российских дипломатов для выполнения непростой задачи – способствовать стабилизации общественно-политической жизни Сербского государства. В рассматриваемый период это была деятельность по “замирению” лидеров радикалов и либералов, никак не могущих поделить власть, и “ограждение” Сербии от

“присутствия” Милана (даже путем значительных материальных затрат).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Раденић А.* Радикална странка... С.993.
- ² *Протић М. Ст.* Радикали у Србији... С.85.
- ³ *Јовановић Сл.* Влада Милана...III. С.394.
- ⁴ *Јовановић Сл.* Там же. С.395.
- ⁵ *Раденић А.* Указ.соч. С.887.
- ⁶ *Јакшић Гр.* Из новије српске историје... С.175.
- ⁷ Там же. С.176.
- ⁸ Там же. С.182-183.
- ⁹ *Историја српског народа...* С.92.
- ¹⁰ Гр.Јакшић привел свидетельства многих людей, достаточно хорошо знавших Милана, о его тяжелом душевном состоянии — австро-венгерского посланника в Белграде Хенгелмиллера, сербского посланника в Вене Богичевича, министра иностранных дел Австро-Венгрии Кальноки, Й.Ристича. Например, 19 января 1889 г. Хенгелмиллер писал в Вену, что “его (короля. - С.Д.) душевное состояние не допускает, чтобы он оставался на престоле” (*Јакшић Гр.* Указ.соч. С.235).
- ¹¹ *Јакшић Гр.* Указ.соч. С.189-195.
- ¹² Там же. С.120-127, 182-188.
- ¹³ Там же. С.128-130.
- ¹⁴ *Раденић А.* Указ.соч. С.887.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1889 г. Д.98. Л.32 (Секретная телеграмма А.И.Персиани - МИД 21 февраля 1889 г.).
- ¹⁶ Там же. Ф.ПА. 1889 г. Д.443. Л.22об.-23 (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 1 марта 1889 г.).
- ¹⁷ Там же. Л.17.
- ¹⁸ *Ламздорф В.Н.* Дневник (1886-1890 гг.)... С.125 (Запись 27 февраля 1889 г.); Позднее Ламздорф писал, что отречение “для нас благоприятно и чувствуется поворот в нашу пользу” (Там же. С.167).
- ¹⁹ АВПРИ. Ф.ПА. 1889 г. Д.444. Л.3 (Секретная телеграмма Н.К.Гирса - А.И.Персиани 22 февраля 1889 г.).
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Ф.Канцелярия. 1889 г. Д.98. Л.45; Ф.ПА. 1889 г. Д.444. Л.5 (Секретная телеграмма А.И.Персиани - МИД 24 февраля (8 марта) 1889 г.).
- ²² Там же. 1889 г. Д.443. Л.36 (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 15 марта 1889 г.).

- ²³ Там же. 1889 г. Д.445. Л.16-18 (Н.К.Гирс - А.И.Персиани 3 марта 1889 г.).
- ²⁴ Там же. Л.11 (И.А.Зиновьев - И.А.Вышнеградскому 1 марта 1889 г.).
- ²⁵ Там же. Л.10.
- ²⁶ Там же. Л.15 (И.А.Вышнеградский - Н.К.Гирсу 3 марта 1889 г.).
- ²⁷ Павлюченко О.В. Россия и Сербия. 1888-1903. Киев, 1987. С.11.
- ²⁸ Русский вестник. 1889. № 3. С.340-341.
- ²⁹ Вестник Европы. 1889. № 4. С.823.
- ³⁰ Русская мысль. 1889. № 3. С.182.
- ³¹ Русские ведомости. 1889. 24 февр.
- ³² Московские ведомости. 1889. 23 февр.
- ³³ Московские ведомости. 1889. 28 февр.
- ³⁴ Генерал Коста Протич занимал пост военного министра в кабинете Й.Мариновича - А.Чумича в 1873-1875 гг. Во время сербо-турецкой войны 1876-1877 гг. он был начальником Генерального штаба Сербии, а после ее окончания - гофмаршалом княжеского двора. Пользовался личным доверием Милана, однако в 1879 г. впал в немилость и был назначен командиром корпуса в захолустном Нише, а затем уволен в запас. В 1888 г. входил в кабинет Н.Христича в качестве военного министра. О генерале Йоване Белимарковиче газета сообщала следующее. Видный либерал, ближайший сподвижник Ристича, по образованию военный инженер. Во время правления Михаила Обреновича был начальником белградского гарнизона. В 1868-1873 гг. - военный министр Сербского княжества. В 1873-1877 гг. находился в отставке. Во время войны с Турцией командовал Моравской армией. В начале 80-х годов выдвинулся в число видных членов либеральной партии. ("Московские ведомости". 1889. 28 февр.). Эти сведения представляют для исследователя интерес прежде всего потому, что факты из жизни сербских деятелей крайне редко упоминаются в немногочисленной литературе, посвященной участникам политической жизни Сербии второй половины XIX в.
- ³⁵ Вестник Европы. 1889. № 4. С.825-827.
- ³⁶ Вестник Европы. 1889. № 8. С.844.
- ³⁷ Русская мысль. 1889. № 1. С.150-151.
- ³⁸ Русский вестник. 1889. № 4. С.338.
- ³⁹ Там же. С.340.
- ⁴⁰ Там же. С.338.
- ⁴¹ Московские ведомости. 1889. 9 марта.
- ⁴² *Јовановић Сл. Влада Александра...1. С.2-4.*

- ⁴³ *Stojčić Sl.* Opštinsko pitanje u skupštinskim izborima 1893. u Srbiji//Zbornik radova pravno-ekon. fak-ta u Nišu. Pravni odsek. VII sv. Niš, 1968. S.158-159.
- ⁴⁴ *Јовановић Сл.* Указ.соч. С.4-9.
- ⁴⁵ Там же. С.13-14.
- ⁴⁶ *Јанковић Др.* Историја државе и права... С.156.
- ⁴⁷ *Јовановић Сл.* Указ.соч. С.29.
- ⁴⁸ Там же. С.29-32.
- ⁴⁹ *Stojčić Sl.* Op.cit. S.160-161.
- ⁵⁰ *Јовановић Сл.* Указ.соч. С.47.
- ⁵¹ Там же. С.50-51.
- ⁵² Там же. С.52; *Јанковић Др.* Указ.соч. С.158.
- ⁵³ *Шемякин А.Л.* Радикальное движение в Сербии... С.83.
- ⁵⁴ Историја српског народа... С.107.
- ⁵⁵ *Јовановић Сл.* Указ.соч. С.99.
- ⁵⁶ Там же. С.69-72.
- ⁵⁷ АВПРИ. Ф.ПА. 1891 г. Д.450. Л.68-69; 1892 г. Д.452. Л.106об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 24 марта (5 апреля) 1892 г.).
- ⁵⁸ АВПРИ. Ф.ПА. 1892 г. Д.455. Л.5.
- ⁵⁹ См.: *Павлюченко О.В.* Россия и Сербия. С.19-20.
- ⁶⁰ АВПРИ. Ф.ПА. 1892 г. Д.455. Л.5-5об.
- ⁶¹ Там же. Л.7об.-8об.
- ⁶² *Живановић Ж.* Политичка историја... Београд, 1924. Књ.3. С.104-105.
- ⁶³ Цит. по: *Митровић Ј.* Никола Пашић о основним питањима унутрашње и спољне политике Србије после Сливнице // Ист.гласник. 1971. Бр.1. С.128.
- ⁶⁴ *Пашић Н.* Моја политичка исповест... С.175.
- ⁶⁵ *Раденић А.* Радикална странка... С.475.
- ⁶⁶ *Јовановић Сл.* Указ.соч. С.137-139.
- ⁶⁷ АВПРИ. Ф.Канцеларија. 1890 г. Д.11. Л.16 (Секретная телеграмма А.И.Персиани - МИД 8(20) марта 1890 г.).
- ⁶⁸ Там же. Л.26 (Секретная телеграмма А.И.Персиани - МИД 12 апреля 1890 г.).
- ⁶⁹ Там же. Ф.ПА. 1890 г. Д.448. Л.98-99об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 4(16) июня 1890 г.).
- ⁷⁰ Там же. 1889 г. Д.444. Л.81-82 (Телеграмма А.И.Персиани - МИД 1, 2 декабря 1889 г.).
- ⁷¹ Там же. Ф.Славянский стол. Д.8944. Л.20 (Телеграмма А.И.Персиани - МИД 1 июня 1889 г.).
- ⁷² АВПРИ. Ф.Канцеларија. 1891 г. Д.11. Л.38 (Секретная телеграмма А.И.Персиани - МИД 7(19) апреля 1891 г.).

⁷³ В.-Б. Г. (*Веселитский-Божидарович Г.*). Приезд короля Сербии и отношения Сербии с Россией. СПб., 1891. С.14-15.

⁷⁴ АВПРИ. Ф.ПА. 1891 г. Д.450. Л.184-185об. (А.С.Сомов - Н.К.Гирсу 27 августа 1891 г.).

⁷⁵ Там же. Ф.Отчеты. Отчет Азиатского департамента. 1891 г. Л.67об.

⁷⁶ Славянское обозрение. 1892. № 9. С.129.

⁷⁷ Славянское обозрение. Сб.ст. СПб., 1894. С.330.

⁷⁸ АВПРИ. Ф.ПА. 1891 г. Д.452. Л.82-86 (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 25 февраля (8 марта) 1892 г.). О сборе пожертвований в Сербии в пользу русских крестьян рассказал и П.Ш. (Швабич) в "Письме из Сербии", опубликованном в "Славянском обозрении" (1892. № 2. С.237).

⁷⁹ Объем торговли между Россией и Сербией был весьма незначительный. Например, в 1891 г. на долю России приходилось всего 3,06% сербского ввоза.

⁸⁰ АВПРИ. Ф.ПА. 1890 г. Д.448. Л.18-19 (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 16 января 1890 г.).

⁸¹ Там же. Ф.Канцелярия. 1890 г. Д.11. Л.5 (А.И.Персиани - МИД 22 января (3 февраля) 1890 г.).

⁸² См.: *Павлюченко О.В.* Россия и Сербия... С.20-21.

⁸³ Там же. С.22.

⁸⁴ Цит. по: *Миловановић М.* Наши трговински уговори. Београд. 1895. С.55.

⁸⁵ Австро-Венгрия снижала для Сербии пошлины на скот более чем в 3 раза по сравнению с пошлинами на скот, ввозимый из других стран, например, из Германии (*Јовановић Сл.* Влада Александра... I. С.365).

⁸⁶ АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1889 г. Д.98. Л.217 (Секретная телеграмма А.И.Персиани - МИД 15 декабря 1889 г.).

⁸⁷ Там же. 1890 г. Д.11. Л.8 (Секретная телеграмма А.И.Персиани - МИД 25 февраля (9 марта) 1890 г.).

⁸⁸ Там же. Ф.ПА. 1890 г. Д.448. Л.60 и 91 (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 19 марта и 10 мая 1890 г.).

⁸⁹ Там же. Ф.Отчеты. Отчет Азиатского департамента за 1890 г. Л.9об.

⁹⁰ Там же. Ф.Канцелярия. 1890 г. Д.1. Л.32.

⁹¹ Там же. 1891 г. Д.11. Л.2 (Секретная телеграмма А.И.Персиани - МИД 9(21) февраля 1891 г.).

⁹² Там же. Ф.Отчеты. Отчет Азиатского департамента за 1891 г. Л.63.

⁹³ Там же. Ф.ПА. 1891 г. Д.450. Л.30-33. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 26 февраля 1891 г.).

- ⁹⁴ Там же. Л.5 (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 16 января 1891 г.).
- ⁹⁵ РГВИА. Ф.ВУА. Д.107. Л.31 (Рапорт подполк.бар. Ф.Ф.Таубе - нач. Военно-учетного комитета ген.-лейт.Фельдману).
- ⁹⁶ АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1891 г. Д.11. Л.18 (Секретная телеграмма А.И.Персиани - МИД 25 февраля 1891 г.).
- ⁹⁷ *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1891-1892... С.62.
- ⁹⁸ Уже в 1895 г. в инструкциях новому российскому посланнику в Белграде Р.Р.Розену тогдашний министр иностранных дел А.Б.Лобанов-Ростовский писал: "Хотя с самого начала успех этой сделки являлся весьма сомнительным, ввиду всем известного вероломства Милана, мы поспешили удовлетворить это ходатайство путем частного займа на самых льготных условиях..." (АВПРИ. Ф.ПА. 1895 г. Д.466. Л.3об).
- ⁹⁹ АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1891 г. Д.11. Л.22 (Секретная телеграмма А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 27 февраля 1891 г.).
- ¹⁰⁰ Там же. Л.25 (Секретная телеграмма А.И.Персиани - МИД 14 марта 1891 г.).
- ¹⁰¹ Там же. 1894 г. Д.12. Л.8-9.
- ¹⁰² Там же. Ф.Отчеты. Отчет Азиатского департамента за 1890 г. Л.9об.
- ¹⁰³ Там же. Ф.ПА. 1891 г. Д.450. Л.91-98об. (Докладная записка о возможности принятия Милана Обреновича в русское подданство от 8 апреля 1891 г.).
- ¹⁰⁴ Там же. Ф.Отчеты. Отчет Азиатского департамента за 1891 г. Л.65об.-66.
- ¹⁰⁵ *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1891-1892 гг. ... С.125-126.
- ¹⁰⁶ АВПРИ. Ф.ПА. 1890 г. Д.450. Л.128.
- ¹⁰⁷ Там же. Л.134 (Н.К.Гирс - А.И.Персиани 15 мая 1891 г.).
- ¹⁰⁸ Там же. Л.134об.
- ¹⁰⁹ Там же. Л.138 (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 4 июня 1891 г.).
- ¹¹⁰ См.: Ристић Ј. Биографске и мемоарске белешке од Бранка Петровића. С.182.

**Переворот 1893 г. и конституционная чехарда.
Укрепление личного режима
Александра Обреновича**

Перемена кабинета не была приятной вестью для российской дипломатии. В Петербурге понимали, что неустойчивость политического положения в Сербии в любой момент может вызвать нежелательный переворот, который перечеркнет предшествующий, вполне удовлетворительный этап двусторонних отношений. Насколько российские правящие круги придавали этому большое значение, можно судить по дипломатической активности, направленной на снижение накала политических страстей. В середине августа 1892 г. по дипломатическим каналам было передано устное обращение Александра III к регентам. В нем содержался призыв к “особой осмотрительности в связи с кризисом в правительстве”¹. Министр иностранных дел поручил поверенному в делах А.С.Сомову (вместо уехавшего в отпуск Персиани) “предупредить радикалов и Пашича”, чтобы они не выходили “из рамок законности”². Основания для таких предостережений были: в Сербии сложилась взрывоопасная обстановка. Сомов сообщал в Петербург, что перемена правительства “произвела в стране раздражение против регентов”³.

В этот период российскую миссию в Белграде временно возглавил А.В.Неклюдов. В одной из бесед с Рисичем в августе 1892 г. он выразил озабоченность России сербскими событиями последнего времени⁴. Позиция российской дипломатии, направленная на “утишение” политических страстей и амбиций партийных лидеров, характерная для нее в предшествующий период, и в начале 90-х

годов имела большое значение для развития сербской государственности. Выполняя инструкции своего министра, Неклюдов обратил внимание в разговоре с Ристичем на один из главных моментов внешнеполитической стратегии России вообще и в сербском вопросе в частности в то время: “Для нас не существует партийных различий, и мы желаем лишь истинного блага и процветания Сербии и рады оказать посильную помощь всем здоровым народным вождениям и всякому правительству, которое сумеет работать на благо страны (подчеркивание мое. – С.Д.)”⁵. В какой-то степени это заявление, на наш взгляд, было связано с тем, что аналитики российского МИД не исключали возможность прихода к власти напредняков (так и случилось через три года). Скорее всего, в Петербурге видели в перемене власти выход из того тупика, в котором оказалась страна в результате непрекращавшейся конфронтации радикалов и либералов, являвшейся главным тормозом на пути преодоления политического кризиса.

А.В.Неклюдов был убежден, что анализ внутривнутриполитической ситуации и прежде всего такого важного фактора государственности как политические партии – залог успеха российской дипломатии в данном регионе. 18 августа 1892 г. он направил в МИД донесение, в котором исчерпывающе охарактеризовал либеральную и радикальную партии и их взаимоотношения.

Особенностью политической обстановки в Сербии после удаления радикалов от власти Неклюдов признавал усиление влияния либералов. Обращаясь к истории возникновения в Сербии партий, дипломат писал: “Либеральная партия, представлявшая еще в начале 80-х годов национальные политические стремления Сербии, борьбу с австрийским влиянием и с произволом короля Милана и его новых советников, наконец, историческую преданность сербского народа России, либеральная партия к этому времени (имеется в виду 1885 г. – окончание войны с Болгарией. – С.Д.) утратила свое прежнее влияние на

народ”. Одновременно, с начала 80-х годов невиданными темпами росло влияние радикалов. “Борьба против Милана взрастила радикальных вождей и подняла их в глазах народа. Она же дала радикальной партии то национальное политическое направление, которому никогда не изменяли г.Пашич и его ближайшие сотрудники, а именно, преданность к России и сопротивление австрийскому использованию жизненных сил страны”. Но несмотря на популярность радикальной партии и радикального правительства, у этого движения, по мнению Неклюдова, имелось одно слабое место – это многочисленность партии, ее пестрый состав, ибо в нее вошли “не только силы, которые боролись с правительством короля Милана, но и те, которые вообще враждебны всякому правительству и всякому твердому государственному строю”. Дипломат имел в виду социалистов и среди них Васу Пелагича, о котором он писал с плохо скрываемым раздражением. В радикальную партию вошли также сторонники династии Карагеоргиевичей и “темный сельский люд”, верящий, что с помощью радикалов может улучшиться его экономическое положение. Нет ничего удивительного в том, что со временем эта внутренняя слабость радикальной партии проявилась и в ее рядах “наступил разлад”, а это крайне нежелательно в условиях обострения политической борьбы в стране. Активизировались “крайние представители радикализма”, что, по мнению Неклюдова, может нанести вред “будущности сербского народа”⁶.

Во исполнение инструкций из Петербурга, в начале сентября Неклюдов имел продолжительную беседу с Пашичем, который заверил его, что в предвыборной борьбе радикальная партия не будет выходить за рамки закона⁷.

Зная, что российское правительство внимательно следит за положением дел в Сербии в связи с общей ситуацией на Балканах, Й.Ристич уже после “регентского кризиса” подготовил специально для МИД России записку с объяснением причин, побудивших его призвать к власти либералов. Отсылая документ в Петербург,

вернувшийся к тому времени из отпуска Персиани сопровождал его своими замечаниями, в которых выступил оппонентом сербского деятеля и в какой-то степени своего коллеги Неклюдова в его рассуждениях о радикальной партии начала 90-х годов. Он писал: "... Я не могу вполне согласиться с высказываемыми г. Ристичем обвинениями радикальной партии в антидинастических замыслах. Несомненно, что среди радикалов, как и среди других сербских партий, найдутся сторонники Карагеоргиевичей или даже республиканской формы правления, но люди эти составляют исключение, и убеждения их никоим образом не могут быть отнесены ни к массе радикальной партии, ни к лицам, которые руководят ею ныне"⁸. Не был согласен Персиани и с утверждением Ристича о том, что в радикальной партии произошел раскол и начались интриги против Пашича. В записке первый регент объяснял свои действия именно этими соображениями – и он, и генерал Белимаркович были готовы принять Пашича в качестве третьего регента, но не хотели, чтобы этот вопрос рассматривался на чрезвычайной скупщине, ибо в этом случае мог быть избран кандидат "крайних" радикалов, стремившихся отстранить Пашича от руководства партией. Поступая таким образом, отмечалось в записке, регенты действовали в соответствии с конституцией 1888 г., согласно которой в возникшей ситуации должна созываться обычная скупщина⁹.

Видимо, не желая обострения межгосударственных отношений, руководство российского внешнеполитического ведомства в конце концов признало за происшедшими событиями "внутренний характер". В депеше, посланной в Белград, еще раз подчеркивалось, что правительство Российской империи "в нынешнем кризисе не властно да и не хочет поддерживать никакой партии. Оно имеет дело лишь с Сербией и желает ее счастья и преуспевания, и именно в интересах этого преуспевания предостерегает обе партии против всяких нарушений Устава".

Персиани в беседе с главой сербского кабинета заверил в “беспристрастном отношении России к двум борющимся партиям в Сербии без всякого вмешательства в дела внутреннего управления”¹⁰.

Александр III писал обер-прокурору Святейшего Синода К.П.Победоносцеву: “Нам положительно все равно, какая партия возьмет верх, лишь бы она не подчинялась Австрии и действовала в национальном духе”¹¹. Российский посланник понимал, что большое значение для стабилизации внутривластной обстановки имела позиция радикальной партии. Как и Неклюдов, Персиани пытался в ходе нескольких встреч с ее лидерами воздействовать на них и получил заверения, что несмотря на действия своих оппонентов, радикалы не отступят от конституционных методов борьбы¹². Но как показали последующие события, ни те, ни другие не сдержали данные обещания.

Придя к власти, либералы начали беспрецедентную в истории Сербии второй половины XIX в. чистку государственного аппарата. Так, с 9 августа 1892 г. по 1 апреля 1893 г. правительство Й.Авакумовича только по ведомству министерства иностранных дел издало 358 указов о назначениях 1587 человек, главным образом приверженцев своей партии, и 167 указов об увольнении 350 человек, в основном радикалов¹³.

Впрочем, последние еще сохраняли прочные позиции в Государственном совете, Главном контроле, кассационном и апелляционном судах, являлись руководителями большинства общин. Пытаясь покончить с влиянием радикалов на местах, либералы повели борьбу по их удалению с руководящих постов общинных органов. Значительные права при этом получили полицейские власти. Для достижения цели изыскивались самые невероятные причины¹⁴. Персиани сообщал в Петербург, что как это ни прискорбно, правительство либералов “пошло по скользкому пути насилия”¹⁵.

Действия либералов вызывали протест со стороны руководства радикальной партии, вынуждая его выступать с

заявлениями в печати. Как и прежде, агитаторы партии умело пользовались испытанными методами, чтобы поднять “политическую температуру” в стране и привлечь сторонников на свою сторону. По Белграду специально распространялись слухи о том, что будто бы второй регент генерал Й.Белимаркович заявил: “Скоро псы насытятся мясом радикалов”¹⁶.

Опасения подвергнуться незаконным репрессиям заставляли лидеров радикальной партии обращаться за помощью к иностранным дипломатическим представителям в Белграде и в первую очередь к российскому посланнику.

В декабре 1892 г. Персиани, по поручению своего начальства, в беседе с Ристичем предупредил об “опасных” мерах сербского кабинета, которые могут нарушить общественный порядок. Ристич просил российского дипломата взять на себя посредничество в установлении *modus vivendi* между регентством и перешедшими в оппозицию радикалами. Во время встречи Персиани с Пашичем последний обвинил либералов в возникновении кризиса и потребовал отставки министра внутренних дел Рибарца. Ристич с этим не согласился, а доверительный разговор с посланником предал гласности. Начался газетный шум с обвинением Пашича в “государственной измене, следствием чего было вмешательство иностранного представителя во внутренние дела” и т.п. Александр III в сердцах написал на донесении из Белграда: “Это подлая выходка Ристича, но на него похоже!”¹⁷.

Действия либералов против радикалов встретили отпор сербского крестьянства, так как речь шла не только о судьбе популярной в народе партии, но и о самоуправлении общин. Волнениями были охвачены Пожаревацкий, Зайчарский и другие округа.

Во время предвыборной кампании в начале 1893 г. либералы, используя весь имеющийся у них арсенал средств, оказывали на избирателей сильное давление. Полиция препятствовала председателям избирательных

комитетов, среди которых было немало сторонников радикальной партии, вовремя прибыть на избирательные участки. В докладе радикалов на скупщине указывалось на 274 таких случая¹⁸. Однако подобные и другие козни не помешали одержать им внушительную победу на выборах и вместе с немногочисленными депутатами-напредняками устроить обструкцию, вследствие чего скупщина осталась без кворума. В ответ правительство ликвидировало несколько мандатов радикалов, отдав их своим сторонникам, и таким образом было искусственно создано большинство либеральной партии. Это являлось грубым нарушением конституции 1888 г.

Между тем, истратив полученные от России деньги и оставшись практически без средств, экс-король Милан стал вынашивать планы возвращения в Сербию. В начале января 1893 г. он отправился в Биарриц, где в то время проживала его бывшая жена, предварительно сообщив о своих намерениях сыну и телеграфировав Ристичу, что ищет свидания с королевой с целью “законного сближения” и надеется на содействие регентов в этом деле¹⁹. Примечательны пометки Александра III на телеграммах Персиани с этими сообщениями: “Это что-то недоброе!” и “Он что-нибудь затевает!”. Интуиция не обманула российского самодержца – Милан действительно решил использовать создавшуюся в стране ситуацию для своего возвращения.

Антиконституционная деятельность либерального правительства была прервана государственным переворотом. 1 апреля 1893 г. король Александр Обренович, который не достиг еще совершеннолетия, с помощью военных взял власть в свои руки, объяснив свой поступок в воззвании к народу стремлением спасти Сербию и конституцию²⁰. Но как бы ни были прекрасны и патриотичны слова юного короля, факт оставался фактом – “спасая” конституцию, он начал свое правление с грубого ее нарушения, продолжив тем самым ряд незаконных действий, столь характерных для высших государственных лиц

Сербии конца 80 – начала 90-х годов. Понимая, что его “юношеский” поступок мог вызвать нежелательный резонанс за рубежом и более всего беспокоясь о реакции Петербурга, Александр на следующий день после переворота пригласил во дворец Персиани и заявил ему: “Меня могут обвинить в нарушении статьи конституции, которая признает за мной самостоятельность лишь по достижении совершеннолетия. Это правда. Я сознаюсь, что с этой точки зрения я не вполне прав, но можно ли сравнить это ничтожное (sic! – С.Д.) нарушение Устава, которое состоит лишь в том, что я преждевременно взял в руки мне же принадлежащую власть, с теми безобразиями (подчеркивание автора документа. – С.Д.), которые совершали министры заодно с регентами... Регенты из личных побуждений поддерживали непопулярное правительство. Им нужны были послушные министры, а не люди, пользующиеся доверием страны. Они домогались превратить скупщину в собрание, в котором заседали бы не представители народа, но их приверженцы. Я глубоко убежден, что мне нельзя было медлить, и что решением взять власть в свои руки я предупредил большое бедствие для страны и для престола”²¹. На вопрос Персиани, не вызвано ли решение короля советами его родителей, Александр ответил, что начало его недовольства регентами относится к тому моменту, когда они “несочувственно” отнеслись к примирению Милана с королевой Натальей. О своем намерении он предварительно сообщил отцу и после его одобрения поручил министру двора майору Чиричу выработать план действий²².

Судя по имеющимся в распоряжении исследователей документам, уже в конце 1892 г. во дворце созрел план государственного переворота. По свидетельству В.Йовановича, председатель Государственного совета Л.Докич в декабре доверительно сообщил ему, что скоро молодой король возьмет власть в свои руки и покончит с регентством. Йованович, по его словам, резко отрицательно

отозвался на это сообщение, заявив, что подобные действия антиконституционны²³.

Современников событий весьма интересовал вопрос – принимал ли участие в подготовке переворота король Милан. Прямых свидетельств этого нет. Однако трудно предположить, чтобы нерешительный по природе своей, неуравновешенный Александр отважился на подобное “действие” без “благословения” отца. По нашему мнению, Милан не только “благословил” переворот, но и помог его подготовить. Известно, что в марте 1893 г. Докич встречался с ним по его инициативе за границей. Недаром Й.Ристич, находившийся во дворце в ту злополучную ночь с 31 марта на 1 апреля, когда король объявил регентам и министрам о своем решении, все время, по его словам, смотрел на дверь, ожидая появления экс-короля²⁴.

В Сербии весть о государственном перевороте 1 апреля была воспринята в целом благожелательно (за исключением либералов). В результате его особенно выиграли радикалы, вернувшиеся без каких-либо жертв из оппозиции в правительство, которое возглавил представитель правого крыла так называемых “умеренных радикалов”, бывший воспитатель Александра Лаза Докич²⁵.

Российская дипломатия в отношении событий в Сербии заняла выжидательную позицию. В том, что переворот готовился именно Миланом, в Петербурге не сомневались. На это указывало сообщение Персиани в МИД о секретном обсуждении сербским правительством накануне 1 апреля вопроса об отмене закона, воспрещавшего Милану въезд в страну²⁶.

Но в конце концов приход к власти Александра Обреновича был признан законным. А.Васильевичу, являвшемуся с 1 ноября 1892 г. по 1 апреля 1893 г. сербским посланником в Петербурге, во время прощальной аудиенции Александр III заявил, что рад, что молодой король взял власть в свои руки, но ему не нравится способ, к которому он прибегнул²⁷.

В российских общественных кругах событие 1 апреля встретило осуждение как “антиконституционный акт”. Так, например, оценил поступок короля Александра журнал “Вестник Европы”: “Для юного правителя особенно опасно начинать свое политическое поприще актом насилия, нарушающим основные законы государства”²⁸. Вместе с тем, принимая во внимание те события, которые происходили в Сербии накануне переворота, российская общественность считала, что король Александр заслуживает снисхождения. “Рискованный шаг” молодого монарха привел к положительным результатам: были свергнуты регенты, в течение нескольких лет пытавшиеся “управлять страной при помощи насилия и произвола”, преследовавшие радикалов, отказавшиеся избрать третьего регента из их рядов и тем самым вызвавшие политический кризис. Таким образом, резюмировал “Вестник Европы”, в результате переворота “цель несомненно достигнута: виновники опасного кризиса устранены, и либеральная партия возвращена в естественное свое состояние меньшинства; радикалы, незаконно лишенные... полномочий в городских и сельских общинах, восстановлены в своих правах. Назначены новые выборы в народную скупщину без активного участия администрации, и мирное население может, наконец, вздохнуть свободно...”²⁹.

Правительство Л.Докича сразу же распустило скупщину, назначив новое ее избрание: выборы принесли убедительную победу радикалам, получившим 88% голосов³⁰. Либералы в знак протеста не выставляли своих кандидатов.

Новая скупщина имела всего два созыва: один внеочередной – 1 июня, второй очередной – 1 ноября. Основной ее задачей была ратификация торгового договора с Австро-Венгрией, заключенного 28 июня 1892 г. Были также продолжены переговоры о торговом договоре с Россией. К лету 1893 г. основные положения соглашения были сформулированы и 15 сентября 1893 г. договор о

торговле и судоходстве между Россией и Сербией был подписан. В марте 1894 г. в Одессе проходил съезд представителей железных дорог и пароходств двух стран, на котором обсуждался вопрос об установлении прямого сообщения между ними. Оживились и российско-сербские торговые связи³¹.

Вначале между монархом и радикалами почти не было трений. В своей среде они даже называли Александра “радикальным королем”. Однако после встречи с отцом в сентябре 1893 г. в Опатии он в корне переменялся³². Используя различные средства, отец и сын Обреновичи готовились к расширению своих прерогатив в нарушение конституции 1888 г. и наступлению на демократические завоевания предшествующего десятилетия, к устранению с политической арены главного своего противника – радикальной партии. Молодой король оказался достойным преемником своего отца именно в этой позиции. При редких встречах Милан не уставал ему повторять, кто является “основным злом” для Сербии. Видимо, по совету Милана Александр начал действовать таким образом, чтобы вызвать раскол в руководстве радикальной партии – разделить его на сторонников Л.Докича, так называемых “придворных радикалов”, и сторонников Н.Пашича. Конечно, Пашич и как политик, и как личность превосходил Докича и всех его приверженцев; его влияние в стране было огромным, а положение лидера партии весьма устойчивым. Поэтому было решено удалить его из Сербии, отправив на берега Невы в качестве сербского посланника. Но все же раскола партии, как того хотели отец и сын Обреновичи, не произошло. На съезде радикальной партии в 1893 г. группа Пашича одержала решительную победу над сторонниками Докича.

В октябре 1893 г. иностранные дипломаты, аккредитованные в Белграде, заметили, что дворец довольно часто посещают политические противники радикалов в недавнем прошлом – М.Гарашанин, Ст.Новакович, А.Джорджевич, Св.Николаевич, В.Петрович³³. Отправлявшемуся

со специальной миссией в Вену М.Богичевичу король заявил, что он разочаровался в радикалах и держит их у власти только потому, что ему необходимо утвердить бюджет, после чего он сформирует нейтральное правительство. В своих планах Александр рассчитывал заручиться поддержкой Вены, но Кальноки не хотел вмешиваться во внутренние дела страны, где так сильны были в этот период антиавстрийские настроения³⁴.

В результате многодневных консультаций король поручил формирование правительства “придворному радикалу” С.Груичу (Л.Докич ушел со своего поста из-за болезни).

* * *

Курс российской политики в отношении Сербии и при молодом Обреновиче оставался прежним. Его “признали” в Петербурге без каких-либо осложнений, в первую очередь потому, что надеялись на улучшение внутривнутриполитической ситуации и преодоление затянувшегося кризиса. Как и прежде, когда Россия не могла играть активную роль в этом регионе, большое значение приобретала деятельность дипломатов по обеспечению должного уровня двусторонних отношений, поддержка прорусских настроений и группировок, помощь нормальному развитию стабилизационного процесса в Сербии, а также постоянный анализ информации о всех важнейших событиях ее общественно-политической жизни.

Исполнявший обязанности российского посланника в этот период А.В.Неклюдов характеризовал политическое положение Сербии как неустойчивое³⁵. При этом, докладывая в Петербург, существует опасность, что из-за слишком частых перемен в правительстве у короля и его окружения может появиться “неуважение к конституции”. В качестве возможной реакции правящих кругов России на сербские события, по мнению Неклюдова, должно быть “терпеливое воздействие, своевременный

совет и разумное отношение (подчеркивание мое. – С.Д.) к делам и людям Сербии”. В этой связи он высказал пожелание, чтобы российская пресса воздерживалась от нетерпеливого и необдуманного осуждения сербского правительства и его действий”. Одна из главных задач политики России в отношении Сербского государства, по мнению дипломата, должна состоять в “спокойном и благосклонном внушении... правительству и народу добрых советов умеренности, возможного согласия и основательной государственной работы”³⁶.

Отношения между королем и радикалами становились все более напряженными. Александр явно демонстрировал недовольство их кабинетом и не исключал возможности передачи власти напреднякам. Генерал Груич обратился за помощью к Персиани, надеясь, что королю будет сделано внушение из Петербурга и это предотвратит свержение радикалов. Для принятия столь важного решения из Бухареста был срочно вызван военный агент полковник Ф.Ф.Таубе. Груич и Персиани хотели, чтобы именно он сообщил королю Александру о возможных негативных для него последствиях передачи власти напреднякам, но Таубе отказался под предлогом, что это не входит в круг его обязанностей³⁷.

Объясняться с королем пришлось Персиани, который использовал в качестве предлога для аудиенции выражение благодарности за утверждение скупщиной российско-сербского торгового договора. Персиани заявил, что несмотря на одобренную императором позицию невмешательства во внутренние дела Сербии, Россия не может быть равнодушна к тому, что в ней происходит. Именно поэтому приход к власти напредняков, проводивших в 80-е годы антинародный проавстрийский курс, может отразиться “на благоволении к нему императорского правительства”³⁸.

Демарш Персиани возымел действие: 20 декабря король Александр уведомил российского посланника о том, что он “решил повременить с удалением Груича”. Однако

Персиани понимал, что дни правления радикалов сочтены³⁹.

9(21) января 1894 г., нарушив все договоренности Петербургом и скупщиной, в Сербию вернулся экс-король Милан. 13 января учащаяся молодежь устроила столице демонстрацию. Перед дворцом при криках “Живи Устав!” (Да здравствует конституция!) манифестанты пытались сжечь прокламацию короля Александра от 1 апреля 1893 г., в которой он торжественно обещал действовать в рамках конституции, но были разогнаны полицией⁴⁰. Скупщинский клуб радикалов опубликовал заявление, в котором обвинил Милана в нарушении данного им слова и выразил опасение, что пребывание его в стране “грозит спокойствию”⁴¹. В заявлении отмечалось, что “всякое участие бывшего короля... в государственных делах противно конституции, так как он отказался не только от прав члена королевского дома, но и от сербского гражданства”⁴².

Радикальное правительство во главе с С.Груичем (оно находилось у власти всего девять месяцев) ушло в отставку. 12 января был создан так называемый “нейтральный” кабинет Джордже Симича⁴³ (январь – март 1894 года), в составе которого было пять профессоров Вельской школы.

В Петербурге прекрасно понимали, что надежды на изменение внешнеполитического курса Сербии и углубление стабилизационного процесса с приездом Милана рухнули.

Первой реакцией императора на сообщение Персиани о возвращении Милана были недоумение и негодование. На телеграмме из Белграда от 9(21) января он написал: “Это скверно и пойдет старая история. Хорошо исполняет он свои обещания”. 11 января во время приема во дворце дипломатического корпуса Александр III “открыл своих воззрений от сербского посланника” (Н.П. Шица. – С.Д.). Гирсу было дано указание через Персиани “внушать мысль” сербскому правительству

необходимости отъезда Милана⁴⁴. Орган министерства иностранных дел России “Journal de St. Petersbourg” 11(23) января писал, что “новый путь ...представляется... исполненным неудобств и опасностей для сербского правительства... это путь нарушения конституции”.

15 января 1894 г. товарищ министра иностранных дел В.Н.Ламздорф записал в своем дневнике: “Новости из Сербии далеко не хороши. Обстановка здесь осложняется, и весьма нелегко заниматься какими-либо предсказаниями относительно предстоящего развития событий. Молодой король Александр отныне не вызывает у нас большого доверия, и все же очень важно не слишком нажимать на него, чтобы не создать себе еще одного противника на Балканах, отбросив Александра в объятия Австрии. Милан, по всей вероятности, не уберется из страны, не получив за это соответствующего вознаграждения”⁴⁵. Говоря о настроениях при дворе в связи с сербским вопросом, 25 января 1894 г. российский дипломат сделал следующую запись: “Государь озабочен положением в Сербии и относится с резким неодобрением к молодому королю Александру. Он даже сказал: “Уж лучше бы Карагеоргиевичей вместо этих Обреновичей”⁴⁶.

Судя по документам, В.Н.Ламздорф представлял то направление российской дипломатии, сторонники которого, несмотря на непримиримую позицию Александра III (кстати, критически относясь к Милану, император никогда не предлагал “решительных” мер для его удаления), считали, что не следует столь прямолинейно связывать вопрос “благоволения” России к Сербии с пребыванием короля Милана в стране, необходимо по возможности проявлять в сложившейся ситуации больше гибкости. Прекрасной иллюстрацией этого наблюдения является эпизод приема главы сербского кабинета Дж.Симича в Петербурге. Дело в том, что на телеграмме по поводу вероятного его приезда с письмом от короля Александр III написал: “Я полагаю даже поставить условием приема мною Симича непременный отъезд Милана из Сербии”

(подчеркивание автора документа. – С.Д.), иначе я отклоняю его прием”. Мнение же В.Н.Ламздорфа было таково: “Отказывать по этой причине (пребывание Милана в Белграде. – С.Д.) в приеме Симичу, после того, как он уже получил разрешение прибыть и притом с письмом от молодого короля, в котором содержатся объяснения (можно сказать – извинения), означает применять оскорбительный метод и совершать шаг в пагубном направлении нанесения мелких обид и придинок по мелочам – в том самом направлении, которое уже завело нас в болгарский тупик” (подчеркивание мое. – С.Д.)⁴⁷. Однако руководитель внешней политики России был последователен в своей непримиримости. Больше всего, по-видимому, Александра III раздражало и возмущало то, что Милан так ловко всех “обманул” – выманив деньги, необходимые ему для увеселений, карточной игры и кутежей⁴⁸, он нарушил слово, данное скупщине, кабинету и российскому государю, слово короля (немыслимое преступление в глазах императора!), и вновь появился в Сербии. Пометы Александра III на полях дипломатических документов этого периода весьма интересны, помогают многое понять и прежде всего изменить тот хрестоматийно-негативный образ императора, который существовал в советской исторической литературе.

Российский император, конечно, никогда не жаловал Милана, но прежде был сдержаннее, хотя бы в официальных документах и на приемах. Но в этот, последний, год своей жизни, уже страдая от тяжелой болезни, он не скрывал раздражения и употреблял отнюдь не дипломатические выражения. Так, 3 февраля 1894 г. В.Н.Ламздорф отметил в дневнике, что на очередном донесении из Белграда “его величество написал: “Что за подлец и мерзавец этот Милан”. И тремя днями позже: “Какая может быть возможность поддержки с нашей стороны и сочувствия, когда этот скот Милан возвращается в Сербию и мутит всех и когда король Александр обращается за советами к своему подлецу-отцу и противозаконно призывает

его в страну!"⁴⁹. А во время бала в Зимнем дворце 20 февраля 1894 г. Александр III в присутствии свиты и многочисленных гостей сказал тогдашнему сербскому посланнику Н. Пашичу: "Когда же скот Милан покинет Сербию"⁵⁰

Несмотря на то, что некоторые российские дипломаты высшего ранга (В.Н. Ламздорф, например) не разделяли слишком категоричной позиции в отношении экс-короля, в этом плане все оставалось по-прежнему и в последующий период. Так, в марте 1894 г., во время аудиенции Пашича у замещающего министра иностранных дел Шишкина, последний вновь заявил, что российское правительство осуждает появление Милана в Сербии⁵¹.

17-м марта 1894 г. датировано личное письмо Н.К. Гирса А.И. Персиани, содержащее анализ внутривнутриполитической обстановки, сложившейся в Сербии после приезда экс-короля. Главной задачей российской дипломатии министр считал способствовать тому, чтобы "за событиями... сохранился внутренний характер". Особое беспокойство руководителей внешнеполитического ведомства России вызывала возможная постановка в Сербии династического вопроса. "Вопрос этот, – отмечалось в письме, – может... причинить нам весьма серьезные затруднения, так как, в случае падения существующего режима, сербы едва ли обратят свои взоры на нового представителя туземной династии, например, на одного из Карагеоргиевичей. Гораздо вероятнее, что в Белграде водворится нечто подобное республиканскому порядку, или какой-нибудь иностранный принц неславянской крови и не православного вероисповедания, как в Румынии и Болгарии. В первом случае могут произойти беспорядки, неудобные для Австро-Венгрии, и вызвать с ее стороны нежелательное воздействие на Сербию, во втором случае Сербия делается, по всей вероятности, жертвой враждебных нам происков"⁵².

С приездом Милана⁵³ радикалы, как и следовало ожидать, были отстранены от власти. Гонения на членов их партии приобрели невиданный размах. Как сообщал

российский консул Н.Демерик из Ниша⁵⁴ 3 мая 1894 г., кабинет Симича за два месяца своего существования успел издать не менее 1156 указов по разным ведомствам; из них 218 касались увольнения радикалов с государственной службы. Таким образом, по мнению Н.Демерика, “кабинет г. Симича, объявивший себя “нейтральным” и “примирительным”, на самом деле дебютировал по обычному рецепту всех своих “партийных” предшественников и производил “дезинфекцию” служебного персонала от неугодных ему радикальных элементов с энергией, граничащей с систематическим гонением”⁵⁵.

В целях давления на правительство радикалы устроили обструкцию скупщины. В ответ Симич закрыл заседание парламента. Двор попытался выйти из кризиса, создав кабинет во главе со Св.Николаевичем (март – октябрь 1894 г.), который декретом отменил Закон об изгнании короля Милана. Однако кассационный суд опротестовал это решение, напомнив, что исполнительная власть не имеет права, согласно конституции 1888 г., отменять принятые законы. В этих условиях существовали два варианта дальнейшего развития событий: или разрешение кризиса в рамках действующей конституции, или ее отмена и усиление авторитарной власти. Король и его окружение, пребывая в постоянном страхе перед крестьянским бунтом, выбрали второе.

9(21) мая 1894 г. была восстановлена консервативная конституция 1869 г. и все законы, принятые на ее основе. Были избраны также новые члены Государственного совета, кассационного суда, Главного контроля.

Итак, юноша-король Александр Обренович, окруженный “мудрыми” советниками, совершил второй за 14 месяцев своего правления государственный переворот.

Переворот 9 мая был осуществлен консервативными политическими силами при поддержке армии, которая постепенно становилась оплотом правящего режима в Сербии.

Два государственных переворота, осуществленные молодым Обреновичем – 1 апреля и 9 мая – отличались друг от друга. Первый нарушил конституцию, второй ее отменил, что являлось прерогативой только Великой народной скупщины.

Реанимация конституции 1869 г. означала возврат в прошлое на двадцать пять лет назад. А между тем общественная и политическая ситуация в стране не была прежней – старая конституция стала уже историческим документом. В своих донесениях в Петербург Персиани подчеркивал менее прогрессивный ее характер в сравнении с только что отмененной. При этом он отмечал значительное ограничение “самостоятельности народного представительства”⁵⁶.

Летом 1894 г. король Александр совершил большое заграничное путешествие по ряду стран. В связи с этим вояжем российские дипломатические представители в Вене, Берлине и Константинополе получили инструкции, примечательные тем, что в них в сжатой форме была изложена программа российской внешней политики по сербскому вопросу в тот период. Дипломатам рекомендовалось не проявлять инициативы в обсуждении отношений двух стран. Если же она будет исходить от самого короля Александра, то дать понять ему, что Россия более всего желает “прекращения в Сербии двоевластия, водворившегося со времени возвращения Милана”. “Двоевластие это, – по убеждению руководителей внешней политики России, – угрожает спокойствию Сербии и роняет ее достоинство в международных отношениях. Мы желаем лишь самостоятельности короля Александра, что вовсе не нарушает его сыновних чувств к родителям”⁵⁷.

С начала 90-х годов в Сербии назревало общее недовольство режимом Обреновичей, которое усугублялось финансовыми трудностями. Государственная казна опустела, страна оказалась не в состоянии платить проценты по иностранным займам. К тому же 1893 г. и 1894 г. были неурожайными, погибли многие виноградники, что

сказалось на одной из главных статей сербского экспорта. Кабинет Н.Христича, находившийся у власти с октября 1894 г. по июнь 1895 г., оказался вынужденным заключить в Карлсбаде соглашение о займе с рядом западноевропейских банков, которое предусматривало создание специальной контрольной комиссии с участием представителей иностранных синдикатов. Это ставило в зависимость от других держав главные источники сербских государственных доходов: железные дороги, соляную и винную монополии, поступления от таможенного и гербового сборов.

20 октября 1894 г. умер российский император Александр III. А.В.Неклюдов получил "высочайшее повеление" пригласить короля Александра ко дню похорон и сообщить маршрут его следования⁵⁸. Эта весть была с удовлетворением воспринята в Белграде⁵⁹. Здесь явно демонстрировалось стремление правящих кругов Сербии изменить отношения между двумя государствами к лучшему и выяснить контуры сербского аспекта политики России при новом царствовании. Александр остался весьма доволен своей поездкой. Во время траурной миссии никаких политических бесед не велось и о возвращении Милана в Сербию никто не упоминал. Желая сохранить возможность дальнейших связей, в чем немалую роль играл российский дипломатический представитель, король после возвращения из Петербурга наградил его Орденом Такова II степени со звездой⁶⁰. С подчеркнутым вниманием и почестями в Белграде был принят состоящий в императорской свите генерал-майор граф Голенищев-Кутузов, прибывший для торжественного оповещения о вступлении на престол Николая II⁶¹.

В начале 1895 г. Неклюдов зафиксировал некоторые перемены во внутривнутриполитической жизни Сербии, отличительной особенностью которой российская дипломатия признавала "внутреннюю шаткость существующего порядка вещей". Он писал в Петербург: "С одной стороны, стремление каждой партии (в лице ее главарей) к

безраздельному и всевластному своему господству делает всякое прочное соглашение между партиями почти невозможным, даже когда подобное соглашение имеет целью лишь оппозиционную борьбу. С другой, существуют все признаки утомления страны партийной борьбой и расположения ее сплотиться вокруг правительства, лишь бы оно само показало себя достаточно беспристрастным и не давало вовлекать себя в партийные интриги”⁶². Со своей стороны, замещавший Н.К.Гирса в это время Н.П. Шишкин неоднократно советовал в своих инструкциях Неклюдову “воздерживаться от всякого непосредственного вмешательства в партийный вопрос в Сербии, ограничиваясь ролью беспристрастного наблюдателя...”⁶³.

Летом 1894 г. А.И.Персиани, после 17-летней службы в Белграде, покинул пост российского посланника и Сербию. Около полугода главой миссии являлся, как уже упоминалось выше, А.В.Неклюдов. В начале 1895 г. в Белград был назначен барон Роман Романович Розен (1847 – 1922), ранее служивший в Мексике.

В правящих сферах Сербии отсутствие российского посланника воспринималось как выражение “неблаговоления” и недовольства России. Поэтому приезд Розена был встречен с нескрываемой радостью. С первых дней пребывания в Белграде российский дипломат пользовался подчеркнутым вниманием со стороны официальных лиц, неоднократно пытавшихся вызвать его на доверительный разговор, от которого, впрочем, он весьма искусно уклонялся до согласования с внешнеполитическим ведомством программы действий и получения официальных инструкций.

Подводя итоги, отметим, что главным результатом развития Сербского государства в начале 90-х годов прошлого столетия стало преодоление возникшего кризиса власти путем переворота, в результате которого король снова стал значимым фактором государственности.

Переворот 1 апреля 1893 г. являлся нарушением конституции 1888 г. Имея все права на сербский престол,

молодой Обренович приступил к “исполнению своих обязанностей” с антиконституционного акта.

Говоря о первых двух годах самостоятельного правления Александра Обреновича, следует констатировать, что тогда молодой король в “тандеме” с возвратившимся в страну Миланом сделал очередную попытку выйти на авторитарный уровень. Существовавшая конституция (1888 г.) стала как путы для королевской власти, поэтому ее отмена в той ситуации была просто неминуема. Для этого периода характерна была эскалация антиконституционных мер, и хотя формально восстановили конституцию 1869 г., фактически и она не действовала.

Позиция России на данном этапе развития сербской государственности характеризовалась, с одной стороны, стремлением (при сохранении общего курса на “невмешательство”) поддержать “конструктивные силы” Сербии, способные установить в стране “общественный порядок” и проводить “основательную государственную работу”, а с другой, явным неприятием Милана и осуждением его “незаконного” пребывания в Сербии. С этого времени почти шесть лет последнее обстоятельство неизменно учитывалось при определении курса России в сербском вопросе, сыграв в целом негативную роль в развитии двусторонних отношений.

Со стороны сербских правителей, несмотря на явную, как и прежде, приверженность австрофильскому курсу во внешней политике, делались некоторые попытки (правда, в основном демонстративного характера) улучшить отношения между Россией и Сербией. Обреновичам, давно и прочно связавшим свой режим с Веной, все же приходилось время от времени “оглядываться” на собственный народ, настроенный антиавстрийски.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ АВПРИ. Ф.Отчеты. Отчет Азиатского департамента за 1892 г. Л.105.
- ² Там же. Ф.ПА. 1892 г. Д.454. Л.14 (Секретная телеграмма Н.К.Гирса - А.С.Сомову 15 августа 1892 г.).
- ³ Там же. Ф.Канцелярия. 1892 г. Д.11. Л.57 (Секретная телеграмма А.С.Сомова - МИД 12(24) августа 1892 г.).
- ⁴ Там же. Ф.ПА. 1892 г. Д.452. Л.187 (А.В.Неклюдов - Н.П.Шишкину 18 августа 1892 г.).
- ⁵ Там же. Л.188.
- ⁶ Там же. Л.199-202об. (А.В.Неклюдов - МИД 18 августа 1892 г.).
- ⁷ Там же. 1892 г. Д.453. Л.9 (А.В.Неклюдов - Н.П.Шишкину 8 сентября 1892 г.).
- ⁸ Там же. Л.28об.-29 (А.И.Персиани - Н.П.Шишкину 6 октября 1892 г.).
- ⁹ Там же. Л.29-32об.
- ¹⁰ Там же. Л.14-15об. (А.В.Неклюдов - Н.П.Шишкину 8 сентября 1892 г.); Там же. 1892 г. Д.454. Л.136-137 (Н.П.Шишкин - А.В.Неклюдову 2 сентября 1892 г.).
- ¹¹ К.П.Победоносцев и его корреспонденты. Письма и записки. М.-Пг., 1923. Том I. Полутом II. С.981.
- ¹² АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1892 г. Д.11. Л.35 (А.И.Персиани - Н.П.Шишкину 6 октября 1892 г.).
- ¹³ *Stojčić Sl. Opštinsko pitanje...* S.162.
- ¹⁴ Так, председатель Доньо-Краваричской общины Драгачевского срезга был отстранен от должности вследствие того, что его деятельность якобы не отвечала "ни духу сегоднешнего времени, ни государственным потребностям" (*Stojčić Sl. Op.cit. S.165*).
- ¹⁵ АВПРИ. Ф.ПА. 1892 г. Д.453. Л.120 (А.И.Персиани - Н.П.Шишкину 29 декабря 1892 г.).
- ¹⁶ *Јовановић-Стојимировић М. Силуџе...* Књ.2. С.55.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф.ПА. 1892 г. Д.453. Л.122,123.
- ¹⁸ *Stojčić Sl. Op.cit. S.169.*
- ¹⁹ АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1893 г. Д.12. Л.8 (Секретная телеграмма А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 8(20) января 1893 г.); Л.11 (Секретная телеграмма А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 9(21) января 1893 г.).
- ²⁰ *Живановић Ж. Политичка историја...* Књ.3. С.188.
- ²¹ АВПРИ. Ф.ПА. 1893 г. Д.457. Л.69-70 (А.И.Персиани - Н.П.Шишкину 19 апреля 1893 г.).
- ²² АВПРИ. Ф.ПА. 1893 г. Д.457. Л.71об.
- ²³ *Јовановић В. Успомене...* С.481.
- ²⁴ Там же. С.482-483.
- ²⁵ *Јовановић Сл. Влада Александра...I. С.346.*
- ²⁶ См.: Павлюченко О.В. Указ.соч. С.24.

- 27 *Васильевич А.* Моје успомене... С.161.
- 28 *Вестник Европы.* 1893. № 5. С.417.
- 29 Там же. С.420.
- 30 *Историја српског народа...* С.109.
- 31 *Павлюченко О.В.* Указ.соч. С.24-25.
- 32 *Јовановић Сл.* Указ.соч. С.403.
- 33 *Ђорђевић М.* *Državni udar 1893. godine i kriza ustavnosti u Srbiji/Zbornik radova pravno-ekon. f-ta u Nišu.* Pravni odsek. VIII sv. Niš, 1969. S.13.
- 34 *Јовановић Сл.* Указ.соч. С.407.
- 35 АВПРИ. Ф.ПА. 1893 г. Д.457. Л.172-173об. (А.В.Неклюдов - Н.К.Гирсу 21 септембра 1893 г.).
- 36 Там же. Л.176-177об.
- 37 РГВИА. Ф.ВУА. Оп.5/С. Д.7. Л.8 (Личное письмо Ф.Ф.Таубе - Фельдману 16 децембра 1893 г.).
- 38 АВПРИ. Ф.Канцеларија. 1894 г. Д.12. Л.1-3об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 8 јануара 1894 г.).
- 39 Там же. Л.3-4об.
- 40 Там же. Ф.ПА. 1894 г. Д.461. Л.3-3об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 14 јануара 1894 г.).
- 41 Там же. Л.3об.
- 42 Там же. Л.14об. (А.И.Персиани - Н.К.Гирсу 8 фебруара 1894 г.).
- 43 Симич в то время – сръбский посланник в Вене, откуда в Сербию он приехал вместе с Миланом.
- 44 АВПРИ. Ф.ПА. 1894 г. Д.463. Л.17 (Секретная телеграмма Н.К.Гирса - А.И.Персиани 19 јануара 1894 г.).
- 45 *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894-1896. М., 1991. С.23.
- 46 Там же. С.31.
- 47 Там же. С.36.
- 48 После отъезда из Сербии король Милан почти два года, за исключением совершенного им паломничества к Святым Местам, провел на европейских курортах, ипподромах и в игорных домах, где получил прозвище “краль-пробисвет” (король-пройдоха). (См.: *Сфорца К.* Никола Пашић и уједињење Југословена. Ратне и дипломатске успомене. Београд, 1990. С.7).
- 49 *Ламздорф В.Н.* Дневник. 1894-1896. С.37, 39.
- 50 Там же. С.44-45.
- 51 *Раденић А.* Прогони политичких противника у режиму Александра Обреновића. 1893-1903. Београд, 1973. С.540-541.
- 52 АВПРИ. Ф.ПА. 1894 г. Д.463. Л.42-43об.
- 53 В апреле 1894 г. был издан указ о возвращении Милану сръбского подданства и прав члена королевского дома.

⁵⁴ В январе 1894 г. было открыто российское консульство в Нише. Н.Демерик в донесении по поводу этого события отмечал, что на церемонии открытия и освящения консульского флага сербы "вспоминали об исторических связях сербского народа с русским, о заслугах России перед сербским отечеством" (АВПРИ. Ф.ПА. 1894-1896 г. Д.1071. Л.5).

⁵⁵ Там же. Л.43об.-44.

⁵⁶ Там же. 1895 г. Д.464. Л.35-35об.

⁵⁷ Там же. 1894 г. Д.463. Л.78-78об.

⁵⁸ Там же. Ф.Канцелярия. 1894 г. Д.12. Л.131 (Секретная телеграмма Н.К.Гирса - А.В.Неклюдову 25 октября 1894 г.).

⁵⁹ Там же. Ф.ПА. 1894 г. Д.461. Л.208 (А.В.Неклюдов - МИД 29 октября 1894 г.).

⁶⁰ Там же. Л.227-229об.

⁶¹ Там же. 1895 г. Д.464. Л.8 (Политический отчет, представленный колл. советником А.В.Неклюдовым товарищу министра Н.П.Шишкину).

⁶² АВПРИ. Ф.ПА. 1895 г. Д.464. Л.27 (А.В.Неклюдов - Н.П.Шишкину 17 февраля 1895 г.).

⁶³ Там же. Л.103.

Политическое развитие Сербии во второй половине 1890-х годов и российско-сербские отношения

А тем временем в политической жизни Сербского государства произошла очередная перемена. Напредняцкое большинство скупщины заявило, что не утвердит Карлсбадское соглашение, если власть не перейдет к напреднякам. Подходил срок выплаты процентов, а денег на казне не было. Единственной возможностью немедленно получить необходимые средства признавалось утверждение вышеупомянутого договора. В этой ситуации король был вынужден призвать к власти напредняков, популярность которых в стране значительно возросла и прежде всего потому, что они выдвинули требование новой конституции и предприняли реальные шаги по его осуществлению. Одно из ведущих мест в партии с середины 90-х годов занял старейший ее член Стоян Новакович, утверждавший, что напредняцкой партии нужна новая программа, главным пунктом которой должна была стать конституционная реформа¹.

Ст. Новакович был замечательной личностью, человеком разносторонне образованным. Он принадлежал к тому типу людей, которые могли лучшим образом сочетать занятия наукой и политикой. Известный ученый, автор ряда работ в самых различных областях знаний – лингвистике, литературоведении, истории (политической, правовой, культурной), он был так же и деятельным министром просвещения в правительстве напредняков в 80-е годы, и талантливым дипломатом, и видным политическим деятелем, с которым не могли не считаться при дворе Обреновичей.

Конституционной реформе в Сербии Новакович придавал большое значение. В 1868 г. он, будучи еще молодым человеком, входил в состав комитета, подготовившего конституцию 1869 г., главным недостатком которой, по его мнению, являлось установление в Сербии однопалатной системы народного представительства².

В апреле 1895 г. в Нише состоялась очередная скупщина, на которой сторонники Новаковича уже на государственном уровне подняли вопрос о конституционной реформе. В сербском обществе зрели надежды на политические перемены, которые способны привести к стабилизации.

Как и все напредняки, Новакович на начальном этапе деятельности партии был приверженцем австрофильского курса во внешней политике Сербии, а также выступал за установление тесных отношений с великими державами Запада. Позднее, в 1887-1891 гг., будучи сербским посланником в Константинополе, Новакович пришел к выводу, что западные государства, в отличие от России, не заинтересованы в оказании поддержки Сербии.

Главной причиной отхода напредняков от Австро-Венгрии стала Македония. Не желая "усиления" Сербии ни в каком отношении, Вена не могла оказывать ей поддержку в македонском вопросе, что напредняки поняли уже во время войны 1885 г. Особенно это проявилось в условиях обострившегося с конца 80-х годов соперничества сербской и болгарской национальной пропаганды в македонских землях (в первую очередь, в церковном и школьном вопросах).

Для Новаковича на его посту сербского посланника в столице Османской империи, во-первых, было совершенно очевидным, что в вопросах православной церкви и школы в Македонии русское влияние намного сильнее австрийского, а во-вторых, что в этих вопросах Австро-Венгрия никогда не будет помогать Сербии "искренне". Результатом его наблюдений и раздумий явилась уверенность в том, что сербская национальная пропаганда в

Македонии будет иметь успех только в случае поддержки Петербурга³. Именно здесь следует искать корни “русофильства” Новаковича 90-х годов.

Летом 1895 г. Новакович возглавлял Государственный совет страны и являлся вице-председателем Главного комитета напредняцкой партии. 5 июля 1895 г. король предложил ему сформировать новый кабинет. Новакович согласился при условии одобрения Александром его программы, носившей название “Мемуар о плане, по которому должны вестись государственные дела”⁴.

“Мемуар” содержал прежде всего резкую критику существующей системы власти в Сербии, главным недостатком которой, по мнению его автора, являлось сохранение милановских методов управления. Под ними Новакович подразумевал недоверие в отношениях короля и правительства, зависимость последнего от капризов монарха. Особое внимание обращалось в “Мемуаре” на период с января 1894 г., когда, казалось, правительство в стране вообще отсутствовало, так как Александр с ним совсем не считался. Поэтому Новакович прежде всего требовал от короля гарантий на будущее в поддержании авторитета кабинета.

В “Мемуаре” значительное место отводилось вопросам внешней политики. Касаясь сербо-австрийских отношений, его автор отмечал, что связанная Тайной конвенцией 1881 г. Сербия в течение многих лет испытывала постоянные ограничения в этой области. Намечаемые изменения, по мнению Новаковича, должны коснуться и внешнеполитической сферы, ибо Сербия “не может иметь ни с кем тайных конвенций, противных своим национальным интересам”. Выступая за установление добрых отношений со всеми великими державами, Новакович подчеркивал, что Сербия не должна ориентироваться на какую-либо одну державу. По его мнению, существенной корректировке в первую очередь должны быть подвергнуты отношения с Австро-Венгрией и Россией, так как именно эти две страны играют значительную роль в развитии

воздействие России “на короля Александра строго ограничено советами не допускать крайних мер, которые могут вызвать волнения”. Особенно конструктивной являлась позиция в отношении сербских партий, значительно отличавшаяся от антинапредняцких выпадов 80-х годов. “Мы стараемся...сдерживать сербских деятелей всех оттенков (подчеркивание мое. - С.Д.) в пределах законности, предостерегая их от пагубных последствий антидинастических интриг, неминуемо ведущих к внутренним и внешним замешательствам”, – писал 25 мая 1895 г. А.Б.Лобанов-Ростовский Р.Р.Розену⁶.

У нового российского посланника складывалось впечатление, что в сложившейся ситуации вполне возможно благоприятное развитие двусторонних отношений. По его мнению, “в решении правительственного кризиса путем создания напредняцкого кабинета во главе со Ст.Новоковичем нет ничего, что повредило бы русским интересам”. Он ставил под сомнение австрофильство напредняков в этот период, которое ограничивалось необходимостью поддержания дружественных отношений с Австро-Венгрией в силу весьма тесных экономических связей. “Изменить это не в состоянии, – писал Розен, – ни наша дружба, ни патриотические антиавстрийские усилия радикалов”⁷. Это был реалистический, трезвый и мудрый подход.

Посланник попытался дать свою оценку радикальной партии. Вполне резонно он сомневался в “безграничной преданности” партии России. Он отмечал, что наблюдения за ходом политических дел в других странах показывают, что партии преданы прежде всего собственным интересам и интересам своей страны. “Поэтому политические расчеты, основанные на чьей бы то ни было “преданности” помимо крепко связывающих людей, как и народы, интересов, кажутся... скорее принадлежащими к области политической маниловщины (подчеркивание

автора документа. – С.Д.)... увлечение которыми нам доставляло уже столько... разочарований”⁸.

Прослужив в Сербии около полугода, Розен составил подробную программу своей будущей деятельности, что вызвало одобрение руководителей внешней политики России, понимавших необходимость уточнения прежних позиций в сербском вопросе с учетом изменений в соотношении политических сил в Сербии, особенностей развития ее государственности. Этот документ интересен для историков и потому, что в нем подробно анализируются основные факторы сербской государственности середины 90-х годов. Программа Розена была одобрена министром иностранных дел и императором Николаем II⁹.

Залогом успешной дипломатической деятельности Розен считал четкое осознание того, “какие именно ближайшие и более отдаленные задачи преследует наша политика в Сербии”. По мнению посланника, позиция Петербурга по первому вопросу предельно ясна: “Императорский кабинет прежде всего желает укрепления в Сербии прочного и устойчивого политического строя, обеспечивающего процветание и мирное развитие страны и оберегающего ее от опасности быть вовлеченной в какую бы то ни было политику приключений”.

Весьма примечательными являются мысли Розена о стратегических целях политики России в отношении Сербии: “...Обращаясь к области предположений о возможных в будущем событиях и политических комбинациях, мы можем желать, чтобы здесь образовалась и росла сила, которая в случае вооруженного столкновения славянского мира с германским, могла бы служить России если не точкой опоры, то по крайней мере полезной диверсией в тылу Австро-Венгрии. Наконец, если позволительно заглядывать еще далее в будущее, мы могли бы желать, чтобы Сербское королевство со временем сделалось центром, около которого сгруппировались бы все разрозненные ныне части сербского племени” (подчеркивание мое. – С.Д.). Действия российской дипломатии в данном

направлении могут быть облегчены тем обстоятельством, что цели внешней политики России в сербском вопросе, по мнению Розена, “вполне согласуются с собственными интересами Сербии и потому представляются достижимыми”. “Дальше же этого, насколько мне известно, — замечал посланник, — наши желания никогда не доходили да и не могли простираться, не сталкиваясь с вполне законным стремлением каждого независимого, хотя бы лишь с недавнего времени, государства ревниво оберегать свою политическую самостоятельность”¹⁰.

Одной из серьезных задач российской дипломатии Розен считал правильный выбор средств для выполнения поставленных целей. Для этого прежде всего, по его убеждению, необходимо изучить “важнейшие факторы здешней политической жизни”.

В своей записке посланник подробно остановился на институте королевской власти. “Сохранение и укрепление монархического строя в Сербии” он считал “абсолютно необходимым” и в этой связи, по его мнению, прежде всего должен был быть решен династический вопрос. “Одно уже допущение, хотя бы отдаленной возможности при случае призвать на царство Карагеоргиевичей... составляет элемент неустойчивости, — утверждал дипломат, — совершенное устранение которого было бы... в высшей степени желательным”. Задача российской дипломатии в этом вопросе, по мнению Розена, заключается в том, чтобы “занять вполне определенное положение, не оставляющее в умах здешних политических деятелей ни малейшего сомнения в принципиальном неодобрении нами всяких попыток поколебать престол ныне царствующего короля...”. Из беседы с королем Александром во время аудиенции во дворце российский дипломат вынес впечатление, что он “одарен недюжинными способностями, не по годам развит умственно и, видимо, чувствует высокое значение принятого им служения”. По мнению Розена, не-

обходимо развивать у короля чувство самостоятельности и содействовать его женитьбе на какой-либо принцессе¹¹.

Интерес представляют рассуждения Розена о родителях короля. Экс-королева Наталья, по его убеждению, хорошо относится к России, но мудрой советчицей сыну быть не может, так как является натурой увлекающейся, со своими симпатиями и антипатиями. Экс-король Милан играет ярко выраженную отрицательную роль в общественно-политической жизни Сербии. В этом плане позиция России прежняя – она не одобряет его присутствия в Сербии¹².

Вполне закономерно, что Розен затронул и проблему сербо-австрийских отношений. “Австрия, – писал он, – неизбежно должна пользоваться здесь известной долей влияния, основанного на близком соседстве, на подавляющем преимуществе военного могущества и на экономической зависимости от нее Сербии вследствие уже одного географического ее положения. С этим вполне естественным влиянием Австрии силою вещей непременно принуждена считаться всякая партия в Сербии... Устранить такое влияние ее было бы возможно лишь посредством устранения тех географических, исторических и экономических условий, на которых оно основано...”¹³.

Благоприятным обстоятельством для укрепления российско-сербских дружественных связей, по мнению посланника, является полная противоположность интересов Австро-Венгрии и национальных идеалов сербов, достижение которых “возможно лишь при содействии и покровительстве России”¹⁴.

Сербские политические партии Розен считал важным фактором государственной жизни. В связи с этим становится понятным подробное рассмотрение этого вопроса в его записке в МИД. “...Нецелесообразность основания политических расчетов исключительно на поддержке одной какой-нибудь политической партии, – полагал он, – подтверждается главным образом именно тем

соображением, что немыслимо, чтобы в конституционном государстве такая партия, хотя бы она опиралась на весьма значительное численное большинство в массах народных, оставалась постоянно у власти. Следовательно, отождествляя свои политические интересы с одной этой партией, мы тем самым ставим их... в зависимость от участи ее, и каждый раз, что партии этой приходится уступать бразды правления другой, мы не только лишаемся опоры, на которую главным образом рассчитывали, но и терпим соответствующее нравственное поражение". Ориентация России на какую-нибудь одну партию неприемлема, по мнению Розена, еще и потому, что другие партии "обнимают весьма значительную часть наиболее образованного и достаточного класса сербского народа и, следовательно, составляют один из важнейших факторов политической жизни страны, с которым и королевской власти, и нам нельзя не считаться"¹⁵. Итак, резюмировал посланник, следует действовать в Сербии таким образом, чтобы не было сомнений в том, что "императорское правительство не имеет никакого желания вмешиваться в дела, касающиеся внутренней жизни страны, и что благорасположение наше распространяется на всякое правительство в Сербии, к какой бы партии оно ни принадлежало, которое в своих действиях и в направлении своей иностранной политики будет сообразовываться вполне с политическими интересами России"¹⁶.

Эта разумная и взвешенная программа действий российской дипломатии в Сербии отвечала интересам обоих государств. В ней отчетливо просматривалось стремление преодолеть господствовавшие в течение долгого времени стереотипные подходы к оценке событий.

С приходом к власти кабинета Ст.Новаковича создавались благоприятные условия для налаживания российско-сербских отношений. В конце декабря Розен писал в МИД: "С точки зрения наших интересов здесь нет ни малейшей причины желать скорейшего устранения нынешнего министерства. Трудно было бы, казалось, идти

дальше того доверия, которое до сих пор оказывали нам как сам король, так и г.Новакович. Мы же от Сербии требовали только одного: чтобы она несвоевременными притязаниями и вмешательством не усложняла... положение дел на Балканском полуострове, и с этим требованием Сербия до сих пор сообразовалась с точностью и вполне добросовестно”¹⁷.

1(13) января 1896 г. в газете “Видело” (№ 1) была опубликована статья, в которой подчеркивалась необходимость возобновления нормальных отношений с Россией и констатировалось, что в интересах Сербии – заслужить “драгоценную дружбу могущественной славянской державы”. В связи с этой публикацией австро-венгерский посланник в Белграде потребовал от Новаковича объяснений. В ответе премьера содержалась краткая, но целостная программа внешнеполитической деятельности нового кабинета. Новакович подчеркнул, что отныне Сербия будет отстаивать принцип поддержания дружественных отношений со всеми великими державами, но все же принадлежность к славянству является, по его убеждению, мощным объединяющим фактором. Вместе с тем он отметил, что “общие чувства ни к чему не обязывают и что Сербия как небольшое государство полностью создает свое положение и не стремится к каким бы то ни было великим целям”¹⁸.

В Вене полагали, что Сербия вступила на путь сближения с Россией и именно с этой целью установила дружественные отношения с Болгарией, чтобы действовать через нее, так как прямые контакты с российскими официальными кругами вследствие пребывания Милана в стране не привели к ожидаемым результатам и не растопили в Петербурге лед недоверия. Английский посланник в Белграде сообщил в Лондон о содержании своей беседы с Новаковичем, заявившим, что сербское правительство в будущем в еще большей степени намерено согласовывать свою политику с Россией¹⁹.

Прорусская ориентация Сербии и Болгарии, не говоря уже о Черногории, ставшая особенно очевидной в начале 1896 г., вела к установлению более тесных связей между балканскими государствами, что было в интересах России, стремившейся опереться на блок этих стран в своей политике в данном регионе.

Главной задачей своего кабинета Новакович считал проведение конституционной реформы. Он полагал, что после соглашения с королем и одобрения данного решения скупщиной препятствий более не существует. Александр же под влиянием отца не спешил выполнять свои обещания. Он вновь прибег к излюбленному методу – лавированию между партиями. Теперь в качестве необходимого условия реформы он называл привлечение радикалов к разработке Основного закона. Документы свидетельствуют, что во дворце велись тайные переговоры с лидерами радикальной партии, в частности, с С.Груичем²⁰.

В преддверии конституционной реформы активизировали свою деятельность либералы. 3 сентября 1895 г. в Белграде состоялось собрание их партии для выборов председателя и членов Главного комитета. Главой либеральной партии вновь был избран Й.Ристич. Как всегда он был полон энергии и планов по реформированию сербского общества, хотя жить ему оставалось недолго (умер в 1899 г.). Обращаясь к вопросу конституционной реформы, Ристич заявил, что Сербии нужен новый Основной закон, так как конституция 1869 г. давно устарела, а конституция 1888 г. требует “тщательного пересмотра в духе, одинаково противном реакционным, как равно и слишком радикальным стремлениям”. Розен откликнулся на выступление этого авторитетнейшего когда-то государственного мужа такими словами: “Появление снова на политической арене этого старого и опытного борца составляет событие несомненной важности, которое... следует приветствовать как один из признаков возвращения страны к нормальному течению политической жизни”²¹.

Что касается руководства радикальной партии, то оно из тактических соображений пошло на соглашение с двором и было готово сформировать коалиционное правительство из представителей всех партий на базе восстановленной конституции 1888г. Но скупщина, большинство депутатов которой были напредняками, все же настаивала на ее пересмотре, что показала очередная сессия парламента в конце 1895 г.²²

Российский посланник не скрывал от сербских официальных кругов заинтересованность своего правительства в скорейшем осуществлении конституционной реформы как основы стабилизации внутривластной жизни. В декабре 1895 г. во время аудиенции у короля он затронул этот вопрос. Александр доверительно сообщил посланнику, что в принципе он согласен “даровать” Сербии новую конституцию, но не следует с этим торопиться, так как главную задачу кабинета Новаковича он видит не в проведении конституционной реформы, а в “упорядочении финансов”. Вместе с тем он убежден, что реформу должно осуществить именно это правительство, “более консервативные настроения” которого позволят “легче... достигнуть...необходимых уступок со стороны радикальной оппозиции, чтобы обеспечить составление нового Органического Устава, не слишком ограничивающего права короны в пользу непомерно широкого народного властия”²³.

В начале 1896 г. во дворце все чаще стали появляться представители радикальной партии, призываемые королем для ведения секретных переговоров. Отметим, что в этот период часть радикалов во главе с Н.Пашичем все более осознавала необходимость своего участия в конституционной реформе. 10 марта на заседании Главного комитета партии в его узком составе было решено включиться в работу конституционной комиссии при условии формирования коалиционного правительства. Большинство участников заседания высказалось против двухпалатной системы народного представительства²⁴.

Вся работа по подготовке проекта новой конституции была возложена на Ст. Новаковича²⁵.

Для исследователей, занимающихся изучением российско-сербских отношений этого периода, примечательным представляется факт весьма активного участия в обсуждении всех вопросов, связанных с конституционной реформой середины 90-х годов (хотя и несостоявшейся) посланника Розена. Во всяком случае многочисленными документами свидетельствуют, что и король Александр, и премьер Новакович советовались с ним по этому вопросу довольно часто. Судя по его донесениям и запискам в МИД, российский дипломат близко к сердцу принимал происходившее в Сербии, высказывал в разговорах с лидерами партий довольно трезвые мысли, предлагал им конструктивные решения, однако его активность в значительной степени сдерживалась предписаниями, получаемыми из Петербурга. Так, когда во время аудиенции в феврале 1896 г. король попросил Розена высказаться относительно целесообразности введения в Сербии двухпалатного парламента, тот уклонился от обсуждения вопроса, заявив, что это “касается исключительно внутренней политики Сербии”²⁶.

3(15) марта 1896 г. впервые после 1 апреля 1893 года во дворце был принят Й. Ристич. Король Александр имел с ним продолжительную беседу. По свидетельству Розена речь шла о конституционной реформе. Советы Ристича отмечал он, “самого опытного государственного деятеля Сербии”, могут быть весьма полезны “в интересах установления в Сербии действительно прочного государственного устройства на умеренных началах”²⁷.

Заседания конституционной комиссии начались во дворце под председательством короля 15 апреля 1896 г. Дискуссия велась по главам конституции²⁸. Новакович внес предложение о введении в Сербии сената на следующей основе: 20 сенаторов назначаются пожизненно королем, каждый округ и столица государства Белград избирают по 2 сенатора. Кроме того членами сената

являются: престолонаследник по достижении им совершеннолетия, митрополит сербский, два представителя Государственного совета, по одному представителю от кассационного и апелляционного судов, член архиепископского собора, два профессора Великой школы и представитель Народного банка из числа его акционеров. Для выборных сенаторов устанавливались возрастной и имущественный цензы: они должны были быть не моложе 40 лет и платить не менее 100 дин. прямого налога в год, что, правда, не распространялось на председателя и вице-председателя народной скупщины, генералов и полковников на пенсии и в отставке, министров, советников, дипломатических агентов, председателей и членов Главного контроля и кассационного и апелляционного судов²⁹.

Заседания комиссии по подготовке реформы проходили ежедневно. 28-30 апреля был обсужден и принят текст новой конституции³⁰. Следующим шагом должно было стать создание конституционного комитета, однако король Александр не хотел осуществления никаких реформ и поэтому медлил с его созывом.

Общество уже жило грядущими переменами. Новакович спешно готовил проект писем, которые король должен был послать членам конституционного комитета (по предварительной договоренности его работа должна была начаться 14 мая). Ушедший с головой в подготовительную работу премьер не замечал маневров короля, а тот уже получил согласие "умеренных" радикалов отложить реформу. Главе кабинета было заявлено, что радикалы и либералы отказались участвовать в подготовке конституции и поэтому следует подождать до тех пор, пока в стране перестанут бушевать политические страсти. Реформа, демагогически заявил король, будет проведена позднее, но уже в договоре с народом, а не с партиями.

В сложившейся ситуации радикалы во главе с Н. Пашичем решили взять инициативу в свои руки. 18 июля 1896 г. они организовали в Белграде многотысячный митинг, потребовав проведения немедленных реформ.

Главным вопросом внутривластной жизни Сербии, подчеркивалось в резолюции митинга, является конституционный. От его решения "зависят восстановление хозяйства, улучшение финансового положения страны, рост народного благосостояния". В резолюции, в частности, говорилось: "Конституционный и парламентский режим большинства, на чисто демократических основаниях (подчеркивание автора документа. — С.Д.), есть единственная надежная опора государственного устройства и основа для достижения наших отечественных великих культурных и национальных задач. Поэтому интересы Сербии и сербского народа требуют, чтобы немедленно было приступлено к решению вопроса об Уставе"³¹.

Митинг радикальной партии должен был, по мнению ее руководства, продемонстрировать силу и единство радикалов в обстановке политического кризиса.

Следует отметить весьма важное обстоятельство, а именно: в этот период радикальная партия уже не выступала за введение в действие конституции 1888 г. Пашич и большинство членов Главного комитета считали, что нет смысла бороться и приносить жертвы за то, что не может быть защищено. По мнению Пашича, высказанном им позднее в "Политической исповеди", возврат к конституции 1888 г. был возможен лишь в случае возникновения кризиса королевской власти в связи с международными осложнениями или ухудшением общей внутривластной ситуацией³². Глава радикалов реально оценивал настроения народа, неспособного, по его убеждению, в тот период вступить в борьбу с королем. Если народ не смог сохранить конституцию, имея радикалов у власти, радикальное большинство в скупщине и преобладающее влияние сторонников партии в общинных, срезских и окружных органах, то о чем можно было говорить сейчас, когда все это утрачено. Вот почему Пашич считал нецелесообразным вновь вступать в борьбу с королевской властью на 10-15 лет. Принятие пусть и менее прогрессивной конституции, по его мнению, сможет обеспечить

основные права народа и его участие в государственных делах, а также позволит в относительно спокойный период развития сербского общества подготовиться к новой борьбе с режимом Обреновичей. "...Конституционность и свободы, — писал он, — должны поддержать внутри прогресс и благосостояние народа, а извне — осуществление национальной задачи"³³.

Между тем Ст.Новакович продолжал работу по подготовке конституции. Его не смущало то обстоятельство, что король медлил с созывом комитета и вел закулисные переговоры с радикалами³⁴.

Чтобы соблюсти все формальности, глава кабинета во второй раз внес на одобрение скупщины предложение об изменении Основного закона. Принятое решение было идентично первому, 1895 года, однако король его не утвердил³⁵. Маневры Александра закончились отставкой кабинета Новаковича 26 декабря 1896 г. (н.ст.).

В области внутренней политики этому правительству не удалось решить главного вопроса своей программы — конституционного. Более успешной была деятельность во внешнеполитической области, что проявилось в укреплении международного положения Сербии, расширении связей с балканскими странами.

Правительство Ст.Новаковича было напредняцким. В традиции этой партии и напредняцких кабинетов с начала 80-х годов было австрофильство. Новакович выступил в качестве реформатора, совершив переворот во внешнеполитической ориентации своей партии. "Это был, — справедливо замечает сербский историк М.Войводич, — один из наиболее значительных результатов правления кабинета Новаковича, так как в тот период русофильская политика больше отвечала национальным интересам Сербии"³⁶. Учитывая, что и две другие партии — радикалы и либералы — ориентировались на Россию, это означало, что в рассматриваемый период впервые сербские политические круги были едины в своей

внешнеполитической концепции. Таким образом, сужалась база австрофильства короля, вызревал национальный консенсус – база конституционности и демократии.

Последствия нового курса были драматичны для Сербского государства. В то время как в Петербурге вначале с недоверием приняли “русофильство” напредняков, Габсбургская монархия вполне его оценила и в ответ прибегла к экономическим санкциям, угрожая репрессивными мерами в отношении сербской экспортной торговли.

Кабинет Новаковича предпринял, вслед за радикалами, дальнейшие шаги на пути экономической эмансипации от Австро-Венгрии. Однако эта деятельность не могла встретить поддержки сербского монарха. “...Долголетней практикой, – писал в ноябре 1897 г. новый посланник А.П.Извольский, – была выработана целая система прекрасно продуманных мер нравственного и материального воздействия Австро-Венгрии на слабые балканские государства... К Сербии она применялась с особым успехом вследствие полной зависимости, в которой находится от Австрии и Венгрии экономическое благосостояние страны. То или другое направление сербской политики имеет для Австро-Венгрии, обладающей многочисленным сербским населением, существенное значение. Отсюда является логическое стремление не допускать ни слишком большого внутреннего развития сил королевства, могущего породить сербский “ирредентизм”, ни усиления Сербии путем сближения с другими славянскими государствами полуострова. С этой целью из Вены никогда не переставали влиять на сербские дела, главным образом, с помощью короля Милана и некоторых влиятельных и наиболее культурных сербских сфер”³⁷.

Ориентация на более тесные отношения с Россией представляла собой разрушение той основы, на которой в свое время строилась политика короля Милана, а затем и Александра. Австро-венгерское правительство неоднократно указывало последнему на данное обстоятельство и настоятельно советовало ему взять руководство

внешней политикой страны в свои руки, что безусловно означало бы возврат к принципам Тайной конвенции 1881 г. Экс-король Милан не скрывал своего нерасположения к Новаковичу и в этом отношении оказывал постоянное давление на молодого монарха. 14 декабря произошла их встреча на австрийской территории, во время которой отец убеждал сына в необходимости улучшения отношений с Веной³⁸. Проявлением нового курса короля Александра, несомненно, может служить награждение высокой сербской наградой – Орденом Белого орла – губернатора Боснии и Герцеговины Б.Калая³⁹.

17(29) декабря 1896 г. был образован новый кабинет во главе с тогдашним посланником Сербии в Вене Дж.Симичем, в который вошли четыре радикала и четыре “нейтрала”.

В начале января 1897 г. сербским дипломатическим представителям за границей был разослан циркуляр, в котором определялись главные цели внешней политики Сербии: “поддержание корректных отношений со всеми государствами”, упрочение “традиционных связей с Россией и соседней дружественной Австро-Венгрией”⁴⁰.

В Петербурге полагали, что задачей кабинета Симича должно стать принятие новой конституции и “примирение партийной вражды”⁴¹. Однако и через полгода конституционный вопрос не был решен.

В этот сложный для Сербского государства период был сменен российский посланник в Белграде – место барона Р.Р.Розена занял Александр Петрович Извольский (1856-1919). Так же как и его предшественник, он получил при назначении предписания, которыми должен был руководствоваться в своей деятельности в Сербии. Они были аналогичны тем, что в свое время были направлены Розену и содержали концентрированную характеристику особенностей политики России в сербском вопросе в конце XIX в. В инструкции подтверждалась незыблемость целей России в этом регионе: “Мы хотим вывести Сербию на путь мирного и нормального развития,

обеспечивающий прочный порядок внутри и оберегающий страну от всяких увлечений в делах внешней политики". Далее следовали заверения в поддержке: "...Мы всегда готовы будем приходить на помощь королевству как советом, так и покровительством..."⁴².

Извольскому предписывалось придерживаться следующей позиции: "Наилучшее средство укрепить доверчивое к нам отношение Сербии... будет заключаться в том, чтобы отрешиться от всякого вмешательства во внутренние дела королевства и тем наглядно доказать...отсутствие с нашей стороны каких-либо своекорыстных замыслов и вполне искреннего желания одной лишь пользы стране... Нами принято поэтому твердое решение ни под каким видом не вмешиваться в борьбу политических партий Сербии и вообще во внутренние ее дела, а равно и в семейные вопросы королевского дома (подчеркивание мое. – С.Д.)" "Вам, – обращался к Извольскому В.Н.Ламздорф, – следует поэтому неуклонно придерживаться того же начала и, став выше всяких партий и личностей в Сербии, приобрести путем этим необходимое доверие короля, который в таком случае найдет в лице вашем вернейшую опору для дальнейшего осуществления на деле принятого им решения идти по пути вполне искреннего с нами единения"⁴³.

В этот период перед российской дипломатической миссией в Белграде ставилась в качестве основной задача: "...Вселить в сербах убеждение, что находясь в полном согласии с Австрией на счет поддержания мира и воспрепятствования кому бы то ни было самовольно посягать на существующий порядок"⁴⁴, Россия ничего другого не желает, как наибольшего роста Сербии и никогда не преградит ей путей к осуществлению ее национальных целей"⁴⁵.

После нескольких месяцев службы в Сербии, Извольский мог составить представление о состоянии ее общественно-политической жизни. Подобные характеристики являлись важной составной частью донесений

оссийских дипломатов. Учитывая стратегические цели России на случай крупных международных осложнений и возможно войны, а также то, что в планах царизма по поиску союзников на Балканах определенное место отводилось Сербскому государству, руководители внешней политики Российской империи предписывали своим дипломатическим представителям в этом регионе давать подобную информацию о внутривосточной ситуации. Однако первые сообщения Извольского были неутешительны: "...Внутреннее политическое положение Сербии, писал он, – после нескольких государственных переворотов и накануне острой партийной борьбы из-за выработки новой конституции крайне шатко; ...среди этого почти невозможно укрепить государственной власти; финансы и вооружение Сербии находятся в самом плачевном состоянии; наконец, ... раздоры в королевской семье крайне затрудняют нормальное развитие молодого короля". "Все это, вместе взятое, – подытоживает Извольский, – невольно приводит к заключению, что в настоящем ее виде Сербия вряд ли может считаться надежным и устойчивым политическим элементом на Балканском полуострове"⁴⁶. Вместе с тем он неоднократно одобрительно отзывался в своих донесениях о правительстве Симића и посылал в Петербург благожелательные отзывы о его деятельности⁴⁷. По мнению российского посланника, у этого кабинета есть все возможности для стабилизации внутривосточного положения страны и проведения конституционной реформы.

Однако, несмотря на требования прогрессивных сил сербского общества, реформа так и не была осуществлена. Король, ссылаясь на внешние обстоятельства (международные осложнения в связи с греко-турецкой войной), отложил ее на неопределенный срок. По мнению Ст.Новачича, которое он высказал в своих воспоминаниях, в 1896-1897 гг. у Александра созрела мысль о женитьбе на Драге Машин, придворной даме королевы Натальи, женщине старше его на 12 лет, пользовавшейся в обществе

дурной репутацией. Именно поэтому, считал экс-премьер молодой король и заигрывал с общественностью в конституционном вопросе, понимая, что для преодоления недовольства его решением необходимо иметь в арсенале особые, популярные средства – демократические реформы, новую конституцию, приведение к власти оппозиции⁴⁸.

Не осуществив конституционную реформу, кабинет Симича 7 октября 1897 г. ушел в отставку.

11 октября в обстановке необычайного политического хаоса в Сербии было сформировано правительство во главе с Владаном Джорджевичем. В его состав вошли беспартийные чиновники, некоторые преданные режиму Обреновичей напредняки и либералы.

По отзывам современников, новый сербский премьер пользовался в стране огромным уважением. Прежде всего “доктор Владан”, как его называли, был талантливым хирургом, учившимся в Вене у лучших профессоров. Во время австро-прусской войны 1866 г. он был начальником военного госпиталя во Франкфурте, приобретя там большой врачебный опыт. Вернувшись в Сербию, он стал известным хирургом, лечил, как говорили в то время, весь Белград, а затем стал личным врачом короля Милана. Наряду с обширной частной практикой он возглавлял военно-медицинскую службу Сербии и являлся профессором гигиены Военной академии. Впоследствии Джорджевич основал Сербское медицинское общество и Сербский Красный Крест, а также создал образцовую, по признанию современников, санитарную службу. “Я думаю, – восхищенно писал Э. де Лавелэ в своих путевых записках, – что ни в одной стране не существует столь же подробного и столь превосходного строя гигиенической полиции”⁴⁹. Однако интересы Вл. Джорджевича не ограничивались лишь “медицинской нивой”. Самое поразительное, что при огромной врачебной практике и большой даже для Сербии того времени семье (у него было 15 детей!), он находил время и для занятий литературным трудом. Его перу принадлежит немало

публицистических статей и художественных произведений; он основал известный сербский литературный журнал “Отаджбина” (“Родина”) – вышло 129 журнальных книжек.

Вл. Джорджевич обладал независимым, гордым характером. Он не боялся никому высказывать свое мнение, если был уверен в своей правоте. Ведь именно он нашел в себе мужество заявить амбициозному и самолюбивому молодому князю Милану: “Государь, Вы недостаточно образованны для своего предназначения. Вам нужно учиться, если не хотите, чтобы над Вами смеялись!” И сам стал преподавать Милану антропологию, психологию, социологию и национальную экономику⁵⁰.

Об энергии, организаторском таланте, необычайной работоспособности “доктора Владана” в Сербии ходили легенды. Он был реформатором по призванию. И совершенно естественно, что многочисленные достоинства этого человека, его независимый характер вызывали зависть его врагов, среди которых были сама королева Наталья, митрополит Михаил, многие министры. В целях дискредитации ему поручили весьма “беспокойный” и нелегкий пост председателя белградской общины. Но и здесь проявились лучшие его качества. Он развил бурную деятельность, в отличие от своих предшественников, поставив, по свидетельству того же Э.де Лавелэ, в качестве одной из основных задач – сделать Белград “самым здоровым городом в Европе”⁵¹. При нем в столице начали строиться канализация и водопровод; было основано Новое кладбище; город осветился фонарями; была построена набережная Савы. Вслед за деятельностью в белградской общине он возглавлял министерство просвещения; затем был направлен посланником в Афины. В начале 90-х годов за свои многочисленные труды Джорджевич был избран членом Сербской Академии наук. В 1894 г. “доктор Владан” вышел на пенсию и поселился в Париже, однако вскоре по просьбе короля Александра отправился в Константинополь, заняв ответственный пост сербского

посланника в столице Османской империи. Здесь его дипломатические способности, глубокий ум, такт, а также талант врача снискали всеобщее уважение, в том числе самого султана, который подарил ему арабского скакуна, что являлось огромной честью, оказываемой обычно лишь представителям великих держав. А когда его любимая дочь красавица Мара выходила замуж за константинопольского банкира Властари, в знак уважения к отцу невесты молодую пару венчали три греческих патриарха – константинопольский, антиохийский и иерусалимский – в присутствии великого визиря; сам же роскошный свадебный обед походил на вселенский собор⁵².

И вот теперь, осенью 1897 г., именно к Вл. Джорджевичу король Александр обратился с просьбой сформировать правительство. С присущей ему энергией “доктор Владан”, горячий сторонник династии Обреновичей, приступил к осуществлению необходимых, с его точки зрения, преобразований.

В циркуляре от 12(24) октября 1897 г., разосланном главой нового кабинета сербским дипломатическим представителям за границей, подчеркивалось, что первостепенной своей задачей правительство считает обращение к внутренним проблемам, включающим урегулирование финансов и развитие экономики. Разделяя недовольство короля политической борьбой, пагубно влияющей на страну, Вл. Джорджевич был убежден, что порядок в Сербии можно навести с помощью сильной администрации и судопроизводства. В документе говорилось о подчиненности внешней политики внутренней. При этом отмечалось, что при ее проведении Сербия не намерена опираться на какую-нибудь одну великую державу⁵³.

25 октября (ст.ст.) в устных разъяснениях австро-венгерскому посланнику Вл. Джорджевич утверждал, что, выполняя волю монарха, новый кабинет будет способствовать улучшению внутривнутриполитической ситуации в Сербии, не стремясь к проведению “великой политики”. При этом, подчеркивал премьер, правительство рассчитывает

найти опору, как и в 80-е годы, в поддержке дружественной Австро-Венгрии⁵⁴. Вл. Джорджевич полагал, что в условиях осложнения международной ситуации в связи с Критским восстанием и греко-турецкой войной, конфронтация с Веной, имевшая место в предшествующий период, должна быть преодолена как можно скорее.

При всех личных достоинствах Вл. Джорджевича, о которых говорилось выше, он был убежденным сторонником “твердого курса” и “жестоких мер” в отношении демократической оппозиции режиму Обреновичей. С присущей ему энергией и решительностью, с “благословения” короля Александра он начал наводить в стране “порядок”, как сам его понимал.

Была запрещена деятельность политических партий на селе; они не имели также права отныне пополнять свой состав за счет интеллигенции – учителей, священников и чиновников. Существенно ограничивалось местное самоуправление – председатели общин при Вл. Джорджевиче не избирались, а назначались королем. Печать подвергалась строгой цензуре; все разговоры об изменении конституции были прекращены. Бывший король Милан, вернувшийся в Сербию, был назначен главнокомандующим сербской армией и, по словам российского дипломатического представителя, установил над ней “безотчетное начальство”⁵⁵. Конституция в Сербии фактически не действовала.

Итак, не видя больше необходимости заигрывания с демократическими слоями сербского общества, режим Обреновичей вновь возвращается к “жесткому курсу” с тем, чтобы выйти на авторитарный уровень. Вл. Джорджевич, учитывая его преданность династии и личные качества, был весьма подходящей кандидатурой на посту главы кабинета. Недаром же он, в отличие от своих предшественников, так долго продержался во главе правительства – почти три года.

Оценивая внутреннюю политику кабинета Вл.Джорджевича, следует признать ее антидемократической, направленной на усиление личного режима Обреновичей.

* * *

Политические перемены в Сербии вызвали резкое недовольство в России – в Петербурге ожидали, и не без оснований, репрессий против радикалов и изменения внешнеполитического курса. Проявлением этой позиции явилось отозвание Извольского. Замену ему было решено не посылать. “При настоящем положении дел, – докладывал Николаю II Ламздорф, – достаточно иметь в Белграде поверенного в делах”. Через несколько дней товарищ министра иностранных дел сообщил, что военный агент России “полагал бы не возвращаться в Белград, дабы не являться в свите Милана”. “Этот его взгляд, – отметил Ламздорф, – правильный”⁵⁶. Николай II одобрил такой моральный бойкот.

Сербскому посланнику в Петербурге С.Груичу было высказано недовольство по поводу возвращения Милана. В начале декабря 1897 г. претенденту на сербский престол князю Петру Карагеоргиевичу демонстративно была предоставлена аудиенция в Зимнем дворце, во время которой император обсуждал с ним сербские дела⁵⁷.

18 января 1898 г. российское правительство официальной нотой потребовало от Сербии немедленной выплаты процентов по займам 1867, 1876 и 1890 годов – мотивировалось это “нежеланием оставлять в сербских руках средства на опыты, опасные и для самой Сербии, и для мира на Балканском полуострове”⁵⁸. 11 марта 1898 г. в новой ноте в категорической форме Белграду предлагалось выплатить остаток долга на сумму 2 262 500 руб. Тот же день был получен ответ сербского правительства что для этого у него “нет денег”. 30 марта 1898 г. сербский посланник в Петербурге передал Николаю II письмо главы кабинета с просьбой ослабить финансово

давление на Сербию. Однако ответ, полученный 6 апреля, не оставлял никакой надежды. Российский император выражал недовольство событиями в Сербии и последней переменной кабинета⁵⁹. Финансовое давление было использовано в качестве рычага политики в сербском вопросе.

Отношения двух государств вновь резко ухудшились. Особое беспокойство официального Петербурга вызывало то обстоятельство, что экс-король Милан, будучи назначенным главнокомандующим сербской армией, проявлял “много рвеня” по ее реорганизации. Этот вопрос весьма основательно обсуждался в секретной переписке. “Его расчет, – отмечал в донесении в МИД российский посланник, – взяв в свои руки армию, сделать из нее лишь верное и покорное орудие для властвования в стране, вопреки установленному государственному строю и независимо от неустойчивой воли сына ... К этой цели он идет поспешно и решительно. Из числа начальников и офицеров удалены уже все люди насколько-нибудь независимые и в особенности замеченные в русских симпатиях, служившие и воспитывавшиеся в России. Начальственные должности поручены исключительно испытанным приверженцам, без всякого внимания к праву, заслугам и способностям. Распределение войск в стране и передвижение частей не отвечают никаким стратегическим или экономическим расчетам, а лишь требованиям самоличной политики главнокомандующего”⁶⁰. По мнению одного из сотрудников российской миссии П.Б.Мансурова, Милан проводил укрепление армии потому, что только на нее он мог опереться в осуществляемой режимом политике. “Владея...преданной организованной силой, нынешнее правительство, – писал он, – может считать себя обеспеченным против какого-либо насильственного народного движения”⁶¹.

Действительно, правы были и руководители внешней политики России, опасаясь “рвеня” Милана на “военном поприще”, прав был и П.Б.Мансуров, совершенно

верно указавший причины, толкавшие экс-короля на реорганизацию и укрепление сербской армии. Регулярная армия, которую Милан создал своим указом 1883 г., должна была в то время обеспечить ему перевес сил в борьбе с радикалами. Она изначально задумывалась монархом как подстраховка от внутренней угрозы, а не для защиты от внешней опасности. Но это была очень опасная позиция, особенно в такой стране, какой являлась Сербия в последние два десятилетия XIX в. Как писал академик В. Чубрилович: “Король Милан победил народное ополчение с помощью регулярной армии, однако тем самым он ввел регулярную армию в политику. Двадцать лет спустя новое поколение офицеров во время переворота 29 мая 1903 г. свергнет и физически ликвидирует его сына Александра Обреновича”⁶².

Для реорганизации вооруженных сил необходимы были огромные средства. “Стремительно растущие расходы военного ведомства... ложатся тяжелым бременем на страну, строгие требования возможно большего количества рекрутов, подвод... постройки казарм и стратегических пунктов и дорог изнуряют и без того уже небогатое сельское население...”, – писал консул в Нише С.С. Чахотин. По его сведениям, военные расходы Сербии составляли в конце XIX в. 23 млн. дин. в год или 1/3 государственного бюджета страны⁶³. Город Ниш, ставший своеобразным “военным центром”, Милан превратил в свою резиденцию⁶⁴. Сюда же из Белграда, как уже упоминалось, были перенесены заседания народной скупщины, подальше от столицы.

Как и ожидалось, вновь начались гонения на радикалов, продолжавших оставаться влиятельной политической силой, тем более, что их лидеры использовали все доступные им в условиях реакции средства для борьбы против авторитарного режима и дискредитации правительства Вл. Джорджевича. Интересно в этой связи свидетельство С.С. Чахотина, сообщившего 18 ноября 1897 г. в МИД России о том, что во время пребывания в Нише

Александра и Милана последний, принимая депутацию радикалов из Пирота, “прямо назвал радикальную партию проказой на теле Сербии, которую он постарается вырвать с корнем”⁶⁵. В то время, наверное, никто не думал, что пройдет совсем немного времени и он постарается осуществить свою угрозу.

В июне 1898 г. в Нише начались заседания народной скупщины. Наблюдательный и исполнительный С.С. Чахотин регулярно сообщал интересующие российский МИД сведения. Из его донесений узнаем, что правительство ввело новую систему: “устраивать в самой скупщине секретные конференции накануне доклада соответственной комиссией того или другого законопроекта, в каковых конференциях заинтересованный министр...доказывает все выгоды законопроекта и убеждает скупщину вотировать, немедленно после доклада...”. “Этот прием, – оценивал его консул, – заменил практиковавшиеся прежде партийные клубы между депутатами и устранил всякую возможность сплоченной оппозиции... полиция устраняет всех кажущихся подозрительными политиканов от общения с депутатами...” Кроме того, по сведениям Чахотина, пользующиеся влиянием в скупщине депутаты «приглашаются по очереди ко двору и подвергаются там влиянию “высшего авторитета в стране”...»⁶⁶.

Король Александр выступил на сессии скупщины с осуждением “партийных страстей” и высказался за создание в Сербии беспартийного кабинета. Речь монарха содержала также резкие нападки на радикалов и заявление о том, что он не допустит их к власти. Первая часть речи короля не могла не вызвать одобрения Петербурга: “...Само по себе стремление... установить прочное правительство заслуживает внимания, с точки зрения сербских интересов”, но недовольство радикалами квалифицировалось российской дипломатией как “недостаточно беспристрастное и... вызывающее опасение за спокойствие в стране”⁶⁷.

В апреле 1898 г. полковник Ф.Ф.Таубе встретился в Будапеште с Н.Пашичем и болгарским посланником в Берлине Георгиевым. Последние хотели узнать от российского военного агента взгляд Петербурга на положение вещей в их странах. В доверительной беседе с Таубе вождь сербских радикалов оценил внутривосточное положение в своей стране как крайне сложное и запутанное, усугубляющееся присутствием Милана, который для того, чтобы остаться в Сербии, готов на любые уступки России. Он даже делает попытки сблизиться с радикалами, с целью увеличения своего престижа в глазах народа. Это была старая, неоднократно применяемая Миланом тактика. Пашич заявил, однако, что ни на какую сделку с экс-королем его партия без одобрения “императорского правительства” не пойдет. Он выразил также опасение, что возможное примирение Милана с Россией повысит его авторитет и приведет к отъезду Александра из страны. В этом случае экс-король может стать единовластным правителем и даже возвратиться на престол, что перечеркнуло бы все усилия российской дипломатии по утверждению в Сербии политического строя, “соответствующего ее национальным интересам”. Резюмируя этот разговор, Таубе сделал вывод, что Россия должна оставаться... еще некоторое время непреклонной... что заставит Милана покинуть страну”⁶⁸.

Подобной же точки зрения придерживался и российский временный поверенный в делах А.В.Неклюдов “Мое убеждение, – писал он, – что мы не можем следить без особых опасений.. за развитием политических событий в Сербии: русская политика... поддерживает здесь уверенность что Россия... “отняла свою высокую руку” от нынешнего режима и намерена терпеливо выждать время”. Этот курс, по его мнению, неизбежно приведет к переменам: “...Король удалит своего отца от дел и обратится за советом к людям более серьезным, чем Джорджевич, и более надежным, чем Ристич”. При этом он считал необходимым “внушительно предупредить короля”, что

Россия не может обещать взамен немедленных политических выгод и не требует сформировать кабинет из политиков, “излюбленных русским общественным мнением”. В этом случае, по убеждению Неклюдова, “в сношениях короля с нами и в его сношениях с правительством будет устранена одна из причин коренной фальши и обоюдных недоразумений”⁶⁹.

Между тем отношения Сербии и России оставались довольно натянутыми, чему в немалой степени способствовала деятельность вновь назначенного в июне 1898 г. российского посланника Валерия Всеволодовича Жадовского, не отличавшаяся необходимым тактом, взвешенностью оценок, учетом политических реалий. Сербский король и его ближайшее окружение не раз, думается, пожалели, что нет больше в Белграде спокойного “флегматика”, трезвомыслящего, мудрого Александра Ивановича Персиани (в то время уже покойного – он умер в 1896 г.), против которого когда-то при королевском дворе плелось так много интриг, которого обвиняли в поддержке противников режима Обреновичей. Хорошее впечатление оставили о себе в сербских правящих кругах и Р.Р.Розен, и А.П.Извольский.

В.В.Жадовский приехал в Сербию, совершенно не зная особенностей ее политического развития и не имея представления о роли экс-короля Милана в государственной и общественной жизни страны. Было известно довольно негативное отношение Александра III и затем Николая II к бывшему сербскому монарху, однако никто из прежних посланников не рассматривал эту позицию как основание для оскорбительных, вызывающих выходов.

С самого своего приезда Жадовский подчеркнуто игнорировал Милана. Он не попросил у него аудиенции, как это делали все его коллеги, не отвечал на его поклоны на официальных приемах⁷⁰. Королю Александру он выразил отрицательное отношение Петербурга к происшедшим в Сербии переменам в связи с приездом Милана. Таким образом, незыблемым оставался один из основных

тезисов сербской политики России – о якобы пагубном влиянии экс-короля на нормальное развитие Сербского государства. Прошло уже почти два десятилетия, но ничего не изменилось. Новый император придерживался тех же воззрений по данному вопросу, что и его покойный отец. Это не могло не вызывать плохо скрываемого раздражения Александра – ведь официально его постоянно уверяли в стремлении России не вмешиваться во внутренние дела его страны.

В ходе визита в Вену сербский монарх жаловался на Жадовского российскому послу и просил его сообщить в Петербург о “невыносимом поведении” посланника в отношении Милана, а также о том, что “он восстановил против себя всех и его поведение недостойно представителя России”⁷¹.

С большим трудом устанавливались контакты Жадовского и с главой кабинета Вл. Джорджевичем. Он имел с ним лишь одну продолжительную официальную встречу, во время которой заявил, что, идя по нынешнему пути, Сербия не должна рассчитывать ни на какую помощь России⁷².

В это время усилилось давление России на Сербию с целью добиться выплаты ее долгов. С 21 ноября 1898 г. по 15 января 1899 г. Жадовский передал премьеру три ноты своего правительства. Переговоры по вопросу возвращения долгов привели к дальнейшему росту напряженности в российско-сербских отношениях⁷³.

Конфликт произошел 6 марта 1899 г. (н.ст.), когда Жадовский не получил приглашения на торжественный молебен и прием во дворце по случаю празднования очередной годовщины провозглашения Сербии королевством. Вместо него был приглашен первый секретарь миссии П.Б.Мансуров. Сообщая об этом как “явлению здесь небывалом и носящем откровенно вызывающий характер”, Жадовский считал необходимым ускорить свой отъезд из Белграда под предлогом очередного отпуска. Неэтичный поступок властей он объяснял происками

Милана⁷⁴. Осознавая неудачу его миссии, министр иностранных дел удовлетворил эту просьбу⁷⁵. Деятельность Жадовского в Белграде (она продолжалась около восьми месяцев) руководителями внешней политики России была оценена отрицательно. В своем еженедельном “всеподданнейшем докладе” В.Н.Ламздорф рекомендовал Николаю II не удостоивать Жадовского аудиенции. “...Если ему, – писал товарищ министра, – не дан формальный *desavoi* (осуждение), то и поощрения он еще менее заслуживает... Он положение в Белграде запутал грубыми, неподходящими для представителя России приемами”⁷⁶. Но прекращать дипломатическую карьеру Жадовского в министерстве не собирались – через некоторое время он получил пост посланника в Португалии.

Приняв управление миссией, П.Б.Мансуров прежде всего должен был сгладить неприятное впечатление от инцидента с Жадовским. Для российской дипломатии было необходимо найти приемлемую форму деловых отношений с сербским правительством и королем Александром, учитывая при этом присутствие в стране Милана. Поверенному в делах предписывалось в беседах с официальными лицами быть “безукоризненно вежливым, но соблюдать холодную сдержанность” и не вступать в объяснения по поводу инцидента с Жадовским. В Петербурге полагали, что Милан долго в Сербии не продержится и поэтому лучше всего занять выжидательную позицию. В качестве главной задачи политики России указывалось на необходимость “сохранения добрых отношений с балканскими государствами... которые важнее того, где живет Милан – в Париже или в Сербии – и управляет ли в Белграде Пашич или Джорджевич”⁷⁷.

Заслуживает внимания тот факт, что инструкции этого периода отличались большей сдержанностью в отношении Милана. После отъезда Жадовского и в результате достаточно мудрой позиции Петербурга, не придавшего, судя по всему, особого значения вышеописанному инциденту, король Александр и его окружение

“почувствовали некоторое облегчение”. На официальных встречах Мансурову постоянно оказывались знаки внимания, а Милан не упускал случая во время приемов во дворце вступить на виду у всех в длительные беседы на политические темы с российским дипломатическим представителем⁷⁸.

П.Б.Мансуров, по его словам, в своей деятельности руководствовался убеждением, что вековая политика России не может “зависеть от преходящих настроений по отношению к ней лиц, временно пользующихся властью...”⁷⁹. Он полагал, что отношения российской миссии с сербским двором должны быть на уровне “близости, которая естественна в маленьком городе”⁸⁰. Руководство российского МИД разделяло точку зрения поверенного в делах и одобрило линию его поведения.

Для российской дипломатии при проведении намеченного курса в сербском вопросе, как и в предыдущий период, очень важным являлся учет различных компонентов сербской государственности и прежде всего статуса политических партий и их взаимоотношений. Информация по этому вопросу постоянно содержалась в донесениях из Белграда.

От внимания Мансурова не ускользнуло сближение всех трех партий, “в среде которых”, по его убеждению, “закключаются все интеллигентные силы страны” и “объединение всех нравственных сил... в отрицательном отношении к правительственному строю”⁸¹.

Говоря о *либеральной партии*, Мансуров отмечал резкое падение среди ее членов авторитета Й.Ристича, сблизившегося с двором – “либералы не желают более служить орудием своего неискреннего, тянущего в сторону двора, старого предводителя”. Из рядов “молодых” выдвинулся адвокат Ст.Рибарац, начавший работу по созданию “партийной организации вне влияния Ристича и связи с правительством”.

Характеризуя *радикальную партию*, российский дипломатический представитель обратил внимание на

следующие моменты: “От открытой борьбы на легальной почве она в настоящую минуту... отказалась, заявляя, что пути для этого закрыты мероприятиями правительства, прибегать к возбуждению восстания народных масс против последнего она не желает, не видя возможности бороться с организованной силой войска и подозревая даже, что этого желал бы сам Милан для установления своей военной диктатуры. Это насильственное бездействие могущественной партии не предвещает, однако, ничего хорошего, и из среды ее доходят все более и более слухи об усилении тех антидинастических стремлений, которые до последнего времени были уделом лишь незначительного меньшинства”⁸². Радикалы, где только возможно, выступают против Милана, который, по мнению русского дипломата, является в настоящее время “исключительной двигающей и правящей силой”. “Вся забота короля Милана, – писал Мансуров, – направлена на то, чтобы искусным выбором и размещением преданных или только послушных орудий держать в руках государственную организацию Сербии, начиная... с войска. При огромной его опытности и знании людей... это ему удастся, и сын его, воспринявший от отца недоверие ко всему, что является более или менее независимым выражением и представителем его народа, чувствует, вероятно, беспомощность свою в этом отношении сравнительно с беззастенчивой последовательностью... своего отца”⁸³.

Подводя некоторые итоги, подчеркнем, что, *во-первых*, следует констатировать крайнюю неустойчивость режима Обреновичей в рассматриваемый период. Уже в эти, первые годы самостоятельного правления короля Александра, стало совершенно очевидным, что несмотря на предпринимаемые им и его отцом усилия, упрочить режим личной власти Обреновичам не удалось. Последовательное австрофильство сербских правителей и постоянное нарушение ими конституционных норм привело к тому, что они не могли найти поддержки ни у одной из общественно-политических сил. Даже напередняки с

середины 90-х годов отошли от прежней внешнеполитической ориентации на Австро-Венгрию и перестали быть прежней “надежной опорой” трона. Налицо был кризис королевской власти. Вот почему молодой монарх был вынужден лавировать и использовать в своих целях популярные в сербском обществе меры и среди них, в первую очередь, конституционную реформу, о которой он, конечно, в своем стремлении усилить авторитарный режим, никогда не помышлял всерьез, о чем свидетельствовало поспешное изменение относительно либерального курса начала 90-х годов на политику “завинчивания гаек” в конце столетия, в период правления кабинета Вл. Джорджевича.

Во-вторых, весьма важным моментом политического развития Сербии второй половины 90-х годов явилось постепенное складывание национального консенсуса, особенно в годы правления кабинета Ст. Новаковича. Несмотря на внутренние противоречия и разногласия, все сербские партии в этот период стали смотреть на отношения с Веной “одними и теми же глазами”, что, на наш взгляд, можно расценить как предпосылку для консолидации политических сил общества.

В-третьих, неустойчивость внутренней политики сопровождалась колебаниями и во внешнеполитической ориентации – от Австро-Венгрии к России и наоборот. Политика Петербурга в сербском вопросе в целом не была столь активной, как во второй половине 80-х – начале 90-х годов. Это было связано с перенесением внешнеполитической активности России на Дальний Восток. Балканы были “поставлены под стеклянный колпак”. В связи с Восточным кризисом конца 90-х годов отчетливее стало прослеживаться стремление Петербурга к стабилизации государственной жизни Сербии, установлению в стране “прочного порядка” с тем, чтобы предотвратить возникновение еще одного очага напряженности в регионе.

В конце 90-х годов российско-сербские отношения вновь ухудшились. Главной причиной, думается, было

пребывание Милана в Сербии. Хотя попрежнему отношение к нему высших сфер России было все той же “платонической оппозицией”, а выражение недовольства не шло дальше изложения королю и правящему кабинету позиции своего начальства дипломатическим представителем России в Белграде, тем не менее возникшая ситуация не способствовала улучшению контактов на официальном уровне. Сказывались и просчеты российской дипломатии (в частности, малоуспешная деятельность В.В.Жадовского).

Между тем Сербия стояла на пороге событий, явившихся судьбоносными для многих действующих лиц политической сцены той поры и ставших серьезным испытанием для российско-сербских отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Новаковић Ст.* Двадесет година уставне политике... С.115.

² Там же. С.170.

³ *Јовановић Сл.* Личне успомене//Споменица Стојана Новаковића. Београд, 1921. С.95-97.

⁴ Полностью документ был опубликован в статье “Један српски министарски програм (1895)”//Недельни преглед. 1909. Бр.6(43). С.84-87.

⁵ *Војводић М.* Србија у међународним односима крајем XIX и почетком XX века. Београд, 1989. С.47-48.

⁶ АВПРИ. Ф.ПА. 1895 г. Д.466. Л.4-5об. (Проект инструкций посланнику в Сербии).

⁷ Там же. Ф.Канцелярия. 1895 г. Д.12. Л.14-14об. (Р.Р.Розен - А.Б.Лобанову-Ростовскому 27 июня 1895 г.).

⁸ Там же. Л.16.

⁹ Николай II написал на этом донесении Р.Р.Розена: “Вполне согласен” (АВПРИ. Ф.ПА. 1895 г. Д.464. Л.136. - Р.Р.Розен - А.Б.Лобанову-Ростовскому 11 июля 1895 г.).

¹⁰ Там же. Л.136об.-138об. (Р.Р.Розен - А.Б.Лобанову-Ростовскому 11 июля 1895 г.).

¹¹ Там же. Л.138об.-142.

¹² Там же. Л.141-141об.

¹³ Там же. Л.145об.-146.

¹⁴ Там же. Л.146об.-147.

- ¹⁵ Там же. Л.147об.-148об.
- ¹⁶ Там же. Л.149-149об.
- ¹⁷ Там же. Л.299-299об. (Р.Р.Розен - А.Б.Лобанову-Ростовскому 28 декабря 1895 г.).
- ¹⁸ *Војводић М.* Указ.соч. С.67.
- ¹⁹ Там же. С.67-69.
- ²⁰ *Продановић Ј.* Уставни развитак... С.355.
- ²¹ АВПРИ. Ф.ПА. 1895 г. Д.464. Л.200-200об. (Р.Р.Розен - Н.П.Шишкину 4 сентября 1895 г.).
- ²² *Јовановић Сл.* Влада Александра...II. С.156-157; *Новаковић Ст.* Указ.соч. С.144,155.
- ²³ АВПРИ. Ф.ПА.1895 г. Д.464. Л.291об.-292об. (Р.Р.Розен - А.Б.Лобанову-Ростовскому 18 декабря 1895 г.).
- ²⁴ *Продановић Ј.* Указ.соч. С.356.
- ²⁵ *Новаковић Ст.* Указ.соч. С.159.
- ²⁶ АВПРИ. Ф.ПА. 1896 г. Д.467. Л.65-67 (Р.Р.Розен - А.Б.Лобанову-Ростовскому 19 февраля 1896 г.).
- ²⁷ Там же. Л.77об.-78 (Р.Р.Розен - А.Б.Лобанову-Ростовскому 4(16) марта 1896 г.).
- ²⁸ Их порядок был следующий: I. Форма правления, государственная религия и территория, II. Конституционные права сербских граждан, III. Король, IV. Государственная власть, V. Народное представительство, VI. Министры, VII. Государственный совет, VIII. Судебная власть, IX. Округи, срезы и общины, X. Финансы, экономика и государственное имущество, XI. Главный контроль, XII. Государственная служба, XIII. Вероисповедания.
- ²⁹ *Новаковић Ст.* Указ.соч. С.172-173.
- ³⁰ Там же. С.175.
- ³¹ Резолюция в переводе приложена к донесению А.В.Неклюдова А.Б.Лобанову-Ростовскому 6(18) августа 1896 г. (АВПРИ. Ф.ПА. 1896 г. Д.467. Л.231-233).
- ³² *Пашић Н.* Моја политичка исповест (бељешке за брошуру) //Србија и коментари. С.127.
- ³³ Там же. С.128-129, 133.
- ³⁴ *Новаковић Ст.* Указ.соч. С.186.
- ³⁵ Там же. С.193.
- ³⁶ *Војводић М.* Указ.соч. С.107.
- ³⁷ АВПРИ. Ф.ПА. 1897 г. Д.479. Л.191-191об. (А.П.Извольский - М.Н.Муравьеву 25 ноября (7 декабря) 1897 г.).
- ³⁸ *Војводић М.* Указ.соч. С.107.
- ³⁹ *Новаковић Ст.* Указ.соч. С.194-195.
- ⁴⁰ *Војводић М.* Указ.соч. С.110.

- 41 АВПРИ. Ф.ПА. 1896 г. Д.467. Л.337 (А.В.Неклюдов - Н.П.Шишкину 22 декабря 1896 г.).
- 42 Там же. 1897 г. Д.476. Л.2 (Проект доверительной записки камергеру д.с.с. А.П.Извольскому).
- 43 Там же. Л.4-5.
- 44 Имеется в виду соглашение 1897 г. между Россией и Австро-Венгрией о поддержании status quo на Балканах.
- 45 АВПРИ. Ф.ПА. 1897 г. Д.473. Л.11об.-12 (А.П.Извольский - М.Н.Муравьеву 10 июня 1897 г.).
- 46 Там же. Л.10-11.
- 47 Например, 16(28) сентября 1897 г. Извольский послал в МИД донесение следующего содержания: "...Настоящее сербское министерство совершенно независимо от того, что оно принадлежит к радикальной партии, слышущей здесь и в известных сферах у нас особенно преданной и угодной России, находится вполне на высоте своей задачи. Оно отличается несомненной умеренностью и вместе с тем пользуется поддержкой громадного радикального большинства; это бесспорно делает его пригодным для благополучного проведения столь трудной конституционной реформы и окончательного упрочения внутреннего политического строя королевства" (Там же. 1897 г. Д.479. Л.4об.-5; См. также: Там же. л.79-80 - А.П.Извольский - В.Н.Ламздорфу 14(26) октября 1897 г.).
- 48 *Новаковић Ст.* Указ.соч. С.208.
- 49 См.: *Лавелэ де Э.* Балканский полуостров... Ч.1. С.206.
- 50 *Јовановић-Стојимировић М.* Силуете старог Београда... Књ.2. С.94.
- 51 См.: *Лавелэ де Э.* Указ.соч. Ч.1. С.207.
- 52 *Јовановић-Стојимировић М.* Указ.соч. С.95-96.
- 53 *Војводић М.* Указ.соч. С.166.
- 54 Там же.
- 55 АВПРИ. Ф.ПА. 1899 г. Д.485. Л.143-143об. (П.Б.Мансуров - М.Н.Муравьеву 1(13) марта 1899 г.).
- 56 ГА РФ. Ф.568. Оп.1. Д.59. Л.2 (Конспект всеподданнейшего доклада товарища министра иностранных дел. 7 января 1898 г.).
- 57 *Војводић М.* Указ.соч. С.180.
- 58 АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1898 г. Д.10. Л.10.
- 59 *Војводић М.* Указ.соч. С.181-182.
- 60 АВПРИ. Ф.ПА. 1898 г. Д.482. Л.334-334об. (В.В.Жадовский - М.Н.Муравьеву 7 июля 1898 г.).
- 61 Там же. 1899 г. Д.485. Л.143-143об. (П.Б.Мансуров - М.Н.Муравьеву 1(13) марта 1899 г.).
- 62 *Чубриловић В.* Тимочка буна 1883//Тимочка буна 1883... Сборник радова са научног скупа... С.4.

⁶³ АВПРИ. Ф.ПА. 1899 г. Д.1074. Л.114об.-116об. (С.С.Чахотин - А.К.Базили 7 октября 1899 г.).

⁶⁴ Так, 10 июня Чахотин сообщал в российскую миссию в Белграде о ситуации в Нише: "... Сюда переведены все саперные войска, сосредоточены два полка кавалерии, помимо бывших здесь прежде войск, сформирован эскадрон конной гвардии и переведена из Белграда "школа унтер-офицеров". Часть новоприбывших войск помещается пока в частных зданиях по найму, для других же спешно строятся казармы... Так, в настоящее время, кроме инженерной казармы, строятся спешно две казармы кавалерийские рядом с нарочно устроенной военной железнодорожной станцией "Красный Крест", казарма для эскадрона конной гвардии и хирургический павильон в военном госпитале "Челекула"...в будущем году предположены постройки центральной для всей Сербии тюрьмы и бактериологической станции. Все эти постройки производятся и будут производиться на счет казны, у которой, несмотря на стесненное положение финансов, всегда находятся деньги для военных целей" (Там же. Л.22об.-23).

⁶⁵ Там же. 1897 г. Д.1072. Л.28.

⁶⁶ Там же. 1898 г. Д.1073. Л.59-59об. (С.С.Чахотин - В.В.Жадовскому 4 июля 1898 г.).

⁶⁷ Там же. Ф.Секретный архив министра. Оп.467. Д.756/761. Л.65-66.

⁶⁸ РГВИА. Ф.ВУА. Оп.2. Д.101. Л.84-88 (Рапорт полк. Ф.Ф.Таубе - ген.-майору Соллогубу. Бухарест. 2 апреля 1898 г.).

⁶⁹ Там же. Ф.ПА. 1898 г. Д.482. Л.135об.-136 (А.В.Неклюдов - М.Н.Муравьеву 17 марта 1898 г.).

⁷⁰ *Војводић М.* Указ.соч. С.203.

⁷¹ АВПРИ. Ф.ПА. 1898 г. Д.484. Л.133-134об. (Бар.Ф.А.Будберг - В.Н.Ламздорфу 1(13) октября 1898 г.).

⁷² *Војводић М.* Указ. соч. С.203.

⁷³ Там же. С.221-222.

⁷⁴ АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1899 г. Д.17. Л.22-23 (Секретная телеграмма В.В.Жадовского - МИД 19 февраля (3 марта) 1899 г.).

⁷⁵ Там же. Ф.ПА. 1898 г. Д.486. Л.5 (Секретная телеграмма М.Н.Муравьева - В.В.Жадовскому 20 февраля 1898 г.).

⁷⁶ ГА РФ. Ф.568. Оп.1. Д.60. Л.21 (Конспект всеподданнейшего доклада 16 марта 1899 г.).

⁷⁷ АВПРИ. Ф.ПА. 1899 г. Д.486. Л.6; Там же. Ф.Канцелярия. 1899 г. Д.17. Л.278 (Секретная телеграмма М.Н.Муравьева - П.Б.Мансурову 25 февраля 1899 г.).

⁷⁸ Там же. Ф.ПА. 1899 г. Д.485. Л.159-160об. (П.Б.Мансуров - М.Н.Муравьеву 15(27) марта 1899 г.).

⁷⁹ Там же. Л.205 (П.Б.Мансуров - М.Н.Муравьеву 30 марта 1899 г.).

⁸⁰ Там же. Л.321 (П.Б.Мансуров - М.Н.Муравьеву 27 апреля (9 мая) 1899 г.).

⁸¹ Там же. Л.142об., 143об.-144 (П.Б.Мансуров - М.Н.Муравьеву 1(13) марта 1899 г.).

⁸² Там же. Л.142об.-145.

⁸³ Там же. Л.169 (П.Б.Мансуров - М.Н.Муравьеву 16(28) марта 1899 г.).

**Иванданский атентат* ,
Россия и
западная дипломатия**

24 июня (6 июля) 1899 г. недалеко от гостиницы “Српска круна” боснийцем Стеваном Кнежевичем было совершено покушение на короля Милана, возвращавшегося из крепости, где находилась его канцелярия. Носившее характер личной мести, оно было использовано в качестве предлога для расправы с руководством все еще популярной радикальной партии, которая по сути дела являлась единственной оппозиционной силой, препятствовавшей укреплению режима личной власти, фактически установившегося в Сербии. Лучшего предлога для того, чтобы исполнить свое обещание, данное еще в 80-е годы, – “растоптать радикалов, как стекло”, Милану трудно было бы найти! Когда после покушения “живой и невредимый” экс-король зашел в ближайшую табачную лавку, чтобы почистить одежду, а собравшаяся толпа попросила его выйти к народу, он во всеуслышание заявил, что покушение подготовлено радикалами во главе с Пашичем¹.

Вскоре был арестован ряд видных деятелей партии: бывший министр К.Таушанович, редактор “Нового одъека” Ст.Протич, владелец типографии радикалов А.Станоевич, адвокат Л.Живкович, профессор Великой школы М.Веснич и др.². Из Пожареваца был доставлен в Белград Н.Пашич³. С.Груич был отстранен от должности

* Устоявшееся в литературе название; буквально: покушение в Иванов день.

посланника в Петербурге на том основании, что у арестованного М.Веснича хранилось его письмо “компрометирующего содержания”. В России же перед самым отъездом на родину Груича демонстративно наградили русским орденом.

Для ведения следствия по делу о покушении был сформирован военно-полевой суд, составленный из противников радикалов и лиц из окружения короля. По утверждению современника событий Дж.Симича, расследование было направлено не на поиск виновных, а имело целью обвинить и наказать противников существующего политического режима. В своих воспоминаниях бывший глава сербского правительства описал тяжелейшие условия, в которых находились арестованные. Так, престарелый священник А.Илич и еще шесть арестованных были помещены в подвальную девятиметровую камеру. Закованные в тяжелые кандалы, они спали на голых досках и в течение трех дней не получали ни воды, ни хлеба⁴.

Реакция Петербурга на происшедшее в Сербии была однозначной. Руководители российской дипломатии с самого начала расценивали покушение как инсценировку, задуманную для ликвидации радикальной партии. Подобная оценка подкреплялась информацией, получаемой из российской миссии в Белграде. “На первом плане, – писал Мансуров, – стоит вопрос о политическом заговоре, а не вопрос о покушении. Основанием следствия служит печатанная брошюра, найденная у Милана Джурича и некоторых других лиц в провинции; два экземпляра ее найдены также в типографии “Одъека”. Брошюра эта призывает народ, когда до него дойдет весть о смерти короля Милана, отказаться от уплаты податей, с целью поставить правительство в безвыходное положение и заставить таким образом короля Александра покинуть Сербию. Происхождение брошюры неизвестно. Весьма возможно, что она составлена самой полицией, которая, однако, старается приписать ее Протичу и Ацо Станоевичу”⁵.

По заявлению дипломатического представителя Российской империи в Румынии Сомова, сербский посланник в Бухаресте Георгиевич имел документы, указывающие на то, что покушение было подготовлено агентами Милана⁶.

Неудавшийся террористический акт в Белграде привел к усилению дипломатической активности в столице Сербии как российского, так и представителей других держав. Оценивая положение в стране в первые дни после покушения, дипломатический корпус пришел к выводу, что участь арестованных и результаты суда над ними полностью будут зависеть “от произвола правительства” и поэтому необходимо сделать все возможное, чтобы Белград не стал очагом напряженности на Балканах. Германский посланник выразил частное мнение о необходимости “призвать королей к умеренности”. Поддерживая эту идею, Мансуров высказался за согласованные действия всех великих держав и прежде всего России и Австро-Венгрии⁷. В Петербурге весьма опасались, что сербский кабинет может перейти границы благоразумия, чем вызовет в стране “потрясения”, которые отразятся на общем положении балканских дел⁸.

В своем фундаментальном труде, посвященном рассматриваемому периоду⁹, сербский историк А.Раденич привел документы, не оставляющие сомнений в том, что осуждение лидеров радикальной партии по делу о покушении относилось к “сфабрикованным политическим процессам”. Именно поэтому внешние факторы имели, по мнению ученого, решающее значение для спасения жизни осужденных¹⁰.

Из Белграда в Петербург шли донесения о репрессиях против радикалов. О них с возмущением писали российские газеты и журналы, выражая отношение к сербским событиям российской общественности.

Резко осудил действия Милана против радикалов “Русский вестник”¹¹. “Вестник Европы” опубликовал письмо С.Груича за подписью “Z” от 28 августа 1899 г. из Белграда, в котором приводились конкретные факты,

прежде всего о жестоком обращении с арестованными. “Несмотря на то, что некоторые из них, как Пашич, Таушанович и д-р Веснич, были министрами и занимали высшие должности в государстве, – писал автор, – их заковали в кандалы как простых разбойников, самых близких родных к ним не допускали”. Конституция в стране фактически не действует, уничтожено общинное самоуправление; отменена окружная и местная (уездная) автономия; новым законом об ассоциациях (“удружения”) закрыты все политические общества, а с новым законом о печати прекратили свое существование все от правительства независимые газеты и журналы. В письме выражалась надежда на Россию, так как, по словам автора, “сербский народ остается и теперь верен своим традиционным симпатиям...и в настоящем переживаемом кризисе он обращает свои взоры к берегам Невы откуда во все трудные моменты его возрождения неоднократно оказываемая была ему братская помощь”¹².

Редакция “Вестника Европы”, опубликовав этот материал, призвала российскую дипломатию к более активным действиям, упрекая ее в равнодушии к судьбам братского народа. Однако точка зрения журнала была ошибочной, ибо правительство России приложило немало сил для урегулирования внутривосточной ситуации в Сербии и облегчения участи осужденных радикалов.

Этот вопрос до сих пор не затрагивался в историографии. Сербским историкам, работающим по данной проблеме, за исключением А.Раденича, были неизвестны важные материалы из АВПРИ. В связи с этим необходимо более детальное рассмотрение событий лета-осени 1899 г. в Сербии и действий российской и западной дипломатии.

После попытки покушения на Милана официальные круги России, верные своей прежней позиции, поначалу не вмешивались в сербские дела.

Однако 29 июня 1899 г. из МИД в Вену послу России графу Капнисту была направлена телеграмма, о тексте

которой сообщили дипломатическим представителям в Берлине и Белграде. “Отнюдь не желая вмешиваться во внутренние дела Сербии, а равно в чем-либо стеснять всестороннее расследование преступления 24 июня, – говорилось в телеграмме, – императорское правительство тем не менее находило бы полезным преподать сербскому правительству советы осторожности... Под влиянием личных счетов стоящие во главе правительства деятели, облеченные столь широкими полномочиями, могут легко в преследовании своих политических противников перейти пределы благоразумия и тем вызвать в стране серьезные внутренние потрясения, которые неминуемо отзовутся на общем положении дел в балканских государствах”¹³.

Граф Капнист получил задание склонить австро-венгерское правительство присоединиться к заявлению России. За отсутствием министра иностранных дел он изложил содержание полученной телеграммы начальнику отделения графу Сечени. Однако из беседы с ним российский дипломат понял, что Вена не была расположена к коллективному демаршу представителей держав в Белграде, считая его преждевременным¹⁴.

В донесении 7(19) июля 1899 г. граф Капнист вновь затронул этот вопрос, высказав также свой взгляд на характер российско-австрийского соглашения 1897 г. “Насколько господствует полное согласие между императорским правительством и венским кабинетом по отношению к главной и общей цели, а именно, сохранение status quo и предупреждение переворотов на Балканах, – писал посол, – настолько существует коренное различие между воззрениями нашими и австро-венгерскими на существующий ныне в Сербии режим, руководимый бывшим королем Миланом... Убеждение наше, что милановский режим неминуемо ведет Сербию к гибели, в Вене не разделяется”. Капнист был не согласен с утверждением Мансурова, что покушение подстроено сербским правительством. По его мнению, оно – дело рук радикалов, в интересах которых убрать Милана со своего пути¹⁵. Посол

выступал против вмешательства России в сербские дела на их стороне. “Весьма понятно, – писал он, – что радикальная партия, находящаяся в крайней нужде, возлагает все свои надежды на покровительство и вмешательство России, ссылаясь на свою приверженность к ней. Противники радикалов в подобном случае, вероятно, сделали бы то же. Но нельзя терять из виду, что внешнее вмешательство, к которому так склонны политические партии в несовершенно сложившихся государствах, есть меч обоюдоострый. Пример Болгарии показывает, что никакой государственный строй не может долго удержаться в балканском государстве при недоброжелательстве России, но он доказывает и то, что влияние России может пострадать или уменьшиться слишком крутым или несвоевременным воздействием в пользу партийных вождельней”¹⁶.

Несколько ранее, 3(15) июля 1899 г., Мансуров сообщал в МИД об обстановке в Сербии в первые дни после покушения: “В общественном мнении и среди иностранных представителей господствует убеждение, что существует твердое намерение привести дело к смертной казни обвиняемых... Народ проявил большую холодность, замеченную и иностранными представителями, по случаю покушения, но он утомлен, разочарован в возможности борьбы с королем Миланом и даже в действительности поддержки России, признанные друзья коей столько страдают”. Российского дипломата весьма беспокоило то обстоятельство, что “с устранением людей независимых и инициативы... если укрепится господство Милана, ослабеет жизненная энергия и притягательная сила Сербии”¹⁷.

7(19) июля графу Капнисту были даны инструкции “обратить самое серьезное внимание венского кабинета на необходимость со стороны России и Австрии вполне тождественного воздействия на сербское правительство”. В Петербурге считали, что в сложившейся ситуации “исчезает грань, которая отделяет чисто внутренние дела королевства от внешних, имеющих международное значение”, и поэтому вмешательство держав получает

“полное оправдание” и является “безусловно необходимым”¹⁸.

Посол России в Вене выполнил предписание и 9(21) июля сообщил в Петербург, что австро-венгерская дипломатия намерена придерживаться следующей позиции: “Во время производства следствия... принять выжидательное положение, преподавая, однако... советы умеренности и придерживаться законного положения, пока не оказалось бы на деле... намерение сербского правительства вступить на почву произвола, жестокости из мести и кровопролития... В таком случае венский кабинет не замедлил бы приступить вместе с Россией к энергичному воздействию для предупреждения... воспламенения на Балканах”¹⁹.

Посол Капнист в этот сложный период находился в постоянной переписке с Петербургом и поверенным в делах в Белграде Мансуровым, с которым в июле имел личную встречу в Вене, после чего дал своему младшему коллеге весьма лестную характеристику. “Подробности и сведения, сообщенные мне... Мансуровым о местном положении дел и настроении умов, – писал Капнист, – были в высшей степени интересны и поучительны для моего руководства. Они убедили меня в тщательной и добросовестной оценке местных обстоятельств нашим талантливым представителем, несмотря на невыгодные условия... которыми он, при теперешнем положении дел, может располагать. Будучи принужден преимущественно добывать сведения из среды, одушевленной партийным духом, он отрешается... от ее влияния...”²⁰.

21 июля 1899 г. (н.ст.) министр иностранных дел Габсбургской монархии граф Голуховский заявил о невозможности для Австро-Венгрии присоединиться к демаршу России, так как это явилось бы вмешательством во внутренние дела Сербии. На следующий день из Вены в Белград было отправлено письмо соответствующего содержания²¹.

10(22) июля король Александр пригласил к себе германского, английского и французского дипломатических представителей (каждого в отдельности). "Разговоры короля имели целью, во-первых, указать на неуместность какого-либо внешнего вмешательства во внутренние дела Сербии как независимого государства; во-вторых, объяснить положение дел в крае и необходимость строгих мер", – писал Мансуров в Петербург²².

Аресты радикалов и слухи о предстоящих наказаниях обвиняемых привели к некоторому изменению в позиции Вены. Опасаясь, что суровый приговор даст новый импульс агитации против династии Обреновичей, 29 июля (н.ст.) граф Голуховский направил посланнику Шислу секретную телеграмму, в которой ему предписывалось в случае осуждения Пашича и Таушановича на смертную казнь, обратить внимание короля Александра на опасность этого акта для самого монарха и страны²³.

Официальный Петербург и российская общественность с неослабным вниманием продолжали следить за сербскими событиями: всех интересовала участь "безвинных жертв" авторитарного режима Обреновичей. Мансуров почти каждый день посылал донесения в МИД с подробным изложением текущих событий. Так, 3(15) августа он сообщил некоторые сведения об арестованных радикалах, полученные им от жены К. Таушановича (к донесению была приложена ее просьба к Николаю II о помощи в спасении ее мужа и его друзей от смертной казни). В том, что наказание будет именно таким, отмечал Мансуров, сомнений нет, так как "г-жа Таушанович получила от мужа, в виде условного знака, разбитый стакан и сломанную ложку, что по ее словам, означает ожидание мужем ее смертной казни. С другой стороны, до нее дошли слова Милана, что ему нужны головы Пашича и Таушановича даже ценой собственной его головы"²⁴. Это донесение весьма примечательно и тем, что в нем российский дипломат, безусловно, умный и проницательный человек, дал свою собственную оценку занятой

Александром и Миланом позиции в связи с происшедшим событием, с учетом особенностей их личности: "...По общему впечатлению, озлобление... проявляется сильнее еще у короля Александра, чем у короля Милана. В несомненно более ограниченной природе первого можно еще менее надеяться на движение человеческих чувств в пользу жертв... Главными побудительными причинами действий обоих королей является... со стороны короля Милана страх и мстительность, а со стороны короля Александра упорное желание ограниченного человека провести на деле произвольно выработанную им государственную программу, причем за отсутствием у него религиозных и нравственных руководящих начал, он ставит единственным мерилom своих действий своеобразно понимаемый им государственный и династический интерес"²⁵.

Мансуров также подробно сообщал об отношении видных политических деятелей страны к проявлениям "произвола и насилия" со стороны Обреновичей. "Поддерживать правительство в этом направлении, – писал он 17(29) августа, – отказываются все сколько-нибудь порядочные элементы, и мы присутствуем при довольно странном явлении для Балканского полуострова, а именно, что правительство с трудом находит людей, соглашающихся принять министерский портфель. Королю приходится обращаться к таким личностям, как Генчич, про которого сам он, увольняя его два года тому назад от должности префекта Ниша, отзывался: *cette canaille* (эта каналья. – С.Д.). За исключением престарелого и потерявшего свой авторитет Ристича, никто из дорожащих своей политической репутацией государственных людей не решается связать свое имя с нынешним строем"²⁶. По мнению Мансурова, в сербском обществе чувствуется "ощущительная пассивная оппозиция". Особенно поразило его бывший "русский воспитанник" нишский епископ Никанор Ружич, который "с необычной среди сербской иерархии независимостью духа осмеливается говорить королям в смысле справедливости по отношению к

обвиняемым”. Большое значение, по мнению российского дипломатического представителя, имела и реакция европейского общественного мнения на действия сербских властей²⁷.

В Архиве внешней политики Российской империи (Ф.ПА. Д.2857) хранится важный документ – письмо генерала С.Груича от 30 августа 1899 г. (того самого, которого его соратники по радикальной партии нередко упрекали в “эластичности”, отсутствии собственной позиции, твердости и т.п.) тогдашнему министру иностранных дел России М.Н.Муравьеву с просьбой сделать все возможное для спасения, как он пишет, “моих и русских друзей, которых преследуют не за измену, а за частные ... политические убеждения”. Безусловно, это был акт гражданского мужества – поднять свой голос в защиту “государственных преступников”, не обладая статусом дипломатической неприкосновенности! По убеждению С.Груича, “мнимый заговор против династии существует только в больном раздражении нервов особ, страдающих от династической эмоции, как от водобоязни”. Выступая в защиту радикальной партии, С.Груич заявлял, что она “желает и добивается мирными и легальными путями осуществить возвращение конституционного режима, а не путем насилия и переворота”²⁸.

Впоследствии выяснилось, что против смертной казни обвиняемых радикалов выступил и член кабинета, министр финансов В.Петрович. Как сообщил Мансуров, за пять дней до начала суда он обратился с письмом к королю, в котором заявил, что “не считает для себя возможным оставаться в составе правительства в случае окончания дела смертными казнями”. В том же духе он высказался и на заседании кабинета в начале сентября, добавив также, что “падение министерства из-за того, что оно не согласилось на убийство (подчеркивание мое. – С.Д.)..., было бы для него почетно и оно было бы оправдано всей Европой”²⁹.

Приближался день начала процесса. Российскую дипломатию по-прежнему весьма волновала позиция Австро-Венгрии. Мансуров, следуя инструкциям из министерства, регулярно сообщал содержание своих бесед с австро-венгерским посланником. Так, 9 августа он писал в Петербург о заверениях последнего о том, что “нет повода к нашему вмешательству. Дело ведется в законной форме... Он надеется, что излишних казней не будет...”³⁰.

Назначенный на 24 августа суд, в связи со смертью и похоронами Й.Ристича, начал свои заседания только 27 августа. На нем присутствовали иностранные дипломатические представители Великобритании, Франции, Румынии, Греции, Болгарии, России, Италии, Турции. “Замечается демонстративное отсутствие представителей Австро-Венгрии и Германии”, – сообщал Мансуров 31 августа³¹. Это последнее в августе донесение содержало описание первых дней судебного разбирательства, допрос свидетелей и т.д. По сообщению Мансурова, “за исход дела ручаться нельзя, ибо над этим всем висит тяжесть слов Милана, что он по Пашичу не промахнется, и заявления его достойного сына, что никакой пощады не будет оказано”³².

Особое беспокойство Петербурга вызывало то обстоятельство, что Обреновичи во время процесса проявили явное стремление связать “антидинастическую” деятельность радикалов с их “русскими” контактами. “Имя России, – писал Мансуров, – было связано со всем делом, отношения к ее представителям были в большом количестве случаев основанием к привлечению к нему обвиненных и самые таковые связи признаны предосудительными”³³.

Действительно, в ходе следствия и судебного процесса в Сербии все более усиливались антирусские настроения. Первые сведения об этом появились вместе с созданием легенды об антидинастическом заговоре. В конце июля обвинения в адрес России стали распространять сербские официальные лица. Префект Белграда прямо заявил

Мансурову, что заговор – дело драгомана миссии Мамулова. В телеграмме в Петербург российский поверенный в делах отметил, что “это первый случай, когда высший сербский чиновник осмелился утверждать подобное”³⁴. Через несколько дней Вл. Джорджевич, беседуя с французским дипломатическим представителем, намекнул, что в деле о заговоре есть и другая сторона – участие в нем России³⁵. 23 июля король Александр доверительно сообщил посланнику Великобритании о наличии доказательств участия в покушении полковника Таубе, бывшего военного атташе России в Румынии и Сербии³⁶. По сведениям российского консула, в Нише отмечалось “возбуждение против всего русского”, особенно среди офицеров³⁷.

В.Н.Ламздорф предостерегал Мансурова от вмешательства “в дела судебного процесса”. Отметим, что правящие круги России не проявили особого раздражения по поводу возводимой Миланом клеветы. Оценивая этот поступок экс-короля и его сторонников как проявление бессилия “изменить направление нашей политики”, в Петербурге считали, что надо по-прежнему придерживаться позиции невмешательства во внутренние дела Сербии и спокойно выжидать восстановления нормального порядка в этой стране³⁸. “Императорское правительство, – писал Мансуров, – не сочло уместным ставить вопрос на почву нарушения достоинства России, что по отношению к такому государству как Сербия вряд ли для России и подходяще... Помилование... явилось бы самым лучшим удовлетворением и вины сербского правительства по отношению к России”³⁹.

Получая все новые и новые сведения о процессе в Белграде и действиях сербских властей, российская дипломатия вырабатывала свою позицию. Присутствовавший на всех заседаниях суда Мансуров прекрасно понимал всю подоплеку творившегося беззакония. “...Невозможно тяжело и возмутительно видеть эту отчаянную борьбу наиболее благородных представителей своего народа с выводимыми против них в виде ложных

свидетелей отбросами общества”, – восклицал он⁴⁰. По мнению российского дипломата, “спасительного воздействия императорского правительства ожидают все. Чем и как оно проявится, является мучительным вопросом для всех...”⁴¹.

7 сентября В.Н.Ламздорф направил Мансурову секретную телеграмму, содержащую фактически программу действий. Ему предписывалось в случае утверждения смертного приговора для лидеров радикалов, не дожидаясь демарша со стороны дипломатических представителей других государств, заявить “единолично” сербскому правительству, что Россия, “не щадившая жертв в целях освобождения Сербии”, не может в данной ситуации “оставаться безучастным зрителем возмущающих общественную совесть событий, которые неминуемо навлекут..., тяжкие бедствия”. Мансурову предписывалось также еще раз поставить в известность правителей страны, что в Петербурге надеются на акт милосердия с их стороны, а именно, помилование “невинно осужденных, являющихся жертвами господствовавших за последнее время в Сербии партийной борьбы и личных распрей”. В противном случае на Обреновичей возлагалась “ответственность за все последствия принятого ими решения, противного самым основным началам правды и справедливости”⁴².

9 сентября В.Н.Ламздорф разослал российским представителям в Париже, Лондоне, Берлине, Вене, Риме и Константинополе циркулярное письмо, в котором объяснялась суть белградских событий. В нем констатировалось, что большинство обвиняемых привлечено к суду на основании ложных показаний подкупленных “свидетелей” и что “главной целью затеянного правительством, под руководством Милана Обреновича, громкого политического процесса было почти нескрываемое стремление избавиться раз и навсегда от политических противников властвующей ныне в Сербии партии”. Ламздорф подчеркивал далее, что с самого начала Петербург считал необходимым совместный с Австро-Венгрией демарш, однако

венский кабинет под предлогом “нежелания стеснять свободу действий сербского правительства в раскрытии всех подробностей заговора” уклонился от этого представления, и лишь после того, как стало известно, что прокурор на основании ложных свидетельств тем не менее настаивает на смертном приговоре, граф Голуховский сделал “категорические и строгие предостережения” сербскому кабинету. Кроме того, Россия обратилась ко всем великим державам с предложением “оказать совместное воздействие на сербских правителей”⁴³. Как результат этого обращения следует рассматривать предписание итальянскому представителю в Белграде министра иностранных дел Италии графа Веносты “преподать сербскому правительству советы умеренности и благоразумия”⁴⁴, а также указание посланнику Великобритании, полученное от лорда Солсбери, о поддержке “представлений, если таковые будут сделаны русским и австрийским посланниками, против чрезмерных приговоров над политическими преступниками”⁴⁵.

Соответствующее представление было сделано и сербскому поверенному в делах в Петербурге Ф.Христичу. 9 сентября 1899 г. он писал Вл.Джорджевичу о своем разговоре с Ламздорфом, который обратил его внимание на то, что суровое наказание обвиняемых “вызвало бы очень тяжелые последствия для короля и правительства”. По словам Ламздорфа, заступаясь за радикалов, Россия не собирается вмешиваться во внутренние дела Сербии, но прежде всего думает о том, чтобы ее не постигла “беда”, чтобы в стране не разразилась революция. На это Христич довольно резко ответил, что революция Сербии не грозит, а что касается невмешательства России в ее внутренние дела, то это заявление не соответствует действительности – многие факты говорят об обратном. Так, пребывание короля Милана в Сербии является, несомненно, ее внутренним делом, между тем не только российская общественность, но и правительство России не желают этого понять, а именно в этой позиции

антимонархические и антидинастические элементы внутри страны находят необходимую поддержку. На это граф Ламздорф возразил, что российское правительство не связано ни с одной сербской партией. “Россия всегда стремилась к тому, чтобы сербы развивались самостоятельно, и никогда их не эксплуатировала, как некоторые ваши соседи, – добавил он, – которые вас за это снабжают деньгами. А мы всегда действовали совершенно бескорыстно”. Далее Христич подчеркнул в разговоре, что в настоящее время “король Милан не влияет на политику. Он занят исключительно армией, которая ничего общего с политикой не имеет”. В свою очередь граф Ламздорф выразил недовольство тем, что на процессе в связи с покушением часто упоминалось имя России. Несомненный интерес представляет заключительная часть донесения Ф.Христича. Здесь он, обращаясь к Вл.Джорджевичу, выразил мнение, что в настоящее время “невозможно совершенно игнорировать пожелания и требования российского правительства”, однако, по его убеждению, это соображение не должно быть решающим и их удовлетворение должно проистекать из “собственных побуждений”, иметь характер “собственной инициативы”. По мнению Христича, Россия заступает “не за Пашича, не за русскую партию, не за каких-то политических мучеников, но просто за людей, с помощью которых она надеется иметь решающее влияние на страну”⁴⁶. Кстати, эта позиция характерна и для современных сербских историков. Так, М.Войводич в цитированном выше труде объясняет действия России летом-осенью 1899 г. ее стремлением “спасти оппозиционные силы в Сербии, на которые она опиралась...”⁴⁷. Однако сербский исследователь, на наш взгляд, недостаточно учитывает то обстоятельство, что Россия, как и Австро-Венгрия, помимо вышеупомянутого интереса, стремилась к упрочению внутривнутриполитического положения в Сербии, а главное – занятая ею с самого начала жесткая позиция в возникшем кризисе вынуждала австро-венгерскую дипломатию отказаться от

выжидательной позиции и делать соответствующие представления сербским властям. Так, 12 сентября 1899 г. Голуховский поручил посланнику в Белграде Шислу заявить королю Александру, что “неоправданно строгое наказание” вынудит Австро-Венгрию пересмотреть свою позицию благосклонности в отношении Сербии⁴⁸. Решающее значение имела также миссия военного атташе Австро-Венгрии в Сербии Хордлички, который 15 сентября потребовал от имени императора, чтобы кроме “атентатора” Кнежевича никто не был приговорен к смертной казни, ибо вина лидеров радикалов не была доказана⁴⁹.

Когда сербские власти поняли, что великие державы не позволят им расправиться с Н.Пашичем, они решили морально уничтожить лидера радикалов как политического деятеля. Через министра внутренних дел Генчича Милан передал ему, что для спасения своей жизни он должен выступить на суде с речью, в которой необходимо подчеркнуть ошибки радикалов и выразить преданность династии. Все было рассчитано, ибо находившийся в заключении и оторванный от мира Пашич не знал о действиях российской и западной дипломатии и их очевидном успехе и был вынужден согласиться⁵⁰. В Архиве внешней политики Российской империи хранится перевод его речи с соответствующими комментариями Мансурова.

Вначале Пашич заявил, что невиновен в покушении, а виноват лишь “с точки зрения политически-партийной”. Его ошибка, во-первых, состоит в том, что он как глава радикальной партии “не принял мер к тому, чтобы расследовать и побороть те антидинастические элементы, которые существуют в партии”. Второй своей ошибкой Пашич назвал то, что “недостаточно оценил сразу перемену, которую...король установил, призвав внепартийное правительство...”. Однако впоследствии Пашич, по его утверждению, осознал перемены в политике короля и созвал заседание Главного комитета с тем, чтобы распустить радикальную партию, но “крайние элементы”

выступили против, а Пашич не настоял, и в этом его вина. В заключение Пашич заявил, что решил удалиться от политической деятельности и выразил свою преданность династии Обреновичей⁵¹. После помилования, последовавшего 13 сентября 1899 г., он послал королю Александру верноподданническую телеграмму⁵².

Говоря о неблагоприятном впечатлении, которое произвела речь многолетнего лидера радикалов на сербское общество⁵³, Мансуров писал: "Вынужденное, конечно, заявление Пашича сослужило в данный момент нынешнему строю правления в Сербии неоценимую услугу. Оно является оправданием недоверия, проявленного королем Александром к радикальной партии, и до известной степени даже привлечения представителей ее к ответственности по настоящему делу; по крайней мере, суд воспользовался словами об антидинастических стремлениях некоторой части партии и включил их в число оснований, приведенных против обвиняемых". "Нельзя с огорчением не присутствовать при этом падении политического деятеля, — отмечал Мансуров, — значительная доля авторитета коего в стране покоилась на вере в то, что после покойного митрополита Михаила Пашич... полнее всех олицетворял связь сербского народа с Россией"⁵⁴.

В неоднократно цитировавшейся "Политической исповеди", написанной Пашичем в дни, когда он временно оказался вне политики, этот бесспорный некогда лидер радикалов пытался оправдаться перед врагами, единомышленниками и "судом истории" и объяснить свое поведение после Иванданского атентата. На наш взгляд, оправдания его неубедительны, хотя позиция вполне понятна — во что бы то ни стало выжить, выстоять, чтобы затем вернуться к политической и государственной деятельности, в возможность чего, видимо, верил он один и немногие из самых близких его друзей. Остается только восхищаться прозорливостью Пашича — ведь до июня 1903 г. действительно оставалось совсем немного времени!

Приговор суда над обвиняемыми был вынесен 13(25) сентября 1899 г. К смертной казни были приговорены С.Кнежевич, расстрелянный в тот же день, и Р.Тайсич, находившийся в эмиграции в Черногории. Большинство обвиняемых были осуждены на тюремное заключение и каторжные работы, в том числе вожди радикалов Л.Живкович, Ст.Протич, Й.Павичевич и М.Джурич – на 20 лет каторги; К.Таушанович – на 10 лет⁵⁵.

Подводя итоги судебного процесса, Мансуров в донесении 13(25) сентября писал: “Нельзя не признать, что он далеко не разъяснил дело, выказав только чрезвычайную неумелость и недобросовестность сербской полиции и следственной власти. Самый приговор суда можно объяснить лишь компромиссом между требованиями справедливости и логики и ... соображениями и желаниями короля... Он (суд. – С.Д.) не мог представить ясных доказательств существования заговора”⁵⁶. По мнению Мансурова, главная причина “воздержания” Милана и Александра от “кровавой расправы” крылась в воздействии на них австро-венгерской дипломатии в результате позиции России. “При чрезвычайной сдержанности... австрийского представителя здесь, – отмечал он, – очень трудно проследить проявление этого воздействия, так как в его политику входит не выказывать своего влияния на внутренние дела королевства... Путь, избранный императорским министерством, оказался верным, и мне приятно было слышать сегодня, что и в сербских кругах не обманываются об источнике европейского и специально австрийского воздействия, несмотря на всю проявленную нами в этом вопросе сдержанность”⁵⁷.

Вынесенный приговор привел к новым демаршам российской и западной дипломатии. В Петербурге решили добиваться его смягчения.

15 сентября 1899 г. российским представителям в Белграде, Константинополе, Париже, Лондоне, Риме, Берлине и Вене была направлена секретная телеграмма В.Н.Ламздорфа, в которой говорилось о намерении

руководителей российской дипломатии “преподать сербскому правительству дружеские советы, указав на несоответствие чрезмерности кары с обнаруженной на следствии виновностью обвиненных в политическом заговоре”. Одновременно Мансурову было поручено, “не ожидая соглашения с коллегами заявить в форме, не задевающей самолюбие правительства, что суровость приговора произвела всюду удручающее впечатление, и выразить надежду, что король Александр не замедлит облегчить участь осужденных...”⁵⁸.

Получив предписание Ламздорфа, Мансуров тотчас же отправился в Ниш, где находилось сербское правительство, чтобы выполнить возложенное на него поручение⁵⁹. Однако в тот период добиться выполнения вышеуказанной задачи российской дипломатии не удалось – сербские власти после того, как политический процесс провалился, стали называть осужденных уголовными преступниками, понесшими наказание за попытку покушения на жизнь “отца царствующего короля”⁶⁰.

В качестве метода давления на сербские правящие круги Россией было использовано отозвание поверенного в делах из Белграда. Управляющий миссией на время отсутствия Мансурова не был назначен. Второму секретарю Ю.А.Нелидову поручалось “заведовать лишь текущими делами”. При этом он был предупрежден, что не должен ни с кем вступать в “политические разговоры”⁶¹.

16 сентября 1899 г. сербский посланник в Петербурге Христич направил в Белград донесение о посещении его В.Н.Ламздорфом, во время которого речь снова шла об участии осужденных. Российский дипломат указал на то ошеломляющее впечатление, которое произвел приговор в России, сам император Николай II был потрясен его “жестокостью”. По его мнению, дальнейшее развитие российско-сербских отношений в благоприятном для обеих сторон смысле невозможно без акта помилования. Чутко уловив настроения в Петербурге и особенно при императорском дворе, Христич высказал в донесении

свою, отличную от сербского правительства, точку зрения на обстоятельства, связанные с осуждением лидеров радикалов. Он писал главе кабинета: “Вина осужденных огромна, это показало и следствие, но в интересах Его Величества короля Александра, в интересах Его Величества короля Милана я Вас покорнейше прошу, вернее заклинаю: добиться полной амнистии осужденных. Возможно это не будет соответствовать внутренним государственным интересам, но этого требуют внешние обстоятельства. Вам известна... моя преданность королю. С другой стороны, Вы знаете, насколько я придаю значение тому, чтобы сербская независимость не была унижена... Суд сделал свое дело – теперь остается королевская милость... которая действительно произвела бы огромный поворот в нашу пользу, ибо сейчас все, абсолютно все (подчеркивание автора документа. – С.Д.) против нас. Русские газеты требуют ни много ни мало, чтобы Сербия была исключена из списка государств и была подвергнута политическому бойкоту. На сегодняшнем приеме все дипломатические представители... все без исключения говорили ... по поручению своих правительств очень резко о наших делах... Хуже всего то, что и сам русский царь... весьма раздражен. При таком положении вещей я глубоко убежден, что помилование крайне необходимо”. По мнению Ф.Христича, настал благоприятный момент для улучшения отношений с Россией: согласно обещанию Ламздорфа, в случае помилования в Сербию будет направлен “хороший посланник”, а вопрос о пребывании короля Милана в стране больше не будет подниматься на официальном уровне⁶².

22 сентября 1899 г. Ламздорф вновь разослал циркулярное письмо в европейские столицы, касавшееся событий в Сербии и содержащее изложение основных принципов российской дипломатии в сербском вопросе. Объясняя последовательность позиции Петербурга в отношении результатов суда по процессу 24 июня, товарищ министра иностранных дел писал: “Не щадив жертв и

усилий в целях освобождения народностей Балканского полуострова от рабского ига, ценой крови своих сынов призвав эти народности к самостоятельному существованию, Россия вслед за сим поставила главной заботой своей охранять их полную независимость и свободу от каких-либо внешних посягательств. Предоставив образовавшимся юным славянским государствам по их усмотрению ведать внутренним самоуправлением, лишь бы таким обеспечивались государственное спокойствие и дальнейшее преуспевание освобожденных народностей, императорское правительство, уклоняясь от вмешательства в какие-либо местные политические распри, лишь в тяжкие для славян минуты испытаний считало своей нравственной обязанностью предостерегать правителей их от необдуманных поспешных решений, настоятельно преподавая через своих представителей советы благоразумия и осторожности". Действия российской дипломатии в Сербии имели в качестве главной задачи "ограждение" страны от "опасных... внутренних потрясений, а отнюдь не поддержание и охранение партии, по ложно составившемуся мнению пользующейся будто бы особым расположением России"⁶³.

25 сентября 1899 г. Ламздорф представил Николаю II записку о посещении его сербским дипломатическим представителем Христичем. Последнему было поручено его правительством узнать причину отъезда Мансурова из Белграда. Во время визита Христич заверил российского дипломата в том, что смягчение наказания осужденных и даже их помилование – дело решенное, но король ждет для этого подходящего случая. Ламздорф из этого разговора вынес убеждение, что "сербский король и его правительство будут всячески искать случая, чтобы загладить тягостное впечатление, произведенное событиями в Сербии"⁶⁴. На записке Николай II написал: "Вся беда Сербии происходит от назойливого присутствия бесстыдного Милана. Пока он будет там сидеть, официальные

отношения России и сербского правительства не могут быть искренними”⁶⁵.

Таким образом, все уверения в том, что вопрос о пребывании Милана в Сербии не может влиять на развитие российско-сербских отношений, были не более, чем словами. Приведенная выше помета российского императора, являвшегося руководителем внешней политики страны, лучшее тому подтверждение. В Петербурге никак не могли отрешиться от этой позиции, которая хотя и была в какой-то степени оправдана, принимая во внимание личность Милана и его действия в предшествующие годы, тем не менее наносила ощутимый вред и Сербскому государству, и интересам России в данном регионе.

К тому же сам Ламздорф позволял себе весьма неодобрительные высказывания в адрес Милана. Так, в конце сентября 1899 г. он заявил сербскому дипломатическому представителю в Петербурге Христичу: “...Все прошлое в жизни каждого человека полагает на его нравственный облик неизгладимую печать, а прошедшее главнокомандующего сербской армией не может к нему внушать ни малейшего доверия, напоминая о связанных с его именем тревожных событиях в политическом существовании Сербии. К тому же присутствие Милана Обреновича в Белграде заслоняет личность юного короля и тем наносит все более и более непоправимый вред династии...”⁶⁶.

Примечательно, что в неоднократно упоминавшейся монографии А.Раденича есть описание вышеуказанной встречи, сделанное на этот раз Ф.Христичем (документ хранится в Архиве министерства иностранных дел Сербии). Если со страниц записки Ламздорфа сербский дипломат предстает оправдывающимся, ищущим для своей страны покровительства великой державы, то в его собственной записки – он человек решительный, не теряющий в трудной ситуации чувства собственного достоинства. “Я не жалел ни труда, ни слов, чтобы защитить наше дело”, – писал Христич. Он довольно резко, по его

словам, мотивировал необходимость для Сербии проавстрийского внешнеполитического курса. Красной нитью в документе проходит мысль о праве королевства проводить внешнюю политику в своих собственных интересах⁶⁷.

После судебного процесса в Белграде отношения между Россией и Сербией продолжали оставаться крайне натянутыми. "...Официальная Сербия охвачена ныне неприязненным России течением, импульс которому дается из заправляющих сфер, – писал из Ниша в конце сентября 1899 г. консул С.С. Чахотин. – ...Народные же массы, хотя в глубине души и хранят еще старинный культ к России... но не решаются высказываться из страха репрессий со стороны всемогущего ныне в Сербии военно-полицейского режима"⁶⁸. Последний все же был вынужден, в том числе и по финансовым соображениям, искать пути к улучшению двусторонних отношений. Вернувшийся из отпуска Мансуров был встречен главой кабинета Вл. Джорджевичем с подчеркнутой теплотой. Вместе с тем в очередной раз был предпринят зондаж позиции России. Поверенный в делах сообщил, что "одно лицо, близкое ко двору, высказало мнение, что делу помилования много бы способствовало назначение нашего посланника"⁶⁹. Через месяц с Мансуровым по тому же вопросу встретился близкий ко двору, бывший регент при короле Александре Й. Белимаркович. Последнему было заявлено, что посланник не может быть назначен, пока "люди не амнистированы"⁷⁰.

Для Мансурова было очевидно, что в деле примирения участвует значительный круг лиц, занимающих видное положение в правительстве и являющихся заметными политическими фигурами. Однако реальных шагов со стороны короля не было. Поэтому российский поверенный в делах старался сохранять дистанцию в отношениях со двором. Так, он уклонился от присутствия на торжественном обеде по случаю годовщины восшествия Александра на престол⁷¹. Действия Мансурова получили "высочайшее одобрение"⁷².

В подведение итогов подчеркнем, что Иванданский атентат был использован Обреновичами для ускорения достижения давней цели – укрепления режима личной власти, для чего необходимо было убрать с пути усиливающихся оппонентов – радикалов – и, наконец-то, “искоренить” радикализм в Сербии. Этого Милан не сумел сделать ни в 1882 г. (после покушения Елены Маркович), ни в 1883 г. (после подавления Тимокского восстания). Теперь Обреновичи – отец и сын – сочли момент весьма благоприятным для реванша.

Документы АВПРИ впервые позволили достаточно полно показать роль России в сербских событиях той поры. В причинах жестких мер в отношении радикалов в Петербурге не сомневались. Связанная соглашением 1897 г. с Австро-Венгрией о сохранении статус-кво на Балканах, Россия в конце XIX в. ограничивалась “отслеживанием” ситуации в Сербии и поддержкой “конструктивных сил” сербского общества. Активность российской дипломатии в сербском вопросе во второй половине 90-х годов (до лета 1899 г.) была незначительной. Однако в связи с Иванданским атентатом ситуация резко изменилась.

Не подлежит сомнению тот факт, что лидеры радикальной партии на этот раз были спасены именно благодаря последовательной позиции и действиям официального Петербурга. Если на первом этапе кризиса эта позиция была достаточно осторожной, то по мере нарастания опасности вынесения смертного приговора руководству радикалов, голос России среди “усмирителей” Обреновичей звучит все громче, а действия российских дипломатов всех рангов становятся все более активными. Главным, безусловно, было склонить к совместному демаршу Австро-Венгрию (причина невмешательства Вены, сделавшей ставку на Обреновичей, во внутренние дела Сербии, была иной, чем у Петербурга). Российская дипломатия с этим с честью справилась. Среди мер воздействия на сербских правителей предусматривалась даже возможность

единоличного демарша России в случае объявления смертного приговора радикальным деятелям. При этом шла неуклонная работа по привлечению в лагерь недовольных действиями Обреновичей представителей других держав. В результате Вена была вынуждена отказаться от выжидательной позиции и сделать “внушение” белградским властям. Расправа над радикалами была сорвана. И впоследствии Россией было немало сделано для облегчения участи осужденных, спасенных ею от смертной казни. На официальном уровне этот вопрос поднимался Петербургом неоднократно уже в начале XX в. Его “справедливое” решение руководители российской дипломатии рассматривали в качестве условия “потепления” российско-сербских отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Peruničić B. Ivanjdanski atentat*//*Arhivist*. 1963. № 1-2. S.64-65. (Здесь опубликован фрагмент рукописной книги Дж.Симича - видного сербского дипломата и государственного деятеля “*Iz mojih azropepa 1888-1921*”, хранящийся в Государственном архиве Сербии в Белграде); См. также; АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1899 г. Д.44. Л.52 (Секретная телеграмма П.Б.Мансурова - МИД 28 июня 1899 г.).

² *Peruničić B. Op.cit.* S.66-67.

³ См.: *Раденковић Ђ. Никола Пашић у Ивањданском атентату*//*Летопис Матице Српске*. Књ.390. Св.2-3. Ауг.-септ. Нови Сад, 1962. С.172.

⁴ *Peruničić B. Op.cit.* S.70-72.

⁵ АВПРИ. Ф.ПА. 1899 г. Д.2854 Л.84-84об.

⁶ Там же. Д.2857. Л.1. (Телеграмма Сомова из Синаи 30 июля 1899 г.).

⁷ Там же. Ф.Канцелярия. 1899 г. Д.14. Л.64 (Секретная телеграмма П.Б.Мансурова - МИД 30 июня 1899 г.).

⁸ Там же. Ф.Отчеты. Отчет по первому департаменту за 1899 г. Л.40об.

⁹ *Раденић А. Прогони политичких противника у режиму Александра Обреновића 1893-1903*. Београд, 1973.

¹⁰ Там же. С.325.

- ¹¹ Русский вестник. 1899. № 8. С.782; № 10. С.837-838.
- ¹² Вестник Европы. 1899. № 10. С.832-834, 836.
- ¹³ АВПРИ. Ф.ПА. Д.2854. Л.29-29об.
- ¹⁴ Там же. Л.32 (Телеграмма П.А.Капниста - МИД 4 июля 1899 г.).
- ¹⁵ Там же. Л.43-43об., 46об.
- ¹⁶ Там же. Л.46об.-47.
- ¹⁷ Раденић А. Указ.соч. С.753.
- ¹⁸ Там же. С.280.
- ¹⁹ АВПРИ. Ф.ПА. Д.2854. Л.52об.-53 (Телеграмма П.А.Капниста - МИД 9(21) июля 1899 г.).
- ²⁰ Раденић А. Указ.соч. С.763.
- ²¹ Там же. С.641-642, 644-645.
- ²² Там же. С.756.
- ²³ Там же. С.654-655.
- ²⁴ Там же. С.772-773.
- ²⁵ Там же. С.773.
- ²⁶ Там же. С.776.
- ²⁷ Там же. С.777.
- ²⁸ Там же. С.778-779.
- ²⁹ Там же. С.798-799.
- ³⁰ Там же. С.774.
- ³¹ Там же. С.780.
- ³² Там же. С.782.
- ³³ Там же. С.812.
- ³⁴ АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1899 г. Д.17. Л.93 (Секретная телеграмма П.Б.Мансурова - МИД 22 июля 1899 г.).
- ³⁵ Там же. Л.96 (Секретная телеграмма П.Б.Мансурова - МИД 25 июля 1899 г.).
- ³⁶ Војводић М. Указ.соч. С.242.
- ³⁷ АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1899 г. Д.17. Л.135 (Секретная телеграмма П.Б.Мансурова - МИД 23 августа 1899 г.).
- ³⁸ Там же. Ф.Отчеты. Отчет по первому департаменту за 1899 г. Л.45об.
- ³⁹ Раденић А. Указ.соч. С.812.
- ⁴⁰ Там же. С.782.
- ⁴¹ Там же. С.784.
- ⁴² Там же. С.784-785.
- ⁴³ АВПРИ. Ф.ПА. Д.2854. Л.89об.-92об.
- ⁴⁴ Там же. Д.2856. Л.8-12 (Донесение 13(25) сентября 1899 г.).
- ⁴⁵ Там же. Л.16 (Донесение 14(26) сентября 1899 г.).
- ⁴⁶ Раденић А. Указ.соч. С.556-559.
- ⁴⁷ Војводић М. Указ.соч. С.245.
- ⁴⁸ Раденић А. Указ.соч. С.669-670.

- ⁴⁹ *Војводић М.* Указ.соч. С.243.
- ⁵⁰ *Раденковић Ђ.* Никола Пашић у Ивањданском атентату... С.194-195.
- ⁵¹ АВПРИ. Ф.ПА. Д.2856. С.23-25; См.также: Пашић Н. Моја политичка исповест... С.158-162.
- ⁵² АВПРИ. Ф.ПА. д.2856. Л.29-29об.
- ⁵³ Бивши сораџници Пашића назвали его выступление "политическим самоубийством" (См.: *Раденковић Ђ.* Указ.соч. С.197).
- ⁵⁴ АВПРИ. Ф.ПА. Д.2856. Л.18об.-19об. (Донесение 14(26) септембра 1899 г.).
- ⁵⁵ *Историја српског народа...* С.114; АВПРИ. Ф.ПА. Д.2855; *Војводић М.* Указ.соч. С.788.
- ⁵⁶ *Раденић А.* Указ.соч. С.790.
- ⁵⁷ Там же. С.791.
- ⁵⁸ АВПРИ. Ф.ПА. Д.2856. Л.33-35об.; Ф.Канцеларија. 1899 г. Д.17. Л.313 (Секретная телеграмма В.Н.Ламздорфа - П.Б.Мансурову 15 септембра 1899 г.).
- ⁵⁹ Там же. Ф.ПА. 1899 г. Д.485. Л.643-643об. (П.Б.Мансуров - В.Н.Ламздорфу 19 септембра (1 октомбра) 1899 г.).
- ⁶⁰ Там же. Л.644-645.
- ⁶¹ Там же. Ф.Канцеларија. 1899 г. Д.17. Л.315 (Секретная телеграмма В.Н.Ламздорфа - П.Б.Мансурову 15 септембра 1899 г.); Л.320 (Секретная телеграмма В.Н.Ламздорфа - Ю.А.Нелидову 22 септембра 1899 г.).
- ⁶² *Раденић А.* Указ.соч. С.562-564.
- ⁶³ АВПРИ. Ф.ПА. Д.2856. Л.96-96об.
- ⁶⁴ Там же. Л.105-109об.
- ⁶⁵ Там же. Л.105.
- ⁶⁶ Там же. Л.108-108об.
- ⁶⁷ *Раденић А.* Указ.соч. С.568.
- ⁶⁸ АВПРИ. Ф.ПА. 1899 г. Д.1074. Л.92об. (С.С.Чахотин - А.К.Базиле 26 септембра 1899 г.).
- ⁶⁹ Там же. Ф.ПА. 1900 г. Д.482. Л.56 (П.Б.Мансуров - М.Н.Муравьеву 18(31) јануара 1900 г.).
- ⁷⁰ Там же. Л.225, 227 (П.Б.Мансуров - М.Н.Муравьеву 10(23) априла 1900 г.).
- ⁷¹ Там же. 1900 г. Д.488. Л.157 (П.Б.Мансуров - М.Н.Муравьеву 28 фебруара (13 марта) 1900 г.).
- ⁷² Там же. Ф.Канцеларија. 1900 г. Д.17. Л.197 (Секретная телеграмма М.Н.Муравьева - П.Б.Мансурову 20 марта 1900 г.).

Несостоявшийся визит в Россию. Конец режима Обреновичей

А между тем в Сербии продолжалась правительственная чехарда. Находившийся у власти около трех лет кабинет Вл. Джорджевича был отправлен в отставку, причиной которой стало его несогласие с намерением короля Александра жениться на своей фаворитке, вдове инженера Машина, бывшей фрейлине королевы Натальи, Драге (в девичестве Луневица). Объявив о своей помолвке официально, монарх объяснил этот шаг тем обстоятельством, что заключение брака с представительницей первойших королевских дворов Европы или российской императорской фамилии для него в силу ряда причин невозможно, а родство с второстепенными германскими домами (об этом хлопотал Милан) не принесет никаких выгод для Сербии. Именно поэтому он и решил остановить свой выбор на Драге, истинной сербке, внучке воеводы Луневицы, одного из активных участников Первого сербского восстания 1804-1813 гг. Тогда Александр и не подозревал, что в этот "счастливейший", по его признанию, день он сделал первый шаг навстречу своей трагической гибели.

Обстановка в сербском обществе, охваченном непрекращавшимся политическим кризисом, обострилась до предела. Женитьба молодого человека (Александр в то время было всего 24 года) на вдове значительно старше себя считалась в Сербии предосудительной вообще, а для короля просто немыслимой! К тому же Драга слыла женщиной весьма сомнительной репутации, за ней была слава известной интриганки. Своим выбором жены Александр оттолкнул от себя и тех немногих сторонников режима Обреновичей, кто продолжал его поддерживать, включая и собственного отца. Вскоре после помолвки

экс-король Милан порвал с сыном и покинул Сербию, как оказалось навсегда. В январе 1901 г. он умер от воспаления легких и по его желанию похоронен на территории Австро-Венгрии в монастыре Крушедол на средства Франца-Иосифа.

Сканда́льная история с помолвкой, а затем женитьбой Александра вызвала возмущение сербского общества, особенно высших чиновников и военных, среди которых был весьма высок авторитет Милана.

В России к известию о помолвке “несчастного сироты при живых родителях”, как часто называли Александра, с “истинной сербкой” поначалу отнеслись весьма благожелательно, чему в немалой степени способствовало сообщение об отъезде Милана. Обнаруженные архивные документы не подтверждают неподкрепленную ссылкой на источники точку зрения М.Войводича о том, что решающую роль в заключении брака Александра с Драгой сыграли сотрудники российской дипломатической миссии в Белграде и что движущей силой при этом для них служила ненависть Петербурга к Милану¹. Правда, когда сербский король обратился с просьбой “во избежание кривотолков и для полного удовлетворения народа” предоставить ему “видимый знак признания со стороны царя”, Мансурову было дано указание довести до сведения Александра, что вступление в брак – его личное дело, хотя Николай II в принципе не возражает против свадьбы. Это сгладило в какой-то степени тягостное настроение в сербском обществе, воцарившееся после объявления помолвки. Впоследствии российский император дал согласие принять заочно участие в церемонии бракосочетания в звании “кума”².

В Сербии произошла очередная смена кабинета. Было сформировано так называемое “свадебное” правительство во главе с напредняком А.Йовановичем, состоявшее из людей, преданных Обреновичам, именуемых “дворцовой партией”. После выяснения позиции России главы иностранных миссий в Белграде получили от своих

правительств указания об участии в свадебной церемонии³.

С целью смягчения неблагоприятного впечатления, произведенного его браком в самой Сербии и за ее пределами, в день рождения королевы Драги Александр объявил об амнистии осужденных по процессу 1899 г., назвав их жертвами милановского режима.

Для поднесения личного благодарственного письма Николаю II он направил в Петербург президента Сербской Академии наук и искусств генерала Й. Мишковича, своего бывшего воспитателя, который при отъезде заявил королю, что выполнит поручение в том случае, если сближение с Россией – “не проходящее, а твердое решение на будущее”. Александр дал такие заверения. В беседе с Мишковичем в присутствии Мансурова король заявил, что теперь “политика сближения с Россией – не политика правительства, а его собственная”⁴. Привезенное Мишковичем личное письмо Александру, содержавшее уже привычные фразы и формулировки об “историческом призвании” России и “долге” сербского короля перед своим народом, но написанное в дружеском тоне, было встречено при дворе “с глубокой признательностью” и опубликовано. Российский поверенный в делах отмечал, что непрерывно расточаемые королем слова благодарности носят “демонстративный характер”⁵.

Сложившаяся в Сербии обстановка была чревата возможными переменами. В этих условиях, как никогда, была важна достоверная информация о течении сербской политической жизни и главных факторах сербской государственности. С поставленной задачей успешно справлялся Мансуров, обращавший внимание на малейшие нюансы и изменения.

Прежде всего в своих донесениях он отмечал стремление короля Александра к усилению режима личной власти “вне партийных соображений”, что могло, по мнению российского дипломата, привести к новым осложнениям⁶. 25 октября 1900 г. он писал: “Государственная

жизнь Сербии... определяется со времени новейшего перелома в сербской политике личным почином и руководством короля Александра. Получив в наследство от прежнего строя расчищенную почву с сокрушенной общественной инициативой, король старательно поддерживает такое положение, заменив способ устрашения искусно рассчитанными ходами для предотвращения объединения сколько-нибудь значительных недовольных политических групп”⁷.

Рассматривая вопрос о политических партиях, Мансуров констатировал: “...Политика короля ставит наиболее видных и уважаемых представителей всех партий в одинаковое положение, которое создает им до известной степени общую почву для сближения. Этому сближению содействует в сильной степени, с другой стороны, смягчение крайностей разъединявших их политических стремлений под влиянием пережитого Сербией тяжелого времени. Не говоря уже о внешней политике, в которой представители всех трех партий признают единственным верным руководящим началом сближение с Россией, во внутренней, как более консервативные напредняки и либералы, так и более передовые радикалы, заявляют готовность примириться на общей политической программе, направленной преимущественно на обеспечение личной и имущественной безопасности выработкой, напр., серьезной судебной реформы...”. С этой платформой, по наблюдениям Мансурова, согласились практически все радикалы. “Опыт убедил их, – отмечал он, – ...что народ, в котором они искали свою опору, не составляет единственной и даже главной политической силы в Сербии; они с готовностью признают теперь действительное значение королевской власти и вытекающие из этого значения политические последствия”. Новым явлением в политической жизни Сербии, продолжал дипломат, является и стремление партий на общей платформе создать коалиционное правительство, которое, впрочем, не встречает понимания короля”⁸.

Таким образом, и это констатировал в своих посланиях в Петербург российский дипломат, в Сербии наметился общественно-политический консенсус. Этот процесс происходил в условиях продолжавшегося кризиса власти. В конце 90-х годов режим короля Александра претерпел существенные изменения. Осознавая шаткость своего положения, он от политики “завинчивания гаек” и давления на оппозицию переходит к лавированию во внутренней политике, ярким проявлением которого явилась конституционная реформа 1901 г. По мнению монарха, она должна была способствовать росту “обаяния королевской власти”, изрядно поуменившегося после его женитьбы на Драге.

В первой половине февраля 1901 г. король поручил М.Миловановичу и П.Маринковичу подготовить составленный в 1896 г. проект конституции для широкого обсуждения⁹. Но главное, что было необходимо для проведения реформы – это соглашение радикалов с напредняками, впоследствии получившее название “фузии”¹⁰. Условия для этого сложились в начале XX в.

7 февраля 1901 г. король созвал во дворце конституционное совещание, на котором присутствовали: от напредняков – Л.Кальевич, П.Маринкович и ген. Франасович; от радикалов – Н.Пашич, А.Николич и Св.Милосавлевич; а также министры – М.Вуич, М.Попович, Д.Маринкович и Н.Стефанович. В течение трех дней проект конституции был доработан и всесторонне обсужден¹¹.

Эти политические маневры и оживившаяся деятельность сербских партий не ускользнули от внимания вновь назначенного (в конце 1900 г.) посланника Николая Валериановича Чарыкова. 26 февраля он сообщал в Петербург: “...В Сербии происходит ныне весьма любопытная и желательная в интересах страны новая группировка внутренних политических партий. Умеренные радикалы и умеренные напредняки сплываются под руководством короля в одну национальную, династическую партию с консервативным оттенком. Теперешнее министерство

является внешним выражением этого доверительного соглашения... Дабы сблизиться с радикалами, король решил уступить им в вопросе о выработке для королевства нового государственного Устава. Радикалы же и напередняки, в свою очередь, согласились принять тот Устав, который имеется в виду королем..."¹².

В подготовке конституции не участвовали либералы – такова была воля Александра, возмущенного их откровенным выражением недовольства его женитьбой¹³. Правда, позднее и они были привлечены к работе. 26-27 марта во дворце проходили консультации по конституционному вопросу сначала с депутатами-либералами, а затем с лидерами либеральной партии Й.Авакумовичем, А.Васильевичем, Ж.Живановичем, М.Блазнавацем, Ст.Рибарцем и др. Все они, за исключением последнего, согласились на октроированную конституцию¹⁴.

Приступив к конституционной реформе, король Александр и его ближайшее окружение считали необходимым выяснить отношение к ней России. Однако Чарыков, к которому обратился сербский монарх, следуя инструкциям из Петербурга воздерживаться от вмешательства во внутренние дела Сербии, отвечал, что относительно конституционной реформы “императорское правительство” может высказать лишь пожелание, чтобы “тот государственный порядок, на котором она остановится, даровал бы ей административную устойчивость и дал бы королю возможность не только призывать к власти наилучших людей, но и оставлять их на местах настолько долго, чтобы они могли принести стране всю ту пользу, на которую они способны”¹⁵.

4(17) апреля 1901 г. состоялись отдельные конференции напредняков и радикалов, на которых рассматривались вопросы сотрудничества двух партий в целях принятия новой конституции. На конференции напредняков (она проходила у министра внутренних дел) рядом участников было высказано недоверие будущим союзникам, которые, по их убеждению, используя свое влияние в

народе и получив поддержку, единолично захватят власть. Однако после бурной дискуссии предложение о соглашении с радикалами было принято единогласно¹⁶.

Конференция радикалов проходила в более напряженной атмосфере и затянулась до глубокой ночи. Видные радикалы – адвокат Й.Павичевич из Неготина и С.Костич из Крагуеваца – решительно выступили против всякой совместной деятельности с напредняками. Их выступления произвели глубокое впечатление на присутствующих, и лидерам партии Н.Пашичу, М.Вуичу, Ст.Протичу, А.Станоевичу пришлось приложить немало усилий и пустить в ход все свое красноречие, чтобы участники конференции приняли решение о соглашении с напредняками, правда, с оговоркой, что из “фузии” будут исключены те, кто открыто поддерживал режим Вл.Джорджевича. На конференции радикалов было также принято решение о создании исполнительного комитета для ведения дел обеих партий, который бы следил за правильным соблюдением конституции, издавал газету и способствовал образованию объединенной партии¹⁷.

На следующий день, утром 5(18) апреля, состоялось совместное заседание напредняков и радикалов у премьер-министра М.Вуича, на котором было подтверждено достигнутое соглашение. Глава кабинета назвал его “началом счастливой эпохи для престола и страны”¹⁸. Затем перед представителями партий выступил король, заявивший, что он решил даровать сербскому народу новую конституцию, к разработке которой были привлечены лидеры всех партий и группировок и на основе которой он намерен пресечь все партийные распри и положить конец политической борьбе в Сербии. Кстати, отметим, что в действительности уже в период подготовки конституции Александр проявил стремление использовать разногласия между напредняками и радикалами. Так, первым он заявлял, что его симпатии целиком на их стороне, так как только на них он может во всем положиться. В то же время лидеров радикалов король

заверял в том, что лично позаботится, чтобы “напредняцкое дерево не росло в небеса”¹⁹.

Уместно упомянуть, что для появления в стране более прогрессивного документа, чем конституция “далекого прошлого” (1869 г.), лидеры сербских политических партий дали свое согласие на принятие нового Основного закона страны без созыва и одобрения его Великой народной скупщиной. Это была последняя попытка путем компромисса достигнуть хотя бы шаткого соглашения с режимом Обреновичей.

Конституция 1901 г., провозглашенная специальным рескриптом короля Александра 6(19) апреля, представляла собой компиляцию установлений двух конституций – 1869 г. и 1888 г.

Главным ее положением стало введение в Сербии двухпалатной системы народного представительства – скупщины и сената, за что всегда выступали напредняки. Теперь и радикалы были вынуждены согласиться с этим пунктом.

Членами сената, согласно конституции, становились: престолонаследник, достигший совершеннолетия, белградский архиепископ, нишский епископ, 30 пожизненных членов, назначавшихся королем, и 18 выборных (по одному от каждого округа и от Белграда). Последних могли избирать только те граждане, которые платили 45 дин. прямого налога, а их во всей стране насчитывалось не более 200 тыс. человек. Конституция провозглашала, что в области законодательства сенат равноправен со скупщиной²⁰.

По мнению же напредняков, сенат должен был противостоять скупщине. Эту идею с большим воодушевлением воспринял король Александр. Он имел поддержку подавляющего большинства сенаторов и хотел использовать противоречия между верхней и нижней палатами парламента, которые по логике вещей были неизбежны ввиду отсутствия четкого разграничения в тексте конституции их прав и обязанностей.

Отныне в скупщину должно было избираться 130 депутатов на основе ограниченного избирательного права при высоком имущественном цензе²¹. Членами скупщины могли стать лишь граждане, платившие не менее 60 дин. налога в год, и лица с высшим образованием, платившие не менее 30 дин.

Конституция 1901 г. отменила институт Великой народной скупщины с ее весьма значительными полномочиями, что было нарушением общепринятого в Европе демократического принципа. В новом Основном законе Сербии отсутствовали имевшиеся ранее статьи о политической ответственности министров перед парламентом и предусматривалась возможность, в отдельных случаях, ограничения прав и свобод граждан²².

Документы свидетельствуют, что российская дипломатия, в отличие от 1887-1888 гг., не проявляла активности при проведении конституционной реформы в Сербии. “Умеренный и консервативный характер” нового Основного закона Сербского государства вызвал удовлетворение Петербурга. Чарыков сообщал в министерство о весьма удачном, на его взгляд, составе сената, в который помимо сербского митрополита и нишского епископа, “безусловно приверженных России”, были избраны тридцать “наиболее известных и лучших сербских государственных людей без различия партий” и в их числе Ст. Новакович, С. Груич, Дж. Симич, посланник в Афинах А. Николич, а также М. Вуич и Н. Пашич²³.

Конституция 1901 г. вызвала недовольство в сербском обществе. Против нее открыто выступили студенты Великой школы, а в скупщине – группа так называемых “независимых радикалов” (С. Симич, С. Катич, Л. Живкович и др.), отделившаяся от радикальной партии и предложившая расторгнуть соглашение о совместных действиях с напредняками. “Независимые радикалы” (самостальцы) в своих выступлениях указывали, что принятие конституции было следствием закулисного сговора, а не проявлением волеизъявления народа. Они возражали

также против учреждения сената и выступали за восстановление статуса Великой народной скупщины²⁴. Программа “независимых радикалов” была нацелена на демократизацию государственного механизма, развитие местного самоуправления и обеспечение гражданских свобод.

Обстановка в Сербии после введения конституции 1901 г. оставалась сложной. Др.Янкович пишет: “Никогда скупщинская система и политическая жизнь в Сербии в целом не были так далеки от парламентаризма и ближе к автократии, чем в последние годы правления Александра Обреновича”²⁵. Ситуация усугублялась и тяжелым экономическим положением. В конце мая – начале июня 1901 г. Чарыков совершил десятидневную поездку по Восточной и Южной Сербии, из которой вынес впечатление, что в настоящее время “политический идеал сербов внутри страны – едан децениум мира, т.е. желание приостановить хоть на десять лет партийную борьбу и правительственные и административные кризисы, дабы люди могли спокойно заниматься своими домашними делами”²⁶.

* * *

Если внутри страны режим Обреновичей от террора и давления на оппозицию переходил к заигрыванию (конституция 1901 г.) и “сталкиванию лбами” представителей различных политических сил, то извне он искал опору и поддержку в “покровительстве” великой державы, на этот раз России.

Несмотря на советы сдерживающего характера из Петербурга, король Александр продолжал демонстрировать изменение внешнеполитического курса. Указом 23 апреля 1901 г. русский язык был введен в качестве обязательного предмета в белградской Военной академии, в которой обучалось около 400 человек. В начале мая с благословения короля совет Великой школы издал постановление о восстановлении кафедры русского языка и словесности. Планировалось также и учреждение при

Высшей торговой школе кафедры товароведения с приглашением на нее профессора из России²⁷. Внешне отношения двух стран улучшились настолько, что лондонская "Таймс" в мае 1901 г. писала о "российско-сербском союзе"²⁸.

Как и его коллеги, во время первой аудиенции во дворце Н.В.Чарыков заверил короля Александра от имени своего руководства, что политика России в отношении Сербского государства по-прежнему исходит из следующих принципов: "...Полное невмешательство в партийные раздоры и внутренние дела королевства и искреннее желание содействовать успеху сербских усилий, направленных к мирному и согласному с существующими договорами упрочению экономического благосостояния страны"²⁹.

В Петербурге понимали, в каких непростых условиях начиналась дипломатическая миссия Чарыкова. В инструкциях от 11 января 1901 г. указывалось: "Обращаем Ваше внимание на руководящую нашу мысль способствовать всеми зависящими от нас средствами к поддержанию на Балканском полуострове мира и спокойствия". Посланнику предписывалось поддерживать соглашение 1897 г. с Веной и "согласовывать политическое тяготение сербов к России с безусловной материальной зависимостью королевства от Австро-Венгрии"³⁰.

Отличительной особенностью российско-сербских отношений начала XX в., по сравнению с предыдущим периодом, стало расширение экономических, прежде всего торговых, связей. Наблюдался рост почти всех импортируемых Сербией из России товаров. Сербское правительство предприняло ряд мер с целью увеличения объема взаимовыгодной торговли. В 1901 г. посланник Сербии в Петербурге Ст.Новаковиуч ходатайствовал о создании в ряде русских городов выставок сербских товаров. Летом следующего года в Москву приезжал коммерсант П.Мостич, который указал ряду фирм на сербские рынки, где российские товары могли бы найти хороший спрос³¹.

Таким образом, усилия, предпринятые на правительственном уровне в 90-е годы с целью расширения экономических связей, не остались втуне и начали приносить плоды.

Посланник Чарыков выступил с предложением культивировать в Сербии хлопок для продажи в России: “Мы способствовали бы без ущерба для себя – писал он, – развитию ее экономического благосостояния и, покупая у нее хлопок, дали бы возможность ей покупать у нас подходящие к ее потребностям русские товары”. Таким образом, по мнению Чарыкова, позиции Российской империи в Сербии значительно бы укрепились. 30 января 1902 г. в донесении в МИД от отмечал: “В Сербии политическое влияние идет рука об руку с торговым. Товарный обмен, когда он нормален и обоюдовыгоден, сближает и связывает два народа лучше всякого чисто политического общения. Когда масса сербского населения увидит в увеличении своего благосостояния результат экономических и политических связей с нами, ее теперешнее стихийное расположение к России сделается сознательным и станет, несомненно, отражаться с пользой для нас и с большим успехом, чем доньше, на деятельности королевского правительства”³².

В конце 1901 г. в белградской крепости произошел пожар, в результате которого был уничтожен склад с хирургическими инструментами, медикаментами и перевязочными средствами. Общество Красного Креста России немедленно откликнулось на это сообщение. В.Н.Ламздорф заверил, что сербам будет выслано самое современное медицинское оборудование взамен сгоревшего и отметил, что “ввиду испытываемых в настоящее время Сербией финансовых затруднений она едва ли окажется в состоянии самостоятельно пополнить сгоревшие запасы...”³³. Уже в марте 1902 г. в сербском порту Кладово был принят груз из России на сумму в 20 тыс. рублей. Белградские газеты поместили об этом материалы, в которых говорилось, что только одна Россия проявила

такое внимание к сербам и что именно она является истинным их союзником.

2 апреля 1903 г. в Петербурге, а 6 апреля – в Белграде была подписана Декларация о введении пониженных такс в телеграфных сношениях между Европейской Россией и Сербией. По мнению сербского правительства, это соглашение должно было привести к желаемому результату, “чрезвычайно важному для интересов сербской торговли, а равно и для торгового и политического сближения Сербии с Россией”³⁴.

В 1900 г. между Россией и Сербией был установлен обмен метеорологическими данными.

Таким образом, временное улучшение межгосударственных отношений России и Сербии было налицо. Вместе с тем, думается, утверждение М.Войводича о “новом этапе” в их развитии³⁵ является преувеличением. Это не был последовательный курс, а лишь тактический прием правящего сербского режима для достижения вполне определенной цели. В этот период усилия последнего из Обреновичей были направлены на получение из Петербурга разрешения совершить с новоявленной королевой поездку в Россию для представления венценосным супругам. Именно в этом, на наш взгляд, и следует искать объяснение некоторых фактов, свидетельствовавших об улучшении российско-сербских отношений.

Визиту в Россию король Александр придавал большое, даже чрезмерное значение. Привыкший смотреть на людей и события глазами своего покойного отца, правивший почти десять лет его “головой и руками”, теперь после смерти Милана, ухода в отставку решительного Владана Джорджевича и своей скандальной, явно неудачной женитьбы он чувствовал себя крайне неуверенно. Отсюда, как уже отмечалось выше, и его заигрывания с оппозицией, и антиавстрийские демарши, и стремление вернуться на путь “единения с Россией”. Последняя представлялась Александру надежной опорой его режима во внешнеполитическом плане.

Переписка по вопросу о визите сербской королевской четы велась по дипломатическим каналам в мае-июне 1901 г. В принципе он был “высочайше” одобрен, но о времени предполагалось договориться позднее³⁶. Однако прошло несколько месяцев, а никакой договоренности достигнуто не было. Оказавшийся во главе российской миссии на время отъезда Чарыкова и Мансурова Б.Н.Евреинов не имел на этот счет каких-либо инструкций. У Александра усиливалось чувство тревоги за свое будущее. Кризис власти достиг апогея. Из Петербурга последовали указания успокоить сербского монарха. Евреинову предписывалось заявить ему, что визит откладывается не по политическим соображениям, а в связи с болезнью императрицы и может быть осуществлен в 1902 г.

Вернувшийся из отпуска в Белград Мансуров сообщал о том, что отсрочка на неопределенное время визита вызывает тягостное чувство в сербском обществе и злобные выступления западной прессы³⁷. Российский дипломат не скрывал своих опасений по поводу тех последствий, которые может иметь для Сербии отказ императора принять Александра и Драгу. “Я не имею никаких оснований, – замечал он, – для предположения, чтобы король Александр имел в виду в настоящее время какой-либо определенный политический план на случай неблагоприятного для него решения вопроса, но история учит нас, какие могут быть последствия того. Потрясение, которому подвергается династическое чувство в стране при распространенном в народе предположении, что императорское правительство отказывает в своем благоволении местному властителю, имело до сих пор последствием стремление последнего закрепить свою власть и обеспечить свое существование насильственными...средствами (подчеркивание автора документа. – С.Д.). На этом разладе между правительством и народом основывалось всегда и чуждое последнему австрийское влияние...”³⁸.

Эти опасения подтвердились во время одного из разговоров Мансурова с королем, который заявил, что “если

под влиянием проявления нерасположения к нему императорского правительства от него отшатнутся политические деятели, на которых он теперь опирается, ему останется прибегнуть лишь к военной диктатуре”³⁹.

В ноябре 1901 г. Мансуров получил из Петербурга инструкции, в которых подтверждалась возможность приезда сербской королевской четы в Россию, однако о сроке вновь ничего не говорилось⁴⁰.

Дипломатическим представителям России в Белграде были понятны причины беспокойства короля Александра, заявившего, что “его участь зависит от изволения русского правительства”. “Пока мы, – отмечал российский посланник, – будем относиться к нему и его правительству дружественно и оказывать им нравственную поддержку, сербский народ не станет припоминать ему грехов его отца и его юности, и Сербия будет пользоваться, как теперь, безопасностью извне, спокойствием внутри и возможностью мирно упрочивать свои экономические и национальные интересы. Если бы мы от короля Александра отвернулись, в стране обострится борьба партий, проявится революционное брожение, опасное для спокойствия Балканского полуострова, и король, дабы удержаться на престоле, принужден будет, как его отец, искать опоры у Австрии”⁴¹.

Во время первой после длительного отсутствия аудиенции в ноябре 1901 г. Н.В.Чарыков еще раз подтвердил Александру на основании телеграммы своего министра от 29 октября, что “о каком-либо охлаждении в отношениях императорского правительства к Сербии нет речи, что посещение королевской четой императорского двора в принципе решено и что оно состоится в удобное для того время”⁴². Однако лишь 13 июня 1902 г. Ламздорф направил в Белград телеграмму с сообщением о том, что осенью сербская королевская чета будет принята императором в Крыму⁴³. Это сообщение было встречено Александром с необыкновенным воодушевлением. Визит в Россию превратился у него в навязчивую идею, он

думал и говорил, по свидетельству очевидцев, только о нем. Об этом не раз уведомляли и российские дипломатические представители в Белграде, находившиеся в весьма щекотливом положении. Для них тоже громом среди ясного неба явилась телеграмма Ламздорфа 4 сентября 1902 г. о невозможности намеченного визита в связи с болезнью императрицы⁴⁴. Обеспокоенный возможными последствиями, Чарыков предлагал сообщить это известие Александру “не явным дипломатическим путем, а через лицо, прибытие которого в Белград послужило бы наглядным выражением... дружбы”⁴⁵. С этим деликатным поручением в Сербию был направлен князь Долгоруков. До этого о болезни Александры Федоровны было объявлено официально⁴⁶. На самом же деле вопрос о приеме сербской королевской четы при царском дворе был уже решен отрицательно. 1 октября 1902 г. Ламздорф телеграфировал Чарыкову для личного осведомления и руководства слова Николая II: “О поездке четы вообще больше не может быть речи. Одного короля мы когда-нибудь примем”⁴⁷.

Сообщение об очередной отсрочке визита, как и ожидалось российскими дипломатами, имело крайне негативные последствия, хотя внешние приличия с обеих сторон были соблюдены.

Прежде всего разразился очередной правительственный кризис – кабинет М.Вуича заявил об отставке, мотивируя свое решение тем, что “царь не благоволит к сербскому режиму”. В весьма неловкое положение был поставлен В.Н.Ламздорф. Зная наверняка, что прием не состоится, но не имея права официально заявить об этом, он продолжал убеждать Белград в отсутствии “повода заключить, что Александр и правительство лишены благоволения царя”⁴⁸.

Объясняться с королем Александром пришлось Чарыкову. Внешне незадачливый монарх был спокоен и лишь выразил сожаление, что не был заранее уведомлен о болезни императрицы, ибо в этом случае он не отклады-

вал бы поездку в Румынию и Болгарию и смог бы лучше подготовить общественное мнение своей страны⁴⁹.

Сербская королевская чета так и не была принята императорским двором (в Сербии упорно распространялись слухи о том, что этому “способствовали” “черногорские интриганки” – дочери черногорского князя Николая, русские великие княгини Милица и Анастасия), что привело, без сомнения, к дальнейшему падению авторитета Александра и способствовало активизации деятельности заговорщиков, поставивших своей целью устранение его с сербского престола и провозглашение королем Петра Карагеоргиевича.

В этот период российскую дипломатию весьма беспокоил важнейший, пока еще не решенный, вопрос о престолонаследии в Сербии (в связи со скандалом, вызванным “мнимой беременностью” королевы Драги). “Отличительной чертой отношения сербского народа к избранию наследника королю Александру, – отмечал Чарыков, – служит отсутствие единомыслия: нет лица, которое явилось бы кандидатом не только большинства сербов, но даже и значительной их группы. В одном только все согласны – государь сербский должен быть и впредь... серб и православный”. “...Большая часть сербов, – по наблюдениям российского посланника, – была бы рада русскому князю... кандидатура какого-либо германского или латинского принца не имела бы здесь, в отличие от Румынии и Болгарии, никаких шансов на успех. Она вызвала бы скорее всего возражение вожделий в пользу республиканской формы правления, которые теперь мало развиты в Сербии, но все-таки существуют”⁵⁰. По мнению Чарыкова, в интересах России было бы желательно, чтобы вопрос о престолонаследии был решен самими сербами. “Если мы выставим своего кандидата, – отмечал российский дипломат, – он, без всякого сомнения, одержит верх над всеми другими. Но не показывает ли нам опыт истории, что наши кандидаты нередко причиняли нам больше затруднений, чем посторонние? Кроме того

обязанность поддерживать указанного нами правителя заставит нас отступить от основного начала нашей нынешней политики в отношении балканских государств, от начала невмешательства в их внутренние дела. С другой стороны, кто бы ни правил Сербией, он не будет в состоянии упрочить своего положения в стране, ни в ней удержаться без благожелательного отношения к нему России. Это обстоятельство должно бы служить достаточным ручательством в том, что мы будем иметь всегда возможность оберегать здесь ... наши интересы". Во время аудиенции во дворце Чарыков заявил, что "тому лицу, которое будет... свободно избрано королем и народом сербским, не будет отказано в нашем признании"⁵¹.

Попытки короля Александра укрепить шатающийся трон наталкивались на растущее сопротивление различных слоев сербского общества – интеллигенции, радикально настроенной молодежи, офицерства. Даже сенат, куда было избрано немало радикалов, доставлял немало беспокойства королю. Уже на первых его заседаниях ряд сенаторов призвали верхнюю палату парламента придерживаться в своей деятельности принципов радикальной демократии, основанной на началах народного суверенитета.

Душой оппозиции стал сербский писатель-сатирик Радое Доманович. Его сатира – фельетоны, памфлеты, аллегорические рассказы, разоблачавшие деятельность правящих кругов – звучала в это время как политический манифест, как призыв к свержению режима Обреновичей. Она была мощным орудием в руках демократических сил, борющихся за политические права.

В "Страдии", самой большой по объему сатире (1902 г.), писатель воссоздал яркую и узнаваемую картину общественно-политической жизни Сербии начала XX в. Написано это произведение в форме аллегорического путевого дневника. Его автор попадает в удивительную страну, в которой у народа есть все права, но никто ими не пользуется, где принимают новые демократические

законы, но в действительности предпочитают обходиться без них. Полиция в Страдии всемогуща, террор и избиение граждан – повседневное явление. Министр полиции назначает депутатов скупщины, диктует им тексты речей. Бюджет страны в основном расходуется на содержание тайной полиции, жалование министрам и т.п., а просвещение и все прочие потребности входят в статью непредвиденных расходов. Министры продают страну иностранцам, а получение займов за границей отмечается колокольным звоном и пушечными салютами. Современники безошибочно угадывали в Страдии Сербию. Автор рецензии на это произведение Домановича, опубликованной 3 октября 1902 г. в либеральной газете “Српска застава” (“Сербское знамя”), обращался к читателям: “Не правда ли, вам знакома Страдия? Вам знакома эта страна, где каждый гражданин увешан орденами, где каждый чиновник, обворовывающий народ, получает ленты, где осыпают отличиями людей, погрязших в пороке?...Вам, наверное, известна страна, где ни одно правительство не удерживается у власти и года, где конституция не сохраняется в силе и шести месяцев, где один закон через месяц сменяется другим?”⁵².

Сербский историк Сл.Йованович, ни в коей мере не являвшийся единомышленником Домановича, был вынужден тем не менее признать: “”Страдия” нанесла деспотизму Александра Обреновича самый тяжелый удар”⁵³.

Оппозиция росла и в армии, и в этом таилась наибольшая угроза – ведь она традиционно считалась вернейшим оплотом режима Обреновичей, а в последние годы XIX в. – его единственной опорой, что в свою очередь, было проявлением сильнеешего кризиса королевской власти.

После отъезда из страны своего “творца” и главнокомандующего сербская армия, ставшая в 90-е годы компонентом государственности, вышла фактически из-под контроля. Лишившаяся многих привилегий в отсутствие Милана, привыкшая играть достаточно независимую

роль, армия превратилась в один из центров оппозиции, весьма опасный в условиях резкого падения авторитета королевской власти. И следует признать, что в числе первых на эту опасность королю и своему петербургскому начальству указывал российский дипломатический представитель в Белграде. В сущности, после отъезда, а фактически бегства из Сербии Милана, женитьбы Александра на Драге и скором появлении при дворе толпы ее высокомерных родственников, что вызвало резкое недовольство военных, участь последнего Обреновича была решена. Сокращение военного бюджета, приведшее к снижению окладов офицеров, и распространившиеся в столице слухи о якобы существующем у короля намерении провозгласить наследником сербского престола брата Драги – Никодима Луневицы, ограниченного, самоуверенного и дерзкого молодого офицера, ускорили события.

В стране возник заговор с целью убийства короля и его жены. По мнению академика М.Екмечича, опубликовавшего многие неизвестные ранее архивные документы из хранилищ Сербии и Австрии, он зародился уже в 1899 г. События начала XX в. послужили лишь поводом для приведения в действие созданного механизма. Заговорщики, сосредоточенные в основном в Крагуевацком, Ужицком и Рудничском округах, считали, что “в смене династии – спасение страны и надежда на объединение сербов”. Уже в 1901 г. была предпринята первая попытка покушения на короля и королеву, но они были вовремя предупреждены. Вместе с тем, отмечает сербский историк, в настоящее время нет данных, позволяющих утверждать, что между заговорами 1901 г. и 1903 г. существовала связь. Из документов, приведенных М.Екмечичем, следует, что секретной разведывательной службе Австро-Венгрии были известны планы заговорщиков. Претендентом на сербский престол последние считали Петра Карагеоргиевича. Во время встречи с одним из лидеров радикальной партии М.Миловановичем в декабре 1901 г. на железнодорожной станции вблизи Цюриха князь

настаивал на том, чтобы его династия получила сербский престол “законным конституционным путем”⁵⁴. Последующие события показали, что так не получилось, но это не помешало потомку Кара-Георгия, вопреки предварительному условию, стать королем Сербии.

Недовольство демократических сил внутривосточной ситуацией в Сербии в начале XX в. все чаще проявлялось в различного рода мероприятиях. Так, в мощную демонстрацию протеста против режима последнего Обреновича вылились похороны известного лидера радикалов К. Таушановича, скончавшегося в начале 1902 г.⁵⁵. В марте того же года, когда в сенате обсуждался реакционный проект закона о собраниях и союзах, произошли волнения студентов Великой школы, среди которых ощущалось сильное влияние “независимых радикалов”. Студенты организовали демонстрацию под лозунгами: “Долой реакцию и самовластие!”, “Долой тиранию и сенат!”, “Да здравствует свобода!”. На состоявшемся затем собрании в Великой школе была принята резолюция в защиту конституционных прав народа⁵⁶.

Определенное влияние на развитие событий стало оказывать нарождавшееся рабочее движение. В Сербии возникает ряд профессиональных рабочих организаций, вступают забастовки, сначала экономические, а затем и политические; с 1893 г. отмечается День международной солидарности трудящихся 1 Мая. Под руководством социалистов рабочие и ремесленники в петициях народной скупщине выдвигают свою программу демократизации общественной жизни, требуя введения всеобщего избирательного права, расширения прерогатив скупщины, участия народных масс в политической жизни путем всеобщего обсуждения важнейших законопроектов⁵⁷.

Новым обстоятельством, вызывавшим беспокойство властей, стало появление республиканских настроений в радикальных кругах общественности, прежде всего социалистов и передовой студенческой молодежи. Лозунг провозглашения республики не раз выдвигался ими на

демонстрациях, например, во время массовых выступлений 23 марта 1903 г. Об опасности распространения в стране идей республиканизма сербского монарха предупреждало российское правительство. Еще в декабре 1902 г. В.Н.Ламздорф при посещении Белграда советовал королю Александру провести такие мероприятия, которые защитили бы его режим от народной революции⁵⁸. Посланник Чарыков, следуя инструкциям из Петербурга, во время аудиенции во дворце прямо заявил ему, что переход к реакции может быть губительным для династии Обреновичей⁵⁹. Однако король пошел по другому пути, отказавшись от преобразований, которые бы могли приглушить недовольство. Эти действия привели к мартовским демонстрациям в Белграде, в которых приняло участие около 500 тыс. человек⁶⁰.

Современник событий А.Васич назвал демонстрацию “первым открытым объявлением войны самодержавию в Сербии, предвестником 29 мая”⁶¹. В ответ король Александр 24 марта в 23 час. 15 мин. на 45 минут приостановил действие конституции, чтобы “успеть” совершить очередной государственный переворот – распустить скупщину, сенат, отменить все законы: о печати, выборах, общинах и т.д. Это был уже не кризис, а агония режима! Была сделана ставка на диктатуру с опорой на узкий круг преданных Обреновичам лиц.

Мартовский переворот был настолько невероятным событием в глазах современников, что бывший глава кабинета Вл.Джорджевич в своей статье “Последний Обренович” привел следующий факт: “Когда бельгийский посланник донес своему правительству, что король объявил два манифеста и что одним уничтожил, а другим вернул конституцию, – говорят, что бельгийский министр телеграммой запросил секретаря миссии о здоровье посланника. Сообщение казалось министерству столь невероятным, что из Брюсселя заподозрили, будто посланник не в своем уме”⁶².

В ночь с 28 на 29 мая (10-11 июня) 1903 г. назревший в Сербии кризис разразился, но не в виде народной революции, чего весьма опасались в Петербурге, а в виде заговора: в этот день группа офицеров осуществила дворцовый переворот, убив короля Александра, королеву Драгу, ее братьев, главу правительства Д.Цинцар-Марковича и военного министра М.Павловича.

В связи в этой трагедией неизбежно встает вопрос – почему Австро-Венгрия не помешала заговорщикам в осуществлении их замыслов, хотя в Вене, как свидетельствуют документы, было известно о готовящемся убийстве? Видимо, после смерти короля Милана многое изменилось и его сын перестал устраивать его прежних “покровителей”. Это предположение получает документальное подтверждение в уже упоминавшемся исследовании М.Екмечича.

В октябре 1902 г. король Александр на заседании правительства сам поднял вопрос о престолонаследии, заявив, что в случае его смерти он должен быть решен самим сербским народом. Но уже в марте 1903 г. монарх отверг эту идею. Теперь его предложение сводилось к следующему: кандидатуру наследника предлагает король, согласовав ее с правительством, Государственным советом, митрополитом сербским, а также с председателями скупщины, кассационного и апелляционного судов. По мнению Александра, наиболее приемлемым претендентом мог бы быть один из представителей черногорской правящей династии. Однако Австро-Венгрии вовсе не устраивало сближение Сербии и Черногории. В Вене имелись сведения о том, что их персональная уния полностью отвечала “завоевательным” планам черногорского князя Николая, помышлявшего якобы о сербском престоле для своего сына Мирко⁶³. В этих условиях кандидатура князя Петра Карагеоргиевича в качестве сербского короля представляла в глазах Австро-Венгрии меньшую опасность. Об этом свидетельствовал и Сл. Йованович⁶⁴.

Неуравновешенность и непредсказуемость действий Александра, особенно в последние годы, также оказывали влияние на изменение позиции Вены. Тогдашний австро-венгерский посланник К.Думба в своих донесениях сообщал немало сведений подобного рода. По его мнению, личные качества короля сделали его просто “опасным” для интересов Австро-Венгрии в регионе⁶⁵.

Король Александр не устраивал его бывших “покровителей” и потому, что единственный выход из сложной внутривластной ситуации в стране он видел в активизации “национальной политики” – прежде всего имелись в виду его планы в отношении Боснии и Македонии. По данным австрийской разведки, полученным в октябре 1901 г., “король Сербии Александр уже длительное время... воодушевлен идеей лично управлять агитацией в Боснии”⁶⁶.

По мнению М.Екмечича, в настоящее время у ученых нет веских доказательств, что заговор и убийство Обреновичей были подготовлены в Вене, но документы неопровержимо свидетельствуют, что в этих событиях была замешана австро-венгерская разведка⁶⁷. Близкую позицию занимает и М.Войводич, считающий, что не только Австро-Венгрия, но и Россия были посвящены в тайну подготовки заговора и дали согласие на кандидатуру Петра Карагеоргиевича в качестве будущего сербского короля⁶⁸.

Сразу же после переворота все белградские газеты опубликовали прокламацию с призывом к народу “сплотиться и помочь поддержать порядок и безопасность в стране”⁶⁹. Было сформировано временное правительство во главе с Й.Авакумовичем, первым практическим шагом которого явилось восстановление конституции 1901 г. и созыв народной скупщины, распущенной бывшим королем. 2 июня правительство предприняло новый важный шаг по пути демократических перемен – ввело конституцию 1888 г. с незначительными изменениями. Тогда же на объединенном заседании скупщины и сената главой

Сербского государства был избран князь Петр Карагеоргиевич, вернувшийся в страну после долгих скитаний.

Внутриполитическое положение в Сербии после переворота оставалось напряженным и прежде всего потому, что наряду с монархистами, поддерживавшими короля Петра, в Белграде было немало его противников, прежде всего из числа “республиканцев”.

Свое первое выступление сторонники республики осуществили уже через несколько дней после дворцового переворота. Небольшая группа “независимых радикалов”, объединенная вокруг газеты “Дневни лист” (“Ежедневная газета”), приняла решение обнародовать антимонархический манифест. В опубликованном 12 июня 1903 г. видными общественными деятелями – Й.Скерlichem, Й.Жуевичем и Б.Марковичем – документе подчеркивалось, что после ликвидации режима Обреновичей перед сербским народом открылись возможности свободного выбора пути развития своего государства. Однако распространить манифест так и не удалось: группа офицеров – сторонников монархии – ворвалась в здание редакции и конфисковала весь тираж газеты, пригрозив “республиканцам” физической расправой⁷⁰.

Неудачей закончилась и попытка провозглашения республики, предпринятая видными либералами Ст.Рибарцем и В.Вельковичем. Более серьезный характер имело выступление республикански настроенной молодежи – студентов Великой школы. По инициативе социалистов в Белграде был созван митинг, на котором предполагалось выдвинуть требование установления республики. Однако митинг был разогнан монархистами⁷¹.

Монархисты и военные сыграли важную роль в избрании Петра Карагеоргиевича скупщиной и сенатом, оказав на них давление. Здание, где происходило совместное заседание парламента и Государственного совета, было окружено войсками, а населению Белграда было объявлено, что это делается в целях обеспечения защиты депутатов от нападения анархистских элементов и

“республиканцев”⁷². Сербских монархистов поддержали Россия и империя Габсбургов. Н.В.Чарыков не раз предупреждал правительство Сербии об опасности республиканской агитации, а в беседах с депутатами скупщины призывал их к “единогласному избранию на престол Петра Карагеоргиевича”⁷³. В австрийской печати появились аналогичные призывы. “Самым целесообразным в видах обеспечения спокойствия и порядка в стране явилось бы избрание на трон Петра Карагеоргиевича”, – писала одна из венских газет⁷⁴.

Республиканские выступления в стране были подавлены. В Сербии была провозглашена конституционная монархия.

Следует признать, что иного развития событий в сложившейся ситуации ждать не приходилось. Силы “республиканцев” были незначительны, тем более, что их идеи встретили резко негативную реакцию у правящих кругов великих держав, прежде всего в Вене и Петербурге.

Главным положительным итогом происшедших событий для сил демократии и сторонников парламентаризма в Сербии была ликвидация режима Обреновичей, ставшего серьезным тормозом для внутривластного и внешнеполитического развития страны, для подготовки Сербии к решению важнейших задач и среди них – дальнейшее продвижение по пути парламентаризма.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Vojvodin M.* Указ.соч. С.284.

² АВПРИ. Ф.ПА. 1900 г. Д.490. Л.2-3об. (Секретная телеграмма В.Н.Ламздорфа - П.Б.Мансурову 9 июля 1900 г.).

³ Там же. Ф.Канцелярия. 1900 г. Д.10. Л.73 (Секретная телеграмма П.Б.Мансурова - МИД 15 июля 1900 г.).

⁴ Там же. Л.100 (Секретная телеграмма П.Б.Мансурова - МИД 24 июля 1900 г.); Л.107 (Секретная телеграмма П.Б.Мансурова - МИД 26 июля 1900 г.).

- ⁵ Там же. Ф.ПА. 1900 г. Д.489. Л.123об.-124 (П.Б.Мансуров - В.Н.Ламздорфу 29 августа (11 сентября) 1900 г.).
- ⁶ Там же. 1900 г. Д.490. Л.94-94об. (П.Б.Мансуров - В.Н.Ламздорфу 15(28) августа 1900 г.).
- ⁷ Там же. 1900 г. Д.489. Л.235 (П.Б.Мансуров - В.Н.Ламздорфу 25 октября 1900 г.).
- ⁸ Там же. Л.95-97об. (П.Б.Мансуров - В.Н.Ламздорфу 15(28) августа 1900 г.).
- ⁹ *Новаковић Ст.* Двадесет година уставне политике... С.215-216.
- ¹⁰ Когда австро-венгерский посланник в Белграде попросил короля Александра объяснить ему это название новой партийной группировки, тот охарактеризовал ее как объединение правого крыла радикалов с левым крылом напредняков (См.: *Ђорђевић М.* Postanak i primena Ustava Srbije od 1901. godine//Zbornik pravnog fak. u Nišu. 1970. Sv.IX. S.8).
- ¹¹ *Новаковић Ст.* Указ.соч. С.217-218.
- ¹² АВПРИ. Ф.ПА.1901 г. Д.492. Ч.1 Л.149-150 (Н.В.Чарыков - В.Н.Ламздорфу 26 февраля 1901 г.).
- ¹³ *Новаковић Ст.* Указ.соч. С.219.
- ¹⁴ *Продановић Ј.* Уставни развитак... С.377-379.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф.ПА. 1901 г. Д.492. Ч.1. Л.150об.-151 (Н.В.Чарыков - В.Н.Ламздорфу 26 февраля 1901 г.).
- ¹⁶ *Ђорђевић М.* Преглед развитка политичких и правних усанова... С.140.
- ¹⁷ *Ђорђевић М.* Postanak i primena Ustava... S.13.
- ¹⁸ Ibid. S.13-14.
- ¹⁹ Ibid. S.14.
- ²⁰ *Јанковић Др.* Историја државе и права... С.151-152.
- ²¹ Избирателями могли стать только те граждане, которые платили не менее 15 дин. прямого налога в год, а также специальный избирательный налог в течение трех лет.
- ²² Текст конституции см.: *Продановић Ј.* Уставни развитак... С.380-397.
- ²³ АВПРИ. Ф.ПА. 1901 г. Д.492. Ч.1. Л.243об. (Н.В.Чарыков - В.Н.Ламздорфу 11 апреля 1901 г.).
- ²⁴ *Продановић Ј.* Уставни развитак... С.399-400.
- ²⁵ *Јанковић Др.* Уставни развитак... С.559.
- ²⁶ АВПРИ. Ф.ПА. 1901 г. Д.492. Ч.11. Л.62-62об. (Н.В.Чарыков - В.Н.Ламздорфу 6 июня 1901 г.).
- ²⁷ Там же. Л.19-19об. (Н.В.Чарыков - В.Н.Ламздорфу 9 мая 1901 г.).
- ²⁸ Там же. 1901 г. Д.492. Ч.1. Л.114об. (Н.В.Чарыков - В.Н.Ламздорфу 12 февраля 1901 г.).

- ²⁹ *Војводић М.* Указ.соч. С.313.
- ³⁰ АВПРИ. Ф.ПА. Д.2901. Л.154, 236.
- ³¹ *Павлюченко О.В.* Россия и Србија... С.38.
- ³² Там же. С.39.
- ³³ АВПРИ. Ф.Миссия в Белграде. 1901-1902 гг. Д.50. Л.5.
- ³⁴ *Павлюченко О.В.* Указ.соч. С.41.
- ³⁵ *Војводић М.* Указ.соч. С.294.
- ³⁶ АВПРИ. Ф.ПА. 1901 г. Д.492. Ч.II. Л.53, 59-59об.
- ³⁷ Там же. 1901 г. Д.492. Ч.III. Л.31-31об. (П.Б.Мансуров - В.Н.Ламздорфу 9(22) октябра 1901 г.).
- ³⁸ Там же. Л.32.
- ³⁹ Там же. Л.67. (П.Б.Мансуров - В.Н.Ламздорфу 20 октябра 1901 г.).
- ⁴⁰ Там же. Л.117-118.
- ⁴¹ Там же. Л.128об.-129 (Н.В.Чарыков - В.Н.Ламздорфу 21 ноября 1901 г.).
- ⁴² Там же. Л.135об.
- ⁴³ Там же. 1902 г. Д.495. Ч.II. Л.51 (В.Н.Ламздорф - Н.В.Чарыкову 13 июня 1902 г.).
- ⁴⁴ Там же. Л.161.
- ⁴⁵ Там же. 1902 г. Д.496. Л.181 (Секретная телеграмма Н.В.Чарыкова - МИД 23 сентября (6 октября) 1902 г.).
- ⁴⁶ Правительственный вестник. 1901. 21 авг. (3 сент.).
- ⁴⁷ АВПРИ. Ф.Канцелярия. 1902 г. Д.13. Л.397 (В.Н.Ламздорф - Н.В.Чарыкову 24 сентября 1902 г.).
- ⁴⁸ Там же. Ф.ПА. Д.496. Л.203.
- ⁴⁹ Там же. Л.215 (Секретная телеграмма Н.В.Чарыкова - В.Н.Ламздорфу 4(17) октября 1902 г.).
- ⁵⁰ Там же. 1901 г. Д.492. Ч.III. Л.204об.-205 (Н.В.Чарыков - В.Н.Ламздорфу 19 декабря 1901 г.).
- ⁵¹ Там же. Л.205-206.
- ⁵² *Доманович Р.* Сатира и юмор (Пер. с сербохорв. Предисл. и прим. М.Богданова). Белград, 1970. С.453-454.
- ⁵³ *Јовановић Сл.* Влада Александра... III. С.76.
- ⁵⁴ *Екмечић М.* Аустро-угарска обавештајна служба и Мајски преврат у Србији 1903. године//Историјски часопис. XXXII. Београд, 1985. С.212,216,221.
- ⁵⁵ *Јовановић Сл.* Влада Александра... III. С.234.
- ⁵⁶ Там же. С.235-236; *Игњић Ст.* Демонстрације студената Велике школе 1902. године //Годишњак града Београда. Књ.ХIII. Београд, 1966. С.218-224.
- ⁵⁷ См.: *Вукомановић М.* Радничка класа Србије у другој половини XIX века. Београд, 1972. С.300-321.
- ⁵⁸ АВПРИ. Ф.ПА. 1902 г. Д.496. Л.264-264об.

- ⁵⁹ Там же. Л.248об.-249 (Н.В.Чарыков - МИД 5 ноября 1902 г.).
- ⁶⁰ *Кацлеровић Т.* Мартовске демонстрације и Мајски преврат (1903). Београд, 1950. С.32-33, 47.
- ⁶¹ *Vasić A.* Devetsto treća (Maјski преврат). Prilozi za istoriju Srbije od 8 jula 1900. do 17 januara 1907. Beograd, 1925. S.43.
- ⁶² АВПРИ. Ф.ПА. 1903 г. Д.499. Л.101об.
- ⁶³ *Екмечић М.* Указ.соч. С.223-224, 227.
- ⁶⁴ *Јовановић Сл.* Влада Александра...II. С.372.
- ⁶⁵ *Војводић М.* Указ.соч. С.460.
- ⁶⁶ *Екмечић М.* Указ.соч. С.228-229.
- ⁶⁷ Там же. С.229.
- ⁶⁸ *Војводић М.* Указ.соч. С.462.
- ⁶⁹ Одјек. 1903. 29.У.
- ⁷⁰ См.: *Вучковић А.Ј.* Унутрашње кризе Србије и први светски рат//Историјски часопис. Београд, 1965. Књ.14-15. С.176.
- ⁷¹ АВПРИ. Ф.ПА. 1903 г. Д.498. Л.360об. (Н.В.Чарыков - В.Н.Ламздорфу 4 ијоня 1903 г.).
- ⁷² *Марко (Симић Божин).* Припремање 29 маја 1903. (Револуциоњирање српске војске под Миланом Обреновићем)//Nova Евгора.1927. XV. С.135.
- ⁷³ Један руски савремени докуменат о 29 маја//Nova Евгора.1927. XVI. С.229.
- ⁷⁴ Санкт-Петербурјске вѣдомости. 1903. 31 ијуля.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1878 г. Сербия обрела полную национальную независимость. Это был главный итог предыдущего этапа развития сербской государственности.

В 1878 – 1903 гг. в Сербском княжестве (королевстве) предпринимались различные меры, направленные на создание стабильного государственного устройства. Этот процесс протекал крайне болезненно, в борьбе двух тенденций -- традиционной, основанной на преобладающей роли монарха, которую олицетворяли Милош и Михаил Обреновичи, и новой, демократической.

Известный югославский историк Владимир Дворникович писал: “Крестьянская славянская демократическая нота начинает громко звучать уже под тяжелой рукой Милоша. Его тиранические инстинкты встречаются с сильной конституционной и самоуправленческой волной: абсолютистско-династический и народно-суверенный принципы в первый раз приходят в открытое столкновение... Обе эти тенденции оформляются и во время правления короля Милана становятся ярко выраженными, а затем вступают в кровавую борьбу: династическая, бюрократическая, военная форма государства на одной стороне, и “самоуправное”, сельско-общинное славянско-демократическое движение (первые революционные радикалы) – на другой”¹.

Авторитарная власть в лице Милана и Александра Обреновичей стремилась включить Сербию в Европу,

¹ Дворниковић В. Карактерологија Југословена. Београд, 1939. С.862.

опираясь на поддержку Габсбургской империи, с которой в начале 80-х годов был заключен политический и экономический союз. Демократическая тенденция, представленная радикальной партией, опиралась на традиции сербского патриархального общества, в значительной степени остававшиеся без изменений.

Традиционный менталитет сталкивался с модернизационными процессами, протекавшими в Сербии в последней четверти XIX в.

В целом рассматриваемый период может быть определен как кризисный для прежней сербской государственности.

Процесс рождения новой государственности происходил путем перераспределения роли и значения главных элементов государственной системы – *короля и скупщины*.

За двадцать пять лет они эволюционировали следующим образом. В начале обозначенного в монографии периода Милан Обренович, опираясь на лидеров напредняцкой партии, установил в Сербии режим личного правления. Действия короля привели к тому, что уже в первой половине 80-х годов в государстве фактически перестала действовать сама скупщинская система. После подавления Тимокского восстания роль монарха стала практически абсолютной. И тем не менее политический кризис не был урегулирован.

Проигранная война с Болгарией в полном объеме высветила глубину и масштабы кризиса старой государственности. События 1885 – 1886 гг. наглядно продемонстрировали, что австрофильский курс Милана – это путь в тупик. Внутри страны у короля не было опоры, он мог управлять только при поддержке Вены. Однако после Тимокского восстания и сербо-болгарской войны она уже на казалась ему достаточной.

В 1886 – 1888 гг. король вынужден был делать уступку за уступкой своим прежним “оппонентам” – либералам и радикалам, оставаясь, впрочем, по-прежнему ключевой фигурой общественно-политической жизни.

Компромиссом общенационального масштаба являлась конституция 1888 г. В Сербии фактически произошла “бескровная революция”, так как в результате конституционной реформы имело место перераспределение значимости главных элементов государственной системы – существенно возросла роль народной скупщины.

После отречения Милана в пользу Александра (1889 г.) такой фактор государственности как королевская власть уже не имел прежнего значения. Возросла роль радикальной партии, сформировавшей свое правительство и имевшей большинство в парламенте, что позволило принять важнейшие законы и сделать новые шаги по пути к парламентаризму.

В результате государственного переворота 1893 года король снова появился на общественно-политической сцене Сербии в качестве значимого фактора государственности. Последующее десятилетие характеризовалось стремлением Александра и Милана расширить прерогативы королевской власти и превратить скупщину в инструмент своей политики. Об этом свидетельствовала частая смена конституций в Сербии.

Однако последовательное австрофильство сербских правителей и постоянное нарушение ими конституционных норм привели к тому, что в конце XIX в. они не могли найти поддержку ни у одной из политических сил. Шарахание от относительно либерального курса начала 90-х годов к политике “закручивания гаек” конца века свидетельствовали о кризисе королевской власти. В 1903 г. режим Обреновичей, ставший серьезным тормозом для развития страны, был ликвидирован. Принятая в этом же году демократическая конституция (фактически это был Основной закон 1888 г. – с небольшими изменениями) и достигнутое соотношение политических сил свидетельствовали об установлении в Сербии парламентской системы, важнейшими элементами которой являлся принцип разделения властей, ответственность правительства перед народной скупщиной (роль ее вновь возросла), широкое

местное самоуправление, гарантии политических прав и свобод сербских граждан.

Новым явлением в независимой Сербии стало создание партийной системы, внутри которой шла борьба за перераспределение властных прерогатив.

Сербские политические партии: радикальная, напредняцкая и либеральная, складывавшиеся с конца 70-х и окончательно организационно оформившиеся в начале 80-х годов, являлись важнейшим компонентом сербской государственности.

Напредняки выступали за сильную королевскую власть и парламент с весьма значительной, если не решающей ролью интеллигенции в нем. Радикалы на протяжении всего рассматриваемого периода стремились к усилению роли скупщины как верховного органа народного представительства.

Борьба между политическими партиями происходила и в связи с различием их внешнеполитической ориентации.

По убеждению радикальных идеологов, сербский путь к прогрессу лежал вне западной либерально-капиталистической традиции. Радикалы намеревались сохранить социальную гармонию сербского общества, лишённого аристократической и буржуазной надстроек. С учётом того, что Сербия была преимущественно крестьянской страной, радикалами была сделана ставка на крестьянство, которое они сумели сплотить вокруг своей программы. На этом пути их лидеры рассчитывали обрести поддержку Петербурга. В России они видели не только важнейший внешнеполитический фактор развития Сербского государства, но и знамя антизападного лагеря в сербском обществе.

За два последние десятилетия XIX в. в истории радикальной партии было многое – и преследования со стороны короля, и тюрьмы, и расстрел на Кралевице, и эмиграция, и собственное правительство, и последующая

“опала”, и, наконец, 1903 год, когда радикалы вновь оказались у власти.

После подавления Тимоцкого восстания в партии усилилось умеренное течение, выражавшее готовность к сотрудничеству с либералами. Имевшая место еще в 1882 г. попытка союза двух партий не увенчалась успехом. Однако заключенное спустя четыре года (1886 г.) либерально-радикальное соглашение позволило создать коалиционное правительство Й.Ристича, а впоследствии провести конституционную реформу 1888 г.

С конца 80-х годов роль политических партий (радикальной и либеральной) в развитии Сербского государства значительно возросла. Вместе с тем обострилась межпартийная борьба, принимавшая порой довольно жесткие формы, что вело к росту нестабильности, отдаляя сербское общество от национально-политического консенсуса. Лишь к концу XIX в. в обстановке гонений со стороны монарха на партии, когда они фактически были запрещены, в связи с необходимостью совместной борьбы против режима Александра Обреновича, а также вследствие внешнеполитической переориентации напредняков с Вены на Петербург, сложились условия для объединения общественно-политических сил Сербии, плоды которого стали очевидными уже после 1903 г. – в период правления нового сербского короля Петра Карагеоргиевича.

Сербский народ как элемент государственности также претерпел за 25-летний период значительные изменения. Его значение как субъекта политики неизмеримо возросло – наряду с королем и партиями он стал активным участником общественно-политической жизни страны. На протяжении всего XIX в. отношение сербского народа, издавна пользовавшегося известным самоуправлением, к структурам бюрократического государства было достаточно негативным. Так же издавна в его сознании укоренилось неприятие сильной центральной власти. Вовлечение крестьянства в радикальную партию было

решающим моментом в процессе политической эмансипации сербского села и началом длительного пути от негативного отношения к принятию своего национального государства.

Одним из элементов государственного устройства в рассматриваемый период стала и *сербская армия*, созданная в 1883 г. взамен народного ополчения. Она изначально задумывалась как средство для подстраховки от “внутренней угрозы”, а не как инструмент защиты от внешней опасности и должна была обеспечить монарху преимущественные позиции в борьбе с радикалами. Однако участие армии в политике было весьма опасным в такой стране, как Сербия конца XIX в. Спустя два десятилетия именно в регулярной армии созрел заговор, в результате которого законный монарх был физически уничтожен.

Определяющим моментом в позиции официального Петербурга в сербском вопросе в последней четверти XIX – начале XX в. являлась балканская политика, ориентированная на укрепление влияния России в регионе путем поддержки молодых независимых государств, учитывавшая, разумеется, собственные российские государственные интересы, в том числе отдаленные геополитические задачи.

• Связанная обязательствами перед своими партнерами по Союзу трех императоров – Австро-Венгрией и Германией – Россия не могла активно действовать в Сербии. Вместе с тем в своем стремлении не допустить, чтобы народ, завоевавший свою независимость благодаря России, становился “сателлитом” Австро-Венгрии, Петербург не собирался полностью сдавать позиции Вене, используя для этого различные “мирные” средства и опираясь на традиционные симпатии широких масс сербского народа к “державе-покровительнице”.

Не менее важной задачей российской дипломатии являлось сохранение мира и стабильности в балканском регионе с целью не допустить осложнения международной

обстановки. Именно этим объяснялось постоянное опасение действий, могущих спровоцировать беспорядки в Сербии, результатом которых могла бы стать оккупация страны войсками Австро-Венгрии.

На протяжении всего обозначенного периода российской дипломатии приходилось учитывать все факторы политической жизни Сербии, такие как король, партии, отдельные влиятельные деятели, лидеры парламента (скупщины), настроения широких народных масс.

Осуществленный автором монографии анализ обширного документального материала позволяет выделить в сербской политике России в 1878 – 1903 гг. три этапа: 1) 1878 г. – середина 80-х годов, 2) 1886 – 1893 гг., 3) 1893 – 1903 гг.

На первом этапе российская дипломатия, стремившаяся сохранить влияние на Балканах, потерпела ряд “поражений” в Сербии. Это и неудавшаяся попытка участия в строительстве сербской железной дороги, и удаление митрополита-русофила, переживаемое в Петербурге весьма болезненно, и австрофильство “облагодетельствованного” Россией Милана. Эти неудачи, на наш взгляд, в значительной мере были связаны с недостаточным учетом Петербургом новых реалий, сложившихся в Сербии после 1878 г.

В этот период весьма тщательно собиралась и анализировалась информация о всех сторонах общественно-политической жизни Сербского государства (наибольшее внимание привлекли подготовка к конституционной реформе в начале 80-х годов и деятельность политических партий) и формировался курс в сербском вопросе, который стал определяющим в последующие два десятилетия.

Следует признать, что до 1885 г. влияние “русского фактора” на развитие сербской государственности было минимальным. Вмешиваться активно в сербские дела связанная соглашением с Австро-Венгрией и Германией Россия не хотела да и не могла. Российской дипломатии приходилось длительное время маневрировать, чтобы не

потерять регион своего традиционного влияния. Заслугой российской дипломатии, несомненно, являлось то, что межгосударственные отношения с Сербией не были прерваны, как с Болгарией, хотя неоднократно, в том числе и на данном этапе, они были на грани разрыва.

На втором этапе, когда у власти в Сербии находились либералы, а затем радикалы, активность российской дипломатии значительно возросла. Она приложила немало усилий, увенчавшихся успехом, для формирования в 1887 г. либерального кабинета Й.Ристича после удаления напредняков с политической арены. Межгосударственные российско-сербские отношения, благодаря изменению внешнеполитического курса, предпринятого кабинетами Й.Ристича, С.Груича и Н.Пашича, заметно улучшились; расширились экономические и торговые связи.

Однако нестабильность общественно-политической жизни Сербии по-прежнему вызывала беспокойство правящих кругов России. Российская дипломатия всеми силами стремилась предотвратить внутривнутриполитический кризис в Сербии. В условиях обострения отношений с Болгарией Петербург был весьма заинтересован в сохранении относительного спокойствия в сопредельной стране.

Особое внимание в этот период обращалось на “замирение” лидеров сербских политических партий, соперничающих между собой. Наметившемуся в преддверии конституционной реформы 1888 г. сближению радикалов и либералов во многом содействовал А.И.Персиани, понимавший так же, как и его петербургское начальство, важность этой меры для стабилизации политической ситуации.

Принятая в 1888 г. прогрессивная конституция была одобрена Петербургом, так как в ней видели залог упрочения политического строя Сербии и выражение требований “политических сил общества”, хотя и считали ее несоответствующей уровню общественно-политического развития Сербского государства.

Позиция российской дипломатии, направленная на “утишение” партийных страстей и политических амбиций лидеров партий, несомненно, имела большое значение, а “русский фактор” играл в эти годы значительную роль в развитии независимой Сербии.

Лидеры сербских партий по традиции старались в своей деятельности заручиться поддержкой России, воспользоваться рекомендациями ее дипломатических представителей. Несомненно, для Петербурга это был важный канал влияния. Отношения с Россией являлись существенной частью внешнеполитических установок сербских партий. Кроме того, в своей деятельности они не могли не учитывать традиционных прорусских симпатий широких народных масс.

На третьем этапе в связи с происшедшими в Сербии переменами и перенесением российской внешнеполитической активности на Дальний Восток, в России наблюдалось ослабление интереса к сербским событиям. Вследствие осложнения международной ситуации и в связи с Восточным кризисом конца 90-х годов отчетливее прослеживается стремление Петербурга всемерно способствовать стабилизации государственной жизни Сербии с тем, чтобы не допустить появления еще одного очага напряженности – на Балканах.

С середины 90-х годов развитие сербской государственности характеризовалось усилением позиций напредняков в политической жизни. Изменение отношения российских правящих кругов к сербским партиям проявилось в признании ими возможности для России поддерживать не только радикалов, но и напредняков, так как в этот период усилия последних были направлены на укрепление государства и принятие новой конституции. Кроме того, учитывалось то, что напредняки отошли от традиционного для их партии австрофильского внешнеполитического курса и стали проводить политику, нацеленную на освобождение от “опеки” Габсбургской империи и восстановление дружественных отношений с Россией.

Определяющими принципами российской дипломатии в ее сербской политике на протяжении всего рассматриваемого периода были невмешательство во внутренние дела Сербии, поддержка стабильности и “государственного порядка”. Но на каждом этапе они могли привести к успеху на разных путях в силу того, что ситуация в Сербии довольно быстро менялась. Поэтому России приходилось опираться на различные политические силы в этой стране.

В результате проведенного исследования общий вывод представляется следующим.

Несмотря на изменение после 1878 г. внешнеполитической ориентации сербских правителей и охлаждение в отношениях двух стран, Россия, заинтересованная в поступательном развитии независимой Сербии и укреплении ее суверенитета, в отдельные периоды играла в этом процессе значительную роль. Следует при этом подчеркнуть, что Россия “отошла” не от Сербии и ее народа, а от белградского режима, ориентировавшегося на Вену и пренебрегавшего национальными интересами страны. В Петербурге справедливо полагали, что режим – дело преходящее.

В рассматриваемый период политика России в отношении Сербии была достаточно осторожной и мудрой. И хотя король Милан видел практически во всем, происходящем в стране, “руку России”, это, как показало представленное исследование, не соответствовало действительности. “Платоническая оппозиция” Петербурга проявлялась не только в отношении самого сербского монарха, но также сторонников его личного режима и их деяний. Вмешательства России в “сербские дела” как такового не было. Образно говоря, она дала возможность Сербии “вариться в собственном соку”, что было весьма благоприятным обстоятельством для развития ее государственности. Вместе с тем, позиция, занятая Петербургом в связи с действиями сербского монарха, была

важна для оппозиционных сил в их борьбе против Обреновичей.

Следует признать, что российская политика в Сербии не использовала всех возможностей для укрепления и развития межгосударственных отношений. В конце XIX в. уже было недостаточно “племенного и религиозного родства”, которому традиционно придавалось большое значение. Весьма слабы были экономические связи, несмотря на то, что предложения от предпринимателей, желавших получить правительственную поддержку, поступали; недостаточно широки были и общественные контакты, которым следовало бы придать больший размах, обеспечив им государственную помощь.

Вместе с тем, неизменная поддержка Россией освободительного движения сербского народа и укрепления его государственности создавали благоприятную ситуацию для дальнейшей консолидации нации.

Содержание

Введение

- 3 -

Глава I

**Сербия после Берлинского конгресса.
Между Австро-Венгрией и Россией**

- 37 -

Глава II

Напредняки у власти

- 73 -

Глава III

Конституционные проекты начала 80-х годов

- 104 -

Глава IV

Тимокская трагедия и ее последствия

- 152 -

Глава V

На пути к конституционной реформе 1888 г.

- 188 -

Глава VI

Конституция 1888 г.

- 227 -

Глава VII

Отречение Милана Обреновича. Радикалы у власти

- 245 -

Глава VIII
**Переворот 1893 г. и конституционная чехарда.
Укрепление личного режима Александра Обреновича**
- 287 -

Глава IX
**Политическое развитие Сербии
во второй половине 1890-х годов и
российско-сербские отношения**
- 312 -

Глава X
**Иванданский атентат.
Россия и западная дипломатия**
- 352 -

Глава XI
**Несостоявшийся визит в Россию.
Конец режима Обреновичей**
- 379 -

Заключение
- 408 -

С.И.Данченко

**Развитие
сербской государственности и
Россия
1878 – 1903 гг.**

Монография

Рукопись книги подготовлена к печати
в Редакционно-издательском отделе ИСБ РАН

Компьютерный набор Н.С.Захарьиной, Н.А.Поляковой
Оригинал-макет и обложка М.И. Леньшиной

ЛР № 020935 от 9 ноября 1994 г.

Подписано в печать 26.12.1995. 20,0 печ.л.
Тираж 300 экз. Заказ № . Цена договорная

Отпечатано на ротапринте ООО "Техномонтаж"

